

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ А. А. ЖДАНОВА

К. М. КОЛОБОВА

ИЗ ИСТОРИИ
РАННЕГРЕЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА

(О. РОДОС IX—VII ВВ. ДО Н. Э.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОРДЕНА ЛЕНИНА УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. А. А. ЖДАНОВА
ЛЕНИНГРАД
1951

»

Ответственный редактор

И. М. Тройский

ПРЕДИСЛОВИЕ

История Родоса давно привлекала внимание европейских ученых, но до сих пор, по существу, она еще не написана, несмотря на большое количество источников и письменных, и археологических.

О Родосе писали путешественники XVIII и XIX вв. после их поездок в Грецию, Турцию, на острова Эгейского мор» и южное побережье Малой Азии.¹

Собирание материалов по истории о. Родоса было начато еще в XVII в. И. Меурсием² и П. Коронелли.³ В работах этих авторов подобраны все известные тогда литературные свидетельства античных писателей о Родосе, причем в задачу Коронелли входило дать не только географическое, но и историческое описание Архипелага с привлечением как античного, так и современного ему материала. Не случайно, что две работы по Родосу появились в 70-х и 80-х годах XVII в. в Амстердаме и Венеции,⁴ в период обострения борьбы Англии и Франции за левантийскую торговлю, в которой одинаковым образом были заинтересованы и Нидерланды (на стороне Англии) и венецианцы, удерживавшие за собой Морею. Эти работы научного значения не имеют; характерен лишь самый факт появления их именно в названное время.

Начиная с середины XIX в., историей Родоса начинают интересоваться в Германии. В 1845—1850 гг. выходят в свет книги Людвиг Росса,⁵ который пропагандировал идею германской колонизации Востока и возводил в высшую мораль «право сильного».

В 1862 г. в Брауншвейге вышла книга А. Берга «Остров Родос»⁶ с характерным посвящением автора Вильгельму I, за год до того ставшему королем Пруссии. Первая часть книги представляет очерк истории Родоса с мифических времен до XVI в. и не имеет никакой исторической ценности: далеко неполно представленные источники использованы некритически.

Очерк истории Родоса до похода Александра Македонского занимает всего лишь 19 страниц. Большой интерес представляет вторая часть книги, в которой автор излагает свои наблюдения над памятниками и топографией древнего Родоса; интересны и зарисовки, сделанные с натуры. Книга Берга явно окрашена политической тенденцией: подробно описывается тяжелое положение христианского (греческого) населения острова, угнетаемого турецким населением и турецкими властями. Власть Турции привела к разрушению! острова, к его обезлюдению и даже «к резкому ухудшению его климата»(!). Эта антитурецкая тенденция при внешнем «сочувствии» угнетаемым грекам полностью соответствовала интересам внешней германской политики на Востоке в этот период и преследовала цель обратить внимание немцев на балкано-турецкую проблему.

В 1865 г. вышли два тома работы английского вице-консула и археолога Чарльза Томаса Ньютона «Путешествия и раскопки на Леванте».⁷ Они были связаны с его назначением на пост вице-консула в период Крымской войны, когда Англия, в противовес России, в борьбе за черноморские проливы и гегемонию на море вела дружественную Турции политику. Поэтому книга Ньютона, подробно описывающая, кроме древних памятников, произведений греческого искусства и монет, нравы и обычаи греко-турецкого населения, занятия жителей, взаимоотношения турецких властей с местным населением, была встречена в Англии с большим интересом и сразу же приобрела широкую популярность. О политических взглядах самого автора достаточно ясно свидетельствует его сообщение о том, с каким удовлетворением встретил он вместе с турецкими властями весть о падении Севастополя и как боялись они враждебной демонстрации греков, раздраженных этим известием и англо-турецкими салютами. В других местах своей работы автор пропагандирует мысль о том, что Англия и англичане должны служить примером и образцом для подражания в Турции. Любопытно отметить и враждебно-насмешливое отношение его к грекам, при постоянном подчеркивании доброжелательства к туркам. В работе Ньютона интересны только места, где автор непосредственно описывает греческие памятники и предметы старины. Но и здесь он выступает не столько ученым-исследователем, сколько любителем и коллекционером. Несомненной заслугой Ньютона является впервые предпринятое им издание родосских надписей, хранившихся в Британском музее.

В 1868 г. вышла из печати работа И. Шнейдервирта

«История острова Родоса, написанная по источникам».⁸ Эта книга, являющаяся первой попыткой обработать литературные источники для воссоздания древней истории Родоса, не представляет научной ценности. Для нее характерны — некритическое и наивное отношение к литературным источникам, толкование всех мифологических персонажей как реальных исторических личностей, идеализация Родоса и родосской конституции. Автор утверждает, например, что вплоть до Пелопоннесской войны родосцы не знали ни классовой борьбы, ни борьбы партий; и то и другое появляется на Родосе, будто бы, в качестве своеобразного импорта из Афин и Спарты. Морское и торговое могущество Родоса в эллинистический период он объясняет географическим фактором и сознательным стремлением родосцев, «бескорыстных поборников свободы», к достижению величия и славы. В поучение современникам автор добавляет, что, как известно, «подлинное величие и заслуженная слава еще никогда не достигались без труда». Политический строй родосцев представляется автору тем идеальным строем, о котором не мешало бы подумать и современникам. А идеальным в нем являлось сознательное сочетание элементов олигархических и демократических конституций, и т. д.

Если работа Шнейдервирта интересна только как первая попытка описать древнюю политическую историю Родоса, то вышедшая в 1881 г. книга родосского старожилы, дилетанта-коллекционера Билиотти «Остров Родос»,⁹ обработанная для печати аббатом Коттре, не отвечала даже самым скромным требованиям к историческому труду. С. Селиванов метко определил, что здесь «читатель найдет все признаки ремесленного производства лубочных изданий». Кроме отдельных описаний, никакого интереса эта работа не представляла уже в момент ее выхода.

В 1885 г. вышла книга С. Торра «Родос в древние времена».¹⁰ Она представляет собой краткую, сухую и догматическую сводку отдельных элементов истории острова («Искусство», «Литература», «Боги», «На море», «На берегу», и т. д.). Ссылки на источники и литературу, как правило, отсутствуют. Каждая из глав является как бы сводной главой, относящейся к древнему Родосу вообще, без какой-либо периодизации. Политическая история Родоса с мифических времен до эллинизма, выделенная в особый очерк, занимает всего 6 1/2 страниц (период до греко-персидских войн — всего полстраницы). В этой однообразной и очень схематичной книге можно отметить лишь одно достоинство: привлечение археоло-

гических памятников Родоса из раскопок Зальцмана и Билюотти для главы о родосском искусстве. Однако вследствие неудовлетворительного ведения этих раскопок и фантастических гипотез Зальцмана у Торра оказались неточными его датировки и определения керамики, бронзовых изделий, фибул и терракот. Отсюда же преувеличение роли финикийцев в жизни и искусстве архаического Родоса.

Наиболее ценной из существующих работ является монография голландского ученого Г. Ван-Гельдера «История древних родосцев».¹¹ Эта книга выгодно отличается от всех предшествующих добросовестностью и привлечением всего известного тогда эпиграфического материала. В задачи Ван-Гельдера входила обработка и систематизация источников по истории острова, установление хронологической последовательности наиболее важных политических событий и анализ эпиграфического материала, как источника для изучения родосской топографии, конституции и истории. Это потребовало от автора большого трудолюбия. Однако его книга представляет образец чисто эмпирического труда, без исторических обобщений и выводов. Политическая история Родоса излагается в ней в строго хронологической последовательности. Это только даты с указанием исторических событий, без попытки осмысления причинной связи между ними. Таким образом, работа Ван-Гельдера представляет только справочник по отдельным вопросам истории Родоса, свод порою интересных эпиграфических сопоставлений и наблюдений, но не историю в собственном смысле слова.

Сходное, но менее солидное впечатление производит большая статья, посвященная Родосу Гиллером фон-Гертрингеном в словаре Паули-Виссова-Кролля.¹² Автор, известный нам по изданию родосских надписей в XII томе «Inscriptiones Graecae», статьям по родосской топографии и искусству и археологическим раскопкам на о. Фере, эпиграфист-археолог, но не историк. Поэтому, хотя Гиллер и упрекает Ван-Гельдера в отсутствии собственной точки зрения, но сам, в исторической части своей статьи, также довольствуется лишь описательным изложением событий политической истории в их хронологическом порядке. Таким образом, его статья о Родосе носит справочный характер, учитывая весь открытый к тому времени эпиграфический материал. Экономических и социальных вопросов родосской истории Гиллер не касается.

В последнее время Родосом занимались, главным образом, итальянцы, давшие ряд статей по отдельным вопросам истории острова.

Работа А. Маюри «Родос»,¹³ выдержавшая несколько изданий, известна мне лишь по ссылкам на нее и по рецензиям. Однако, насколько можно судить по рецензиям и упоминаниям, это, по существу, путеводитель по Родосу для приезжающих туристов, научного значения не имеющий.

Работа Скевоса Зервоса,¹⁴ также популярного характера, интересна лишь хорошо выполненными иллюстрациями.

Статья В. Деонна «Остров Родос и его прошлое»¹⁵ представляет собой беглое обозрение всех периодов истории острова. Интересны отдельные мысли автора о родосском искусстве в эллинистический и римский период. Довольно полно представлена и литература о Родосе.

Очень ценными для изучения истории острова являются работы русского ученого XIX в. С. Селиванова, талантливого филолога и эпиграфиста.¹⁶ Его книга «Очерки древней топографии Родоса» представляла собою новое слово в науке. Точные топографические определения ряда родосских демов были впервые даны им. Он исследовал и восстановил во многих случаях топографию родосских городов. Много было сделано им в исследовании родосских патр, ктен и фил. Эта работа, несмотря на сравнительно узкую задачу, поставленную автором, является совершенно необходимой для всякого, занимающегося историей Родоса.

Очень интересны и две небольшие статьи акад. С. А. Жебелева, посвященные острову: «Новая страничка из истории Родоса» (сб. «Н. И. Карееву», 1914) и «Явления Афины Линдийской» (Записки Неофилологического общества, VIII, 1918).

Материалы для истории острова, как эпиграфические, так и археологические, количественно все увеличиваются. Родосские надписи, найденные после выхода в свет «Inscriptiones Graecae» (XII, 1), могли бы составить новый большой том.

С 1914 и вплоть до 1941 г. почти ежегодно публиковались новые археологические материалы и отчеты о раскопках на Родосе, производимых датскими и итальянскими археологами.¹⁸ За это время открыты богатые микенские и архаические некрополи Ялиса и Камира, а также некрополи V—III вв. до н. э. Производились раскопки на Ялисском и Камирском акрополях. Датский ученый Кинк раскопал Врулию на территории Линда; Блинкенберг и Кинк вели многолетние раскопки города Линда. Состоялись экспедиции и раскопки на территории самого острова, на близлежащих островах и на Карииском побережье Малой Азии. Эти археологические открытия и богатые эпиграфические находки показывают, что Родос был крупным центром уже в архаический период исто-

рии Греции, что родосские города, выступая в союзе друг с другом, конкурировали с Милетом и на путях в Египет и на путях в Черное море; поэтому уже нельзя более, как это делалось раньше, рассматривать родосские города в качестве восторженнейших центров.

Однако чем больше накапливается материала, тем уже становятся интересы западноевропейских ученых.

Морис Олло еще в 1893 г. закончил свою статью о хронологии родосских надписей следующим заключением: «Мы знаем довольно точно, чем было родосское государство в один из моментов его истории, но мы не можем объяснить ни его образования, ни проследить его развитие, ни понять его эволюцию. Наши взгляды все время прикованы только к одному пункту; вся жизнь в ее совокупности, всякое сравнительное изучение, короче — всякое обобщение остается нам недоступным. Пусть простят меня за то, что я кончаю пессимистическим выводом: несмотря на новые открытия, на многочисленность которых раньше было невозможно даже надеяться, история внутренней политики родосцев грозит навсегда ускользнуть из наших исследований».¹⁹

И действительно после работы Ван-Гельдера уже в течение 47 лет не появилось ни одной сколько-нибудь значительной общей работы по истории Родоса.

Кризис западноевропейской научной мысли в полной мере сказывается и в области изучения проблем родосской истории. Специалисты по Родосу (итальянцы — Сегре, Гвардуччи, Момилиано, Маюрп и Якопи; датчане — Бенедиктсон и Блинкенберг) ограничиваются лишь небольшими заметками, посвященными одной-двум-трем надписям, или сугубо эмпирическими описаниями проделанных археологических работ с формально-типологическим изучением открытого материала.

Таким образом, даже наш краткий обзор основной существующей литературы наглядно свидетельствует, что история Родоса еще не написана.

А между тем даже при беглом знакомстве с новыми публикациями становится очевидным, что изучение их должно внести много нового в историю Родоса; более того, этот материал может пролить и дополнительный свет на все еще неясную во многих своих чертах историю архаического периода развития греческих городов.

Вот почему мне казалось необходимым заняться историей Родоса заново. В настоящей работе я поставила себе целью выяснить отдельные узловые вопросы ранней истории острова: 1) вопрос о микенском Родосе, еще ни разу не поставленный

в исторической литературе, 2) проблему роли родовых организаций Родоса и 3) проблему родосской колонизации.

В последних по времени работах Маргариты Гвардуччи,²⁰ посвященных родовым институтам греческих полисов, искажен действительный исторический процесс. Автор доказывает, что первоначально лишь фила, из филы возникает фратрия, а род является паразитическим образованием позднейшего времени, выделившимся из фратрии. Таким образом, Гвардуччи пытается бороться столь безнадежным и позорным для честного ученого способом с марксистско-ленинским учением об общественно-историческом развитии человеческого общества. А. Момилиано, автор ряда статей по ранней истории Родоса, высказывая интересные, но необоснованные гипотезы, слишком склонен к поспешным выводам и непродуманным обобщениям.²¹ Поэтому новое исследование о роли и месте родовых институтов в греческих полисах настоятельно необходимо.

Третий раздел — проблема родосской колонизации является лишь частью общей проблемы о причинах и характере греческой колонизации VIII—VII вв. до н. э. Эту проблему нужно решать, как учит нас И. В. Сталин, со всей серьезностью и политической остротой, вскрывая сущность буржуазной фальсификации исторического процесса. Буржуазные историки пытаются оправдать всеми способами колониальную политику империалистов. Одним из излюбленных приемов этой фальсификации являются ссылки на извечность колонизации, на благородство и культурную миссию колонизаторов, причем греческая колонизация и колониальная политика империалистических государств рассматриваются ими как совершенно однородные явления, вызываемые к жизни одними и теми же причинами. В. И. Ленин указывал, что столь обычные в буржуазной литературе сравнения, забывающие или отодвигающие на задний план коренную разницу общественно-экономических формаций, „превращаются неизбежно в пустейшие банальности или бахвальство, вроде сравнения «великого Рима с великой Британией»" (В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 247).

Мы переживаем тот великий исторический период, когда вместе с концом империализма наступает конец и разбойничьей политике колониального грабежа. Однако разлагающийся империализм в предсмертных судорогах хватается «новое, свежее, молодое, живое, тысячами нитей и связей старого, гнилого, мертвого». (В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 54). Современные фальсификаторы истории уже не могут больше одурачивать народы сказками о застывших будто бы обще-

ствах Востока, принимающих историческое развитие только из рук «благотетелей-европейцев». Восточный тыл империализма прорван и уже недалеко то время, когда, по словам И. В. Сталина, «западные державы похоронят себя в той яме, которую они сами себе вырыли на Востоке» (И. В. Сталин, Соч., т. 7, стр. 231).

Долгом советского историка-марксиста является разоблачение буржуазных фальсификаторов истории на любом отрезке общественного исторического развития. Поскольку при извращении подлинного смысла колониальной политики империализма ее пытаются оправдывать и ссылками на колониационную политику древних государств, попытка наметить правильное решение вопроса о причинах и характере греческой колонизации является, как нам кажется, своевременной и актуальной.

ВВЕДЕНИЕ

История о. Родоса, замыкающего с юго-востока островную группу Спорад, представляет собой одну из интереснейших страниц греческой истории.

Этот остров, некогда, может быть, составлявший часть Малой Азии, не славился какими-либо исключительными природными богатствами. Покрытый горными известковыми массивами, тянущимися с севера на юг и достигающими наибольшей высоты в центре острова (гора Атабирий— 1240 м), он представляет собою по форме некоторое подобие треугольника. Наибольшая длина Родоса около 75 км, наибольшая ширина — около 30 км. Склоны гор были покрыты богатой хвойной и лиственной растительностью. Ели, сосны и пинии, употреблялись родосцами как материал для кораблестроения. Зерновые культуры возделывались на Родосе, но не вывозились; зерно, служившее для реэкспорта, приобреталось родосцами, главным образом, в Малой Азии, Египте и Сицилии.

Основное богатство острова заключалось в его цветах и плодовых культурах: фиги, гранаты, персики, сливы, финики, виноград (в свежем и сухом виде) вывозились родосцами. Виноградное родосское вино славилось в древности и по своим качествам уступало лишь Lesbosскому. Оливковые рощи, многочисленные на острове, позволяли вывозить и оливковое масло. Родос славился также благовонными маслами (в частности, розовым), целебными травами и травами, употреблявшимися в качестве приправ. В горах добывали серо-голубоватый мрамор и мел; наличие хорошей глины благоприятствовало развитию керамического производства.

Важную отрасль хозяйства составляло рыболовство. В районе острова и у берегов Малой Азии родосцы с раннего времени добывали из моря губки и пурпурные раковины, очень ценимые в древности. Однако на Родосе не было металла: железо, олово, а также серебро и золото были привозными.

Медь хотя и имелась, но в небольшом количестве. Повидимому тесная связь с о. Кипром, наблюдающаяся с самого раннего времени, объясняется, в первую очередь, заинтересованностью родосцев в меди и серебре Кипра.

Таким образом, для древнего Родоса характерны богатство растительного мира и бедность полезными ископаемыми.

Славился в древности и здоровый климат острова. Сами родосцы утверждали, что не бывает ни одного дня в году, когда бы они не видели солнца. Даже в феврале, самом холодном месяце, температура не опускалась ниже $+1^{\circ}$, а обычно стояла около $+4^{\circ}$. К тому же ликийские горные хребты защищали остров от холодных северо-восточных ветров.

Однако основное значение Родоса — в его исключительно благоприятном географическом положении. Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться в этом. На торговом пути из Греции в Кипр, Сирию и Финикию нельзя было миновать Родос; на пути в Египет этот остров был последней стоянкой греческих кораблей; кроме того, мимо южной оконечности острова проходил путь с Востока на Запад — в Кирену и в Сицилию — и по водному пути южнее мыса Малей, и вдоль североафриканского побережья.

Таким образом, благодаря своему географическому положению Родос уже в ранний период истории оказывается и центре торговых путей, связывающих западный и эгейский районы с Передней Азией, Малой Азией и Египтом.

Гавани Камира, Ялиса и открытая к югу гавань Линда отвечали требованиям безопасной стоянки кораблей в тот ранний период, когда еще не строились искусственные молы и стены; холодные южные ветры дули во время зимнего застоя, в то время как северные, дующие обычно весной и летом, в месяцы самых оживленных морских рейсов, были чрезвычайно неблагоприятны для мореплавания.

Процветание Родоса было всегда связано с развитием торгово-морских отношений с Египтом и Сирией; отсюда — тесная связь острова с Востоком.

О наличии тесных взаимоотношений родосцев с восточными районами красноречиво свидетельствуют египетские и финикийские изделия в позднемикенских некрополях Ялиса, египетская и кипрская продукция в архаических некрополях Ялиса и Камира.

Но одновременно не ослабевала и связь с Арголидой, Коринфом и греческим островным миром, а с VI в. и с Афинами. Это подтверждает импортная греческая керамика, встречаю-

щаяся в большом количестве в родосских архаических некрополях.

Восточные связи дорийского населения Родоса с Малой Азией, с крито-кипрским районом и с Египтом, при неослабевающих его сношениях с материковой Грецией, уже в ранний период ее полисного развития, делали остров необходимым промежуточным звеном в греко-восточных отношениях. Поэтому родосцы оказывали значительное экономическое и культурное влияние на развитие греческих островных и материковых центров.

VII в. до н. э. в жизни родосских городов, в частности Линды, был веком не только развития производства, морской торговли и колонизации, но одновременно и расцветом родосской культуры.

Уже в этот период для острова характерна та миролюбивая политика купцов, заинтересованных в широких дружественных связях с различными и часто враждующими между собой городами, которая свойственна Родосу эллинистическому.

Занимая руководящее положение в дорийском шестиградии, находясь под явным покровительством саисских фараонов, поддерживая дружбу с греческими городами Кипра, родосцы одновременно всячески подчеркивали свои родственные связи с Аргосом и, вместе с тем, находились в оживленных торговых сношениях с врагом Аргоса — Коринфом.

Ту же дружественность можно установить у родосцев с Эгиной, чекан которой вводит затем у себя Камир; с Самосом, испытывающим на себе сильное влияние родосского керамического производства; с Хиосом, навкратийскую керамику которого широко распространяли и родосцы; в Малой Азии — с Эфесом и Колофоном, входившими в состав ионийского объединения.

Если вспомнить, что Коринф и Аргос, Хиос и Самос в этот период постоянно враждовали друг с другом, то становится очевидным, что такая внешняя политика родосцев была обусловлена довольно широким по тому времени транзитным характером их торговли.

Очень рано началась экспансия родосцев в Малую Азию, в первую очередь на соседнее карийское побережье. Как можно полагать, отсюда они набирали рабов, а затем и наемников для саисского Египта.

Персидская экспансия к середине VI в. до н. э. приостановила встречную экспансию Родоса.

Греко-персидские войны, возвышение Афин и установление

афинской гегемонии над Делосским союзом, куда после освобождения островов Эгейского моря от власти персов входили и родосские города,— на время поставили предел торгово-промышленному развитию о. Родоса.

Во время Пелопоннесской войны территория острова становится ареной борьбы проспартанских и проафинских группировок с постоянным вмешательством то спартанцев, то афинян в родосские внутренние дела. Однако в этот период подготавливается объединение трех родосских государств в единое государство, и это нашло выражение в создании нового политического центра в 406—405 гг. до н. э. — города Родоса. Это объединение родосцев, носившее одновременно и антиспартанский и антиафинский характер, явилось поворотным пунктом в дальнейшей истории острова.

Объединение Линда, Камира и Ялиса в единое государство (объединение, до сих пор мало изученное) положило начало дальнейшему торговому и морскому могуществу Родоса, превратив его, по определению Полибия, в центр тогдашней мировой торговли.

Поскольку мы можем судить по неполным эпиграфическим и литературным источникам, это политическое объединение сопровождалось и территориальной реформой (разделением на демы всей территории острова, карийских и островных родосских территорий), и военной реформой (с централизацией военной власти в руках гегемонов и стратегов), и денежной реформой (с переходом к новому чекану единой монеты неаттического типа), и, наконец, религиозной реформой, преследующей ту же объединительную цель (государственным общеродосским культом стал культ Гелиоса).

Может быть, именно в этот период карийские владения Родоса превратились в цепь неприступных крепостей, а Лори-ма, известная еще и теперь под именем Гаплотеки, была превращена в мощную военную гавань, охранявшую гавани города Родоса; здесь, вероятно, в надежном укрытии помещались и арсеналы и кораблестроительные доки родосцев.

Именно в результате этого политического и экономического объединения постепенно создается слава морского военного родосского флота; родосцы стали учителями римлян, и морская сила дала возможность родосцам возглавить в III в. до н. э. борьбу с пиратством.

Служба во флоте становится почетной обязанностью родосского гражданина, и строгое наблюдение за тем, чтобы все граждане прошли через службу во флоте, обеспечивалось централизацией военной власти.

Уже в начале IV в. до н. э. родосцы вступают в торговую борьбу с Афинами, пользуясь каждым их ослаблением для собственного возвышения, и не случайно в борьбе с экономическим влиянием Афин Филипп Македонский опирается на родосскую монетную систему.

Возникновение эллинистических монархий, развитие и удлинение торговых путей, расширение рынков сбыта и рынков сырья, широкий спрос в III в. до н. э. на греческие промышленные товары,— все это привело к быстрому развитию купеческого капитала на Родосе. Начиная с III в. до н. э., остров опять оказывается в центре торговых путей, ведущих к Александрии, к Черному морю, к переднеазиатским владениям Селевкидов, к Сицилии, Галлии и Испании.

В III—I вв. до н. э. Родос стал крупнейшим центром эллинистической торговли и одновременно сильной морской республикой. Его внешняя политика — политика дружбы со всеми государствами. Его малоазийские владения увеличиваются, и по отношению к ним Родос осуществляет суровую политику ростовщика, беспощадно эксплуатирующего своих подданных. В этот период Родос крупнейший рабовладельческий центр, где собраны рабы самого пестрого этнического состава: от негров до скифов. В этот период в Родос съезжаются толпы метеков из Сирии, Африки, Италии и Малой Азии. И крайне интересной представляется нам сложная картина взаимоотношений родосцев с поселившимися на их острове чужеземцами. Наряду с Александрией и Пергамом, Родос становится и крупным культурным центром эллинистического мира.

На Родосе создается торговое морское право, признанное за образец императорским Римом, переработанное затем в Византии и положенное много времени спустя, торговыми государствами средневековья, в основу морского права, известного под именем Родосского морского закона.

В истории греческого эллинизма и эллинистической культуры остров играет столь значительную роль, что изучение общей истории эллинизма немислимо без изучения истории родосской республики.

Централизованная купеческая олигархия Родоса выработала своеобразные формы политической организации, которые позволили родосцам сохранить рабовладельческую республику и системе эллинистических монархий.

Удар, нанесенный Римом родосской торговле, и потеря внешних владений в Малой Азии означали не только конец политического и торгового развития острова, но и потерю им независимости.

Постепенно падает и культурное значение Родоса. В римский период своей истории родосская художественная школа, создавшая в эллинистический период ряд мировых шедевров, продолжает существовать, но не дает уже ни одного значительного произведения, ни одного сколько-нибудь славного имени. И даже политика Флавиев и Антонинов, благоприятная для родосцев, не могла сколько-нибудь существенным образом восстановить былое экономическое значение Родоса.

Глава I

РОДОС МИКЕНСКОЙ ПОРЫ

1. МИКЕНСКИЕ НЕКРОПОЛИ

Далекое прошлое Родоса, окруженное легендами, начинает постепенно вырисовываться в свете усиленных археологических изысканий в последние 25 лет.

Если и раньше, во второй половине XIX в., время от времени появлялись на свет отдельные сосуды микенского образца, то раскопки Зальцмана и Билиотти в Камире (1859—1865 гг.), затем раскопки Билиотти в Ялисе сильно увеличили число находок микенского времени. Особенный интерес вызвала находка Зальцманом в древнейшем по времени погребении камирского некрополя большого скарабея с картушем Тутмосиса III (первая половина XV в. до н. э.) и затем находка Билиотти в ялисском некрополе скарабея с картушем Аменхотепа III (XIV в. до н. э.).

Однако материал Зальцмана относился, главным образом, к VIII—VII вв., т. е. к периоду уже архаической Греции, а Билиотти, несмотря на богатые находки в 41-м погребении ялисского некрополя, к сожалению, производил раскопки подилетантски, дневники велись им столь небрежно и систематизация материала была столь произвольна, что уже вскоре после раскопок во многих случаях нельзя было установить, где и при каких обстоятельствах был найден тот или другой предмет.¹

Систематические раскопки ялисского некрополя, а затем и кремля, расположенного на горе Филерме, были начаты в 1914—1915 гг. итальянскими археологами; они продолжались с перерывами и в разных районах острова вплоть до начала 1939 г.² Они то и выявили, главным образом, богатейший материал, относящийся к позднемикенскому периоду.

Не только некрополь Ялиса оказался микенским, но и в Вилланове, на территории Ялиса,³ в Камире и на его терри-

тории⁴ и на территории Линда,⁵ т. е., иначе говоря, на территории всего острова, налицо или микенские некрополи, или микенские погребения, или микенская керамика. Уже этот материал указывал на сильное влияние микенской культуры.

Раскопки Минако в Ялисе в 1935—1936 гг.⁶ обнаружили три последовательных слоя у подножья ялисского акрополя на горе Филерме; нижний слой относится к периоду первых критских дворцов. На Родосе также существовал «дворец» критского типа с минойскими фресками и керамикой.

Результаты этих раскопок, известные мне лишь по сообщениям в печати, несомненно решают спорный вопрос о начале истории Родоса. Родос был одним из центров критской культуры, и минойское влияние продолжало существовать на острове и в периоды микенского господства (второй и третий слой) и даже в архаический период.

В свете этих последних раскопок становится во многих случаях понятной и топонимика Родоса, тесно связанная в своем происхождении с Критом. Названия двух древнейших городов острова, центров минойской культуры, Ялиса и Камира, связаны с топонимикой Крита. Так, Ялис находит себе аналогию в названии критской горы Алисис,⁷ а Камир является названием критского города Гиерапитны. Явно критское происхождение носит и название родосской гавани Кретины с эпонимом Кретином, к которому восходит название одной из камирских патр — Кретилады в составе фило Алфемениды. У Стефана Византийского дается объяснение, полностью подтверждаемое приведенными фактами: Кретиция⁸ — место Крита, в котором жили окружающие Алфемена.

Кретиция, несомненно, была местом древнего критского культа бога-героя Алфемена, и имя «Алфемен» только позднее было приурочено к дорийскому герою.⁹

В линдийской храмовой хронике также подчеркнута эта связь с Критом, хотя у позднейших историков Родоса она воспринималась уже чисто мифологически. Составитель хроники, историк и грамматик Тимахид, ссылаясь на четырех родосских историков — Ксенагора, Горгона, Горгосфена и Иеробула, — вносит в число посвящений Афине Линдии серебряный кубок — дар Миноса с надписью «Минос — Афине Полиаде и Зевсу Полнею».¹⁰

Ялиссский некрополь датируется обычно с XIV по XI в. включительно, т. е. он охватывает период в 400 лет. Ни в более ранних раскопках Билиотти, ни в более поздних — Маюри не было обнаружено ни одного памятника крупной погребальной архитектуры микенского периода, например, типа

толосной гробницы. Все погребения абсолютно однотипны: это обычно камерные погребения с дромосом, вырытые в мягком песчанике двух холмов, известных теперь под именами Мосху Вунара и Макру Вунара. Эта форма погребений в позднемикенский период очень распространена. Она характерна и для Крита, и для Кипра, и для материковой Греции, и для ионийских островов. Погребения расположены здесь небольшими группами; внутри групп они чаще всего идут параллельными рядами на небольших расстояниях друг от друга. Труположение совершалось, как правило, прямо на полу камеры, который предварительно посыпался легким слоем песка, мелким морским или речным гравием.¹¹ Интересно отметить, что критские ларнаки, распространенные на ряде островов и в континентальной Греции, в ялиссском некрополе, повидимому, совершенно отсутствуют.

Число труположений в погребениях не одинаково; в редких случаях в небольших камерах мы имеем одно захоронение; в подавляющем большинстве случаев в одном и том же погребении налицо несколько одновременных захоронений, причем число костяков неодинаково — от 2—3 до 10. Трупы преимущественно располагались по краям камеры в направлении главной оси гробницы. При более поздних по времени погребениях следующее поколение жителей часто снова использовало их; ранние скелеты собирались в кучу в одном из углов камеры, уступая место более поздним покойникам; прежний инвентарь большей частью выносился из камеры и разбивался либо в дромосе, либо за его пределами; следы разбитых сосудов частично обнаруживаются и в самой камере. Качество ваз при этом не играло никакой роли. Часто прекрасные вазы с блестящим лаком выбрасывались в дромос, уступая место трафаретной субмикенской керамике. Так, в погребениях на Мосху Вунара, где почва благоприятствовала большей устойчивости и сохранности, последовательность захоронений в тех же гробницах продолжалась вплоть до конца микенского периода. Вазы с блестящим лаком (вазы третьего стиля) уничтожались, заменяясь сосудами с матовой темноватой окраской, малыми по размеру, значительно более бедными по форме, со схематическим линейным орнаментом и, во многих случаях, с элементами последующего геометрического стиля.¹²

Керамика микенского некрополя в целом дает обильный материал для наблюдений и сопоставлений; в родосском музее представлено уже 600 различных форм, причем некоторые образцы являются пока единственными в своем роде.¹³

По технике всю керамику можно, в основном, разделить на две одновременно существующие группы (вазы третьего и четвертого стиля): группу с блестящим лаком и группу с матовой темноватой окраской. Сосуды обоих типов представлены примерно в одинаковой пропорции и встречаются одновременно в одних и тех же погребениях, обычно с явным преобладанием одного из них, причем это явное преобладание налицо не только в отдельных погребениях, но иногда и в целых их группах. Сосуды обоих типов, как это может сейчас считаться уже установленным, являются продуктами местного керамического производства.¹⁴ Только весьма немногочисленные отдельные экземпляры являются привозными с Крита, с Кипра или из Арголитиды.

Таким образом, раскопки последнего периода с несомненностью установили отрицавшийся ранее факт наличия на Родосе местных керамических центров. Факт этот имеет важное значение, ибо тем самым выясняется, что на острове не было «колониаторской верхушки», которая обслуживалась, если так можно сказать, «импортными товарами», в то время как основной массив населения оставался незатронутым микенской цивилизацией. Нет, весь Родос был охвачен микенской культурой, и местные гончары обслуживали своей продукцией все основные нужды своего острова.

Поскольку в нашем распоряжении пока имеются лишь материалы некрополей, выводы наши в отношении Родоса в этот период могут быть лишь очень ограничены.

При изучении материалов родосских некрополей наше внимание привлекли следующие факты, к рассмотрению которых мы вскоре и перейдем:

- 1) наличие в ряде погребений наряду с труположением — кремации;
- 2) сильное влияние критского круга верований и религиозно-магических представлений;
- 3) медленное и эволюционное отмирание крито-микенских влияний, вытесняемых греческими: в погребениях переход к кремации, в керамике — к сосудам геометрического стиля, в идеологии — к переживаниям критских религиозных представлений.

Рассмотрим отдельно эти основные моменты.

Наиболее интересным и спорным является вопрос о погребениях, в которых наряду с труположением имело место и трупосожжение. Таких погребений (из 60, раскопанных Маюри) — 5; два из них на Макру Вунара (из 26) и три —

на Мосху Вунара (из 34). Все эти погребения являются коллективными (не менее 2, не больше 10 труположений),¹⁵

Первое из этих погребений (XVII)¹⁶ содержало до 10 захоронений; однако, кроме общего замечания, что костяки ориентированы по оси погребения (ССЗ и ССВ), определить ничего не удалось, так как камера сильно разрушена. Богатый инвентарь (до 75 сосудов) местного производства, т. е. с характерным спиральным орнаментом, причем некоторые из форм до сих пор не были известны в позднемикенской керамике. Среди предметов обращают на себя внимание кувшинчик с изображением змеи, ползущей по направлению к горлышку сосуда, 3 золотых кольца, 3 небольших цилиндра (один с резным изображением), остатки ожерелья, бронзовое оружие и большое железное кольцо, составленное из 3 кусков в форме круглого браслета (нужно сказать, что это единственный случай находки железа во всем микенском акрополе; Ялиса). Интересен также один предмет из серого стеатита, имевший, несомненно, культовое назначение. Маюри высказывает предположение, на котором сам не настаивает, что это рукоять кинжала или набалдашник палки; однако, стеатит слишком хрупкий материал для такого назначения. В погребении также найдена женская глиняная статуэтка с воздетыми вверх руками.

У входа в камеру (в ее правом и левом углах) по обе стороны — два круглых колодцеобразных углубления со следами кремации. Оба они сравнительно небольшого размера (А — 0.45X0.30 м; Б — 0.30X0.30 м), оба покрыты грубо обработанными плитками из песчаника. На дне их обнаружены кости, принадлежащие в каждом случае одному покойнику, с той только разницей, что в углублении А они лежат просто на дне, а в углублении Б они собраны в круглую амфору с одной ручкой, которая занимает почти целиком всю внутренность углубления.

На том же холме в одном из расположенных по соседству погребений также налицо кремация с труположением (погребение XIX).¹⁷ Здесь в камере, сильно пострадавшей от обвала свода, было захоронено, повидимому, не менее 4—5 человек. Вдоль стенки камеры расположено колодцеобразное углубление неправильной формы (0.55X0.36 м; глубина 0.20 м), ничем не покрытое; внутри него плотное нагромождение человеческих полусожженных и поломанных костей и миниатюрная энохоя. В камере обнаружены 23 сосуда, из которых интересно отметить наибольшую гидрию, рисунок на которой, повидимому, является копией фрески и необычен для ми-

кенской керамики. Это изображение двух птиц с распущенными крыльями, погружившими клювы в коронки мясистых цветков среди густого кустарника. Аналогию, однако, мы встречаем в некрополе Феста,¹⁸ что указывает, по нашему мнению, либо на общее критское происхождение этих сосудов, либо на единый источник подражания — одну из фресок дворца Феста или Кносса. В этом же погребении интересно отметить еще одну гидрию местного происхождения, со стилизованным изображением двойного топора, причем примеры такого же типа стилизации — на одном из ларнаков Палекастро и в двух фрагментах из Кносса и Агии Триады.¹⁹ Из других предметов в погребении найдено 2 бронзовых наконечника копья.

На Мосху Вунара 3 погребения, в которых налицо также одновременно труположение и Кремация. Первое из этих погребений (XV)²⁰ заключает в себе 2 костяка, расположенных по бокам камеры (СЗ и ЮВ); у стены (ЮВ) — погребальный сосуд с сожженными костями. В погребении обнаружено 25 сосудов, причем наряду с амфорами и амфореттами разных типов обращает на себя внимание фигурный сосуд в форме утки (из Кипра) и калатиск в форме колокольчика с 3 женскими фигурными статуэтками по краям, одна из которых сломана у основания; интересна форма одного сосуда из необожженной и неочищенной глины, сформированного в виде плоского диска, в центре которого вставлен круглый горшок, соединенный с диском горизонтальной ручкой (3169). Кроме керамики — бронзовое вооружение, золотая пластинка и 3 женских глиняных статуэтки цилиндрической формы, у одной руки сведены на груди, у двух других — над головой. "Погребальный сосуд с обожженными костями по форме совершенно одинаков с сосудами XVII и XXXII погребений.

Второе из погребений (XXXII)²¹ заключает в себе 9 захоронений, семь из которых расположены в ряд по оси дромоса, а два — по южной стороне камеры, с черепами, повернутыми на ЮВ. В полу камеры 3 небольших грубоокруглых углубления: два из них слева и справа от входа, и одно — почти в центре камеры. В одном из них (СЗ) погребальная амфора (типа погребения XVII и XV), наполненная сожженными костями. В двух других, меньших по размеру, следов захоронения нет, но, как предполагает Маюри, не исключена возможность, что это детские погребения, поскольку в каждом из них сделана обычного типа колодцеобразная ямка для вмещения кремированных остатков.

Керамика представлена 58 сосудами, которые, вместе

с сосудами погребения XVII, являются образцами, типичными для позднемикенского периода на Родосе. Эта керамика интересна еще и тем, что в целом ряде форм и в орнаментации она дает переходные формы, последовательно подводящие к геометрическому стилю. Кроме керамики, в погребении находится значительное количество бронзового вооружения и костяных изделий (в том числе — веретено), бусы от ожерелья, золотая пластинка от головного убора (унаследованная затем и в архаических некрополях) и обычного типа женская глиняная статуэтка со сведенными над головой руками.

И, наконец, последнее погребение этого рода (XXXVIII), 22 в котором налицо явные следы двух или большего числа захоронений, произведенных в разные периоды позднемикенского III. Скелет здесь расположен в центре камеры, между тем как справа от входа в углу камеры сложены в кучу кости прежних скелетов (повидимому, двух последовательных захоронений). В СВ углу круглое колодцеобразное углубление с сожженными и отчасти разбитыми костями взрослого человека. Керамика первых погребений, относящаяся к лучшим образцам родосской продукции, обнаружена в разбитом виде в дромосе и отчасти в камере; интересно отметить 2 фрагмента большого кратера с изображением конных воинов, напоминающих по типу и технике рисунка воинов микенского акрополя (изображения их Маюри, к сожалению, не дает). Керамика более позднего погребения — матового тона, с элементами геометрического стиля: она представлена 33 сосудами, среди которых 2 экземпляра — керны (один, состоящий из 3 сосудов, другой из четырех).

Таким образом, в пяти вышеперечисленных погребениях мы имеем 3 захоронения в кувшинах (амфорах) и 5 погребений без них. То, что эти кости являются человеческими остатками, а не следами жертвоприношений, засвидетельствовано анатомическим исследованием, произведенным специалистом. Здесь мы имеем дело с законченной кремацией, производившейся при средней температуре. После кремации кости аккуратно собирались с костра, а затем разламывались, с тем, чтобы протолкнуть их в горлышко сосуда. Погребальная амфора (одинаковая во всех погребениях) орнаментирована горизонтальной полоской по центру сосуда и узкими линиями вдоль ручки. Аналогичные амфоры представлены также и в погребальном инвентаре XVII и XXXII погребений и поэтому не могут быть выделены от остального инвентаря; иначе говоря, кремацию, притом одновременную с захоронениями, здесь можно считать твердо установленной.

Вопрос о трупосожжениях в микенский период неоднократно обсуждался в литературе. Дерпфельд утверждал, что кремация применялась не только в гомеровский период, но и до него и после него. «Общепризнано, — говорил он, — что в Греции в классический период мертвецы погребались несожженными и только в очень незначительной части сжигались. Наоборот, в гомеровское время у греков имело место общее сожжение, а в микенскую и доисторическую эпоху опять почти исключительно было Б ходу погребение неоуженных трупов». Указывая на тот факт, что все народы всегда наиболее консервативны в своих погребальных обрядах, Дерпфельд считает невероятным такое неоднократное и резкое изменение упомянутых обрядов в Греции. На самом деле, утверждает Дерпфельд, дело обстоит совсем не так. Во все времена у греков был один и тот же способ погребения — сначала сожжение, затем захоронение. Сожжение, однако, было обычно частичным и только в отдельных случаях — полным (Brennung, а не Verbrennung).²³

Этот обычай был введен первоначально в чисто практических целях — для устранения запаха гниения, ибо запах, при системе открытых гробниц, был бы невыносим для окружающих, а также и в целях большей сохранности трупов. Именно изложенным и объясняется, по мнению автора, наличие золы в шахтовых и купольных гробницах микенского периода. В этом отношении Дерпфельд лишь поддерживает мнение Шлмана,²⁴ который утверждал, что костер разжигался внутри погребения, и, таким образом, трупы сжигались на самом месте захоронения. Против утверждения Шлимана раньше всех выступил Гельбиг,⁵ считая наличие золы следами ритуальных жертвоприношений.²⁵

Несмотря на все остроумие и тонкость, с какими Дерпфельд развивал свою теорию о частичном трупосожжении, которое позже, по его мнению, вошло как предварительная стадия захоронения в классическую Грецию, эта гипотеза, как нам кажется, не имеет права на существование. Правда, в свое время М. Цундас собрал большой материал по погребениям, содержащим полусожженные остатки человеческих тел,²⁶ однако это полусожжение объясняется скорее неумением регулировать огонь костра или затуханием костра, вследствие отсутствия притока свежего воздуха (в случае, когда кремация совершалась внутри погребения), но его нельзя рассматривать, как переходную стадию от захоронения к кремации и наоборот. Прежде всего гипотеза Дерпфельда не выдерживает критики уже потому, что следы золы обна-

ружены лишь в единичных случаях, а не всеобщие; во многих случаях зола смешана с костными остатками животных, что явно свидетельствует об имевших место ритуальных жертвоприношениях.

Вообще, как кажется, можно считать твердо установленным, что преобладающей формой погребения в крито-микенском обществе было трупоположение, а не кремация. Налицо могли быть и другие способы захоронения; так, например, примитивное сохранение трупа вызывало подсушивание его, как это отмечают для Сицилии; в Италии имеем в культуре террамар захоронение, у неолитического населения той же Италии — кремацию. Отдельные случаи кремации имеем и на Крите и в континентальной Греции. П. Стаматакис,²⁷ производя раскопки в купольной гробнице вблизи Гереона, кроме остатков золы от угасшего погребального костра с жертвоприношением, констатировал и наличие кремированных человеческих остатков. Фольграф, раскопавший в Арголиде 9 камерных погребений позднемикенской поры (вблизи Лариссы),²⁸ отметил два случая кремации (погребения I и VIII). Особенно интересны его наблюдения в погребении I (2 погребения), форма которого ничем не отличалась от соседних и отнюдь не была, по идее, предназначена для кремации. Найденные сосуды относились к 3-му и 4-му микенским стилям, с элементами геометрической керамики.

На самом Крите в раскопках некрополя вблизи Феста Савиньони обнаружил 2 кремации во рву: мужское и женское погребения. Он отмечает, что часть костей была обуглена, в то время как другие только почернели, и делает отсюда вывод о неполной кремации при сожжении покойников в самом погребении. «Конечно, — говорит автор, — кремация внутри погребения была не легкой, и если бы я не видел этого своими глазами, то не стал бы этого утверждать».²⁹ Мужское погребение, по его определению, было погребением воина, поскольку там обнаружено наряду с позднекритскими сосудами большое количество бронзового вооружения. В женском погребении найдено ожерелье с золотыми и стекловидными бусами.

На Крите же, на южных склонах Иды (Куртес) раскопками Гальбгерра в небольших купольных погребениях (с явным преобладанием геометрического инвентаря) была обнаружена кремация,³⁰ причем, как это подчеркивает Тарамелли,³¹ в погребениях, по форме своей и по идее отнюдь для этого не предназначенных. Таким образом, и в этом некрополе мы видим сосуществование более древнего (в данной культуре)

обычая — захоронения и более позднего обычая — кремации.

В средней Греции, в частности на Саламине и в Навплии, в позднемикенских некрополях также налицо отдельные случаи кремации. Раскопки шахтовых гробниц на Саламине, произведенные Каввадием в 1893 г., дали на 100 погребений два случая кремации.³² В Навплии у Паламиди раскопки Кондакиса и затем Лоллинга³³ в камерных погребениях с дромосом также обнаружили кремацию, но сильно разрушенное состояние погребений, хищения и двукратные раскопки их ставят под сомнение и без того скудные данные. Во всяком случае, мнение Лоллинга о кремации рабов³⁴ не обусловлено какими-либо основательными соображениями.

Большой интерес представляют находки в Ассарлыке,³⁵ некрополь которого раскапывали Патон и позже Дюмлер. Этот некрополь относится как раз к переходному периоду от позднемикенского к геометрическому, и поэтому здесь, наряду с микенской керамикой и бронзой, налицо уже раннегеометрический материал и железо. Основным типом погребения является здесь трупосожжение, причем кремированные останки хоронились в родовых погребениях. Просуществовавший сравнительно короткое время некрополь интересен прежде всего разнообразными формами погребальной архитектуры; наряду с погребениями, которые Дюмлер определяет как *tombe a rozzo* и *tombe a fosso*, налицо коллективные остотетки, из которых позже развиваются здесь камерные погребения с дромосом, когда при повторных погребениях членов одного рода понадобилось более обширное помещение; дромос здесь возникает на поверхности (полигональная кладка).

Способ захоронения (кремация) здесь явно не соответствует формам погребения, предназначенным для трупоположения. Для погребения в урне вовсе был не нужен и слишком громоздок тип толосной или камерной гробницы. Поульсен отмечает, что в переходный период к дипилону трупосожжение преобладает над трупозахоронением, в то время как дипилонские гробницы³⁶ свидетельствуют уже о широком распространении кремации.

Этот материал неоднократно привлекал внимание ученых. Оставляя в стороне уже упоминавшуюся гипотезу Шлимана и Дерпфельда о неполной кремации, как несостоятельную, я остановлюсь на некоторых, особенно распространенных, точках зрения.

Перро и Шипье³⁷ являются наиболее ревностными защитниками той крайней точки зрения, которая допускает крема-

цию лишь для рабов и клиентов семейно-родовых погребений знати.³⁸ Остатки золы они объясняют ритуалом жертвоприношений, наличие кремации — более поздним использованием тех же некрополей.

Более осторожную позицию в этом вопросе занимает Фольграф.³⁹ Он объясняет кремацию в континентальной Греции наличием домикенских слоев населения, у которых мог быть распространен этот обычай. Автор аргументирует при этом свою точку зрения следующими соображениями: домикенское население, ассимилировавшееся позднее с микенскими греками, «содержало уже в себе разнородные элементы». Микенская керамика отлична от домикенской, которая сосуществовала с ней в период микенского господства; ссылаясь на Кречмера и Виллемса, он говорит о домикенских названиях средиземноморской флоры и фауны, заимствованной у аборигенов пришельцами с севера. То же различие микенской и домикенской архитектуры, говорит он, показано Ноаком в его исследовании о гомеровских дворцах. Именно этим переживанием древних, домикенских слоев он и объясняет наличие в отдельных случаях кремации в качестве второстепенного и затухающего способа погребения. Иначе — зачем же для кремации используются в Арголиде микенские подземные сооружения, отнюдь не предназначенные для этого?⁴⁰

Несколько другую позицию занимает Орси. Он считает, что крито-микенское общество не ограничивалось лишь захоронением трупов. «Скорее можно согласиться, — пишет он, — что захоронение несожженных трупов было наиболее распространенным способом погребения; поэтому нередко встречается неполное сожжение, еще неизвестно полное сожжение и крайне редки и исключительны случаи бальзамирования; разнообразие ритуала объясняется не одним только влиянием восточных цивилизаций, которые постоянно и эффективно воздействовали на додорийские племена Эллады — доказательством этого служит тот факт, что в гомеровскую эпоху ритуал сожжения становится всеобщим, — но частично и влиянием самих дорийцев, ибо нельзя предположить, что микенская цивилизация и ее представители мгновенно исчезли с приходом дорийцев; последние вазы микенского стиля соприкасаются с вазами дипилонского. Но в погребальном ритуале этого населения налицо и другой факт, а именно, что подземные погребения не были индивидуальными, но в большинстве случаев представляли настоящие семейные погребения, которые повторно раскрывались и даже через значи-

тельный промежуток времени — для введения туда новых покойников».⁴¹

Что же представляют собой ялиссские погребения в свете этих данных?

Нечто новое, ибо необходимо отличать кремацию в ялиссском некрополе от кремации на Саламине, в небольших шахтовых погребениях которого налицо индивидуальные, а не коллективные погребения, сопровождаемые только одним сосудом, без того обилия погребального инвентаря, каким представлены погребения XV, XVII и XXXII ялиссского некрополя. Больше того, мы еще ни разу не встречались со случаем одновременного применения в одной и той же гробнице кремации и захоронения. Необходимо, как кажется, обратить внимание еще на один факт, а именно — на полную однородность гробниц ялиссского некрополя; все они, построенные по одному трафарету, одинаковы и отличаются, в основном, лишь небольшим колебанием размеров камеры и длины дромоса,⁴² причем эта однородность погребальных сооружений характерна не для одного только Ялиса, а для всего острова. Такой однородности, насколько мне известно, в этот период нигде не встречается. Даже на минойском Крите, где все как будто говорит об однородности его культуры, налицо 8 разных типов погребений.⁴³

Эта однородность свидетельствует об этнически однородном происхождении населения Родоса, что укрепляет, повидимому, данные традиции о колонизации его с Крита.

Далее — все погребения являются коллективными, родовыми, точнее семейно-родовыми, связанными единством культа и единством происхождения. Самое расположение погребений небольшими тесно соседящими группами (примерно, четыре на Мосху Вунара и два на Макру Вунара) говорит об их семейно-родовом расположении. Этот факт,⁴⁴ с нашей точки зрения, является бесспорно установленным.

Все или почти все погребения с кремацией относятся к позднемикенскому периоду. В очень многих погребальных инвентарях дает или образцы геометризации микенской керамики или даже, как в некрополе Ассарлыка, раннегеометрический материал; в этих погребениях (как, например, в ялиссском XVII) впервые встречается железо. В погребениях с кремацией налицо сочетание микенского стиля с геометрическим. Следовательно причину нужно искать не позади, как думает Фольграф, а впереди — в том наступающем периоде, где кремация станет наиболее распространенным способом

погребения, ибо уже «геометрический» Родос знает кремацию как основной способ захоронения своих покойников.

Объяснение Маюри, что в Ялисе сжигались рабы — лелеги или карийцы, — не блещет новизной. Предположение, что «благородные семьи захороненных» хоронили вместе с ними в одном и том же помещении и рабов, не выдерживает никакой критики хотя бы и потому, что эти случаи слишком единичны и погребения с кремированными рабами по своему богатству не слишком резко выделяются от погребений остального большинства «благородных семей», обходившихся почему-то без этого ритуала. Притом самое наличие двух детских кремированных погребений, как это предполагает Маюри, должно было бы натолкнуть на иной путь размышлений.

Когда мы встречались в одном и том же некрополе среди одновременных погребений и с кремацией и с захоронением, то могли предполагать, что здесь произошло захоронение представителей двух разных этнических группировок.⁴⁵ Однако встать на этот же естественный путь размышлений в случае с ялиссскими захоронениями Маюри не решается, а между тем, учитывая крайнюю консервативность погребальных обычаев, это наиболее естественный путь. Нужно ли нам считать, что дорийцы налетели как буря, все опрокинув на своем пути, что их появление было внезапным и мгновенным? Весь наличный материал, и материал далеко не одного Родоса, восстает против этой гипотезы, ибо все говорит о медленном и эволюционном отмирании микенской культуры. Уже Фуртвенглер, изучая микенские вазы и производя анализ сменявшихся в разные периоды орнаментальных стилей, должен был установить, что «вазы 3-го стиля непосредственно предшествуют дипилонским, а вазы 4-го стиля одновременны с ними, так что и те и другие конкурировали друг с другом...» Фуртвенглер согласен с гипотезой Семпера и Конце, что в период господства 3-го стиля в высоко развитую микенскую цивилизацию вошло дорийское племя. «Они (дорийцы) сами в высокой степени оказались плененными: они учились искусству гончарного ремесла и, сохранив свои ткацкие и гравировальные образцы, применили их к живописи, заимствовав у микенцев отдельные элементы орнамента, например, пальметку, двойной топор, охоту на зайцев».⁴⁶ Конечно, нельзя согласиться с ним, что отбор микенского орнамента был делом личных вкусов формально-эстетствующих дорийских художников; он имел глубокое значение совсем другого порядка. Кроме того, длительное существование 3-го и 4-го стилей говорит о медленном

первоначальном просачивании отдельных дорийских элементов. Геометризация микенской керамики начинается раньше падения Микен; гробницы микенского периода, предназначенные для захоронения, используются для кремации раньше падения Микен; железо появляется в микенских погребениях раньше дорийского завоевания и не только в виде колец, но и в виде оружия, как то подтверждает находка железного меча в купольной гробнице Мулианы микенского периода.⁴⁷ Кроме того, ряд новых поселений, характеризуемых явным переходом к геометрическому стилю на базе микенского, появляется⁴⁸ именно в этот период, еще предшествующий падению Микен.

Все это, по нашему мнению, с несомненностью говорит о том, что проникновение дорийцев предшествовало их завоеванию и что в большинстве районов, особенно в районах, удаленных от центра микенской культуры, появление дорийцев не сопровождалось отчаянными схватками и порабощением местного населения; но, как можно думать, процесс ассимиляции, начавшийся уже раньше, развивался теперь, может быть, более ускоренным темпом.

Именно только в этом освещении, как кажется, может быть понято сосуществование двух типов погребения в одной и той же камере. В позднемикенский период полным ходом развивается процесс смешения внутри племен, т. е. процесс смешения в родах. Если число членов одного рода, состоящего из ряда семейных общин, увеличивалось за счет новых иноплеменных членов, то не сразу члены этих родов принимали новый способ погребения, но некоторое время в одной и той же семейной общине сосуществовали два способа погребения, в зависимости от унаследованного предками.

Конечно, классическая форма патриархальной общины такова, что в род мужчин вступали лишь женщины, отрекаясь при этом от заветов своего рода и целиком принимая весь родовой ритуал своего мужа. Но эта классическая форма, типа южнославянской задруги, — явление значительно более позднее. Несомненно, что ей предшествовал семейный коллектив, куда вступали и мужья дочерей и жены сыновей. Так, Морган отмечал, что в сильном клане и женщины брали себе мужей из других кланов, и сыновья приводили в дом молодых жен «до тех пор, пока они (сыновья)⁴⁹ не набирались храбрости, чтобы покинуть своих матерей». Более поздний пример такой же семейной общины, но уже с явно выраженной отцовской властью, мы имеем в знаменитой троянской семей-

ной общине, возглавляемой Приамом, в доме которого жили и женатые сыновья и замужние дочери.⁵⁰

Естественно предположить, что дорийцы, попавшие на Родос и на первых порах растворяющиеся среди представителей микенского периода, входили путем брака в семейные коллективы родосских общин, сохраняя, однако, свой ритуал погребения и передавая его детям по мужской — дорийской — линии, если действительно прав Маюри, предполагая в двух случаях наличие детских кремированных погребений.

В дальнейшем, когда волна дорийских переселенцев целиком захлестнула Родос, трупосождение в раннеродосских некрополях становится основной формой погребения, хотя еще долгое время чувствуется влияние микенских слоев в орнаменте керамики уже геометрического стиля, в унаследовании форм сосудов, в преемственности религиозно-магических представлений.

Можно признать, что конец минойской культуры, около 1200 г. до н. э., был обусловлен для Родоса, как и для Крита, не мощными крушениями, но постепенным отмиранием. Это находит подтверждение и в аналогии с Критом, где во многих местах (Кавузи, Врокастро, Куртес и др.) минойское незаметно переходит в геометрическое.⁵¹

2. АФИНА ЛИНДИЯ

Совсем не случаен на Родосе культ Афины Линдии, самое имя которой явно догреческого происхождения.

Храм Афины Линдии, расположенный в линдийском акрополе, очень древен, и сами родосцы считали его основанным в мифические времена, ибо Минос и Кадм, по представлениям островитян, приносили посвященные дары в уже существующий храм. В легендах основание храма связано с Данаем, который, бежав из Египта, вместе со своими детьми прибыл на Родос и в благодарность за прием и за благополучное плавание основал святилище Афины. Затем, потеряв на Родосе трех дочерей, он отплыл в Арголиду (напомним, что имена трех умерших на Родосе дочерей Даная — Линда, Камира, Ялиса).⁵²

Хотя общепринятым является мнение, что мифологические предания Родоса не уходят глубже периода заселения острова дорийцами, корни легенды о Данае мне представляются очень глубокими, уходящими, по крайней мере, в микенскую древность.

В литературе уже высказывалось предположение о связи Данайцев с племенем дануна, с именем которого мы встре-

чаемся и в Тель-Амарнской переписке и позже в числе народов моря, с которыми воевал Рамзес IV. В гимне времени Тутмосиса III упоминаются также «Острова Данаев». Данаи — древнее имя греческого племени.³³

От некогда бытовавшего племени, тесно связанного в мифологии с Арголидой, остались лишь личные имена Даная, Данаид и Данаи — героини мифа о Персее. Нильсон высказывает предположение, что сюжет мифа об убийстве Данаидами в брачную ночь своих мужей имеет в основе плененных египтянами данаек⁵⁴, которые, убив своих новых повелителей, бежали из Египта.

Самый факт мужеубийства не свойствен только мифу о Данаидах.⁵⁵ Он ведет нас скорее к матриархальной борьбе, тесно связанной мифологически с амазонками, и не случайно, что имя одной из дочерей Даная — Гиппе⁵⁶ явно перекликается с именем Гиппии, царицы амазонок,⁵⁷ и с Афиной Гиппией.⁵⁸

Нам кажется поэтому, что связь легенды о Данаидах с основанием храма Афины не является чистым вымыслом грамматиков, но имеет глубокие основания в идеологии микенского времени.

В одной из своих статей Нильсон интересно показывает, что Афина родилась не из головы Зевса, но одновременно с самим Зевсом, а может быть и раньше его, в дворцовых культах минойского Крита.⁵⁹ Поэтому атрибуты Афины: птица (в позднейшее время — сова, в более раннее — голубь, ласточка или вообще любая птица), змея, оливковое дерево (а первоначально — просто священное дерево минойцев), а затем на том же минойском Крите был получен Афиной и воинственный щит⁶⁰ (рис. 1).

Две свойственные Афине черты, по мнению Нильсона, могут быть поняты только в свете крито-микенских представлений. Это, во-первых, Палладиум, представление о котором несвойственно греческой религии, но хорошо согласуется с культом микенской богини дома, которая имела внутри дворца свое маленькое святилище и почиталась жрецом-царем.⁶¹ Во-вторых, тесная связь Афины с отдельными людьми и родами, связь чисто личная, которая ярко выступает в ее личном покровительстве героям — Гераклу, Ясону и т. д. Это покровительство передается по наследству — от отца к сыну, от Одиссея к Телемаху, от Тидея к Диомеду. При наследовании культовых обязанностей рода сыном, когда отец является жрецом домашнего культа, такое наследование личных отношений героев к Афине становится понятным.

Если мы вспомним при этом, что храм Афины в Микенах

возник на месте мегарона микенского дворца, что храм Афины в Афинах создан на месте дворца Эрехфея, что элевсинское святилище Деметры возникло также на базе микенского дворца, то станет совершенно ясным, что и святилище Афины в Линде возникло из микенских строений на вершине линдийского акрополя.

Рис. 1. Посвятительная таблетка из Микен.

Археологические открытия на Родосе подтверждают выводы Нильсона о минойско-микенском влиянии на греческую идеологию. Ряд идеологических представлений тесно связывает микенский Родос с минойским.

Во время раскопок Эванса в Кноссе, в 1902 г., был открыт так называемый «храм двойного топора» позднемикенского периода. Небольшая территория (1.5 кв. м) разделена на три все более возвышающиеся друг над другом части. В первых двух частях обнаружены сосуды разных форм; третья часть представляла как бы род скамьи у задней стены храма. На ней находились 2 пары «рогов посвящения», подле которых небольшой двойной топор из стеатита. Затем статуэтки: на лево мужская с голубем в руке; между «рогами посвящения» женская конусообразная статуэтка с руками, прижатыми к груди, и полусидящая адорантка; направо такого же типа женская статуэтка и две других большего размера с воздетыми вверх руками, с голубем на голове⁶² (рис. 2).

Точная архитектурная копия этого храма была открыта Кинком при его раскопках на Родосе в местечке Врулия⁶³ (рис. 3). В центре двух первых частей обоих храмов находится алтарь, в Кноссе — круглый, во Врулии — квадратный;

налицо и там и здесь ритуальная посуда и глиняные статуэтки, которые в архаическом греческом храме Родоса уже отличаются от кносских. Кроме того, на Родосе налицо ботрос, тесно связанный в Греции с культом героев; его, конечно, в кносском храме нет. Из

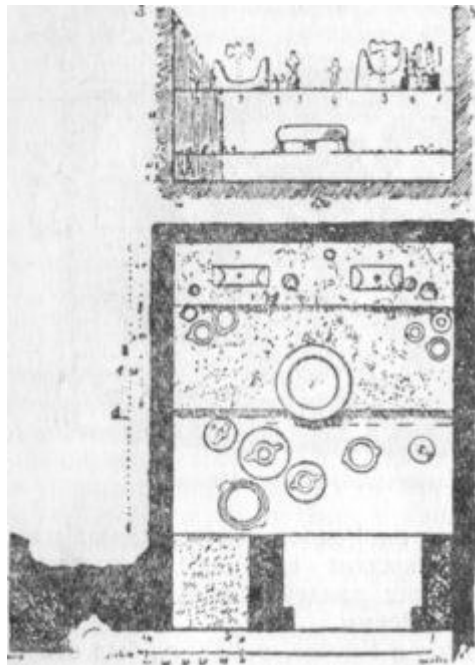

Рис. 2. Святилище «двойного топора» в Кноссе.

вотивных сосудов храма обращает на себя внимание культовый сосуд, представляющий из себя род глиняной полой трубки без дна, разделенный двумя выступающими краями на три части.⁶⁴ По обе стороны этого сосуда, перпендикулярно к ручке, изображены две лепные змеи с длинными высунутыми языками; верхняя часть заполнена фигурными лепными птицами (может быть, голубями), из которых уцелели лишь немногие (рис. 4). Этот сосуд находит близкую аналогию в трех глиняных трубках из Гурнии⁶³ (рис. 5). В Гурнии в центре святилища стоял жертвенный стол и вокруг него 3 трубкообразных сосуда со священными рогами и несколькими вертикальными, поставленными одна над другой, ручками, уподобленными змее; один из этих сосудов обвит змеей. Не в первоначальном положении найдены там же — женская статуэтка с воздетыми руками, перевитая змеей, и в обоих руках фрагменты змей, 2 головы аналогичных фигурок, 3 руки со змеями, 2 змеинных головы, 4 небольших птицы (голуби?), фрагмент пифоса с изображением двойного топора и другие небольшие фрагменты (датировка — начало позднеминойского периода).

Аналогичные трубчатые сосуды были найдены и в Принии в сопровождении статуэток с воздетыми руками и фрагментов рук, из которых две держат змей.

В кносском дворце в полу одной из комнат, в двух тщательно закопанных каменных сундуках, были найдены культовые предметы.⁶⁶ Среди них — женская фаянсовая статуэтка, обвитая тремя змеями; она держит по змее в каждой руке, третья змея обвилась вокруг ее высокого головного убора; здесь же и вторая статуэтка со змеями в руках и фрагмент третьей сходной статуэтки (рис. 6).

Аналогичный сосуд найден и в районе самосского Гереона (восточнее Гекатомпедона) (рис. 7). Эйльман предполагает, что, подобно трубкам Принии, Родоса и глиняному цилиндру из святилища Персефоны в Локрах, найденный сосуд употреблялся в хтоническом культе. Интересно, что изображение такого же сосуда встречается на монете поздней империи, где он помещен на голове культового изображения богини.⁶⁷

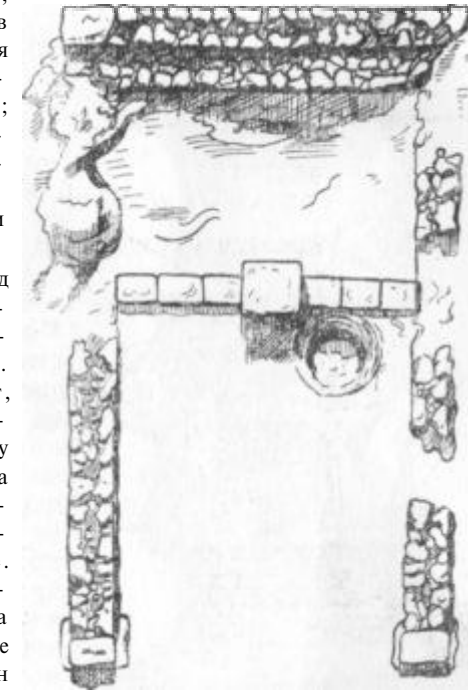

Рис. 3. Архаическое святилище Врулии

Таким образом, на основании этого материала можно считать твердо установленной связь этих трубкообразных сосудов с культом змеи, широко распространенным на Крите. Кроме того, поскольку все святилища в Гурнии, Принии и Кноссе тесно связаны с жилым помещением или с дворцом, то, как уже отмечалось в литературе, можно считать, что в этих домашних святилищах почиталась богиня змей.

Становится яснее и вопрос о древности храма Афины на Афинском акрополе, ибо, согласно Гомеру, богиня, придя из Схерии через Марафон в Афины, «погрузилась в прочный дом Эрехфея». Она «погрузилась» (έδυσε) в прочный дом Эрехфея именно потому, что внутри этого «дома» и находилось ее святилище.

Хтонический характер культа змеи является общепризнанным, и в этом отношении связь минойских трубчатых сосудов со змеей—чрезвычайно показательна. Мы уже видели, что на Родосе этот сосуд, геометрически орнаментированный, вхо-

Рис. 4. Культовый сосуд из Врулии.

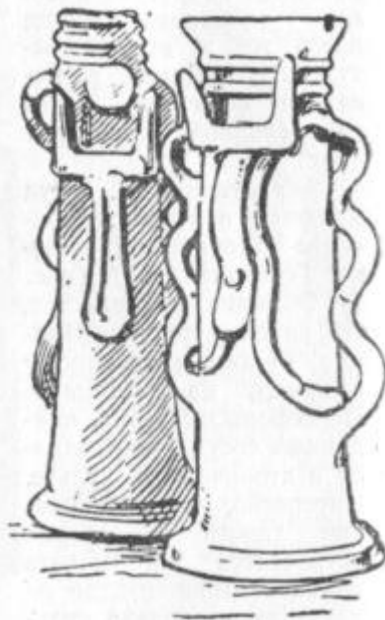

Рис. 5. Глиняные трубки из Гурнии.

дит в состав предметов храма, тесно связанного с культом мертвых героев, на наличие которого указывает ботрос. Сосуд сохраняет еще здесь змею минойского времени. На аналогичных сосудах, перешедших по наследству в классическую Грецию, в технике ранней чернофигурной живописи вместо змеи появляется рисунок, более понятный современникам: Харон, перевозящий на челноке через Стикс умершие души⁶⁹ (рис. 8). Родосский сосуд как бы связывает «раннеаттический экземпляр с крито-микенской доисторией».⁷⁰

Таким образом, на этом простом примере ясно выступает хтонический характер змеи; отсюда, вероятно, и ранне-

геометрическая керамика с изображением змей имеет непосредственную связь с культом мертвых, и, таким образом, ее нахождение в античных некрополях отнюдь не случайно.⁷¹

Однако, культ змеи одновременно тесно связан и с культом живых членов рода. Нильсон считает даже, что первоначально культ змеи является чисто «домашним» культом и что лишь позже какими-то непонятными для нас путями богиня-змея, покровительница домашнего очага, становится и богиней подземного царства.⁷²

Это, конечно, сущее недоразумение, так как родовой культ охватывает в единое целое не только живущих, но и умерших родичей и даже больше того, культ домашнего очага и семейной общины немислим сам по себе без объединения с покойными сородичами в единый коллектив. Поэтому-то культ змеи, как гения рода или даже прародителя, теснейшим образом и с самого начала связан с культом домашнего очага и с культом умерших сородичей, т. е. с хтонический миром.⁷³

На примере богини Афины эта связь выступает чрезвычайно ярко. Связь Афины с культом героев подчеркнута в данном случае тем фактом, что Афина обитает во дворце Эрехфея, который является ее жрецом. Первоначальный образ Эрехфея тесно слит со змеей.

Виламовиц, говоря об Эрехфее, замечает, что он — герой, гений древнего царского рода, который жил в одном доме с Афиной и продолжает жить, как змей, при Афине.⁷⁴

Рис. 6. Богиня со змеями из Кносса.

Эреxfей—γηγενής, он рожден землею и уходит в землю,⁷⁵ а по другому мифу вновь превращается в змею.⁷⁶

Геродот передает предание, слышанное им от афинян, что «в храме обитает большой змей — страж акрополя».⁷⁷

Если данное Вилаговицем объяснение надписи на чаше Микона и Сироса χθονίη - εριχθονίη является правильным, то налицо оказалась бы связь змеи с подземным миром.⁷⁸

Рис. 7. Глиняная трубка из самосского Ге-реона.

Рис. 8. Глиняная трубка из Афин.

Эта тесная связь Афины со змеем Эреxfеем выражается не только в наличии более позднего совместного культа Афины и Эреxfея, о котором говорит С. А. Жебелев,⁷⁹ но и в изображениях змей на крыльях фронтонов древнего храма на афинском акрополе, в котором Виганд видел драконов-воспитателей новорожденного Эреxfея,⁸⁰ а С. А. Жебелев — двух афинских царей: Эреxfея и Кекропа.⁸¹

Несомненно, что и Афина Линдия родилась из аналогичных представлений крито-микенского мира, и, как кажется, именно поэтому, а не по какой-либо иной причине, одно из древних названий Родоса было «Офиусса»⁸² (греческий перевод догреческого имени «Родос», что значит «змея», может быть, семитское *arod, god?*).⁸³

В осмыслении греков остров некогда изобилует змеями (по Полизелу, на острове, кроме змей, находился и страшный дракон). Затем змеи были изгнаны тельхиными.⁸⁴ Ван-Гельдер толкует это сообщение с наивным рационализмом: на Родосе, де, было много змей, и родосцы экспортировали даже змеиную кожу. Другие ученые, впадая в гиперкритицизм.

считают, что название «змеиного острова» (Офиуссы) было дано Родосу именно потому, что на нем никогда и никаких змей вовсе не было.⁸⁵ Блинкенберг относит этот сюжет к сказочным мотивам; интересуясь, главным образом, вопросом о роли Форбанта и тельхинов в борьбе со змеями, он считает, что волшебные свойства тельхинов породили этот тип сказки, хотя и не отрицает возможности того, что Офиусса — действительно древнее название острова.

Рис. 9. Родосский сосуд со змеями (Ялис).

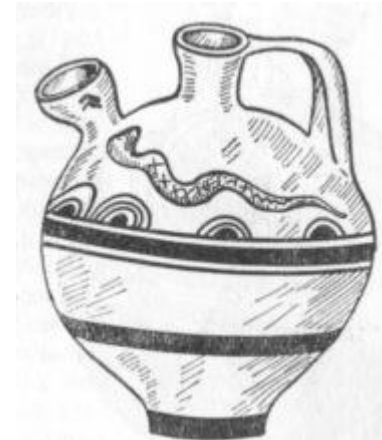

Рис. 10. Родосский сосуд со змеями (Ялис).

Ялисский некрополь и некрополь Камира дают ряд образцов микенской керамики, орнаментированной змеями, иногда лепными. В последних раскопках Маюри в трех погребениях Ялиса обнаружены сосуды со змеями,⁸⁶ причем во всех случаях змеи изображены тянущимися к горлышку сосуда для участия в совместной с умершим трапезе (рис. 9—11). Особенно интересен в этом отношении плоский кувшин с лепным изображением двух змей, склонивших головы к чашке у носика сосуда (см. рис. 11). Сосуд представляет близкую аналогию с критским мраморным алтарем в Гераклеоне, опубликованным Виле (рис. 12).⁸⁷ По обе стороны алтаря — лепные фигуры двух змей, протягивающих головы к жертвенной чаше на алтаре.⁸⁸ (ср. также цилиндрический сосуд из Кносса).

С сосудов микенского времени змеи переходят и в геометрическую керамику (рис. 13). Они еще обычны на дипилонских сосудах, особенно на ручках ваз. Однако здесь они постепен-

но все более отдаляются от горлышка сосуда, превращаясь, в конце концов, в чисто орнаментальный мотив (зигзаг).

Повидимому, женщина со змеями⁹ микенского Родоса стала Афиной Родоса архаического. Любопытно, что в ритуал Афины Лидии входили ежедневные бескровные жертвы, которые, по свидетельству Дионисия Галикарнасского, включали в себя нечто подобное тем медовым лепешкам, которые ежедневно, по афинской легенде, должен был получать змей — страж акрополя.⁹⁰

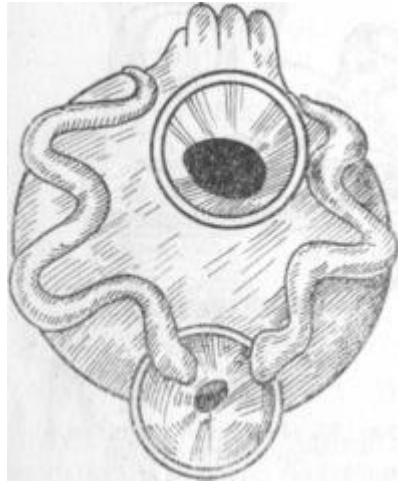

Рис. 11. Родосский сосуд со змеями (Ялис).

Рис. 12. Мраморный алтарь в Гераклеоне (Крит).

Не случайно, что лидийская храмовая хроника непрерывно обращается к Афине Лидии, как к Афине Полиаде.⁹¹ Блинкенберг полагает, что Афина Полиада не была в действительности известна на Родосе, хотя в другой своей работе он правильно отмечает, что в Линде «святилище и город неотделимы». Афина микенского кремля, защитница его от нападения врагов и есть, конечно, Афина Полиада, осмысленная так уже в то время, когда микенские укрепления принимали под свою защиту все население близлежащих поселков.

Култ Афины бесспорно оказывал огромное влияние на религиозное мировоззрение родосцев, и именно этим, в первую очередь, мы склонны объяснить пышный расцвет на острове культа героев, засвидетельствованный и археологическими, и мифологическими, и эпиграфическими данными.

Хотя до сих пор в науке господствует мнение, что местные родосские предания не старше времени дорийского переселения, нам кажется, что многое здесь нуждается в пересмотре.

Миф, даже расцвеченный и шаблонизированный позднейшими учеными грамматиками и поэтами эллинистической поры, однако, не рождался из пустоты; основа героического мифа, самая канва его, конечно, имела гораздо более древнее происхождение. И если Геракл, несомненно, лишь позже был включен в родосскую мифологию жителями Родоса во славу своего города, то такие герои, как Тлеподем и Алфемен, безусловно, очень древни и лишь позднее были приурочены к дорийским царям — Гераклидам.

Даже Ван-Гельдер, столь осторожный и, может быть, слишком критически настроенный к родосским легендам, считает Алфемена додорийским героем, а Нильсон определенно высказывается за микенское происхождение Тлеполема, считая неслучайным наличие его имени у Гомера, поскольку Родос изобилует микенскими находками; в то же время гомеровские поэмы совершенно замалчивают такие богатые острова, как Хиос и Самос, где микенские остатки почти отсутствуют.⁹²

Кажется возможным, что Тлеподем у Гомера представляет дорийских колонистов Родоса, нападающих на Ликию. Однако он может восходить и к микенскому времени. Остров был в то время немаловажным центром с многочисленным населением, как показывают богатые находки микенских погребений. Если это так, то усыновление Гераклом Тлеполема явилось бы поздним изобретением. Дорийцы Родоса присвоили его, чтобы узаконить свои претензии на страну.

Если мы обратимся к самой биографии Тлеполема, как она отразилась в мифах о нем, то не увидим в ней большой отчетливости. Гомер называет его сыном Геракла и Астиохеи из Эфиры; воспитывается он в доме старого Ликимния, дяди

Рис. 13. Геометрическая энохоя с Родоса.

Геракла, которого убивает, и, спасаясь от кровной мести, уходит из страны во главе большого войска, с которым и прибывает на Родос.⁹³

Уже Страбон подверг критике послегомеровскую традицию, которая видела в Тлеполеме дорийца-колонизатора. Гомер, как указывал Страбон, никогда на этом острове не называет дорийцев, но дает понять, что тут были эоляне и беотийцы, если только жилище Геракла и Ликимния находилось в Беотии. Если бы даже, как думают другие, Тлеполем пришел из Аргоса или Тиринфа, все-таки колония не стала бы дорической, потому что она была выведена раньше возвращения Гераклидов.⁹⁴

Для Гомера, заключает по этому поводу Ван-Гельдер, Тлеполем «был Гераклид, однако столь же мало дориец, как и аргосец». Поскольку другим ярким моментом родосской доистории была дорийская колонизация, то позднейшая традиция и превратила блестящего царя в вождя блестящего похода: Гераклид, таким образом, легко превратился в дорийца или аргосца.

Это противоречие не прошло незамеченным, и древние историки пытались его примирить сообщением, что Тлеполем и Ликимний были приняты добровольно жителями Аргоса,⁹⁶ и таким образом два героя оказались вместе с дорийцами в Аргосе еще до дорийского завоевания. Затем все развивается уже по старому трафарету: Тлеполем убивает Ликимния и отплывает с дорийцами на Родос.

Пиндаровская версия, канонизованная на острове, говорила об убийстве Ликимния в Тиринфе, и, по оракулу Аполлона, Тлеполем отправился на Родос. Тлеполем при этом назван архагетом тиринфян.⁹⁷ Эта версия стала наиболее распространенной в последующие века, и историков эллинизма уже гораздо больше интересовала разработка чисто психологических элементов мифа: смерть Ликимния, смерть Тлеполема и судьба его безутешной вдовы.

Наряду с основной пиндаровской версией были и две других, причем в них невредимый герой после долгих блужданий попадал, по одной версии, в южную Италию, по другой — на Крит.⁹⁸

Таким образом, мы видим, что Тлеполем первоначально не связан с дорийцами и доризация его происходит — для снятия противоречий мифа — до прихода дорийцев в Аргос или что интереснее, в Тиринф. Другая версия связывает его даже с Критом, а не с Родосом.

Миф об Алфемене почти тождествен мифу о Тлеполеме.⁹⁹

Алфемен — потомок Гераклидов, по указанию бога, из Аргоса отплывает на Родос во главе дорийцев и пеласгов. Через Крит он прибывает на остров, заселенный первоначально Автохтонами, которыми управляли Гелиады; Автохтонов сменили финикийцы, а последних — карийцы. Алфемен прогнал их, а затем, подобно Тлеполему, воздвигнул три родосских города. Пребывание на Родосе Алфемена связано с основанием святилища Зевса на горе Атабирии, откуда он увидел свою родину — Крит, ибо, по другой версии, Алфемен — критянин, сын царя Крита Катрея, внук Миноса.¹⁰⁰

Несомненно, что обе легенды о древних героях подвергнуты последующей обработке, и можно привести еще несколько аналогичных мифов о колонизации Родоса с меняющимися именами вождей колонизационного дорийского движения.

Древность Тлеполема засвидетельствована Илиадой, причем самое имя героя до сих пор не расшифровано; оно явно догреческого происхождения, и объяснение, данное у Стефана Византийского,¹⁰¹ является лишь попыткой осмысления его на греческом языке (*εχ τλώ τληναι*), так же как и *του τληναι τον πολεμον*. В честь Тлеполема, как об этом повествуют схолии к Пиндару, были установлены состязания эфебов, и победитель увенчивался листьями серебристого тополя, хтонический характер которого показан мифологией.¹⁰²

Древность образа Алфемена засвидетельствована и родосской топонимикой и наличием в Малой Азии, в частности в Эфесе, следов древнего и уже полузабытого культа героя Алфемена.

Связь обоих героев с Аполлоном несомненно позднего происхождения, ибо, если бы эта связь была первоначальной, то Аполлон, как бог, направивший обоих героев на заселение Родоса и основание на нем городов, должен был бы чтиться на острове в качестве архагета, как это было у жителей Кирены, у наксосцев Сицилии, или как у эгинетян в качестве *οἰκιστῆς καὶ δοματίτης*,¹¹¹ или как *χτιστής* у ряда других общин. Однако на Родосе нет и следа подобного культа.

Алфемен, критское происхождение которого несомненно, в архаическую эпоху, как на это указывает деталь мифа, связан был с Зевсом, и из минойского мужского божества стал его героизированной ипостасью.

Связь Тлеполема с Гелиосом также случайного характера; может быть, вероятнее предположить связь Тлеполема, как Гераклида, с Афиной. О. Ян сумел проследить на вазовой жи-

вописи не сохранившуюся в литературе эротическую связь между Афиной и Гераклом.¹⁰¹ У Гомера Тлеподем показан могучим и славным героем, что в дальнейшем не оправдывается, ибо Тлеподем в гомеровских стихах лишь жертва, предназначенная для заклания. Он — сын Геракла, царь Родоса, он действует с необычайной быстротой: он «быстро» убивает Ликимния, он «быстро» готовит корабли и собирает рать для захвата Родоса, он «великий и сильный».

Однако это еще не все. Мать его — Астиохея (градодержавная), имя которой,¹⁰⁵ лишь позже было приурочено к подвигам Геракла, несет на себе следы женского обожествления, и не удивительно, что варианты ее имени — Астидамея (градодокротительница) и Астигенея (градорожденная)¹⁰⁰ — все имеют отношение к культуре того времени, когда женское божество было божеством кремля, когда герои зывали к ней и об охране их града и об уничтожении кремля врага (ср. Афина Полиада).

Среди родосских героев, имевших культы на Родосе, находился еще один, связь которого с Афиной — богиней змей — несомненна, это — Форбант.

Культ Форбанта на острове связан с именем Ялиса, что само по себе уже не лишено интереса. Его приход на Родос в мифе объединен с преданием об изгнании змей.¹⁰⁷ В честь него справлялся праздник прибытия Форбанта, и перед дальним плаванием ему каждый раз приносились жертвы. По другому варианту, он прибыл на остров после кораблекрушения и был гостеприимно принят Фамнеем, охотившимся близ Схедии (на территории Ялиса).¹⁰⁸ Связь Форбанта с растительностью, со змеями и с морем роднит его с Афиной, которая на Родосе была тесно связана с кораблестроением и покровительством потерпевшим кораблекрушение (ср. миф о Данае) ч с растительностью, сначала с культом деревьев вообще, а затем с оливководством. Роль Форбанта, победителя змей, могла бы в известном аспекте рассматриваться как победа мужского начала над женским, как своеобразное мифологическое преломление торжества новых идеологических элементов в жизни минойского Родоса.

Подобно тому как элевсинское святилище возникло на оазе микенской дворцовой архитектуры, и элевсинское жречество как в одежде, так и в священных ритуалах мистерий законсервировало многие микенские черты, так и Афина Линдия, дева с копьём, несомненно родилась из крито-микенских представлений о великой богине — воинственной и необоримой (ατρυτώνη).

Вопрос о тельхинах, первоначальном населении о. Родоса, принадлежит к одному из тех запутанных вопросов, которыми так богата античная мифологическая традиция; эта запутанность была налицо и в античной традиции, почему уже Страбон говорил о мифологической сложности образа тельхинов. В первые века христианства тельхины обросли еще новыми легендами, превратившись в глазах отцов христианской церкви в злых демонов, почти в дьяволов языческого мира античности.

Поэтому очень трудно разобраться во всех разновременных и противоречивых версиях, в которых налицо и обломки древних народных представлений, и реконструкции эллинистических ученых Родоса, и позднеимператорских и раннехристианских ученых грамматиков.

Неудивительно поэтому, что даже современные историки не могут разобраться в основных элементах мифов о тельхинах, и там, где одни (например, Виламовиц)¹⁰⁰ видят в основе народное представление, другие (например, Блинкенберг)¹¹⁰ видят позднюю кабинетную конструкцию; почти каждый ученый, если он не ограничивался простым хронологическим перечнем источников, выдвигал свою теорию происхождения тельхинов; таким образом, у одних они оказывались финикийскими колонизаторами острова, у других доисторическим племенем металлургов, у третьих — микенскими демонами (полулюдьми, полуживотными), изображения которых обычны на позднемикенских геммах.

Даже самое имя τελχιν, слово несомненно древнего происхождения, уже в античности вызывало опоры о месте удара (τελχῖν или τέλχιν)¹¹¹ у значения этого слова: наиболее распространенные грамматические толкования производили его от θέλω,¹¹² отсюда и реконструкция Θελγίνες — τίλχῖνες или от τηξίς).¹¹¹

В настоящее время тоже выдвигаются разнообразные предположения, далеко отклоняющиеся друг от друга: наряду с сохранением древней этимологии, производившей τελχῖνες от θέλω,¹¹³ существуют попытки связать их с χαλχός (Erzleute Виламовица)¹¹⁴ или с θάλασσα,¹¹⁵ или с ΘFeλχ¹¹⁸ (древнемецкое dverg — zverg).

В общих чертах миф о тельхинах сводится к следующему: тельхины — ранние жители Родоса. Существует несколько версий об их появлении на острове: а) их вместе с игнетами породила соленая влага; они — пранаселение острова, точнее — Ялиса;¹¹⁷ б) тельхины переселились на Родос с Крита

(через Кипр);¹¹⁸ в) тельхины переселились из Пелопоннеса — из Сикиона или Аргоса.¹¹⁹

Далее тельхины — дети моря.¹²⁰ Светоний называет их водяными демонами в свите Посейдона;¹²¹ они дети Посейдона;¹²² дети земли и моря;¹²³ они возникли из моря Урана;¹²⁴ они были превращены Зевсом в людей из собак Актеона;¹²⁵ и, наконец, они — порождение Немесиды, дочери Тартара.¹²⁶

По утверждению Светония, тельхины меняют свой образ, являясь то демонами, то людьми, то рыбами, то змеями. Некоторые из них безрукие и безногие, у других — между пальцами плавательные перепонки. Все они светлоглазые с черными бровями и острейшим зрением.¹²⁷

Они — изобретатели металла; они первые начали сооружать статуи богов, они первые начали обрабатывать железо и медь; по Светонию, имена трех из них были Золото, Серебро и Медь, по металлу, который каждый из них нашел.

Тельхины — злые волшебники, вызывающие плохую погоду, умеющие околдовывать, люди дурного глаза; однако уже Страбон, ссылаясь на более ранние источники и рассказав о дурных качествах тельхинов, тут же добавил: «...другие, напротив, утверждают, что они сами, как искусные художники, были предметом зависти других, врагов искусства. и благодаря¹²⁸ этим последним приобрели столь дурную славу».

Тельхины создали серп Кроноса, трезубец Посейдона, ожерелье Гармонии и ряд древних культовых статуй, в числе которых статую Афины Тельхинии, Аполлона Тельхиния, Геры Тельхинии и тельхинских нимф на Родосе.¹²⁹

Линдийская храмовая хроника в числе других мифических посвящений называет и посвящение тельхинами Афине Линдии серебряной чаши в качестве десятины от трудов.¹³⁰

По Диодору, сестра тельхинов Алия родила от Посейдона шесть сыновей и дочь Родос, которая, по одной версии, после гнева Афродиты за негостеприимный прием, оказанный ей детьми Посейдона, бросившись в море, превратилась в Левкотею, а по другой — стала женой Гелиоса.¹³¹

Гибель тельхинов объясняется также очень противоречиво: по Диодору, предчувствуя потоп, они покидают остров.¹³² Перед уходом они опрыскивают Родос водой Стикса, умерщвляя, таким образом, всю землю острова.¹³³ Они погибли от молнии Зевса или им же потоплены; их убили стрелы Аполлона; на них обрушился гнев Геры. По Сервию, одно из толкований имени Аполлона Ликейского объясняло это прозвищем тем, что в образе волка Аполлон убил тельхинов.¹³⁴

Число тельхинов также колеблется: три, шесть, девять, целое племя. Имена их различны у разных авторов и допускают самые широкие аналогии и сближения.

В преданиях тельхины неоднократно смешиваются также с киклопами, с дактилями, с куретами.¹³⁵ Рея передает им заботу о воспитании младенца Посейдона¹³⁶ — явно позднейшая конструкция, созданная по аналогии с дактилями — воспитателями Зевса.

Таким образом, даже этот краткий перечень дает понятие о крайне сложном сплетении самых разнообразных представлений и необычайно затрудняет не только анализ, но даже и самый подступ к анализу.

Отнюдь не ставя перед собою непосильной задачи решить эту трудную проблему, я позволю себе высказать догадку, навеянную на меня некоторыми представлениями, как мне кажется, легшими в основу предания о тельхинах.

Блинкенбергу, без сомнения, удалось показать, что легенда о тельхинах тесно связана с Родосом и возникла на основе каких-то древнеродосских народных представлений.

Эта тенденция выступает и в линдийской храмовой хронике, где тельхины отнесены к доистории Родоса и наряду с филами Автохтонов и Гелиадов помещена фила Тельхинов.¹³⁷

Тем более должна интересовать нас мифологическая связь тельхинов с Критом, связь, которую Блинкенберг явно игнорирует. Страбон приводит версию о переселении тельхинов с Крита на Кипр и затем на Родос. У Стефана Византийского это выражено еще более категорично: Крит назывался Тельхинией и критяне — тельхинами.¹³⁸ Напомним, что и Родос, по утверждениям древних, носил некогда название Тельхинии.

И Крит и Кипр — районы, богатые полезными ископаемыми, поэтому связь Крита и Кипра в преданиях о ранних металлургах вполне законна и легко объяснима. На Родосе, однако, как это можно заключить из отдельных намеков, месторождения меди и свинца были незначительными. Поэтому главный акцент, по правильному замечанию Р. В. Шмидт, в мифе о тельхинах падает не на изобретение металла, а на его обработку.¹³⁹ Личные имена тельхинов, хотя, повидимому, они были придуманы значительно позже, в ряде случаев совпадают с именами критских дактилей.

Сопоставление преданий о прибытии родосских тельхинов с Крита с мифами о критском герое Алфемене и о древности критской цивилизации на Родосе невольно заставляет видеть в этой части мифа какие-то темные воспоминания о критских

элементах родосского пранаселения. С этой точки зрения очень интересен несомненно древний элемент в предании о тельхинах, а именно—их борьба со змеями.

Блинкенберг, с большой убедительностью, на основании анализа источников, пытается восстановить содержание той «Истории тельхинов», о которой упоминается у Афиней.¹⁴⁰ Здесь тельхины помещены в период, хронологически предшествующий власти олимпийцев; они обслуживают Рею и Крона. Тельхины возникают на Крите и через Кипр направляются на Родос. Устанавливалась ли в этом трактате связь тельхинов с куретами, дактилями, киклопами и т. п. — неизвестно. Тельхины были злым родом; они нашли остров пустынным (из страха перед змеями); когда же, наконец, по примеру Крона, они должны были удалиться с острова, то окропили посевы и зверей водой Стикса, и, таким образом, земля вновь стала пустынной.

Трактат этот был доэллинистическим: Гераклид Понтийский заимствовал отсюда имя Офиуссы, Симмий — критское происхождение тельхинов.

Блинкенберг, однако, считает всю эту историю совершенным вздором. Он думает, что вся она была изобретена для рассказа о переселении тельхинов, в то время как Гомер, Пиндар, Фукидид явно говорят о том, что колонизация Родоса началась из Аргolidы.

Мне кажется, что эти взгляды Блинкенберга неверны. Предание о переселении тельхинов было бы вздором, если бы с ним связывалось представление о дорийской колонизации; но оно вполне закономерно, если здесь проглядывает воспоминание о некогда совершившейся колонизации Родоса с Крита.

В этой связи мы и понимали в свое время название Родоса Офиуссой и связь тельхинов со змеями, приурочение Форбанта к тельхинам и, наконец, способность тельхинов превращаться в змей.

Ни в одном из источников по истории раннего Родоса нет упоминаний о том, что остров хоть в какой-нибудь мере являлся центром металлургического производства греческого мира. Мы знаем лишь, что в VII и VI вв. до н. э. пользовались славой родосские гончары, что с раннего времени жители острова экспортировали вино и в меньших размерах — масло и пшеницу, что с раннего времени родосцы славились как опытные мореходы и искусные кораблестроители, но нигде не упоминается о родосцах — знатоках металлургического производства.

Почему же тогда тельхины помещаются именно на Родосе? Это, как нам кажется, можно объяснить только связью острова с минойским Критом.

Не случайно тельхины на Родосе, в первую очередь, изготовляют металлические предметы, а не добывают металл (и те и другие функции мы встречаем у дактилей и киклопов). Металлическое вооружение, найденное в ялисских погребениях микенского Родоса, полностью совпадало по типу и характеру выработки с критским.¹⁴¹ Нет надобности предполагать, что все эти изделия из металла ввозились с Крита или Кипра, особенно, если на Родосе были и свои месторождения меди. Но техника изготовления металлических вещей несомненно была критской, следовательно достаточно развитой и недосыгаемой, особенно в первое время, для заселивших остров дорийских племен.

С ремеслом кузнеца и металлурга в первобытном обществе всегда связано некое чародейство и ряд магических приемов, передающихся из рода в род. Этот элемент чародейства был усилен людьми, не посвященными в тайны критского металлургического мастерства, почему впоследствии, когда критская техника обработки металла отчасти погибла, отчасти была передана новым поселенцам, элемент колдовства—колдовства непонятного, а потому и враждебного — стал основным мотивом в преданиях о тельхинах.

При утверждении греческой религии, Посейдон на Родосе, если так можно выразиться, «отнял» у Афины, или, вернее, у ее микенского прототипа — коней; змеи, раньше тесно связанные с этой минойско-микенской богиней, стали теперь также сочетаться с водной стихией, и культ Посейдона предъявил на них свои права. Тельхины в этот период также сближаются с Посейдоном, хотя эта связь несомненно вторичного происхождения: мы знаем на Родосе и Афины Тельхинию, и Геру Тельхинию, и Аполлона Тельхиния, но Посейдон Тельхиний на Родосе неизвестен, хотя казалось бы, что такая тесная связь с морем, какую приписывают тельхинам литературные источники, должна была бы в первую очередь выразиться созданием родосского культа Посейдона Тельхиния.

Характерно, что у Овидия тельхины названы ялисцами; нет нужды принимать явно искусственный комментарий Блинкенберга, предлагающего поставить знак равенства к овидиевскому Ialysii: Ialysioi = Rhodioi.¹⁴² Ялис и был центром критской культуры на Родосе, и поэтому связь тельхинов прежде всего с Ялисом является вполне естественной.

Культ Геры в Камире и Ялисе и культ Афины в Линде

выросли из представлений о крито-микенской великой матери. Весьма характерным является уже отмеченная Нильсоном закономерность: на фундаменте дворцов микенской поры неизменно возникают храмы либо Афины, либо Геры (ее поздний вариант — Деметра). Поэтому нет особой необходимости исправлять текст Диодора, как это делает Ван-Гельдер, следуя указанию у Николая Дамасского (fr. 116), — видеть вместо Геры Тельхинии в Камире — Афины Тельхинию.

Тельхйны предстают перед нами как почитатели и Геры и Афины, в честь которых они сооружают первые священные статуи.

Гера — главное божество микенского Тиринфа (имя которой, по замечанию Нильсона, не случайно связано с Гераклом, отцом и родосского героя Тлеполема) в целом ряде функций близка к Афине, хотя она уже сильно обезличена в греческой мифологии и ряд своих функций уступает Деметре.

Связь Геры с землей и плодородием, связь ее с конем и с Посейдоном, связь ее с войной, непосредственной участницей которой она является вместе с Афиной, как союзница ахейцев в гомеровском эпосе, — все это указывает на некогда общие истоки этих богинь в минойско-микенской мифологии.

Нам не кажется случайной и та версия диодоровского рассказа, где тельхины сближаются с Гелиосом посредством женитьбы Гелиоса на дочери Посейдона и сестры тельхинов Алии — Родос. Не случайной кажется нам и та версия, по которой Гелиады то сосуществуют с тельхинами, то сменяют их на острове, то первоначально и сами были тельхинами. Названные Гелиадами — детьми солнца — тельхины входят непосредственно в область алоллоиовой религии; поэтому именно они становятся в более поздний период первыми создателями статуи Аполлона и, таким образом, входят как культовые демоны в культ родосского Гелиоса, главного божества острова, уже ничем не связанного с предшествующей микенской эпохой.

Характерным примером этой победы культа Гелиоса над крито-микенскими культами является изображение Гелиоса, дошедшее из Гелы, сицилийской колонии Родоса, унаследованной от своей метрополии и родосские культы и связанные с ними представления. На краснофигурном оксидатоне дано изображение Гелиоса Атабирского, стоящего на колеснице, запряженной четверкой коней. Панофка обращает внимание на одежду Гелиоса, а именно на два глаза, распо-

ложенные на его хитоне, считая их характернейшими атрибутами тельхинов,¹⁴³ которым присущ, как уже говорилось, дурной глаз, ибо они светлоокие и с острейшим зрением. Панофка отмечает и ряд других деталей и знаков на одежде Гелиоса, свойственных также тельхинам, которые жили на Родосе, причем один из них, а именно Атабирей, играл большую роль в родосской культовой мифологии.¹⁴⁴

Нам кажется несомненным, что в этом изображении Гелиоса проглядывают следы смены владычества минойских тельхинов греческими Гелиадами; именно поэтому победившее божество вбирает в себя все основные атрибуты тельхинов.

Рассказы о переселении тельхинов на Родос из Аргоса или из Сикиона — несомненно вторичного образования; они возникли под сильным воздействием представлений о дорийской колонизации Родоса, начавшейся из Пелопоннеса.

Именно к подобному рода историческим конструкциям относится и позднейшее приурочение Алфемена — критского героя — к Гераклидам (дядя Теменоса) и Тлеполема к сыну Геракла.

По этому же образцу для тельхинов был создан в Пелопоннесе предок Тельхин, и все тельхины были сведены к одному лицу, которому изобрели приличествующую родословную: «здесь пришла на помощь уже прочная этимология Τελχῆν < θελγείν и одно древнее пелопоннесское имя Θελλείων образует корень для прививки».¹⁴⁵

Тельхин становится параллелью Тельксиона, его братом — в аргосской редакции, и его дедом — в сикионской. Племя, вождем которого является Тельхин, появляется лишь для ведения войны с Форонеем, чтобы немедленно исчезнуть после поражения: они выселились на Родос.¹⁴⁶ Эта версия представляется нам вторичной и исторического значения не имеет.

Таким образом, Родос был мощно захвачен крито-микенской культурой и минойско-микенские переживания явственно проглядывают и в архаический период истории острова, как в вещественных памятниках, так и в родосской мифологии.

Именно этим, как нам кажется, следует объяснить и наличие на Родосе (в Линде) древнего культа Афины Линдии, название Родоса Офиуссой и сказания о тельхинах. Ялис (как об этом свидетельствуют остатки критских дворцов и его богатые микенские некрополи), расположенный у подножия и на склоне горы Филерма на северо-восточном побережье острова, являлся главным центром минойско-микенской культуры. В те далекие времена именно он господствовал в морских сношениях, в первую очередь, с Критом, Кипром, Ма-

лой Азией, эгейским Архипелагом, а затем и с материковой Грецией. Этому благоприятствовало также то особо выгодное географическое его положение, которое потом и послужило основанием для создания здесь общеостровного политического центра — города Родоса.

4. К ИСТОРИИ ОДНОЙ ФРЕСКИ

Одна из известных тиринфских фресок дает цветное изображение выезда на лошади (рис. 14). Две женские фигуры стоят на колеснице; одна из них держит поводья, другая повторяет рукой тот же жест. На фреске видна лишь задняя половина впряженной в колесницу лошади. Вся сцена дана на фоне веерообразных стилизованных деревьев.

Рис. 14. Фреска тиринфского дворца.

А поскольку фресковая живопись критских и микенских дворцов довольно часто размножалась в малой живописи гончарных мастеров того времени, то мы в ряде случаев можем не только понять ритуальное и культовое значение фресковой живописи минойско-микенского времени, но с помощью малой живописи даже заново открыть уже исчезнувшие фрески или дополнить сохранившиеся.

И если мы вздумали бы трактовать данную фреску изолированно, в отрыве от малой живописи, то действительно должны были бы присоединиться к обычной в науке ее «светской» трактовке, видя в ней лишь «девушек на колеснице», выехавших на небольшую прогулку для собственного развлечения.

Рис. 15. Кратер из Агии Параскевы (Кипр).

Однако, фреска эта должна была вызывать в зрителях совсем иные представления.

На Кипре в разных местах найдены сосуды, представляющие различные варианты сюжета, изображенного на тиринфской фреске. Все эти сосуды датируются позднемикенским периодом, и их рисунок характерен преобладанием геометризации наряду с сохранением и ряда элементов микенской живописной техники.

На кратере из Агии Параскевы дано изображение колесницы, по общему типу близкой колеснице тиринфской фрески; на колеснице также 2 фигуры, покроя платья которых аналогичен покрою платья тиринфских фигур, но платья украшены, повидимому, нашитыми на них золотыми или бронзовыми розетками. Пара лошадей явно геометризована. Позади колесницы — женская фигура с жестом адорации (рис. 15).¹⁴⁸

Вариант той же сцены представлен на другом кипрском сосуде, где эта сцена повторена на обеих его сторонах (рис. 16). Перед колесницей с несущейся парой лошадей

Рис. 16. Рисунок на кипрском кратере.

изображены 2 фигуры, обращенные лицом к находящемуся между ними цветку (повидимому, лотосу). На колеснице — две фигуры, позади — еще одна (на нашем рисунке не дана).

И здесь в общей композиции рисунка лошади и колесница занимают центральное место.

К этой же серии относится рисунок на кратере, найденном в Энкоми (Саламин) шведскими археологами.¹⁴⁵

Здесь снова появляется уже знакомая нам колесница с двумя стоящими фигурами, в которую впряжена на этот раз одна ло-

Рис. 17. Кратер из Энкоми (Кипр).

шадь. Перед нею, однако, стоит фигура с весами в руках (рис. 17). Все 3 фигуры облачены в одинаковую, уже известную нам, повидимому, жреческую, одежду.

Нильсон считает, что одна из фигур должна изображать Зевса, а весы — власть Зевса над судьбой.¹⁵⁰ Однако, конь, убранный священной одеждой, является здесь центральной фигурой, и весы находятся непосредственно перед конем, как бы призывая его, а не стоящих на колеснице, определить судьбы людей.

Рис. 18. Кратер с Кипра.

Еще один кипрский кратер дает аналогичную сцену, уже вполне геометризованную. Кони и здесь являются центром изображаемой сцены, но на этот раз перед ними находятся две, повидимому, связанные человеческие фигуры (рис. 18).¹⁵¹

Наиболее разительное сходство с тиринфской фреской дает рисунок на кратере, найденном Маюри в одном из погребений микенского Ялиса на о. Родосе (рис. 19 и 20).¹⁵²

Вся сцена, как отмечает Маюри, исполнена в той же композиции и технике, что и сцена на кипрских сосудах.

«Фигуры в длинной жреческой одежде, — пишет далее Маюри, — различаемые по полу в зависимости от убранства волос на голове, имеют все один и тот же жест вытянутых рук; ясно различимы особенности формы колесницы с передней частью для возницы и с задней для благородного лица, которое, как кажется, везется в торжественной процессии к священной церемонии; грудь коня украшена белыми ро-

гетками и чепраком, вышитым и убранным в том же стиле жреческой одежды фигур, присутствующих на церемонии. Чисто орнаментальным мотивом являются, повидимому, длинные стрелы, с которых свисают развевающиеся ленты и по-

вязи. На свободном (от рисунка) поле — обычное заполнение животными и растительными элементами, а также кружками и розетками, которые несомненно предвещают возникающий стиль орнаментального заполнения последующего геометрического искусства. На другой стороне — сходное изображение, более разрушенное, с тремя фигурами вместо колесницы вместо двух».¹⁵³

Однако, с комментарием Маюри нельзя согласиться. Прежде всего, сцены на обеих

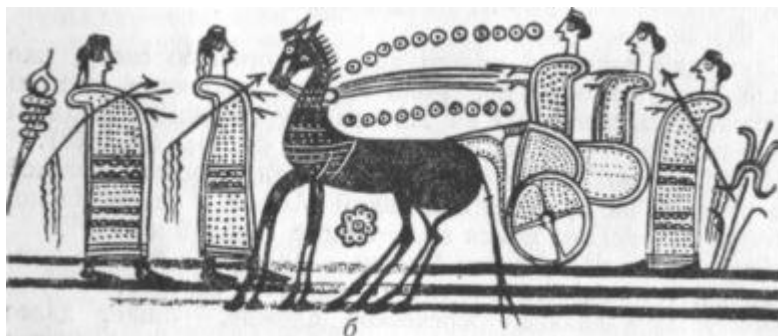

Рис. 19. а—ялисский кратер, б— рисунок на кратере.

сторонах кратера, видимо, далеко не так сходны, как полагает автор, ибо, насколько это возможно разобрать по фотографии, второй (более разрушенный) рисунок гораздо ближе по своей композиции к рисунку на кратере из Агии

Параскевы, чем к сцене на оборотной стороне. Фигура сильно геометризированной лошади и общий облик женской фигуры, стоящей позади колесницы, почти тождественны.

Ялисский кратер особенно интересен тем, что он в этот период упадка микенского стиля и развития геометриче-

ского, повидимому, выполняет почти ту же роль, что и ставшая знаменитой ваза Франсуа для переходного периода от чернофигурной к краснофигурной технике. На одной от фоне сосуда лошади даны в минойской технике вполне натуралистично; элементы геометризации сказываются лишь в схематическом изображении ног; лошади второго рисунка, подобно лошадям кипрского кратера, имеют вытянутые, несоответственно удлинённые, утолщенные в конце геометрические формы, и с точки зрения близости к натуре выглядят, конечно, гораздо беспомощнее, чем те же лошади на другой стороне этого же кратера.

Рис. 20. Часть из общей композиции рисунка.

Желтый, коричневый и красноватый тона нашего рисунка очень близки к тону тирийской фрески, которая, как это показано на рис. 20, композиционно представляет из себя часть этой или аналогичной сцены.

Центральное место композиции и здесь занимает пара коней. Все 5 фигур держат руки в ритуальном жесте вытянутых ладоней, и совершенно несомненно, что этот ритуальный жест обращен непосредственно к лошадям, священный убор которых подчеркивает их магическо-религиозную сущность.

Три фигуры, стоящие на земле, отмечены стрелами, которые, конечно, отнюдь не являются лишь орнаментальным украшением, как, без всяких на то оснований, думает Маюри. Ни на одном сосуде ни этого, ни последующего периодов мы не встречаем орнамента в виде стрелы.

В фольклоре различных народов стрела отвращает угрожающую беду или злые силы.

«Стрела, как острый, колющий предмет, подобно иглке, ножу, топору, сабле, мечу, копью, а также колющему растению, наводит страх на злого духа. В этом единственно и заключается свойство стрелы и ее значение в обрядах; ничего другого в ней нет — ни человеческой души, ни плодородия, ни тем более любви, только один страх».¹⁵⁴

На нашем рисунке знаком стрел, острием обращенных к коням, перечеркнуты лишь 3 фигуры: две, стоящие перед конями, и одна позади колесницы. Отвращающее значение стрел, защищающих людей от враждебной магической силы коней, здесь несомненно.

Две фигуры на колеснице, имеющие, очевидно, тесную культовую связь с впряженными в колесницу конями, не нуждаются в магической защите. Однако, поскольку культовый жест протянутых рук повторен и у этих фигур, нужно предполагать, что они — либо жрицы (жрецы?) коней, либо покойники, следующие в Аид.¹⁵⁵

Возможно, что в этом случае, вопреки утверждению Маюри, главной человеческой фигурой будет являться возница, держащий поводья в своих руках.¹⁵⁶ Можно предполагать, что самое вождение лошади было важным элементом в культе коня, и этот момент сохранился в предании о деревянном троянском коне в качестве пережитка до поздних времен.¹⁵⁷

Поскольку поводья непосредственно соприкасаются с лошастью, они, конечно, тоже становятся священными, подобно тому как веревка, привязанная к статуе Афины на афинском акрополе, служила проводником магической силы богини и давала гарантию неприкосновенности сторонникам Килона, пока не оборвалась, т. е. пока не была нарушена магическая связь Афины с людьми, держащимися за веревку.

Таким образом, рисунок родосского кратера, во-первых, дает развернутую сцену, которую лишь частично представляет тиринфская фреска; во-вторых, эта сцена представляет из себя, несомненно, одну из копий исчезнувшей минойской фрески, и, в-третьих, она дает ключ к раскрытию ритуального значения всей сцены, в которой главную роль играют впряженные в колесницу кони.

Как кажется, следы исчезнувшей минойской фрески, пользовавшейся столь широкой известностью в вазовой живописи позднемикенской поры, отчетливо вскрываются и; в одной, описываемой Гомером, сцене, а именно в приготовле-

ниях Приама к его поездке в стан Ахилла за телом Гектора.¹⁵⁸

Приам с возницей запрягают коней, тех коней, которых, как это подчеркнуто у Гомера, воспитывал сам Приам «у тесаных яслей». Из дома выходит Гекуба, неся золотой кубок с медвяным вином, «чтобы, совершив возлияние, уехали». Она становится перед конями и, держа в руках чашу, обращается к мужу с увещанием о необходимости совершить возлияние Зевсу.

Эта сцена дана с такой удивительной наглядностью, что можно с уверенностью предполагать: перед глазами певца была фреска, которую он тщательно описал, но смысл изображенной на фреске сцены был уже забыт, и поэт осмысляет ее по-своему, подобно тому как такое же переосмысление происходило и при описании сцен, изображенных на щите Ахилла. Нужно думать, что эти описания — сравнительно более позднего «литературного» происхождения и внушены авторам поэмы минойско-микенскими изделиями, уже тогда привлекавшими внимание, как «предметы старины».

Если попробуем зрительно воспроизвести картину, набросанную у Гомера, то увидим уже знакомую нам сцену: в центре находится колесница с впряженными в нее конями; на колесницу всходят 2 фигуры; перед конями стоит женская фигура с кубком, наполненным вином. Готовится возлияние. Кому? — Конечно, коням.

Но поэт переосмысляет сцену уже по-своему: Приам, вняв увещаниям Гекубы, берет у нее кубок, идет на середину двора и там (в стороне от колесницы и от коней) должен совершить возлияние.

Сцена переосмыслена и продолжена, но жест остался, и Гекуба, вставшая перед конями, воскресает перед нами в позднемикенской вазовой живописи.

Однако другое место в той же «Илиаде» с несомненностью вскрывает подлинный смысл этого ритуального жеста, как обращенного непосредственно к коням.¹⁵⁹ Так, Гектор, побуждая коней ринуться в бой на Диомеда, обращается к ним с молитвой, ибо именно так нужно воспринимать заключение поэта, замыкающее слова Гектора: «...так говорил он, молясь».¹⁶⁰ Обращаясь к коням, Гектор поименно называет каждого из них: «Ксанф, и ты, Подарг, и Эфон, и божественный Ламп...».¹⁶¹

Гомеровские поэмы отражают тот переходный период, когда конь становится в подчиненное к герою отношение,

когда эпитет «укротитель коней» обозначает доблесть и неустрашимость знатного героя».¹⁶²

Та же вазовая живопись позднемикенской поры помогает нам выяснить большое значение, которое имел конь в культурах Крита и особенно Микен.

Лошадь появляется в Месопотамии и, может быть, на Крите в III тысячелетии до н. э., но ее распространение отно-

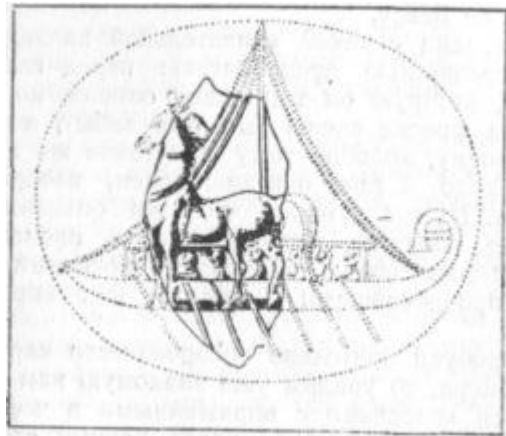

Рис. 21. Оттиск печати из Кносса.

сится ко времени не раньше второй половины II тысячелетия, т. е. периода расцвета микенской и падения минойской культуры.¹⁶³

Наиболее раннее критское изображение коня на оттиске печати из Кносса (рис. 21): на фоне корабля с рядом гребцов (из которых сохранилось три) изображена огромных размеров лошадь, может быть, привязанная к кораблю в знак того, что она прибыла на нем.¹⁶⁴

Явно непропорциональные размеры лошади по отношению к размерам изображенных гребцов указывают на ее обожествление, на то, что она мыслится здесь скорее в культовом плане, чем, как это предполагает Глотц, в утилитарно-бытовом. Появление знака лошади и колесницы в критском письме также говорит о той большой роли, которую начинает играть лошадь на Крите (рис. 22).

На одном фрагменте тиринфской вазы позднемикенского периода даны уже в сильно геометризованной форме конь и перед ним мужчина с жестом адорации.¹⁶⁵

Фрагмент другой тиринфской вазы представляет геометризованное изображение коня, собаки и двух идущих впереди воинов (подражание резьбе по дереву). Поводья коня заставляют предполагать, что за конем следовала колесница со жрецами. Над конем орнамент в виде змей. Конь, занимающий центральное место общей композиции, изображен в торжественном уборе. Воины, идущие впереди, держат копьё навесу и откинутый легкий щит. Это подчеркивает воинственно-ритуальную символику изображаемой сцены.

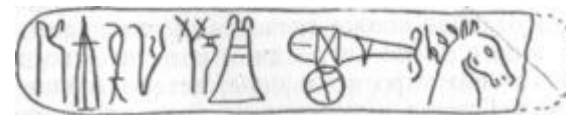

Рис. 22. Знак лошади и колесницы в критском письме.

На сосуде из Кипра (Курион) дано изображение коня со знаком двойного топора, что также свидетельствует о культовом значении лошади.

Этот древний конь внушал ужас и требовал для своего умилостивления человеческих жертв. Отблеск этого представления мы встречаем в поедающих людей конях Диомеда, стояла которых полита человеческой кровью;¹⁶⁶ далее — в конях Ахилла, обладавших бессмертием и даром предвидения, которые вешают Ахиллу человеческим голосом его роковую судьбу.¹⁶⁷ Эти кони у Гомера имеют свою генеалогию, восходящую к богам, так же как и кони Эрихтония и Троса.¹⁶⁸

У греков сохранилось представление о конях, как убийцах людей; в этом древние корни и мифа о Пегасе, первоначально не связанного с Беллерофонтом, и мифа о конях, сбросивших в бездну Фаятона. Сам Аид лишь принимает покойников, не не выступает в активной роли убийцы; убийцей является конь. С этим хорошо согласуется утверждение Артемидора: «...видеть во сне коня означает смерть».

К циклу этих же представлений относятся кони Лаомедонта и, наконец, замечательные, блистающие белизной кони Реса, одаренные такой магической силой, что именно от них зависит судьба конной Трои: если они вкусят пищу с троянских пастбищ и напьются воды из Ксанфа — Троя не погибнет. Именно поэтому Афина и Гера внушают Диомеду и Одиссею мысль убить Реса и увести коней немедленно после прибытия их в Трою, чтобы предотвратить возможность вкушения пищи.¹⁶⁹

Таким образом, в мифе конная Троя могла быть спасена конем и погибла от коня.¹⁷⁰

Сам деревянный конь, погубивший Трои, конь, приуроченный позже к Афине, является пережитком более древних представлений, согласно которым не он был орудием воли людей, а люди были орудиями его воли. Этот более древний момент, сохранившийся пережиточно, тем не менее явственно проглядывает в легенде о гибели Трои, как это в ряде случаев подметил Найт.¹⁷¹

Предание о деревянном коне, отраженное уже в «Илиаде» и разработанное позже греческими трагиками, а затем и Вергилием, дошло до нас в позднем варианте, когда над конем, в качестве его укротительницы, встала Афина Гипподамия, которая у Гомера и почиталась троянцами вместе с Посейдоном.¹⁷²

Напомним при этом, что Троя чтит коней и что самое изобретение хитроумного Одиссея (деревянный конь) и было основано на этом почитании коня в Трое.

Конь появился и на Крите и на материке позже других животных. Его более позднее появление в Египте (после гиксосов) вызвало и здесь усиленный интерес и естественный страх.

Использование коня лишь для войны, для битвы знати на колесницах — в то время как простой народ, масса, участвовала лишь в пешем строю — усиливало военное значение коня и колесниц и страх пеших воинов перед скачущими в пламени боя смертоносными конями, запряженными в легкие колесницы. И не случайно на таблетках Тель-Амарны царь Кипра в каждом письме регулярно желает фараону всякого благополучия «ему самому, его жене,¹⁷³ его детям, его стране, его коням и его колесницам».

Отсюда, конь становится активным носителем смерти, убийцей. Однако от поведения коня в бою зависела и участь знатных героев, стоявших на колеснице, и не случайны поэтому те «молитвы», с которыми гомеровские герои обращаются перед битвой к коням, которым в значительной мере вручена их судьба.

Насколько сильно выросла в сознание людей эта связь коня с родовой знатью и с войной, говорит и обычай воздвигать надгробные рельефы знати с изображением коня, широко распространенный в исторической Греции. Следует вспомнить знаменитого в Риме, вошедшего в пословицу «Сеева коня», рассказ о котором сохранен в извлечении из Гавия Басса и Юлия Модеста у Авла Геллия.¹⁷⁴ По этому рассказу Гней Сей имел коня, рожденного в Аргосе, потомка фракийских ко-

ней Диомеда. Этот конь, отличавшийся красотой и необыкновенными размерами, приносил разорение и смерть; владевшие им умирали насильственной смертью, предварительно потеряв все свое имущество. Так было с первым хозяином коня Гнеем Сеем, затем с консулом Корнелием Долабеллой, затем Гаем Кассием и, наконец, с победителем Кассия — Марком Антонием.

Таким он продолжал оставаться долго в сознании народа, даже тогда, когда с введением железного оружия миновали времена боевых колесниц и военных подвигов знати. И самая знать, раньше других почувствовавшая себя хозяином коня, сознательно, по мере возможности, использовала это представление как выражение своего могущества. Жреческий характер знати микенской и минойской Греции предоставлял ей возможность, воспользовавшись своей связью с конем, окружить и себя ореолом страшной магической силы, исходящей из коня.

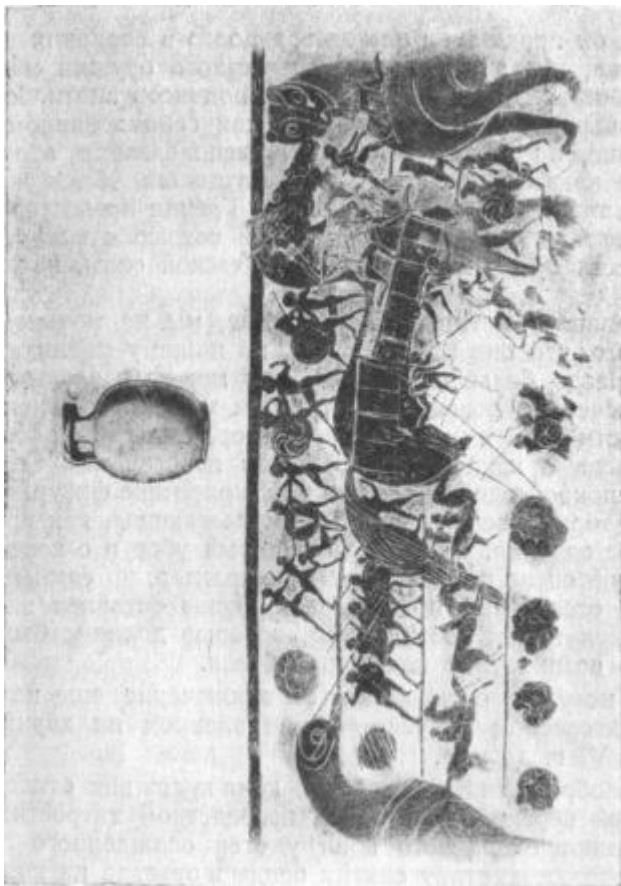
Возвращаясь к тиринфской фреске, мы не можем не отметить того, что она представляет, по нашему мнению, в этом плане гораздо больший интерес, чем может показаться вначале. Отсечением передней части коня художник избежал необходимости дать ему священный убор, связанный, как правило, всегда с каким-то сакральным действием.¹⁷⁵ Сохранив обычный покрой одежды стоящих на колеснице фигур, художник снял торжественные розетки, покрывающие, как правило, жреческие одеяния. Снят торжественный убор и с колесницы. Сакральной сцене придан светский характер, но самим искусственным отсечением продолжения сиены оставлен широкий простор культовым ассоциациям, которые должны были непременно возникать у каждого зрителя.

Я не могу не остановиться в заключение еще на одном крайне интересном рисунке, представленном на коринфском арибалле VI в. до н. э. (рис. 23).¹⁷⁶

При изображении деревянного коня художник отклоняется от обычной версии взятия Трои посредством хитрости: ахейцы оставляют сделанного коня у стен осажденного города, а сами создают картину снятия осады и отъезда на кораблях. Лишь ночью, когда Троя погрузилась в сон, вышедшие из коня греки открыли ворота подошедшему ахейскому войску. В нашем случае, как отметил уже издатель сосуда Френер, обстоит иначе: битва начинается в тот момент, когда еще не все ахейцы успели покинуть свое убежище. Поэтому бой происходит и у коня, и на коне, и под конем. Создается впечатление, что разыгрывается битва за коня, свидетелями ко-

торой являются птица (гусь?) и львица таких же огромных размеров, как конь.

Возможно, что столь сложная композиция (более 44 фигур) не выдумана художником, но заимствована им из ка-

кого-либо другого более древнего памятника. Однако значение и смысл самой сцены были уже в значительной мере утрачены, и поэтому наряду с конем огромных размеров художник вводит два звериных персонажа, распространенные в ориентализирующих памятниках того времени. Он уравни-

вает их по величине с конем, наподобие звериного, хотя здесь и совершенно неуместного, фриза.

Это — и дань художника своему времени и, с другой стороны, — свидетельство своеобразного и примитивного освоения древней легенды.

Однако самый рисунок боя у деревянного коня проливает некоторый свет на другие версии мифа о падении Трои, которые сохранились лишь в устной и живописной традиции, но стерлись и забылись в традиции литературной.

Глава II

АРХАИЧЕСКИЙ РОДОС

1. РОДОССКОЕ ТРЕХГРАДИЕ

В древнейшем письменном источнике «Илиаде» о Родосе представлен населенный дружинами Глеполема, —

Кои в родосской земле, разделенные на три колена,
Линд и Ялис и Камир белокаменный вкруг населяли...¹

Все три города объединены властью Глеполема, который, повидимому, был и архагетом и ойкистом городов (в пользу этого говорит пассивный оборот, относящийся к заселению городов — *ωκηθεν, χωρηθεντες*). Эта версия подтверждается также наличием на острове культа архагета Глеполема² и архагетов Гераклидов.³ Родос в тот период являлся уже богатым островом:

Зевс им богатства несметные свыше излил, Олимпиец.⁴

Это представление о Родосе вряд ли старше VII в. до н. э. Период X — VIII вв. остается неосвещенным.

Три родосских центра — Линд, Камир и Ялис — возникли, несомненно, еще в минойский период жизни острова. Однако нельзя предполагать, что традиционное в истории трехчленное разделение острова создано сразу и что кроме этих городов на Родосе существовали лишь многочисленные поселки. И действительно, в схолиях к VII олимпийской оде Пиндара назван и четвертый родосский город — Ахея: «Дидим говорит, что есть и четвертый город, называемый теперь Ахеей».⁵

Помимо этой заметки схолиаста, мы находим несомненное подтверждение существования Ахеи в надписи, относящейся к древнему святилищу Аллектроны, а затем у Диодора и у Афиня со ссылкой на Эргия.

Афиней приводит рассказ родосских историков Полизела и Эргиада о поселении в ялесской области финикийцев, пред-

водительствуемых Фалантом. При вторжении греков во главе с Ификлом на Родос,⁶ финикийцы укрылись в Ахее, укрепленном городе в Ялесе.

Диодор, повидимому,⁷ заимствует свой рассказ у родосского историка Зенона: не участвовавшие в убийстве Тенага, сыновья Гелиоса Охим и Керкаф остались на Родосе и «поселились в Ялсии, основав город Ахею».⁸ Это произошло, по версии Диодора, еще до возникновения Линда, Камира и Ялиса, которые были основаны лишь сыновьями Керкафа после того, как сильное наводнение опустошило Кирбу.

Надпись Аллектроны представляет сакральное постановление ялессцев о священном участке и храме Аллектроны.⁹ Одна стела с этим постановлением должна быть выставлена при входе в святилище,¹⁰ находящееся вне города, по дороге, ведущей, может быть,¹¹ из нижнего города; вторая стела выставляется, повидимому, в центре этого города на агоре и, наконец, третья — при спуске из города Ахеи.

Еще Меурсий высказывал предположение, что *Ἀχαία πόλις* наших источников и *Ὀχυροῦσα* Страбона обозначают одно и то же — акрополь Ялиса на вершине горы Филерма.¹¹

Это положение оставалось общепризнанным до выступления Виламовица: сославшись на заметку схолиаста к Пиндару, Виламовиц замечает, что мнение о тождестве Ахеи с акрополем Ялиса — «неприемлемо».¹³

Мнение Виламовица было категорически отвергнуто С. Селивановым. Вместо предложенного Гиллером чтения *εν τη Ἰαλιούσα* (у Афиня: *εν τη Ἰαλιούσῳ*), Селиванов считает возможным избежать конъектуры, понимая *πόλις ἰσχυροτάτη* в смысле *ἀκρόπολις*;¹⁴ в этом случае самый термин *πόλις ἰσχυροτάτη* как нельзя более согласуется со страбоновским *Ὀχυροῦσα*.

Надпись Аллектроны также свидетельствует о том, что самое святилище находилось на склоне горы, примерно посередине подъема, между городом (*πόλις*), расположенным у подошвы Филерма, и Ахеей — акрополем на вершине горы.

Что же касается заметки схолиаста, то, с нашей точки зрения, С. Селиванов правильно отмечает, что в ней есть «что-то недосказанное и перепутанное». Прежде всего смущает словечко «*ἄνν*». Если оно относится ко времени Дидима или самого схолиаста, то на острове в это время было уже не три и не четыре, а гораздо больше городов.

Вполне возможно, что Дидим отождествил *Ἀχαία πόλις* (==*ἀκρόπολις*;) с особым городом, тем более, что вплоть до

первых десятилетий IV в. до н. э. слово «полис» часто употреблялось в значении «акрополь».

Очень убедительные возражения С. Селиванова, с нашей точки зрения, не решают, однако, одного важного вопроса. С. Селиванов склонен считать Ахею очень древним городом (более древним, чем Ялис), что, с его точки зрения, подтверждается и самим положением Ахеи на вершине горы Филерма. Как же тогда объяснить, что наименование Ахеи было поглощено позднее возникшим Ялисом? По примеру минойских городов Крита, Ялис возник не на вершине холма, а на его склоне (ср. находки Минако). Ахея, как об этом свидетельствует ее имя, возникла, вероятнее всего, с появлением на острове ахейцев и вполне возможно, что первоначально Ялис и Ахея были действительно двумя разными городами.

Наименование «Ахеи» не является исключением. Аналогичная топонимика встречается и в других местах: так, на северном побережье Крита узкая, выступающая в море полоса земли носила название Ахейской возвышенности.¹⁵ В Троаде известен залив, называвшийся Ахейским, на берегу которого, по преданию, находился лагерь ахейцев во время осады ими Трои.¹⁶ По свидетельству схолиаста к Аполлонию Родосскому,¹⁷ на северном побережье Крита находился и город Ахея.

Можно было бы увеличить число примеров, но и сказанного достаточно, чтобы видеть, что такие «ахейские» названия связаны обычно с преданием об ахейцах и нет надобности считать все эти предания совершенно лишенными всякого исторического значения. Наоборот, как кажется, эта «ахейская» топонимика свидетельствует о периоде ахейской колонизации, следы которой были стерты затем волнами более поздней дорийской колонизации. Об ахейской колонизации Родоса свидетельствуют и элементы эолийско-ахейского диалекта, встречающиеся в языке дорийского Родоса.

Таким образом, Камир, Ялис и Линд связаны в своем возникновении с критским периодом; Ахея же свидетельствует об ахейской колонизации.

В случае насильственного вторжения ахейцев и борьбы с населением острова, гора Филерма, как самая высокая вершина в северо-восточной части Родоса, должна была представлять собой лучший плацдарм для поселения воинственных дружин. Захват вершины Филерма обеспечивал не только укрепленное природой убежище, но и пункт наблюдения над всей окрестностью.

Интересно отметить, что основание Ахеи связано в мифе

с именем двух сыновей Гелиоса, враждебно настроенных к населявшим остров тельхинам. Поэтому можно примирить кажущиеся противоречия источников. Первоначально 'Αχαία πόλις был, действительно, инородным элементом в минойском Ялпсе или Ялсии и являлся отдельным городом, хотя территориально близким связанным с местоположением Ялриса; позже он превратился в акрополь Ялриса: ισχυροτάτη πόλις 'Αχαία и стал, таким образом, 'Οχύρωμα ή ακρόπολις 'Ιαλυσον.

Кроме Ахеи, в Ялсии древние авторы называют еще и пятый город — Кирбу (Кирбию), о котором рассказывает (несомненно поврежденный) текст Диодора.¹⁸ Сообщив о том, что братья Гелиады, неповинные в убийстве Тенага, обосновались в Ялсии, основав Ахею, Диодор продолжает: «Старший из них. Охим, будучи царем, женился на одной из местных нимф Эгетории, от которой родилась дочь Кидиппа, после этого названная Кирбией;¹⁹ брат Юхима] Керкаф, женившись на ней, наследовал царство. После его смерти власть наследовали три сына: Линд, Ялис, Камир, при которых произошло сильное наводнение; затопленная Кирба опустела. Братья же поделили землю, и каждый из них основал город по своему имени».

Нигде ни до ни после этого Диодор не упоминает более о Кирбе, и выражение την μετα ταυτα Κυρβίαν μετονομασθειαν остается совершенно необъясненным. Уже Беккер, не принимая существовавшую до него конъектуру Пальмерия (πόλιν 'Αχαίαν την μετα ταυτα Κύρβην μετονομασθειαν), предлагал свою:

Κυδίππην την Κύρβην κτίσα

Гиллер, не упоминая о конъектуре Беккера (не зная ее?), пытается исправить текст Диодора следующим образом: ... εξ ης εγέννησε θυγατέρα Κυδίππην *)]και έκτισε πόλιν [имя] την μετα ταυτα Κυρβίαν μετονομασθειαν.

Это исправление позволяет ему распределить демы, которые он считает ялсскими, между Ахеёй, Кирбой и Ялисом: «В этом затопленном исчезнувшем городе, — пишет он, — мы можем теперь распознать Παλαιά πολις, по которому дем был назван Παλαιοπολιται. Он должен был лежать у моря, на месте, где возможно наводнение»; Νεοπολιται населяли, по его мнению, «нижний город» (Ялис) и Πολιται — верхний город (Ахею, Охирому).²¹ Тем самым, однако, Гиллер впадает в явное противоречие с его же собственным восстановлением, согласно которому древнейшим городом оказывается не Кирбия, но Ахея. Он впадает в противоречие и с показаниями археологическими, по которым позднейшим городом из этих трех можно считать не Ялис и не Кирбию, но Ахею.

Таким образом, его восстановление и вытекающее отсюда распределение трех демов по трем городам остается в высшей степени искусственным.

Наиболее убедительным из всех восстановлений текста Диодора является, с нашей точки зрения, замолчанное в литературе восстановление С. Селиванова: χτίσαντες πόλιν Ἀχαιῶν [καὶ ἀλλήν Κόρθην] или [ἐτι δε καὶ Κόρθην]. «Быть может,— пишет Селиванов,— Кидиппа стала называться Кирвией именно с тех пор, как вышла замуж за дядю, который, повидимому, и основал Кирву. Больше подходит к самому характеру эллинских сказаний дать двум лицам роли основателей не одного, а двух городов».

С. Селиванов прав в том, что даже в духе позднейших родосских легенд об основании городов вернее представить себе двух сыновей Гелиоса ойкистами двух городов, подобно тому как в тех же преданиях ойкистами трех родосских городов, Ялиса, Линда и Камира, являются либо три внука Гелиоса, либо три дочери Даная.

Правдоподобно также предположение С. Селиванова о том, что Кирба была основана приблизительно в том же районе, где значительно позднее возник общеоостровной политической центр — город Родос, также страдавший в исторические времена от наводнений: «Если местность со столь выгодным географическим положением оставалась вплоть до последних годов V в. пустынной, то это можно, пожалуй, объяснить тем, что долго сохранялось предание о губительном наводнении, и она считалась подвергнувшейся гневу богов, проклятой; с течением времени это мало-помалу забывалось и, наконец, совсем забылось. Забыли, где была Кирва,²² и лишь смутно помнили об ее исчезновении от наводнения».

Город Кирба, расположенный на территории Ялисии, был, повидимому, в своем возникновении так же тесно связан, как и Ялис, с Критом. Самое имя «Кирба» топонимически связано с Критом: критский город Гиерапитна, по свидетельству Стефана Византийского, назывался и Кирбой и Камиром.²³ Страбон называет Кирба основателем Гиерапитны,²⁴ по другой версии Кирб — кноссец.²⁵

Таким образом, если признать историчность Кирбы, города на северном побережье острова, в месте расположения позднейшего Родоса,²⁶ то необходимо связать основание этого города с Критом.

Нимфа Эгетория, одна из местных нимф, повидимому, также имела древний культ на Родосе; может быть, именно с ней связан род Агеторидов (Агетории), известный нам по ро-

досским надписям. Повидимому, она была местным божеством, позднее оттесненным до разряда нимф.²⁷

Любопытно отметить архаическую черту, сохранившуюся в мифе об основании этих городов: самая женитьба дяди на племяннице свидетельствует об эндогамии, некогда, повидимому, распространенной. Об этом свидетельствуют и эндогамия Бакхиадов в Коринфе и эндогамия, применявшаяся в интересах сохранения целостности богатств рода, в досолоновской Аттике.

Может быть, действительно, в предании об Ахее и Кирбе мы встречаемся с яласской редакцией мифа, по которому яласская область оказывается заселенной прежде камирской и линдийской. Ялис, кроме того, в мифе оказывается и старшим из трех братьев.

Таким образом трехградный остров, ставший, со времени корабельного каталога, традиционным, на самом деле имел, вероятно, в период критской, ахейской и дорийской колонизации гораздо большее количество политически-автономных центров, значение которых стерлось ко времени разделения всей территории острова между тремя полисами.

Но следы этого объединения потеряны, и длительный процесс этих первых родосских синойкизмов сейчас не может быть нами восстановлен. Мы можем только предполагать с достаточной уверенностью наличие этого процесса в X—IX в. до н. э., ибо в VIII в. территория острова уже поделена между Ялисом, Линдом и Камиром.

2. ПРОБЛЕМА „ФИНИКИЙСКОЙ" КОЛОНИЗАЦИИ

В литературе уже давно обращалось внимание на наличие в родосской топонимике большого количества догреческих наименований.

А. Фик, исследуя географические названия Родоса, отмечал, что греческие имена образуют здесь (как и на Крите и в ряде других мест этого же района) лишь тонкий поверхностный слой, который можно без труда снять. Греческая топонимика, большей частью, образована от слов: pagos, polis, pedion, drys; от ἐρίνεός (дикая смоковница— Ἐριναί[α], от Ἰπλόται — Ἰπλόταια. Также бесцветны имена Ὀχύροφα и Σχεδία у Ялиса.²⁸

Однако попытка Фика обосновать негреческую топонимику Родоса, Крита и других островов путем связывания определенных типов слов с определенными племенами является неубедительной. Совершенно необоснован и заключительный

вывод Фика о хеттском происхождении этих негреческих названий и совершенно произвольно его деление всех имен на дельтские и карийские.

Но если гипотеза хеттского происхождения родосской топонимики может считаться снятой, то тем настойчивее, выдвигают гипотезу о первоначальном карийском и финикийском заселении додорийского Родоса.

Подробнее всего о финикийском населении острова говорил Т. Менге.²⁹ Он отмечал, что с финикийцами связано на Родосе имя Даная и еще больше Кадма. У родосского историка Эргия был даже особый труд, позже использованный Диодором, «О заселении острова финикийцами».³⁰ Так, по Диодору, Кадм сооружает на острове храм Посейдона, оставляя, после своего отъезда, некоторое количество финикийцев для заботы о культе.³¹ Эти финикийцы, свидетельствует дальше Диодор, смешавшись с ялисками, образовали с ними общую симполитию. От них, как рассказывают, жрецы принимают жречество по роду.³² На основании этого сообщения Диодора Менге приходил к выводу, что колонизация финикийцами Родоса не сопровождалась захватом ими политической власти на острове; они лишь основали здесь эмпорий, и сооружение храма Посейдона должно было обеспечить успех их торговых операций.

Шнейдервирт еще категоричнее Менге отстаивает гипотезу финикийской колонизации, считая финикийцев вообще первоначальным населением Родоса.³³ По его мнению, сидонские купцы заселили и Крит, и Кипр, и Родос. Живших на Родосе карийцев они прогнали или обратили в рабство. Линд стал центром финикийской торговли, и Афина — это сидонская Астарта; Камир — также резиденция финикийцев, а тельхины — финикийское население острова. Однако главным местопребыванием финикийцев, по мнению Менге, был Ялис, где Кадм, вождь финикийской колонизации, воздвиг храм Посейдона. Финикийское заселение острова длилось столетия; поселенцы дали Атабирию его имя (Tabor); они заложили здесь основы торговли, ремесла и культуры.³⁴

Однако, после работы Белоха³⁵ западноевропейские историки стали гораздо осторожнее относиться к панфиникийской гипотезе. Поэтому характерно, что такой осторожный историк, как Ван-Гельдер, первый из историков Родоса, уже иначе трактует этот вопрос. Он считает, что финикийцы не могли появиться на острове до заселения его греками и никогда прочно на нем не обосновывались. Мифологическую традицию о заселении Родоса финикийцами он склонен считать не отра-

жающей историческую действительность. Это — только мифология, но не история.³⁶

Интересно, что археологи гораздо дольше придерживались гипотезы финикийского распространения в бассейне Средиземного моря, чем историки. И это, несмотря на то, что наличный археологический материал датирует появление финикийцев не раньше VIII в. до н. э.

Наиболее рьяным последователем «финикийской теории» является Поульсен, посвятивший вопросу о влиянии финикийского искусства на раннюю Грецию целую монографию.³⁷ По его мнению, финикийские фактории на Родосе возникают вскоре после 1000 г. до н. э. Автор указывает при этом на родство фигурок из слоновой кости, найденных в Камире, с женскими фигурами из того же материала из Нимруда. Камирские статуэтки были найдены вместе с греческой керамикой (древнеродосскими вазами).³⁸ Анализ орнаментального стиля родосских тарелочек приводит Поульсена к выводу, что они представляют смесь финикийского влияния (особенно финикийских бронзовых чаш) с греческими элементами. Таким образом, довольно непоследовательно заключает автор, их родиной могло быть лишь то место, где жили и финикийцы и греки, находясь между собой в долгом и близком общении. Этим местом являлся Родос.³⁹

Вывод Поульсена непоследователен уже потому, что в определенный период развития производительных сил, выходя на арену более расширенных торговых отношений, родосцы могли подражать и действительно подражали финикийским бронзовым и серебряным изделиям в цепях завоевания рынков, но их «длительное сожительство» при этом было отнюдь не обязательным. «Длительное сожительство» скорее привело бы к созданию аналогичных сосудов и к смешению населения, как о том повествует Диодор в мифе о Кадме.

Поскольку археологи подчас, как мы видели, придают историческую реальность мифологии в большей степени даже, чем историки, следует несколько задержаться на вопросе о мифологических свидетельствах наличия финикийской колонизации на Родосе.

Наибольшее значение обычно придают рассказу, сохранившемуся у Диодора, о прибытии на Родос Кадма, воздвигнувшего храм Посейдону и оставившему при нем финикийцев для совершения культа.

По мифологическим представлениям, Минос был сыном Зевса от Европы, дочери Феника (финикийца); братом Европы был Кадм, эпоним фиванских кадмейских царей. Уже

здесь проглядывают представления, роднящие Кадма с Миносом.

Это подтверждается несомненной близостью археологических памятников минойского Кносса и кадмейских Фив. Кносский дворец находит себе явную параллель в сохранившихся остатках минойского дворца в Фивах (с тем же отсутствием характерного для микенских дворцов мегарона). Сохранились незначительные фрагменты фресок фиванского дворца, которые указывают также на их близость с фресками Кносса.

И если в мифах Кадм прибыл в Беотию из Финикии, а не с Крита, то это лишь потому, что ко времени возникновения легенды о Кадме в ее дошедшем до нас позднем и греческом варианте, греки помнили лишь о прибытии Кадма и приурочили родину Кадма не к забытому ими Криту, но к Финикии, которая считалась у греков, подобно Египту, страной древней цивилизации.

Никаких элементов финикийской колонизации в Беотии нет. Отсюда ясно следует, что Кадма правдоподобнее связывать с Критом; это подтверждается и для Фив и для Родоса.

Как я уже пыталась показать, и тельхины связаны отнюдь не с Финикией, но с Критом. Культ Афины Линдии, возникший на месте поселения микенской поры, уходит корнями в религиозные представления критян. Наличие изображения быка в храме Зевса также ведет нас к минойскому почитанию быка и к культу критского Зевса, а не к сидонскому Ваалу.

Таким образом, и мифологический материал, при ближайшем рассмотрении, несет на себе лишь поздний финикийский налет, когда в VII и VI в. до н. э. греки многое склонны были связывать именно с финикийцами.

Против финикийской теории свидетельствует также и тот факт, что полые статуэтки со свободной прической, часто называемые «псевдоегипетскими», очень популярные на Кипре и обычные в Финикии, не нашли распространения на Родосе.⁴⁰

Весь наличный в архаических некрополях Родоса археологический материал не только не дает повода к утверждению давнего заселения Родоса финикийцами, но, и более того, свидетельствует как раз о том, что на Родосе и вообще не было финикийских факторий, даже в конце IX — начале VIII в. до н. э. Влияние финикийцев чувствуется лишь тогда, когда в керамике распространяется мода на «ориентализирующий стиль». Но к этому я вернусь позднее.

Уже в конце микенского периода на о. Родос, как это я пыталась показать в первой главе, начали проникать дорийцы. К началу IX в. до н. э. остров стал дорийским.

Преобладанию дорийского элемента на Родосе сопутствуют развитие родосской геометрической керамики и кремация как основной способ погребения. Последние раскопки в некрополях Ялиса и Камира сильно обогатили имевшийся в нашем распоряжении родосско-геометрический материал.⁴¹

Характерными для родосской геометрической керамики являются сосуды, представляющие по орнаменту переход от микенского к геометрическому.⁴² Это сильное влияние минойско-микенской техники и орнаментации на геометрический стиль, характерное si для Крита и для Родоса, приводило даже к попытке вообще отрицать наличие геометрического стиля как на малоазийском побережье, так и на юго-восточных островах Эгейского моря (в том числе на Крите и Родосе).⁴³

В высшей степени характерным для этих минойско-микенских переживаний являются огромные пифосы, достигающие иногда 1,5 м вышины, с выпуклым штампованным орнаментом.⁴⁴ Геометрический орнамент, разделенный на пояса, несет на себе явное влияние минойской керамики.⁴⁵ Пифосы кносского дворца явились несомненным прообразом родосских пифосов. Наиболее древние экземпляры пифосов датируются IX—VIII в. до н. э.⁴⁶

В этот период продолжающегося сильного влияния микенского керамического мастерства, мы решительно нигде не встречаемся с каким-либо влиянием финикийского искусства. Тем самым отпадает, как совершенно несостоятельное, одно из основных утверждений Поульсена о финикийском влиянии на Родосе в рассматриваемое время.⁴⁷

Период геометрической керамики на Родосе занимает длительное время, с IX до VII в. до н. э., но в VII в. уже налицо сосуществование геометрического стиля с ориентализирующим.

На интересном археологическом материале Врулии Кинку удалось установить наличие в VII в. до н. э. на Родосе местных керамических мастерских, которые одновременно вырабатывали и геометрическую и ориентализирующую посуду.⁴⁸ Таким образом, даже в период распространения новых ваз существовал спрос и на керамику старого образца, которая находила сбыт среди некоторой части населения острова. Сосуды этих мастерских почти все без исключения (кроме одного-

экземпляра, найденного в Навкратисе) обнаружены на территории самого острова, и поэтому принадлежность их К родосской керамической продукции несомненна.

Район распространения родосских геометрических ваз до VII в. до н. э. не был широким; это, главным образом, о. Фера и карийское побережье Малой Азии. В VII в., в связи с родосской колонизацией, позднегеометрические сосуды и сосуды переходного типа встречаются в Троаде, на о. Фере, в Кикладах (Делос, Ренея), на Эгине, в Аргосе и, наконец, в Сицилии—в Геле и Сиракузах. Были ли все эти сосуды произведениями керамических мастерских самого Родоса или подражаниями родосской керамике на местах—сказать пока невозможно, но и в том, и в другом случаях налицо рост торгового обмена Родоса с довольно широкой периферией.

Однако мы считаем необходимым еще раз подчеркнуть, самый факт связи Родоса с вышеперечисленными районами лишний раз свидетельствует о том, что здесь не было места ни финикийским факториям, ни финикийскому влиянию.

Непосредственное влияние Кипра и более близкое знакомство с финикийскими изделиями начинается лишь в конце VIII в. Уже в конце VIII и начале VII в. до н. э. родосские города принимают активное участие в греко-восточном торговом обмене; в то время Родос завязывает оживленные сношения с Египтом, Финикией, Кипром и городами Ионии.

3 ГРЕКИ И ФИНИКИЙЦЫ. ОРИЕНТАЛИЗИРУЮЩИЙ СТИЛЬ

Работы историков и особенно археологов последнего десятилетия с необычайной яркостью показывают, насколько значительным и насыщенным был в истории Греции VII в. до н. э., который больше уже не рассматривается как «темное и варварское время», как «малосодержательный период» внутреннего развития Греции, а как предшествующий расцвету VI—V вв.⁴⁹

Если X—IX вв. до н. э. являются временем стабилизации греческих племен, осевших в районе Эгейского моря, то VIII—VII вв. представляют из себя период, полный напряженного творческого и интенсивного политического, экономического и культурного развития очень многих греческих, особенно островных и малоазийских, центров (на материке — Сикиона и Коринфа).

Одним из главнейших международных событий второй половины VIII в. была военная экспансия Ассирии на запад; завоевание Саргоном Кипра в конце VIII в. означало для фини-

кийцев в конечном итоге потерю одной из **главнейших** баз эгейской торговли, ибо в борьбе с Финикией Саргон опередился, — как показывает его стела победы, найденная в районе древнего Киттиона на Кипре, — на местных греческих базилиевсов, и преемник Саргона Ассаргадон уже имел дело с 12-ью кипрскими базилиевсами, носившими греческие имена.

VIII в. тесно связан в истории Греции с проблемой финикийского влияния. Совершается переход от геометрического к ориентализирующему стилю ряда греческих полисов; в первую очередь малоазийские и островные центры восточной Греции, а вслед за ними Сикион и Коринф на материке, находясь под непосредственным влиянием крито-кипрского района, воспроизводят восточные образцы и учатся у финикийцев техническим достижениям Востока.

Период ориентализирующего стиля, охвативший все передовые тогда центры и в первую очередь восточные районы Греции, характерен подражанием восточным образцам, которыми финикийцы, по мере роста греческого спроса, наводняли греческие города. Финикийцы Сидона и финикийские фактории Кипра сыграли большую роль в этом повышении интереса молодых учеников к образцам восточного искусства.

Для греков VIII—VII вв. до н. э. финикийцы в значительной степени являлись «учителями изобретений». Греки считали заслугой финикийцев изготовление стекла, мастерство пурпурной окраски тканей, работы по металлу, развитую систему мер и веса и искусство письма. Фактически все это было финикийцами заимствовано: одно — у Египта, другое — в Вавилонии, третье — в Сирии; финикийцы, подчинявшие всю свою промышленность практическим целям наилучшего сбыта, лишь видоизменяли и, по мере возможности, улучшали заимствованные ими изобретения.

Широкие восточные связи Крита и Микен к этому периоду были забыты, а если в геометрическом стиле раннего греческого искусства и сохранялись орнаментальные переживания крито-микенской вазовой росписи, то этот орнамент к VIII в. до н. э. тоже был геометризован.

Таким образом, финикийские фактории выступают как первые рассадники восточных влияний, и в тот период, когда греческие города оказались в состоянии открыть более или менее систематический обмен товарами, они естественно столкнулись с финикийской зоной влияния.

«Смешанный стиль» искусства Финикии и высокая техника изготовления финикийской продукции должны были в это время казаться грекам шедевром. Поэтому не удивительно,

что греки считали своим большим достижением техническое совершенствование искусства копирования.

Искусством подражания греки вскоре овладели настолько, что, по свидетельству археологов, греческие архаические предметы, найденные и в Сицилии и в Сардинии, совершенно не отличаются от финикийских. Однако, это подражание имело место прежде всего потому, что финикийская продукция входила в моду и находила хороший сбыт. И если геометрическое искусство распространялось в основном локально, то искусство ориентализирующее уже с первых шагов своего развития имеет тенденцию к более широкому территориальному распространению, чем, с нашей точки зрения, и объясняется проникновение первых греческих изделий, подражающих финикийским образцам, на запад, в южную Италию⁵⁰ и Сицилию, уже в доколониционный период.

Таким образом, конец VIII в. стал переломным моментом в истории Греции. Завоевание Финикии Ассирией и ставка ассирийских царей на греческое население Кипра приблизили греков непосредственно к Востоку. На самом Кипре финикийское влияние уступает место ассирийскому и египетскому, причем последнее, начиная уже с VII в., становится все более преобладающим.

Финикийская торговая экспансия на востоке терпит одно поражение за другим, ибо передовые греческие города, уже окрепшие и многому научившиеся, вступают в борьбу за овладение рынками, находившимися ранее в зоне финикийского влияния.

В этот период, непосредственно предшествующий колониционному движению VII—VI вв., греческие купцы вместе с наемниками и политическими эмигрантами прокладывают (в значительной мере по финикийским трассам) те первые пути, которые затем станут путями колонизации.

Именно этим и объясняется, с одной стороны, столь быстрый конец существования геометрического стиля и, с другой стороны, широкий размах продукции ориентализирующей. Следуя первоначально финикийской, а позже вообще древневосточной моде, греки изготавливали для рынка все новые и новые сосуды с фризами зверей и сказочными мифологическими существами.

Псевдоегипетские и египетские божества и амулеты находили сбыт по всему греческому миру; распространителями этих изделий стали Кипр и Родос.⁵¹

В ряде центров — сирийских, кипрских, родосских, греческих — развивается подражание на различном материале (от

фаянса до мягкого камня) египетским скарабеем; с конца VII в. их начинают производить ионийские мастерские в Накратисе, и вскоре скарабеи завоевывают мировой рынок и на столь длительный срок, что до середины V в. остаются господствующей формой гемм у греков.

Изучая материалы керамических находок в некрополях этого периода различных греческих полисов, можно отчетливо проследить, как интересы рынка и сбыта вызвали к жизни многочисленные подражания наиболее ходкому товару того или иного периода.

Об этом свидетельствуют археологический материал, преемственность стилей и единое для восточных и для западных районов Греции «ориентализирующее» движение, которое вновь объединило эти районы, столь мало общавшиеся друг с другом в период геометрического стиля. И действительно, повидимому, не было ни одного технического сдвига, ни одного нововведения в росписи или даже в ее орнаментальных деталях, которые, как правило, не подхватывались бы рядом других центров; Греция тогда бурлила и жила полной жизнью; полисы, родившиеся в обстановке теснейшего соседства с уже седыми, омертвевшими и застывшими в созданных веками традиционных формах древневосточными монархиями, теперь выходили на дорогу новаторства, и восточный стиль в руках греческих мастеров проделывал быстрые и удивительные превращения.

Крайне интересной и показательной является эволюция росписи коринфских сосудов ориентализирующего стиля, наблюдавшаяся на сикионских вазах уже Иогансеном и позже бесспорно установленная Пэйном.

Пэйн рассматривает переход к ориентализирующему стилю, совершавшийся в Коринфе в последние десятилетия VIII в. до н. э., как чрезвычайно важный перелом в истории коринфского мастерства. Происходило освобождение художника от стойких уз геометрического стиля. Художник вступал в мир сказочных экзотических существ древнего Востока, и в начальный период развития ориентализирующего стиля еще очень сильно сказывалось первое непосредственное впечатление от соприкосновения с ним.

Если минойский Крит, усвоив технику египетских мастеров, остался чуждым пестроте и причудливости красок, свойственных с древних пор египетскому мастерству, то теперь греческий мир, вновь соприкоснувшийся с Востоком, захватила именно эта пестрота, бросавшаяся в глаза и в рисунках

восточных тканей и ковров, и в керамике, и в яркой росписи терракот.

В звериных фризах сфинксы и грифоны выступают наряду с реальными львами и пантерами; тритоны и морские коньки вытесняют геометрических рыб; сказочные птички существа с течением времени становятся преобладающими в соседстве с древними гусями и лебедями.

В VII в., когда Коринф вступает в непосредственные торговые сношения с Востоком, в частности с Родосом, традиционные типы протокоринфской керамики подвергаются изменениям: хеттские львы протокоринфской живописи вытесняются ассирийскими; в звериных фризах появляются столь обычные в ассирийских рельефах четырехкрылые чудовища.

Центр интересов художника постепенно перемещается; мир Востока, будивший некогда воображение, становится привычным. Чисто декоративные интересы начинают преобладать, ибо мифологически не осмысленные и не воспринятые сказочные существа способствуют такому сравнительно быстрому переходу к их чисто декоративному восприятию. Наряду со стереотипными формами, входящими в традицию уже к концу VII в., становятся обычными геральдические группы с центральной человеческой фигурой и двумя звериными по бокам или фризы животных совершенно неподвижных или с очень слабым движением.

Художника, однако, уже не удовлетворяет рабское подражание восточным образцам, и поскольку декоративные интересы преобладают, начинает работать собственная фантазия: число сказочных существ значительно возрастает, они перемешиваются с реальными; если раньше только сирены и грифоны изображались с крыльями, то теперь и у пантер и у львов вырастают крылья; туловища птиц причудливо сочетаются с головами баранов, собак, львов, пантер и грифонов.

Ярче и полнее всего это проявляется в Коринфе, который в период развития торговой экспансии и, в частности, расширения своих торговых связей с Востоком выбрасывает на рынки большое количество ваз с ориентализирующей росписью.

Однако некоторые образы, переосмысленные и воспринятые в греческой мифологии, не исчезают с концом ориентализирующего стиля, но остаются и эволюционируют в течение всего периода греческой истории.

Родос так же был захвачен этим бурным производственно-торговым и одновременно интеллектуальным развитием, как

все передовые города, под мощным и непосредственным воздействием Востока.

Родос сыграл значительную роль и в развитии греческой пластики VII—VI вв. (в то время родосцы могли, даже не покидая острова, копировать и мелкие египетские изделия и египетскую скульптуру).

Многочисленные и все увеличивающиеся находки в некрополях Ялиса и Камира и камирского акрополя фигурных терракот — женщин и мужчин, восседающих на троне, божеств с головой баранов, божеств со львами, мужчин с овцами, прижатыми к груди,⁵² и многочисленные терракоты египетского Беса — свидетельствуют как раз о многочисленных и, вероятно, в значительной степени, местных подражаниях.

Среди этих родосских статуэток встречаются и образцы «архаических аполлонов», которые столь характерны для греческой архаической скульптуры: типичное египетское лицо, строгое и без улыбки, египетский убор волос, характерная для египетской скульптуры общая поза, но, одновременно с этим, полная (греческая) обнаженность тела, неегипетский общий облик фигуры, ионийская мягкость отделки и отсутствие мускулатуры.

Статуэтки этого типа, которые «Книга мертвых» рекомендовала класть в гробницы умерших, были, как правило, человеческими фигурками со скрещенными на груди руками и с какими-либо сельскохозяйственными инструментами. Они должны были возделывать небесные поля для своих покойников. Их функция была тройная: они были изображениями мертвых, они составляли свиту мертвых, они могли также рассматриваться как маленькие идолы богов, гарантирующие умершим бессмертие.

В Ассирии аналогичные статуэтки имели другую цель. Они предназначались для живых и имели апотропаическую силу: оградить людей от дурных и враждебных влияний; поэтому они часто употреблялись при закладке храмов и у дверей, ведущих в жилые помещения.

На Родосе встречается двойное употребление этих статуэток: их клали в погребения для «защиты» покойника и его «развлечения» (особенно если это был ребенок), а также закладывали у порога храмов в целях защиты живущих от враждебных сил.

Однако, при всем внешнем сходстве, особенно первых по времени подражаний, и здесь оказывается налицо то же греческое своеобразие, которое мы уже отмечали, говоря об ориентализирующей стили. Изменяется тип лица, форма глаз, вся

фигура; углы губ тронуты архаической улыбкой. До греков боги никогда не улыбались.

В древневосточных государствах недоступность и полная бесстрастность фигуры и лиц богов и царей, внушавшие трепет и ужас людям, были религиозной основой всего монархического строя. В условиях формирования греческих полисов, олимпийские божества, вошедшие в литературу и искусство, начиная с Гомера, оставаясь и грубыми и жестокими и принимая подчас фантастические формы, — очеловечились и вступили в тесное и личное общение с миром людей.

Сюжеты эпических поэм были широко распространены в раннегреческом искусстве, в частности в керамической живописи, и, несомненно, это прекрасное знакомство архаических живописцев с эпическими песнями развивало своеобразие не только сюжета, но и способа его изображения.

Мнение о том, что ориентализирующее искусство Греции в основном продолжает линию развития крито-микенского искусства, прерванную периодом геометризации, может быть верно, но только в том смысле, что в ряде случаев сюжеты и образы гомеровских поэм вызвали интерес к «предметам старины», в частности к сохранявшимся в культе минойско-микенским прототипам, которые были теперь ближе новому веянию времени, чем только что отринутая геометрическая линейность орнамента. Кроме того, Крит, Кипр и Родос являлись районами, где пережитки минойско-микенской техники и стиля были пронесены и через геометрический стиль, что облегчало вновь пользование ими для нового творчества.

Таким образом, тесная взаимосвязь литературы и искусства не только говорит о высоте культуры VII в. до н. э., но и помогает осознать неизбежность того пути, по которому пошло греческое искусство в период сильнейшего воздействия на него Востока. Именно в этот период крупнейшими завоеваниями греческого искусства стали характер и экспрессия лица, сложность драпировки и разнообразие жестов; мы отнесли бы сюда же и большое сюжетное разнообразие и тот простор творческой фантазии, о котором говорилось раньше.

Все архаическое искусство, а в первую очередь искусство и мысль Ионии и Эгейских островов, несло на себе печать восточного влияния — хеттов, вавилонян, ассирийцев — с востока и египтян — с юго-востока; Финикия и Кипр долгое время были передатчиками и имитаторами восточных изделий, а конец VII в. до н. э. еще более укрепил связь Греции с Востоком. Однако греческие мастера сохранили свое чув-

ство меры в подражании, свое мировоззрение в понимании восточных памятников и свою самостоятельность в переработке восточных образцов.

Говоря о сильном воздействии Востока на архаическое искусство Греции, не должно забывать того, что к этому времени сформировавшиеся молодые рабовладельческие полисы уже вступили в борьбу с финикийцами за торговую экспансию, греческие полисы, еще кипевшие и бурлившие в огне междоусобной борьбы, уже вступали в период колонизации.

Поэтому-то в период сильнейшего давления развитых, имевших тысячелетние традиции государственных образований Востока на младенческий, по сравнению с ними, греческий государственный микрокосм и был выработан имевший собственное лицо и блестящие перспективы дальнейшего развития греческий стиль.

Греческие полисы с их демократическим строем уже окрепли; греческая продукция — более совершенная и разнообразная — находила хороший сбыт; печать греческой оригинальности проявлялась все резче. Наследство Востока в той мере, в какой оно было воспринято греками, оказывалось переработанным и преодоленным.

В этот период интенсивного развития греческой полисной жизни Родос тесно связан с крито-кипрским районом. Повидимому, особенно сильны были связи с Кипром, изделия которого очень распространены в некрополях Ялуса.⁵³

Интересно отметить, что в переходное время от геометрического к ориентализирующему стилю (VII в.) в ялисском некрополе в районе Замбико даже топографически выделяется группа кремированных погребений с большим количеством киприотских изделий и с остатками железа и бронзы (с 50-го по 68-е погребения).

Напомним, что Кипр, богатый металлом, должен был издавна привлекать родосцев; еще в микенский период Родос был одним из центров металлообработки, нуждавшимся, однако, в импортном металле.

4. ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ РАННЕГО РОДОСА

Распределение территории между тремя родосскими городами, повидимому, вполне закончилось, самое позднее, к середине VIII в. до н. э., поскольку с конца VIII в. начинаются уже организованные сношения с Египтом, возникает Врулия,

а к началу VII в. (около 700 г.) Телеф-ялисец начертал свое имя в Абу-Симбеле.

По корабельному каталогу Гомера,⁵⁴ нашему древнейшему письменному источнику, заселение дорийцами Родоса произошло под начальством одного вождя Тлеполема, и три возникшие на острове дорийские филы были политически объединены (во всяком случае, во время войны всеми родосскими кораблями руководил, согласно каталогу, один вождь). Дорийцы, расселившиеся по трем филам, неизбежно сталкивались с обитавшим здесь местным населением. О результатах столкновений не сохранилось никаких воспоминаний.

Поскольку три древние центра: Линд, Камир и Ялис, стали при дорийцах как бы «столицами» трех государств, можно а priori предполагать, что происходило в ряде случаев смешение дорийцев с встретившим их на месте колонизации населением. О том же свидетельствует, по нашему мнению, наличие сильных пережитков микенского Родоса в геометрическом искусстве дорийцев.

Может быть, однако, не все родосское население органически вошло в дорийские общины. В позднейших родосских надписях мы встречаемся с группой населения Линда, происхождение которой до сих пор остается загадочным. В одной из надписей Линда, представляющей собой два фрагмента закона о выборах хорегов, часть хорегов выбирается из граждан, а б хорегов-ксенов — из κατοικεῦντες καὶ γεωργεῦντες ἐν Λινδία πόλει.⁵⁵

О той же группе линдийского населения упоминается и в другой надписи I в. до н. э., в которой чествуется некое лицо, бывшее верховным стратегом, хорегом Родоса на великих Гелиях, эпистатом Линда и занимавшее ряд жреческих должностей; этот человек увенчивается жрецами Афины Линдии и Зевса Полнея золотым венком; золотым венком его чтят и οι κατοικεῦντες ἐν Λινδία πόλει καὶ οι γεωργεῦντες ἐν τα Λινδία.⁵⁶

Таким образом, упомянутая группа, проживающая и занимающаяся земледелием в Линде, имеет право на хорегию и на владение домом и землей. Повидимому, в группе имеется и зажиточное население, как указывает участие в почетном декрете и золотой венком, предоставленный родосскому должностному лицу, тесно связанному и с жизнью Линда.

Несомненно также, что эти оседлые земледельцы Линда, не являясь гражданами, пользуются личной свободой. Их положение кажется мне напоминающим положение спартан-

ских периеков. Нигде в других эпитафических памятниках, насколько мне известно, κατοικεῦντες; (κατοικοῦντες) не обладают правом землевладения.

Конечно, материал наших источников слишком скуден для каких-либо твердых выводов, но вполне вероятно, что оседлая группа линдийских земледельцев, от которых явно отличаются родосские метеки, образовалась из какой-то части родосского древнего населения, не включенного, подобно периекам, в состав гражданской общины Линда.

Повидимому, несомненен и рост рабовладения в ставших дорийскими городах острова. Но ни о составе рабов, ни о процессе развития рабства у нас нет никаких, даже косвенных, сведений.

Родос V—IV вв., и особенно эллинистический Родос, являлся крупнейшим центром рабовладения с дробными категориями рабов (государственные, иноземные, рожденные дома) и с особыми местами захоронения (кладбища рабов). Повидимому, с раннего времени родосские города ввозили иноземных рабов (в первую очередь, из Карики); нельзя, однако, предполагать, что здесь не было периода внутреннего порабощения местного населения.

О политическом строе раннего Родоса нам известно очень мало. Павсаний упоминает о ялисском басилевсе Дамагете.⁵⁷ Схолии к Пиндару и намеки самого Пиндара позволяют думать, что потомки этого ялисского царя, образовавшие могущественный и богатый знатный род, правили Ялисом. Потомки Дамагета последовательно именуется Каллианактидами, Эрастидами и, наконец, Диагоридами.⁵⁸ Сам Диагор происходил из ялисской филы Эрастидов; по мифу мать его сочеталась с Гермесом, следствием чего было рождение Диагора и начало нового ответвления этого рода, детей Гермеса, Диагоридов.⁵⁹

Вполне вероятно, что первоначально и в Камире и в Линде (по аналогии с Ялисом) существовали свои басилевсы. Однако упоминаний о них до нас не дошло. Возможно, что родовая знать постепенно сильно ограничила, если не отменила, привилегии местных царей. Во всяком случае, до общеродосского синойклизма родовая знать всех трех городов была очень сильна и, как можно предполагать, именно ей принадлежала инициатива общеостровного объединения и создания нового города.⁶⁰

Во всяком случае, к периоду общеостровного синойклизма на Родосе царской власти не существовало. Возможно, что Диагорида в Ялисе были уже правящим знатным родом.

В первой половине VI в. в Линде мы встречаем имя Клеобула, сына Евагора, одного из семи греческих мудрецов, который, по традиции, был современником Солона, т. е. жил в начале VI в. до н. э. К сожалению, наши источники очень поздние и недостоверные: мы не знаем, в качестве кого Клеобул пришел к власти, и относится ли созданная ему слава мудреца и законодателя, к реформам, произведенным в Линде.

Диоген Лаэртий в биографии Клеобула приводит несомненно подложное письмо к Солону, в котором Клеобул приглашает последнего в Линд, считая, что Линд как город, демократически управляющийся, удобнее всего для того, чтобы Солону дожить свой век в спокойствии.⁶¹

Может быть, именно в связи с приходом к власти Клеобула нужно понимать происшедшие около 580 г. до н. э., по свидетельству Аристагора, волнения, которые повлекли за собой выселение части граждан в Акрагант, основываемый Гелой.⁶² Среди этих покинувших остров колонистов были и «отцы Ферона», пострадавшие от междоусобной борьбы. Под «отцами Ферона» (будущего тирана Акраганта), повидимому следует понимать целый знатный род или, во всяком случае, большую знатную семью. Отсюда, может быть, можно заключить, что в начале VI в. на Родосе, и в частности в Линде, происходила борьба, направленная против олигархии родовой землевладельческой знати.

К этому времени рост городского и торгового ремесленного населения в Линде и все больший размах внешних сношений Линда, в связи с активной колонизацией, должен был обострить противоречия между городской и сельской частями населения, возглавляемыми торговой и землевладельческой знатью.

Однако свидетельство Диогена Лаэртия, повидимому, не нужно понимать в смысле полной демократизации Линда. Даже изречения, приписываемые Клеобулу, сближают его с умеренностью Солона, конституция которого также не была в полной мере демократической. Во всяком случае знать (имущественная знать, *δυνατότατοι*) составляла правящую верхушку Линда и ко времени родосского синоикизма.

Каждый из трех городов имел совет, высшую должностную коллегию и народное собрание. Члены совета во всех трех городах после синоикизма носили одинаковое название «мастры». Глосса Гесихия⁶³ поясняет этот термин: мастры — члены совета у родосцев.

Мастры засвидетельствованы также в Дельфах, где они являются особыми должностными лицами, связанными с сак-

ральными наказаниями людей, злоупотребивших священными деньгами храма.⁶⁴

Родосские мастры представляли собою совет. Поскольку все эпитафические памятники относятся ко времени послеродосского синоикизма, постольку полномочия мастров ограничены сакральными делами.

Особенно интересно в этом отношении одно постановление из Линда второй половины II в. до н. э.: «Мастры и линдийцы постановили по предложению эпистатов: так как, выбранные эпистатами из линдийцев (следует 3 имени), и мужи, выбранные для участия в судах (следует 30 имен), оказались людьми честными и блюли интересы линдийцев, чтобы выборы в Линде жрецов, гиерофитов и гиеропеев и остальных общественных должностных лиц производились из самих линдийцев, как и в законах писано, и чтобы не имели доступа к линдийским святыням те, кто и раньше его не имели», — постановили похвалить и т. д.

Если эти 30 мужей, выбранных для участия в судах, действительно являлись бы, как это предполагал Боттермунд,⁶⁵ линдийскими мастрами (что очень правдоподобно), то мы знали бы и число мастров и их сакральные полномочия, к важнейшим из которых, повидимому, относились функции охраны чистоты культа.

Вся политическая жизнь Линда после синоикизма сосредоточилась на вопросах культа, на ревности к богам и святыням Линда, на контроле избрания жрецов, на проведении священных церемоний и на почетных постановлениях лицам, отличившимся своим особым рвением к линдийским богам и храмам.

Именно поэтому судьи и эпистаты, ранее, вероятно, наделенные другими полномочиями, после синоикизма активно вмешиваются в избрание священнослужителей. Аналогичный процесс происходил, конечно, и в Камире, и в Ялесе.

Вполне возможно, что мастры существовали (в одном из городов, или во всех трех) и до синоикизма, но стали «советниками», т. е. членами местных *βουλαί* лишь после него.⁶⁶

До синоикизма совет, мы это хорошо знаем для Линда, назывался обычным термином *βουλή*.⁶⁷ Поскольку после синоикизма этот термин стал применяться лишь к совету Родоса, постольку, повидимому, сочли наилучшим во главе каждого из городов поставить религиозный совет мастров. По постановлению камирцев, вынесенному, очевидно, на основании предшествующего закона родосцев, каждая ктена выбирала одного мастра и все выбранные, по созыву гиеропеев, собира-

лись в Камере, в храме Афины для наблюдения за всеми государственными жертвоприношениями.⁶⁸

Повидимому, *это* постановление, впервые после синойкизма излагающее порядок выбора мастров (для чего производится и точная фиксация ктен) и их полномочия, потому и начинается формулировкой «народ Камира постановил», что совет был ликвидирован и вместо него еще не было создано высшего религиозного совета, уполномоченного на решение всех сакральных дел камирской общины.⁶⁹

Вообще довольно распространенное мнение о том, что после синойкизма все три родосских полиса сохранили прежнюю конституционную форму, влив в нее другое (сакральное) содержание, едва ли является верным. Может быть, конечно, высшая должностная коллегия Линда и называлась по-старому коллегией эпистатов, а коллегия Камира — коллегией демиургов, но в общей политической структуре этих государств коллегии уже занимали другое место, ибо пританы перестали существовать, так же как стратеги, гегемоны и навархи. Скорее всего, искать образец конституционного строя трех городов следовало бы в политическом строе Родоса, который, к сожалению, с этой точки зрения еще ни разу не подвергался научному анализу.

Таким образом, не проделав эту предварительную, необычайно трудоемкую и требующую специальных знаний работу, вряд ли можно восстановить живой облик политического строя каждого города.

Считать же, что одна лишь оставленная городам для самостоятельного управления сакральная область и представляет из себя всю основу их бывшей политической структуры — неверно.

Деление на филы, фратрии и роды, а также, вероятно, и разделение на территориальные округа имелось налицо в каждом из трех государств. Эти родовые институты были и после синойкизма сохранены за тремя городами; территориальные демы, наоборот, стали общеродосскими территориальными подразделениями. Однако интересно отметить, что, повидимому, разделение на демы было проведено точно в соответствии с прежними границами трех государств, так что мы можем различать демы Линда, Камира и Ялиса.

5. РОДОВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ НА РОДОСЕ

Проблема политического строя трех родосских центров, Линда, Камира и Ялиса, до общеродосского синойкизма является в истории острова одной из самых трудных и спорных.

Литературные источники, как правило, не дают почти никакого материала; кроме отрывочных имен отдельных ялиских басилевсов и имени линдийского мудреца басилевса Каллианакта, совершившего какой-то политический переворот в Линде, — из литературных источников ничего достоверного мы более получить не можем. Зато эпиграфические памятники дают ряд надписей, число которых постепенно возрастает, с названиями фил, ктен, синном, патр и диагоний; однако, самая ранняя из этих надписей относится лишь к IV—III вв. до н. э., т. е. ко времени уже объединенного Родоса, а большая часть надписей падает на более поздние периоды.

Родосский синойкизм имел свои оригинальные черты: при полном политическом объединении всего острова, три древних города не превратились в поселки, но сохранили свое значение городов. Потеряв свою политическую автономию, эти города сохранили и религиозную структуру и многие наименования прежних должностных лиц.

Все наше исследование ранних политических форм организации родосских городов основано на более поздних (иногда значительно более поздних) пережитках, которые в централизованной аристократической республике в связи с вышеупомянутой особой сакральной жизнью трех древних центров, естественно, оказывались очень устойчивыми.

Поскольку вопрос о родовых формах жизни древнего Родоса сложен и спорен, мне кажется необходимым проанализировать весь имеющийся в наличии эпиграфический материал.

Трехчленная форма родовой организации (род, фратрия, фила) в греческих полисах продолжала существовать как организация религиозная и, до известной степени, стоящая вне полиса. В каждом греческом полисе, как необходимое его дополнение и как существенный элемент его нормального функционирования, наряду с демами продолжали существовать роды, фратрии и филы, не совпадающие или совпадающие лишь частично с новыми территориальными округами. Таким образом каждый полис оказывается поделенным одновременно и на старые родовые округа, сохранявшиеся в силу религиозных традиций, общих жертвенников, святилищ, богов и религиозных празднований, и на новые общины. И то и другое деление, в большей или меньшей степени свойственное каждому греческому полису, существует вплоть до распада полисной жизни.

И на Родосе, наряду с территориальными демами, установленными после родосского синойкизма, продолжала суще-

ствовать древняя, родовая по форме организация, делившая все население острова на роды, фратрии и филы. Принцип, лежащий в основе этого двойного деления, был качественно разным: в одном случае основой деления являлось население, его кровно-родственные и религиозные связи; в другом случае в основу деления были положены связи чисто территориальные. Наряду с этими двумя системами деления — родовой и государственной имелось и разделение, свойственное этапу сельской общины, учитывающее кровные и территориальные связи. Самая трудность этой проблемы осложняется при изучении греческих родовых институтов еще рядом обстоятельств, прежде всего тем, что в Греции мы уже не встречаем следов первоначального естественно возникшего родового строя. Во-первых, родовая структура греческих полисов несет на себе печать позднего происхождения. Мы имеем везде, как правило, уже выделившиеся знатные роды, противопоставленные остальному населению, низовая организация которого в разных полисах носит разный характер.⁷⁰ Во-вторых, довольно часто территория демов в основном совпадает с территорией фратрий, и демы носят родовые, иногда одноименные названия.⁷¹ Кроме того, естественный процесс возникновения родов, фратрий и фил, начиная с периода господства родовой знати, многократно нарушается вмешательством извне, искусственными реорганизациями, образованиями поздних родов и фратрий. Этот процесс вмешательства сверху осложняется для исследователя наличием культовых союзов, подражающих то родам, то фратриям, и принимающих тоже родовые имена по образцу древних объединений.

Все это затрудняет в целом ряде случаев решение встающих перед нами вопросов и вызывает бесконечные споры ученых о значении тех или иных подразделений.

Для Родоса мы с уверенностью можем говорить о наличии родов (патр) и старых родовых фил. Несомненно и наличие фратрий, но до сих пор является спорным вопрос, какое из позже сохранившихся и дошедших до нас наименований является наименованием фратрии. Все это заставляет при обследовании дошедшего эпиграфического материала рассматривать отдельно вопрос о родосских патрах, фратриях и филах.

Патры Камира. Вопрос о роли и значении патр в науке наименее спорен. Определение патры мы находим у Стефана Византийского:

«Патра, как говорит Дикеарх, одна из трех форм общения у греков, которые мы называем патра, фратрия, фила. После

перехода во вторую стадию (государственного строя) патрой назывался тот родовой союз, который прежде был у каждого (члена новой родовой единицы) отдельно от других (членов), имевший наименование по древнейшему и бывшему некогда наиболее могущественным в роде (предку)».⁷²

В этом двойственном определении значения патры можно отчетливо различить два этапа общественного развития, данных в схематическом изображении: первый — этап родового строя, с его типичным трехчленным делением, и второй — этап государственного строя, при котором низшей единицей является уже не род, но семья, дом — οἰκία — и термин Πάτρα принимает значение «объединения сородичей» — συγγένεια.

Это теоретически совершенно правильное определение не всегда и не все объясняет нам в истории древней Греции, ибо в подавляющем большинстве случаев мы находим в государственной организации полисов сохранение трехчленной формулы родового строя: род, фратрия, фила.

В тех случаях, когда государству по каким-либо причинам было необходимо восстановить пришедшие в упадок родовые формы, термин συγγένεια получает значение любого отсутствующего родового звена. У Стефана Византийского этот термин в значительной мере является обозначением древней патры на ее втором этапе. На материале надписей можно установить употребление того же термина и в значении фила и в значении фратрии.⁷³

Родовое происхождение патры теперь признано решительно всеми, и поэтому с полной уверенностью мы можем предполагать в сохранившихся именах родосских патр следы более ранних периодов, тем более, что родовое значение патр подтверждается и характером самих наименований.

В родосской надписи III в. до н. э., впервые опубликованной Ньютоном,⁷⁴ мы встречаем вполне сохранившимися 42 различных наименования камирских патр, и так как список не имеет ни начала, ни конца, то следует считать, что этих наименований было значительно больше.⁷⁵

Ввиду фрагментарной сохранности надписи, содержание ее определить трудно, и любой вывод будет лишь предположением.⁷⁶ Оставляя поэтому в стороне вопрос о цели и назначении этого списка, рассмотрим в его имена. Здесь, как уже неоднократно отмечалось в литературе, перед нами ясно выступает то же трехчленное деление, которое свойственно родовой общественной организации. Высшей, единицей является поставленное в родительном падеже имя Алфемениды, повторенное два раза.⁷⁷ Затем следуют более мелкие подразделе-

ния (вероятнее всего фратрии), имена которых также поставлены в родительном падеже. Таких, сохранившихся в надписи подразделений (филы) Алфемениды — пять: Амфинеи (повторено дважды), Хитриеи (повторено дважды), Лехеи, Пиллонеи, Буколеи и два фрагмента, может быть, одного и того же названия: ...леев патры.⁷⁸ Наконец, наиболее мелкими единицами являются патры.

А	Б	В
	Р]еи	[Ан]дронеи
	...леев патры:	Дексиониды
10 ...ее [и]	[Фа]рсаг[о]реи	Еврифемиеи
...ее [и]	Волео[нид]ы	Даметиды
...леек патры:	Арно[ти]миды	Ликонеи
[Фн]локкикниды	АЛФЕМЕНИДЫ:	Тимокритеи
Хармилионеи	Амфинее[в] патр[ы]:	Пеманореи
15 Космолеи	Евтелид[ы]	Пиллонеев патры:
Мормадеи	Амфинеи	Меониды
Мейдиеи	Нениеи	Меландреи
Аристархеи	Криниеи	Евонактидеи
АЛФЕМЕНИДЫ:	Клевгене[и]	Тимофилеи
20 Амфинеев патры:	Еванореи	Агафобулиды
Гиппотады	Хитриеев патр[ы]:	Пиконей
Граиады	Ификлиды	Буколеев патры:
Фоиады	Харидамиды	Кретинады
Фоиады	Каллидамеи	Дориады
25 Фоиады	Фарснады	Агесидикиеи
Фоиады	Кретинады	Мейдагореи
Фарсилеи	Мстилей	(заштрихованное имя)
Хитриеев патры:	Кретинады	Аристо_____
Кретинады	Лехеев п[атры]:	Кра_____
30 Буколид[ы]	Кл_____	
Буколид[ы]		
Бу[колиды]		

Таким образом, Ньютон, а вслед за ним и другие, полагают, что здесь мы имеем дело с филой (Алфеменида), фратриями и родами (патрами).

Двойное повторение имени Алфеменида и имен фратрий остается загадочным.

Любопытно также, что имена патр в одних и тех же фратриях (при их повторении) не совпадают или совпадают лишь частично.⁷⁹

В одном случае в колонке А под рубрикой «патры Амфинеев» значатся: Гиппотады, Граиады, затем четыре раза повторенные без каких-либо особых определений Фоиады и, наконец, Фарсилеи; в колонке Б под тем же названием зна-

чатся уже другие патры. Евтелиды, Амфинеи, Нениеи, Кри-ниеи, Клевгенеи, Еванореи.

Таким образом, в данном случае названия патр совершенно не совпадают. Можно ли сделать из этого вывод, что фратрия Амфинеев⁸⁰ на территории Камира включала в свой состав 13 патр и что различие наименований зависело, как предполагает Гиллер, от различия территории, на которой находились эти патры (собственно область Камира и владения, лежащие вне острова, кроме территории о. Халкеи)?

Под рубрикой «патры Хитриеев» в колонке А числится патра Кретинады и, если верно восстановление, трижды повторенное имя патры Буколиды; на этом перечисление патр, входивших во фратрию Хитриеев, обрывается, вследствие облома остальной части камня.

В колонке Б, во фратрию Хитриеев входят патры: Ификлиды, Харидамиды, Каллидамеи, Фарсиады, Кретинады, Метилеи и вновь Кретинады.

Отметим также, что патра Кретинады встречается нам еще раз, но уже в числе патр во фратрии Буколеи. Следовательно, здесь мы имеем лишь одно совпадение — патра Кретинады в обоих случаях входит во фратрию Хитриеев. Однако, как показывает пример повторения патр Фоиады и Буколиды, было несколько одноименных патр «Кретинады».

Насколько позволяет судить анализ самих имен (многие из которых не расшифрованы), большое количество патр несет в своем названии имя мифического или реального эпонима.⁸¹ В этом отношении особый интерес представляет патра Кретинады, эпонимом которой был, по предположению Фика, Кретин.⁸² Здесь налицо ясная связь с критскими колонистами камирской территории и с Алфеменом, их мифическим предводителем; это подтверждается и репликой у Стефана византийского⁸³ и вхождением патр в филу Алфемениду.⁸⁴

Очень странным кажется повторение одноименных патр, входивших в одну и ту же или в разные фратрии. Их имена даются без каких-либо дополнительных признаков, определяющих и обособляющих их друг от друга. Этот факт давно уже возбуждал любопытство и недоумение ученых. Не может ли означать такое повторение одной и той же патры несколько раз в списке одной и той же группы, что эти патры имели несколько голосов при выборе должностных лиц (ср. выборы мастеров ктенами)?

Однако, как нам кажется, в этом случае повторение одних и тех же патр следовало бы без перерыва, как в случае с Фоиадами (четыре раза) или Буколидами (три раза); но,

наряду с этим, мы имеем повторение одной и той же патры Кретилады с перебоем: Кретилады, Метилеи, Кретилады, что, по нашему мнению, несовместимо с высказанным предположением.

Таким образом, вопрос этот остается нерешенным до новых эпиграфических находок.

Неясно и то, каким образом одноименные патры встречаются в различных фратриях? Так, патра Кретилады значится под рубрикой Хитриеи и под рубрикой Буколеи.

Ньютон в свое время предполагал, что наличие одноименных патр в тех же самых и различных фратриях может быть объяснено тем, что прямые потомки от того же отца и матери могли заключать браки иногда в своей собственной, иногда в другой фратрии.⁸⁵ Вряд ли это предположение верно, ибо, при экзогамности рода, о которой свидетельствует Диксарх у Стефана Византийского,⁸⁶ девушки отдавались в другой род, теряя связь с культурами и обрядами своей патры и, следовательно, если принимали участие в культах той же фратрии, то уже как члены другой патры, т. е. патры своего мужа.

По нашему мнению, наличие одноименных патр в разных фратриях может быть объяснено иначе. Под рубрикой патры Хитриеев следует имя Кретилады, и трижды повторенное — Буколиды; под рубрикой патры Буколеев на первом месте стоит Кретилада и затем следуют названия других патр. Совпадение не может быть случайным: имена патр «Буколиды» есть не что иное, как те же «Буколеи». Поэтому наличие Кретиладов во фратрии Буколеев и Буколидов вместе с Кретиладами во фратрии Хитриеев становится более понятным. Эти две фратрии родственны между собой, и, может быть, некогда они образовывали единую фратрию. Если мы примем во внимание то, что очень часто фратрия называется по имени наиболее значительного рода, то вполне понятно, что самое имя «Буколеи» заимствовано у патры Буколидов.

Наряду со случаями, когда знатный род целиком входил в одну фратрию, вполне закономерно предполагать более частое вхождение одних и тех же родов в разные фратрии. Тем более могли подразделяться роды, чем более расширялась и разделялась земельная собственность их членов.⁸⁷

К сожалению, эпиграфический материал не позволяет нам определить, какие из этих патр находились на собственно камирской территории и какие — на территории камирских владений в родосской Перее или на островах; но если предположить переселение части отдельных родов на камирскую тер-

риторию, то такое наличие одних и тех же родов в разных фратриях было бы совершенно закономерным.

Патры и диагонии Линда. Кроме камирских патр, нам известна еще патра Дриитов,⁸⁸ находившаяся на территории Линда в деме того же имени.

Новые имена родосских патр дает надпись, опубликованная Маюри в 1925 г. Это — надпись, поставленная внуками Поликла в честь своего деда, который занимал и в Линде и в Родосе ряд важнейших государственных, в том числе и военных, должностей (I в. до н. э.).

В перечне общин и союзов, чествовавших при жизни знаменитого деятеля и выносивших постановления об увенчании его золотым венком, мы встречаемся со следующими союзами:⁸⁹ Ἀλιατάδων Πατριῶταν Ἀριστοκλείων καὶ Κιδαγορείων διαγώνιαν κοινὸν Ἐλεκτορίδων πατριῶταν κοινὸν Εὐθαλίδων πατριῶταν τῶν ἐν Οἴαις κοινόν Ἱερομυθροτείων Κλυσιμείων Πολυχαρμείων κοινόν.⁹⁰

Алиатиды, Евфалиды и Эпекториды именуются в надписи «патриотами», т. е. членами патр. В патру Алиатидов включены диагонии Аристоклеев и Кидагореев; патра Эпекторидов выступает здесь как единое целое. В патре Евфалидов мы имеем опять выделение: перед нами группа Евфалидов, проживающая «в Эях», в местечке, расположенном в линдийском деме Неттии.

Трактовка терминов «патриоты» и совершенно нового термина «диагонии» встречает определенные затруднения. Маюри определяет диагонии, как части патр, как семейные группы родовых патр.⁹¹ Однако, нам кажется возможным понимать первое объединение, как «члены патры Алиатидов диагонии Аристоклеев и Кидагореев»; иначе говоря, здесь, быть может, диагония приблизительно соответствует обычному понятию фратрии; и, таким образом, мы имели бы здесь объединение патриотов Алиатадов, часть которых входила в диагонию Аристоклеев, а другая часть — в диагонию Кидагореев (ср. патру Кретиладов, значущуюся и под рубрикой Хитриеев и под рубрикой Буколеев).

Это подтверждается и надписью, в которой жреца чтят «диагонии Алиатадов — Астикронтеи, Стас[ио]неи и Автосфенеи», т. е. три диагонии, объединяющие Алиатадов.

Такому толкованию диагонии, как линдийской фратрии, не противоречит и имеющийся в нашем распоряжении материал.

Кроме приведенного случая, мы еще несколько раз встре-

чаемся в родосских надписях с упоминанием диагонии. Все эти упоминания связаны с Линдом.

I. Почетное постановление диагонии Агеторидов в честь Александра, сына Клеострата из дема Ладарма,⁹² оказавшего, повидимому, важные услуги Агеторидам; интересно здесь упоминание эпистатов, которым надлежит выбрать человека для обращения к совету и народу Родоса за утверждением постановления об увенчании Александра золотым венком.⁹³ Эпистаты же должны потом проследить и за изготовлением венка, за оповещением в Линде и т. д.

II. Почетное постановление тоже диагонии Агеторидов в честь Архократа, сына Архиполия, по усыновлению же Лисистрата, линдополитянина. Этот Архократ был неоднократно казначеем общины Агеторидов, совершал прием общественного серебра и выгодно производил кредитные операции, надежно помещая серебро общины; за это диагония Агеторидов выражает ему благодарность и постановляет увенчать его... (далее надпись обрывается).⁹⁴

III. Надпись на базе от несохранившейся статуи; начала надписи нет; отсутствует и имя человека, которому воздвигнута статуя; по усыновлению он сын Тимострата из линдийского дема Брасия; он был увенчан Лапефиастами, диагонией Фимотерпидов,⁹⁵ коллегией Гермаистов, Агеситимеями и Калликратеями.

IV. Диагония Эбалидов.

V. Диагония [—————].⁹⁶

VI. Посвятительная надпись (около середины II в. до н. э.) Архитима Атесиполия, бывшего жрецом и архиерофитом, увенчанного диагониями Алиатадов Астикронтеями, Стас[ио]неями и Автосфенеями.⁹⁷

Таким образом, два первые постановления (II в. до н. э.) относятся к одной и той же диагонии Агеторидов.

Изучая эти постановления, мы можем сделать следующие наблюдения: в число членов этой диагонии входили и жители дема Ладарма и жители дема Линдополитян. Диагония имела своих эпистатов,⁹⁸ своего казначея и свои денежные средства.⁹⁹ Членами ее были только линдийские граждане.

Таким образом, вся довольно мощная организация Агеторидов значительно более подходит к организации фратрии, чем к организации «семейных подразделений» патры. В пользу этого свидетельствует и наличие в диагонии Агеторидов членов разных и в то же время территориально близких друг к другу демов.

Родовой характер организации Агеторидов Подтверждается и совпадением, которое не кажется нам случайным, с родом Эгеторидов в Колофоне¹⁰⁰ и с хилиастидой Эгеторией в Эфесе.¹⁰¹ Кроме того, мы встречаемся с родовым именем Агеториев; тесная связь его с Агеторидами не может вызывать сомнений.

В почетном постановлении III в. до н. э. в честь одного лица (имя, так же как и перечисление его заслуг, не сохранилось) участвуют многие культовые и родовые объединения, среди которых упомянуты несколько раз и Агетории.¹⁰²

Здесь упоминаются: воины Агетории, агемоны Агетории, Мусаисты Агетории и Агетории Полистратеи, артисты Диониса и Муз.

Если мы обратимся к материалу родосских надписей, то здесь прежде всего бросается в глаза огромное количество различного типа союзов, возникающих в IV—III вв. до н. э. и особенно пышно расцветающих во II—I вв. до н. э.

Несмотря на большое разнообразие наименований этих союзов и их пестрый социальный состав (от союзов знати до союзов метеков и рабов), несмотря на различные цели и причины их возникновения, все они могут быть, по нашему мнению, разделены на два основных типа:

а) союзы, имена которых обычно оканчиваются на -σται (типа 'Αλιασται, Διοσάταβυριασται и т. д.), и

б) союзы, в названии которых налицо патронимические имена на -ίδαι и -ειοι

Последние, которые в данном случае нас и интересуют, представлены в большом количестве как на самом Родосе, так и в родосской Перее и на соседних островах, рано вошедших в политические общины родосских городов.

Обычное мнение, высказанное впервые Фукарром,¹⁰³ а затем поддержанное Цибартом¹⁰⁴ и Поландом,¹⁰⁵ заключается в том, что на Родосе, в отличие от других полисов, к именам божеств или к именам, производным от божеств, прибавляется также имя человека, основавшего или реформировавшего данный союз;¹⁰⁶ в некоторых случаях, как думает Поланд, это могло быть именем человека, которому желают оказать почести.¹⁰⁷

На основании последних по времени эпиграфических находок Маюри высказал совершенно иное предположение: имена на -ειοι, по его мнению, принадлежат к разряду родовых имен и сообщают родовой характер религиозному объединению.

Так, например, по предположению Ван-Гельдера,¹⁰³ в случаях именных образований типа «Аполлониасты Феэдетей

Астимедеи» мы имеем союз Аполлониастов, основателем которого был Феэдет; сын его Астимед внес изменения в первоначальную организацию союза, и в дальнейшем к имени основателя было присоединено и имя реформатора. Таким образом, если в наименовании союза встречаются два имени на $\epsilon\iota\omicron\iota$, то их нужно понимать, как смену руководителей, основателей и реформаторов в хронологическом порядке.

В противоположность этому мнению, Маюри предлагает понимать вышеназванное объединение, как союз, образованный из двух семейных групп (по мнению Маюри — диагонии): Феэдетеев и Астимедеев, объединенных в общую религиозную ассоциацию Аполлониастов.¹⁰⁹

Как кажется, и наблюдения Ван-Гельдсра и наблюдения Маюри заключают в себе долю правды.

В ряде случаев мы с большой достоверностью можем установить родовой характер отдельных объединений. Так, как мы уже отмечали, Алиатады, Эпекториды, Евфалиды представляют родовые имена линдийских патр.

До нас дошел почетный декрет, относящийся к III в. до н. э.: в нем союз Евфалидов чтит, повидимому, одного из своих сочленов, Сосистрата Клеонима из дема Неттии.¹¹⁰ Для того чтобы этот почетный декрет имел силу, Евфалиды должны обратиться за утверждением к совету и народу Родоса. После государственного утверждения стела выставляется в святилище Зевса Патроя.¹¹¹ В декрете упоминаются эпистаты, глашатаи и казначей. Евфранор, сын Дардана из дема Неттии, выбран для представительства Евфалидов в родосских органах управления. Таким образом, союз Евфалидов по существу очень схож с организацией диагонии Агеторидов; наличие эпистатов, священного казначея и глашатаев говорит скорее в пользу диагонии Евфалидов. Вполне возможно, что часть Евфалидов, живших в Эях, составляла патру Евфалидов, и наряду с этим могла существовать организация тина фратрии — одноименная диагония, получившая свое название, как это часто имело место, от наиболее мощного рода Евфалидов.

То же, повидимому, с Агеторидам и Агеториями. Диагония Агеторидов могла получить свое название от патры Агеториев, которая, судя по количеству ее объединений, была довольно многочисленной.

Косвенным доказательством в пользу нашего предположения, что «Агетории» является обозначением линдийской патры, быть может, служит довольно поздняя надпись, в которой патра, не названная по имени, чтит (Публия Э]лия Агетора,

сына Агетора, бывшего жрецом Афины Линдии, который во время своего жречества реставрировал святилище Афины и линдийский акрополь.¹¹² Он же неоднократно выполнял и другие должности общеродосского значения, часто был увенчан золотым венком и почтен постановкой статуи. То обстоятельство, что за словом «патра» не следует обычного для каждой патры собственного имени, стоящего в родительном падеже, может быть, объясняется тем, что патра, чествующая одного из своих отличившихся сочленов, Агетора сына Агетора, сама была патрой Агеториев?

Наличие уже упоминавшихся четырех объединений, сопровождаемых родовым наименованием «Агетории», само по себе чрезвычайно интересно.

Может быть, агемоны Агетории и воины Агетории являются объединениями типа мужских союзов младших и старших членов рода? Вряд ли термин «агемоны» можно понимать в данном случае в значении конкретной военной должности, родосских агемонов, ибо последние были немногочисленны и всегда назначались на сравнительно краткий срок. Встречающиеся в той же надписи агемоны в обоих случаях обозначены более точно с указанием срока пребывания в должности (в первом случае повреждение надписи не дает возможности прочесть его, во втором случае указано время: 5 месяцев).

По отношению же к агемонам Агеториев никаких более точных указаний не дано, так же как и по отношению к воинам Агеториев.¹¹³ Это и дает нам повод предположить, что здесь, может быть, на первый план выступает возрастная категория — Агеториев старших, занимающих и высшее военное положение, и Агеториев младших, достигших военного возраста; с полной уверенностью, однако, мы не можем этого утверждать.¹¹⁴

Несомненно в той же надписи непрочтенное Маюри (строка 21) $\kappa\alpha\iota$ $\upsilon\lambda\omicron$ $\text{П}\alpha\upsilon\lambda\iota\alpha\delta\alpha\nu$ — $\omicron\tau\alpha\nu$ $\chi\rho\upsilon$ [$\sigma\acute{\epsilon}\omega\iota$] нужно восстановить как $\text{П}\alpha\upsilon\lambda\iota\alpha\delta\alpha\nu$ [$\text{п}\alpha\tau\rho\iota$] $\omicron\tau\alpha\nu$. Имя Панкин нам известно и по линдийской хронике и по надписи, изданной Гиллеоом.¹¹⁵ **И**в том и в другом случае Панкий выступает перед нами в роли линдийского ойкиста Кирены и основателя рода: в хронике упоминаются $\omicron\iota$ $\text{П}\acute{\alpha}\nu\kappa\iota\omicron\varsigma$ $\text{π}\alpha\iota\delta\epsilon\varsigma$, в надписи $\text{П}\acute{\alpha}\nu\kappa\iota\omicron\varsigma$ $\epsilon\gamma\gamma\omicron\nu\omicron\iota$.

Естественнее всего сблизить упоминающихся в этой надписи Панкиадов с родом Панкия, оставшимся на родине в Линде, и тем самым считать «Панкиады» обозначением линдийской патры.

Вполне возможно, что упоминающийся в другой родосской

надписи союз Иеромбротеев Клисимеев Полихармеев по аналогии с союзом патриотов Алиатадов диагоний Аристоклеев и Кидагореев вероятнее всего нужно понимать как союз трех диагоний — Иеромбротеев, Клисимеев и Полихармеев; тогда, может быть, Агеситимей и Калликратей линдийской надписи в честь чествуемого гражданина из дема Брасия — также имена диагоний.¹¹⁶

Таким образом, мы могли бы выделить следующие линдийские патры и диагонии:

патры:	диагоний:
Алиады ¹¹⁷	Алиатады:
Алиатады	Аристоклеи
Дрииты	Кидагорей
Эпекториды	Стаейоней
Евфалиды (и «те, что в Эях»)	Астикронтей
Панкиады	Автосфенеи
Агетории	
Пиргалиды те, что в Леле	
Греннады ¹¹⁸	Фимотерпиды
Менирады ¹¹⁹	Эбалиды
	Евфалиды
	Агеториды

Предположительно:

Иеромбротей
Клисимей
Полихармей
Агеситимей
Калликратей

К патрам Линда могут быть отнесены также имена родоначальников или старейшин родов, как это явствует из древнейших родосских надписей V—III вв. до н. э. На северном и северо-восточном склоне линдийского акрополя, частично на самых скалах, нависающих над берегом вблизи гавани Линда, частично на стене, террасообразно спускающейся к морю, острым инструментом нанесены короткие надписи, связанные с родозым празднеством в честь Геракла Букопиями,¹²⁰ где указаны, повидимому, места для жертвоприношений отдельных родов, принимавших участие в празднествах; в числе приносящих жертвы мы встречаем «потомков Фаллия и Даиполия»,¹²¹ «детей Еварата»,¹²² «потомков Ари[сто]фана»,¹²³ «потомков Агесиппа»¹²⁴ и, наконец, древнейшая из этих надписей (V в. до н. э.) гласит: «Фиас Кохлия».¹²⁵

Повидимому, названные здесь Фаллий и Дапполий, Еварат, Аристофан и Агесипп являются главами родов. Фиас Кохлия (для этого имени существует лишь женская параллель), по аналогии с фиасами одной из афинских фратрий, повидимому, можно рассматривать, как объединение родового типа незнатных сородичей.¹²⁶

Остается вопрос, можно ли считать эти роды линдийскими, поскольку они находятся на территории Линда, или, может быть, праздник в честь Геракла, к потомкам которого возводили себя дорийцы Родоса, был общим для трех городов.

Патры Ялиса. С некоторой долей уверенности можно считать ялиским лишь род Эратидов, если верно восстановление в надписи, найденной на территории города Родоса: [Эрат]иды.¹²⁷ Ван-Гельдер сопоставляет этих Эратидов с царским ялиским родом Эрастидов, упоминаемым Пиндаром.¹²⁸ Интересно отметить, что схолии к Пиндару говорят и о фратрии и о филе того же имени.

В списке родосских союзов встречаются еще имена, вероятно, тоже родового происхождения, как, например, Евелпиды и Накорей, но, ввиду полного отсутствия какого-либо дополнительного материала, мы не можем на основании этих скудных данных делать какие-либо выводы.

Синномы. В 1932 г. Якопи опубликовал надпись раннеимператорского времени, которая была начертана на четырехугольном постаменте для статуи. Имя женщины, которой поставлена статуя, не сохранилось, но, судя по имени дема Локсиды, она — камирянка. В надписи она чествуется камирцами и *υλο ταν σ[υ]ννοα[ν] και πατραν ταν εν [Καμειρω]*. Повидимому, восстановление «тех, что в Камире» не может возбудить сомнений, тем более, что и надпись найдена на камирском акрополе.

В посвяительной линдийской надписи конца I в. н. э. некто (начало не сохранилось) чествуется родосцами, а также линдийцами, ялисамп, почитателями Апполона Эрефимия и камирцами, и затем *υλο ταν εν Λινοωι* *συνοα[ν] και διαυ [ο]νιαυ*.

Термин *οβνοα* является новым не только на Родосе, но и вообще в Греции. Уже Якопи высказал предположение, что *οβνοα* обозначает среднее подразделение между патрами Камира и филей Алфеменидой в уже цитированной нами надписи. Самое имя *οβνοα* Якопи склонен выводить из общинных выгонов для скота, находившихся во владении семейных объединений населения Камира, которое больше занималось скотоводством, чем мореходством или земледелием.

Таким образом, Амфинеи, Хитриеи, Лехеи, Пиллонеи, Бу-

колеи считаются камирскими **συννομαί**, которые по своему положению в надписи приблизительно соответствуют фратрии.

Гиллер, развивая мысль Якопи о связи термина **συννομαί** с общинными выгонами для скота, указывает на возможность объяснения отдельных имен, связанных со скотоводством; так, он сближает **Λήχειοι** с **βληχάομαι** (пастухи мелкого скота);¹³⁰ Буколеи — пастухи быков.

Гвардуччи отмечает, что термин «синнома» обозначает совместная пастыба; **σύννομο**—совместно с другими пасущееся животное; метафорически этот термин переносится и на человека: **σύννομος** — тот, кто питается совместно с другими, кто имеет с другими одну судьбу или одно воспитание— «сотоварищ». В смысле совместного владения пастбищем этот термин обычно не употребляется.¹³¹

Однако существует возможность и третьего объяснения; поскольку **σύννομα** обозначает совместное питание на пастбище, постольку **σύννομοι** может быть понято как «совместно питающиеся», а **σύννομαί**—как организации такого совместного питания, фидитии или **ἀνδρεῖα**.

Родосские города, сохранившие в своих сельских районах примитивность земледельческого и скотоводческого хозяйства и родовые формы старой политической организации, естественно могли сохранить и дорийские формы сисситий. На наличие таких совместных трапез мужчин на Родосе существуют некоторые косвенные указания.

В схолиях в «Илиаде» мы читаем: «Закон родосцев повелевает знати (**τοὺς ἀριστοὺς**) питаться совместно (**συσσιτεῖσθαι**) с высшими властями, совещаясь о предстоящих на утро делах».¹³² С этим сообщением можно сопоставить надпись родосского Нисира с посвящением Гермесу. Первые строки посвящения гласят: (такой то] сын Каллистенета и **συναρίστιον** Гермесу. Затем следует **16** имен и далее под заголовком **Παιδῶν** еще 3 имени.¹³³

Встречающийся здесь термин **συναρίστιον** хорошо согласуется с предыдущим: **συναρῖσθαι τοὺς ἀριστοὺς**.

Геси́хия: μεμερισμένος.¹³⁰

Таким образом синаристий, может быть, обозначает такое совместное собрание за общим столом знати, от имени которой вместе с гражданином, сыном Каллистенета, совершается посвящение Гермесу.

Далее, по сообщению древних, на Липарских островах колонисты Родоса и Коса учредили совместное питание — сисситий.¹³⁴

Следовательно, наше объяснение термина **συννομαί**, как кажется, наиболее соответствует исторической правде.

Возникшие на основе мужских союзов и военной организации общины, эти **συννομαί** первоначально, как можно заключить из приведенных источников, представляли из себя мужские объединения родовой знати. О том, как они были связаны с родовой организацией общества и что представляли из себя **συννομαί** в поздние периоды жизни Камира судить, ввиду отсутствия источников, пока невозможно.

Камирские ктены. Наиболее спорным и трудным при анализе ранних организаций родового типа является вопрос о значении и сущности родосских и, в частности, камирских ктен.

В научной литературе неоднократно поднимался вопрос о ктенах, но до сих пор ученые не пришли к какому-либо определенному выводу.

Мнения, высказывавшиеся о ктенах, сводятся к следующему:

1) ктена—родовая организация, близкая фратрии;¹³⁵

2) ктена — дем или подразделение дема;¹³⁶

3) ктена — вид священного округа трех храмов Афины Линдии на территории трех родосских городов;¹³⁷

4) ктена — территориальное подразделение, существовавшее до общеродосского синойкизма;¹³⁸

5) ктена, — первоначально возникающая при дорийской колонизации, — имеет смысл основания обитаемого центра, которому¹³⁹ позже придается значение территориального округа.

Таким образом, прежде чем сделать тот или иной вывод о том, что собою представляла родосская ктена, нужно ознакомиться со всем материалом, находящимся в нашем распоряжении.

В античной исторической литературе вообще нет упоминания о ктенах, и в решении вопроса мы должны почти целиком исходить из эпиграфического материала. Только в одном случае встречаем в литературе определение ктены — в глоссе η δημος

Чтение **ἱερείων** давно возбуждало сомнения, и общепринятым является чтение Марта и Бодуина: **ἱερόν**. М. Гвардуччи предложила, однако, наиболее удачное чтение глоссы Геси́хия: χωρήσεις προγονῶν ἱερόν η δημο μεμερισμένος, т. е. отделение (отделение) прародительских святилищ, или подразделенный дем.¹⁴¹ Это чтение кажется нам наиболее удачным, ибо в таком понимании первое определение глоссы согласуется со вторым, в то время как при обычном понима-

нии текста («вместилище прародительских святынь») обе части глоссы оказываются несогласованными и противоречивыми.

Эпиграфические свидетельства, упоминаящие ктену, могут быть легко перечислены:

I. Наиболее важным является сохранившийся в фрагментарном виде закон камирцев, относящийся к самому концу IV или к началу III в. до н. э. (надпись найдена на камирском акрополе):

«Народ Камира постановил: ктены камирские — и те, что на острове, и те, что на материке — все записать и выставить в святилище Афины на каменной стеле, отдельно от Халкеи; позволяется и халкейцам записать, если пожелают. И выбрать немедленно трех человек, которые, как можно скорее, пусть озаботятся этим делом и сдадут тому, кто возьмет дешевле, изготовить стелу, записать и вырезать на ней ктены, поставить ее в святилище Афины и укрепить свинцом, чтобы было возможно прочнее и красивее. Деньги на все расходы даст казначей. В каждой из этих ктен членам ктены выбирать мастера в святилище, святейшем в данной ктене, по закону родосцев; а этим выбранным собираться в Камире, в храме Афины, когда объявят гиеропеи, и пусть наблюдают за всеми жертвами, приносимыми в Камире на общественный счет...»¹⁴²

Эта надпись позволяет сделать некоторые наблюдения.

1. Ктены — подразделения, существующие как в камирской области, так и вне Родоса, в камирекой Перее. Остров Халкея, некогда входивший в территорию Камира, а позже, повидимому, связанный с Линдом, сохраняет возможность отдельно от Камира произвести запись своих ктен.

2. Ктены, вероятно, ограничены определенной территорией и связаны с культами и святилищами, находящимися в их пределах.

3. На ктенах лежит выбор мастров, бывших высшими должностными лицами и в Камире, и в Линде, и в Ялисе. Глосса Гесихия дает представление об их функциях: «мастры: члены совета у родосцев». До общеродосского синойкизма мастры образовывали, повидимому, совет, имеющий, наряду с государственными, судебные и финансовые полномочия. После синойкизма мастры остаются как советы трех родосских государств с сакральными и, возможно, судебными полномочиями в религиозных делах.

4. Несомненно, что члены ктен, выбиравшие мастров, являлись гражданами Камира.

5. В функции камирских мастров, выбираемых по обще-

родосскому закону и созываемых гиеропеям в камирском храме Афины Полиады, входило наблюдение за всеми общегосударственными и общекамирскими жертвоприношениями.

II. Надпись, найденная на территории Камира (вблизи Эмбоны), III в. до н. э.; начало не сохранилось.¹⁴³ Некто дарит общине эраниетов землю «для гробниц» в местности Ронкии, по дороге, ведущей из Ангилеи в Гиппотейю; дарит и другое место в ктене.¹⁴⁴ Независимо от того, будем ли мы относить слова «в ктене» непосредственно к Ронкию и, таким образом, считать «Ронкий» названием данной ктены,¹⁴⁵ или будем определять его как дем, в территорию которого входила данная ктена, хорошо известная и собственнику земли и эранистам, получающим дар, несомненно, что здесь ктена обладает известной территорией, на которой и расположен подаренный эранистам участок.

III. Надпись, найденная на территории Камира, вблизи Сианы (II в. до н. э.),¹⁴⁶ сильно повреждена, но общий смысл ясен. Она представляет постановление ктены об увенчании некоего Деметрия, оказавшего ей важные услуги. В надписи упоминается о совершении жертвоприношений и об избрании Деметрия на какую-то должность.

IV. Надпись конца III — начала II в. до н. э., найденная в северной части Карпафа, в районе святилища Посейдона Порфмия:¹⁴⁷ постановление ктены Потидейцев в честь Памфилида, сына Гиерона из дема Карпафиополитян. Постановление после датировки начинается формулой: «ктена постановила, по предложению гигрофитов»; затем следует перечисление заслуг Памфилида: прекрасное выполнение обязанностей, забота о пользе ктены; говорится о том, что он был избран на какую-то должность на два года и заботился об укреплении (ктены) и периполия.

Ктена увенчивает Памфилида золотым венком за его заслуги и особенно за его доблесть во время опасности при нападении врагов на остров. Замыслы врагов (критян) он предотвратил и спас подвергавшихся опасности членов ктены вместе с детьми и женщинами, сохранив народу периполий. Он постоянно помогал обращающимся к нему гражданам и парекам.

«Итак, чтобы ясно было, что и ктена Потидейцев умеет благодарить и чтить мужей достойных и приносящих пользу в необходимых случаях», ктена постановила похвалить и увенчать его золотым венком, предоставить ему гостеприимный прием в гиерофитеоне; одну стелу с этой надписью поставить в святилище Посейдона Порфмия, а другую — в святилище

Афины Линдии в Потидеоне. Для утверждения в родосском совете этого постановления был избран Фемистолай, сын Телесандра, Карпафиополитянин.

В постановлении упомянут также и казначей (ктены).

V. Посвящение императору Траяну от дема Карпафиополитян и ктены Потидейцев.¹⁴⁸

Эти две последние надписи связаны с ктеной Потидейцев, расположенной на территории дема Карпафиополитян, входившего, по всей вероятности, как и остальные демы Карпафа, в область Линда.

И здесь ктена выступает перед нами Р. качестве территориальной единицы. Гражданам ктены Потидейцев, вместе с их детьми и женщинами, Памфилид принес спасение в тяжелый момент опасности вторжения врагов. Повидимому, коллегия 15 гиерофитов, возглавляемая обычно в Линде архигиерофитом, была тесно связана с ктеной, и на территории ктены был расположен гиерофитеон — место собрания коллегии, где принимались и чествовались лучшие из граждан и послы других государств; по надписям известно и предоставление питания в гиерофитеоне, в качестве особой почести.

В надписях Линда гиерофиты обычно следуют за жрецами; должность эта, повидимому, была очень почетной; в Акраганте гиерофит был даже эпонимом города.

Как показывает материал, подобранный Сегре,¹⁴⁹ в гиерофитеоне находились у алтаря Гелиоса статуи древних божеств города. Мы встречаем гиерофитеон в Камире, в Линде, на о. Карпафе и в союзе ялисцев Аполлона Эрефимия, и даже в самом городе Родосе, недалеко от пританея.

Формулировка нашей надписи говорит скорее всего о приглашении Памфилида к жертвоприношениям, которые совершались в гиерофитеоне. Памфилид был выбран на два года на нам неизвестную должность, исполняя которую он заботился об укреплении береговых линий Карпафа. Сегре думает, что Памфилид был выбран эпистатом, и потому считает, что выбирали его даметы, а не ктенеты. Однако в постановлении говорится, вероятнее всего, о должности, на которую он был выбран самими же членами ктены, согласно камирской надписи, имевшими право выбирать мастров.

Мы очень мало знаем о функциях этих древних членов советов родосских городов, но не лишено возможности, что забота о хорошем состоянии ктены и укреплений, в которых она была заинтересована, также могла входить в функцию

совета мастров. Конечно, не исключена возможность, что Памфилид был также и эпистатом периполия.

Последняя надпись интересна тем, что ктена Потидейцев выступает рядом с демом, как независимая от него, но тесно связанная с его жизнью организация.

Ту же самую формулировку мы встречаем в значительно более поздней надписи I в. до н. э.

VI. Найдена на западном побережье родосского Херсонеса, на территории камирского дема Фиссанунтян.¹⁵⁰ Начало не сохранилось. Повидимому, первые две строчки могут быть восполнены именем Домициана, так как в третьей строке дано имя его супруги, Домиции. В посвячительной надписи упомянуты демос Фиссанунтян, «проживающие в Фиссзунте и ктена Страпиатов».

Весь вышеприведенный материал свидетельствует, по нашему мнению, о том, что прежде всего ктена представляла из себя территориальную единицу, расположенную в пределах дема, но не входившую в дем и не являвшуюся его более мелким подразделением. Надпись, опубликованная впервые б. Селивановым,¹⁵¹ дает нам вполне точное представление о структуре дема: «округ (**μέρος**) Лимен, селение Афесис, комарх Аристокбий, сын Аристокбия и внук Аристокбия, Дриит».

Таким образом, дем делился на округа, округа — на поселки. Ктена в это деление не входила.

Одновременно мы должны еще раз подчеркнуть теснейшую связь ктены с культовой жизнью родосцев, связь ктены с храмовой жизнью святилищ, расположенных в ее пределах. Это отмечается и в постановлениях о камирских ктенах и в постановлении ктены Потидейцев.

Мы не знаем точно, как раньше производились выборы мастров; выбирались они по ктенам до камирского постановления или камирскому постановлению предшествовал общеродосский декрет, приурочивший выбор коллегии мастров к ктене, в результате чего и последовало решение камирцев о переписи всех ктен и о выборе мастров ктенетами в наиболее священном храме.

Возвращаясь к глоссе Гесихия — **χωρίσεις προγονικών ιερών ή δήμος μεμερισμένος**—мы считаем возможным понять эту глоссу следующим образом: выделение (отделение) прародительских святынь или отделенная часть (**μέρος**) дема. Иначе говоря, та часть дема, на которой были расположены древние святилища, выделялась из дема, образуя самостоятельный округ — ктену, связанную с «прародительскими святынями» на ее территории.

Такое значение, подтверждаемое и сохранившимися эпиграфическими памятниками, ктена, вероятнее всего, получила после синойкизма, сопровождавшегося разделением всей общеродосской территории на демы.

Ктена, выделенная из дема и связанная с древними, существовавшими до синойкизма, культами, должна была сохранять многие ритуальные черты родовых культов. Привилегии знатных родов на отправление жреческих функций в отдельных культах патр должны были закрепляться и консервироваться в ктенах после их выделения в особые религиозно-территориальные округа/.

Наиболее ранние эпиграфические документы, упоминающие о ктенах, относятся к самому концу IV — началу III в. до н. э.; к этому времени относится как раз и камирская надпись, свидетельствующая о проведенной в ктенах реформе. Поэтому не исключена возможность, что такое выделение ктен из демов могло быть связано с типичным для эллинизма выделением храмовых хозяйств в особые самоуправляющиеся единицы. Под усиливающимся влиянием Востока это могло иметь место и на Родосе, но принимало здесь своеобразные греческие формы.

Несомненно, что после синойкизма три старых родосских центра, Линд, Камир и Ялис, сохранили известную автономию в делах культа. Поэтому не могло возникнуть общеродосских ктен. Демы были общеродосскими; ктены распределялись по трем городам в районах их бывших территориальных владений. Отсюда понятно, что во внутренней жизни трех городов ктены приобретают большое значение; перепись ктен является делом каждого из трех городов. Остров Халкея, уже до синойкизма, повидимому, связанный с Линдом, получает возможность вписать свои ктены не в камирский список, а в список Линда. И когда мы встречаем в надписях обозначение дема рядом с именем ктены, то это имеет глубокое обоснование: дем является частью всего общеродосского государства, ктена же представляет свою область.

Наличие казначея в ктене свидетельствует о наличии хозяйства ктены, может быть, священного хозяйства храмов, находящихся на территории ктены.

Несомненно и то, что термин «ктена» — древнего происхождения и что ктены существовали на Родосе до общеродосского синойкизма. Однако попытки объяснить значение ктены в этот ранний период существования трех родосских государств являются в значительной мере гипотетичными.

Распространенная гипотеза о том, что ктены — это демы

до общеродосского синойкизма, не кажется нам убедительной, так как несомненно, что в основу общеродосского деления на демы было положено старое территориальное деление, как на это указывают самые названия демов.

Выдвинутая Гвардуччи гипотеза о том, что ктены — это поселения дорийских колонистов, заселявших Родос в период дорийской колонизации, кажется нам также мало обоснованной.

Определение ктены у Гесихия несомненно относится ко времени после родосского синойкизма, а не к доисторическим временам дорийского переселения. Поэтому нет никаких оснований распространять это определение ктены на те периоды родосской истории, о которой и у позднейших родосцев не сохранилось сколько-нибудь ясных воспоминаний.

Поэтому нам кажется невозможным, на данном уровне наших исторических знаний, восстановить подлинное значение ктены до синойкизма. Несомненно, что до синойкизма ктена была связана с родовым строем родосской общины и с отпращиванием древних культов. Наличие ктен в родосской Перее и на островах, входивших в территорию Родоса, как кажется, связано с перенесением культов отдельных городов на территорию Перее. Родосцы, селившиеся в районах чуждых им карийских племен, образовывали сплоченное ядро колонистов, объединенных не только родами, фратриями и филами, но и общими культами. Может быть, этот момент и сыграл свою роль в деле развития и укрепления ктен. Однако это лишь одно из правдоподобных предположений.

Родосские филы. В «корабельном каталоге» «Илиады» говорится о тройном делении Родоса по трем городам и далее (стих 668) еще более ясно — по трем филам. Отсюда ученые делали правильный вывод о том, что дорийское население Родоса было разделено по трем филам: Гиллеям, Диманам и Памфилам. На самом острове ни одно из этих дорийских названий фил не сохранилось. Однако в родосской Перее и в родосских колониях в Сицилии мы встречаем эти унаследованные от Родоса филы. В Акраганте упоминается фила Гиллеев;¹⁵² в деме Кедреатов (на берегу Керамического залива) мы встречаем упоминание филы Диманов.¹⁵³ Возникает вопрос, представляли ли три родосских центра — 3 филы или в каждом из этих родосских государств существовало деление на 3 филы?

Храмовая хроника Афины Линдии сообщает нам о трех линдийских филах: Автохтоны, Тельхины, Алиады.¹³⁴ Блинкенберг считает это поздним измышлением составителей хро-

ники, ученой реконструкцией додорийского периода жизни родосцев.

Однако самое измышление характерно: восстановление трех фил Линда, может быть, указывает на наличие воспоминаний о действительно существовавшем разделении Линда на 3 филы.¹⁵⁵

Наряду с этим мы встречаем и другие названия фил, существовавшие на Родосе до синойкизма. В Камире встречается фила Алфеменида; в схолиях к VII олимпийской оде Пиндара сохранилось упоминание об ялесской филе «Эрастиды» и об одноименной с филлой Фратрии Эрастидов, которые, однако, существуют после синойкизма лишь в культовой организации отдельных областей;¹⁵⁶ в Линде мы встречаем упоминаемые филы Аргеи.¹⁵⁷

Повидимому, в период политического объединения Родоса каждое из трех прежде самостоятельных государств образовало территориальную филу, и на смену прежним образовались новые филы: Ялессия, Камирида, Линд или Линдия.¹⁵⁸

Именно этим последним филам было подчинено территориальное деление острова на демы. Древние же сакральные филы сохранились в культе, как это было, например, и в Афинах после реформы Клизфена. Однако эта реформа, связанная с новыми наименованиями фил, не затронула, повидимому, родосскую Перею, в которой, со времен родосской колонизации, сохранилось традиционное деление по 3-м додорийским филам.

От каждой родосской общины до нас дошло лишь по одному имени филы: Эрастиды, Алфеменида, Аргея. Но значит ли это, что каждая родосская община уже ко времени синойкизма представляла из себя одну филу?

Нам кажется, что трехчленное деление для Линда, сохраненное линдийской хроникой, свидетельствует о наличии в Линде трех фил; существовавшие филы Гиллеев в Акраганте и, повидимому, в Геле — колониях, возникших при сильнейшем влиянии Линда, указывает на наличие этой филы в Линде. А если это так, то параллельное трехчленное деление каждой общины, вошедшей в состав родосского государства, представляется нам более чем вероятным. О том же свидетельствует и повторяемое в камирской надписи название филы Алфемениды, ибо, если бы на территории Камира существовала одна фила, ее название незачем было повторять.

Мы не можем с уверенностью сказать, что имена древних додорийских фил на острове были полностью забыты (линдий-

ская хроника в данном случае не может служить доказательством, ибо в намерение ее составителя входило восстановление на Родосе додорийских фил). Вполне возможно, что новые находки прольют больше света на неясный вопрос. Несомненным кажется, что эти филы существовали на Родосе в «царский» период, т. е. в начале родосской колонизации: происшедшие позже политические перевороты (установление тирании, а позже — демократии) должны были повлечь за собой и переименования фил. Тогда-то, может быть, и возникли дошедшие до нас имена фил, предшествующих синойкизму.

Таким образом, структура объединенного родосского государства в IV в. до н. э. была довольно сложной. Прежде всего, она была двойственна по своему характеру: весь остров был разделен на 3 территориальных филы — Ялессию, Камириду и Линдию (Линд). Одновременно продолжало существовать и трехчленное деление на старые родовые филы, от которых до нас дошло пока только 3 имени: Эрастиды (Ялессия), Алфеменида (Камир), Аргея (Линд). В родосских внешних владениях сохранялись иногда прежние имена фил: ср. Диманы (Кедрея).

Подразделениями новых фил были демы; старые филы членились на Фратрии и Патры; в какой-то точно не определенной связи с этими старыми филами находились *συνομοί* и Ктены.

В плане политическом гражданин родосской республики выступал прежде всего как гражданин определенного дема, но в плане религиозном гражданин острова был прежде всего членом определенной и унаследованной от предков Патры, Фратрии и Филы. Кроме того, прирожденный гражданин Родоса был одновременно и членом Ктены, которая служила целям культового объединения представителей древнего гражданства одной из трех общин острова.

Чужеземец, допущенный к пользованию гражданскими правами, получал на острове Эпидамию, т. е. входил в родосский демос, Родос становился его родиной, но Эпидамиаст еще не был гражданином. Этот человек получал право, по желанию, называться «родосец», но не был включен в дем. Только его дети могли стать гражданами острова, т. е. членами родосских демосов и, вероятно, Фратрий, связав себя узами кровного родства с гражданским коллективом Родоса.

Это сохранение родовых институтов до позднего времени давало ту необходимую внутреннюю тесную спаянность гражданского коллектива, которую не могла бы дать одна толь-

ко территориальная принадлежность. Поэтому принцип чистоты крови, в большей или меньшей степени характерный для всех греческих полисов, поддерживался и консервировался на Родосе как раз устойчивостью этих родовых объединений, наблюдение за которыми составляло главную деятельность трех древних центров — Линда, Камира и Ялиса — после синойкизма. Необходимо напомнить, что в родосской республике для гражданской полноправности требовалось происхождение от граждан и по мужской и по женской линии (ср. определение: «по матери — иноземец»).

Кроме того, огромное стечение метеков, иноземных купцов, ремесленников и другого пришлого населения в IV—II вв. до н. э. заставляло граждан Родоса особенно внимательно оберегать свои древние родовые институты и древние прародительские культы и ритуалы от инородных влияний.

Наряду с этим мы видим, наоборот, стремление метеков и иноземцев уподобиться родосцам путем создания сходных патронимических объединений типа патр и фратрий, искусственного воспроизведения в своих союзах форм родосских фил, создания культовых объединений типа ктен. Такая характерная мимикрия под родосский гражданский коллектив ясно свидетельствует, по нашему мнению, о стремлении этого пришлого, но осевшего на острове населения хотя бы внешне уподобиться родосскому гражданскому коллективу.

Подражания патрам, фратриям, филам и ктенам. Очень часто мы встречаем союзы с родовыми именами, восходящие к знаменитым на Родосе людям: полководцам, навархам или их советникам.

Таково, например, объединение Аполлониастов Антиохейцев, совместно воевавших.¹⁵⁹ Патронимическое обозначение «Антиохей» восходит здесь, без сомнения, к родосскому наварху Антиоху, жившему в I в. до н. э. и прославившемуся, по видимому, во время Митридатовой войны.

Поликлеи Боарсы и Афродисиасты Аликиоты Поликлеи восходят к ближайшему другу и советнику наварха Дамагора, тоже полководцу, Поликлу, сыну Сосы,¹⁶⁰ выполнявшему на Родосе ряд важнейших военных функций.

«Феэдетей, совместно совершившие поход», восходят к чествуемому в этом постановлении Феэдету, сыну Автократея, победившему в конных состязаниях на празднике в честь Гелиоса;¹⁶¹ Аполлониасты Феэдетей Астимедей,¹⁶² вероятнее всего, находятся в тесной связи с сыном Феэдета — Астимедом, чествуемым линдийцами.¹⁶³

Таким образом, эти союзы воинов, которые еще Цибарт

рассматривал как объединения наемников на Родосе, были **не** кратковременными, но прочными объединениями, продолжавшими существовать и после конца походов, на что указывает и аорист, и существование союза Феэдетеев, и Феэдетеев Астимедеев, связанного с основателем союза Феэдетом и его сыном Астимедом.

Термин Аликиоты, дважды встречающийся в обозначении союзов военного типа, может быть, указывает на союзы ровесников, сверстников, по аналогии с мужскими союзами.

Несомненно, к ряду подобных союзов следует относить и дважды встречающийся в родосских надписях союз Диодориев и Афанаистов Линдиастов Диодориев.¹⁶⁴

В первом случае Диодории чтят Прота, сына Перинфия; имя «Прот» встречается еще два раза в родосских надписях, один раз с этническим определением «Галат» и второй раз Прот, сын Ликаона.¹⁶⁵

Можно предполагать, что в данном случае Прот, сын Перинфия (указания на принадлежность к родосскому дему при имени нет) — иноземец, а не родосский гражданин.

Во втором случае, Афанаисты Линдиасты Диодории чтят Исидора антиохейца и его жену До[ситею] Олимпену.

Можно думать, что здесь перед нами объединение родосских метеков, принявших патронимическое обозначение под влиянием родосских родовых союзов.

В других случаях эта связанность с отдельным руководящим в союзе лицом подчеркивается выражением *οι ουυ*. Так, например, Дионисиасты Афанаисты Диосатабириасты Евфранории — те, что с Афинеем книдским¹⁶⁶ или Силлей Лоллей-воспитатели — те, что с Силлой¹⁶⁷ (ср. «Му-сапсты те, что с (имя)», и «те, что с Пасикратом»¹⁶⁸).

Это различие в построении самого наименования союзов (патронимическое обозначение наряду с *οι ουυ*) очень напоминает также различные наименования фиасов, входящих в состав афинских и хиосских фратрий, о чем говорилось выше. Может быть, по этому типу союзы, связанные с родосской знатью, или союзы более богатых людей принимали на себя патронимические обозначения, а союзы менее экономически мощные и не имеющие возможности назвать своим основателем родосского гражданина, — наименования *οι ουυ*.

Таким образом, на Родосе имелась налицо значительная группа союзов, возникших на родовой основе, и немалое число союзов, созданных в подражание родовым организациям родосских граждан. Самая культовая форма этих объединений немало способствовала сближению союзов

по своей структуре со старыми родовыми институтами.

Сближение союзов с родами и фратриями началось еще в ранний период, когда в объединения типа оргеонов или фиасов входили члены сначала фратрии или одного дема, причем эти организации выполняли наряду с родовыми и определенные государственные функции.¹⁶⁹

Таким образом возникали, наряду с родовыми, объединения локально-культурного характера или, в других случаях, внутри фратрий «фиасы», которые были маленькими «ульями», где действовали совместно члены фратрии, выполняя ее различные поручения, особенно в организации праздничных религиозных процессов. Эти союзы были удобны для государства и в дальнейшем; все более отрываясь от родовых организаций, многие из фиасов надолго сохраняли у себя традицию наследования председательского места от отца к сыну.

Внедряющиеся в полис чужестранцы с течением времени все более пытаются уподобить свои союзы таким объединениям, возникшим на родовой основе, и присваивают своим союзам названия **φράτρια**, **φιάτορες**, причем, как это доказано в науке, их объединения ничего общего не имеют с древними родовыми фратриями. Распространенные, главным образом, в Малой Азии (сильнейшее влияние которой постоянно испытывал Родос), они обычно носят в качестве характерного признака имя руководящего лица (**ἡ περί του δεινά** или **ἡ του δεινός**).¹⁷⁰

Подражания иноземцев родосским родовым формам общежития заходили так далеко, что некоторые союзы, очень пестрые по своему этническому составу, даже создавали внутри себя деление на филы, подражая родосскому трехчленному делению; так, например, мы встречаем в одном из союзов, основанном Никасионом кизикенцем, три филы: первая из них названа его именем: Никасионида; вторая — именем жены: Олимпеида; третья — именем невестки: Басилеида.¹⁷¹

Как уже отмечал первый издатель надписи, Фукар,¹⁷² эти три филы не были «ни филими Родоса, ни филими какого-либо другого дорийского города. Если к этому прибавить еще, что семь атонофетов и семь филархов являются иностранцами, то станет ясно, что здесь речь идет об играх, справляемых не городом, но союзом». В список благодетелей и благодетельниц союза включена вся семья Никасиона: он сам, его жена, два сына (один — с женой), дочь с мужем и тремя сыновьями — внуками Никасиона. Кроме того, все лица, включенные в список, не являются урожденными родос-

цами, но или просто иноземцами или иноземцами, уже приобретшими на Родосе право эпитафии; дети их называют себя уже «родосцами». В союзе представлены люди из 16-ти городов.¹⁷³ В честь какого божества в союзе управлялись игры и проводились состязания трех фил, мы, к сожалению, не знаем, но в самой организации игр — явное подражание культурной организации полиса и в наличии ежегодных состязаний и в выборных должностях агонифета, филарха и гимнасиарха. Этот союз родосских метеков, основанный кизикенцем Никасионом, является ярким примером подражания родосским организациям граждан.

Если союзы метеков подражали патрам и филам, то можно предположить заранее, что имело место и объединение родосских метеков в ктены.

На о. Симе, входившем в состав родосского государства, существовал союз «проживающих на Симе»; это наименование союза повторяется несколько раз.¹⁷⁴ Надпись с именем союза (II—I вв. до н. э.) найдена на акрополе древнего города. Союз проживающих на Симе чествует Аристофана, сына Аристофана, из дема Полита, восстановившего храм Афины по просьбе ктенетов в экклесии. Закончив работы по реставрации храма, он, «приведя временно проживающих здесь из граждан, показал [им] прекрасно совершающую работу»; вследствие этого союз постановил похвалить и увенчать Аристофана золотым венком; был выбран и человек, который должен был немедленно отправиться в город Родос за утверждением советом и народом родосцев принятого постановления.

Постановление начиналось с общепринятой на Родосе в таких случаях датировки по жрецу Гелиосу и, кроме того, по демиургу, вероятно, пребывавшему на о. Симе (так же, как в Камире).¹⁷⁵ Затем следует не **εδοξε τῶι κτοίναι**, но **εδοξε τῶι κοινῶι**, хотя в самом постановлении члены союза названы ктенетами. Формулировка **ἱεροθῶτῶν γνῶμα** встречалась нам в почетном постановлении ктены Потидейцев в честь Памфилида. Таким образом, в данном постановлении **κοινον** и **κτοίνα** как будто бы тождественны.

Как же следует рассматривать членов союза, «проживающих в Симе»? Как показывает эпиграфический материал, термин **κατοικοῦντες** употребляется в различных значениях,¹⁷⁶ однако всегда обозначает людей, не пользующихся гражданскими правами, будь то представители низших классов, метеков, или иноземцев, или наемников. В Малой Азии термин **κατοικία** часто служит синонимом военной колонии;

повидимому, и здесь мы имеем дело с военными колонистами, в значительной своей части состоящими из наемников, образующих военный гарнизон на о. Симе. Наличие там такого гарнизона подтверждается в родосских надписях существованием должности $\alpha\upsilon\epsilon\mu\omicron\nu\epsilon\iota$ ἐπὶ Σίμας. Поскольку Аристофан показывает результаты своих трудов тем из граждан, которые временно проживают на о. Симе, — подчеркивается правовое различие между $\kappa\alpha\tau\omicron\iota\kappa\omicron\upsilon\nu\tau\epsilon\varsigma$ и $\pi\omicron\lambda\iota\tau\alpha\iota$.

Военный гарнизон, проживающий на о. Симе, базируется в районе акрополя, и центральным местом объединения этих $\kappa\alpha\tau\omicron\iota\kappa\omicron\upsilon\nu\tau\epsilon\varsigma$ является храм Афины с наличием в нем гиерофитеона.

В военной организации родосцев в основном лишь флот обслуживался гражданами Родоса; береговая охрана Карики, Херсонеса и близлежащих островов всегда, как правило, состояла из завербованного местного населения или наемников, возглавлявшихся родосским командованием. Таким образом, в военно-религиозный «союз проживающих на Симе» включались, вероятно, и основной состав военных колонистов и возглавлявшие их родосские военачальники.¹⁷⁷

Именно этим, по нашему мнению, объясняется наличие коллегии гиерофантов, а также забота ялисского гражданина, приглашенного на народное собрание (эκκλησίαν) ктенетов, о восстановлении храма; этим объяснялось бы и то, что предложение об увенчании союзом Агафодора, сына Агафона, Амийца вносится Ликамедом, сыном Ликиада, гражданином из дема Кесареи.

Этот союз образован по аналогии с ктеней, как территориальным округом, объединенным вокруг центрального в данном районе храма (территория катойкии, не входящая в дема о. Сими).

Существует и еще одна надпись с о. Симе, где мы встречаемся сразу с упоминанием двух ктен (конец I в. до н. э.): союз Самофракиастов Афродисиастов Борборитов чтит метека Евфросина из Идумеи. Этот человек увенчивается союзом уже в третий или четвертый раз; кроме того, он увенчивался и союзом Адониастов Афродисиастов Асклепиастов сирийцев [καὶ] ὑλο τὰς κτοίνας τὰς — $\frac{\text{H}}{178}$ Λ — — и ὑλο τὰς κτοίνας τὰς Ἐπιρῳμῶνους (?) золотым венком.

Подлинность этих ктен очень сомнительна, ибо они чтят метека за его заслуги перед союзом Самофракиастов Афродисиастов Борборитов совместно с явно негражданским союзом сирийцев. Имя первой ктены пока не восстановлено, имя второй — также недостоверно (оно может трактоваться и как

родительный падеж женского имени на -ω). Самая искусственность и необычность второго наименования уже вызывает мысль о подражании гражданским ктенам родосских городов.

Правильность этого предположения, нам кажется, подтверждается еще одним интересным эпиграфическим свидетельством из родосской Переи. То $\kappa\omicron\iota\nu\omicron\nu$ τα; $\pi\tau\omicron\iota\nu\alpha\varsigma$ чтит метека Филумена и увенчивает его травяным венком. Этот Филумен дважды был должностным лицом ктены и отстроил на свои¹⁷⁹ средства мужской зал, разрушенный землетрясением.

Надпись вызывала ряд недоумений. Прежде всего удивляло самое слово «птена» очень ясно читаемое. Все комментаторы единогласно признают, что это не ошибка резчика, а какая-то своеобразная форма, параллельная форме «ктена». Кречмер пытался доказать чередование π и κ, устанавливая двойную форму $\pi\tau\omicron\iota\nu\alpha$ || $\kappa\tau\omicron\iota\nu\alpha$, хотя и признавал, что он не в силах окончательно решить эту загадку.¹⁸⁰

Однако после заметки Кречмера для последующих историков Родоса стало правилом ссылаться на двойную форму $\pi\tau\omicron\iota\nu\alpha$ || $\kappa\tau\omicron\iota\nu\alpha$ как на вполне установленный факт. Более того, вошло в обычай пользоваться этим примером для доказательства того, что ктена || птена, членами которой состоят метеки, не может являться древней, связанной с родовым строем, формой.

Нам кажется, что решение этой загадки лежит не в возможности языковых перебоев и чередовании π и κ, но в той же имитации древних родосских институтов, при наибольшем приближении к ним (избегая, однако, полного отождествления),

Ктена, прежде всего, не являлась союзом — то $\kappa\omicron\iota\nu\omicron\nu$ и никогда ни одна родосская ктена, объединявшая определенную группу граждан, не выступала в форме и под именем то $\kappa\omicron\iota\nu\omicron\nu$.

Кроме того, ктена была не только территориальным, но и религиозно-правовым объединением граждан, куда не имел доступа метека. На это указывает и камирское постановление.

Подобно тому, как «проживающие на Симе» могли называть себя ктенетами, не включая, однако, этот термин в официальное наименование союза, так и в данном случае птена, вызывая определенную ассоциацию с ктеней, не была, однако, вполне тождественной родосскому имени. Различие подчеркивается еще и тем, что союз именуется не просто α $\pi\tau\omicron\iota\nu\alpha$, но то $\kappa\omicron\iota\nu\omicron\nu$ τὰς $\pi\tau\omicron\iota\nu\alpha\varsigma$. Вполне возможно, что и

мужской зал, отстроенный Филуменом после землетрясения, подражал либо гиерофитеону ктены, либо каким-нибудь совместным трапезам и мужским объединениям, которые могли иметь место в ктене. Характерно, что ктена не сопровождается здесь обычно сопутствующим ей наименованием.

Отметим в заключение, что надпись открыта на территории родосской Переи, т. е. в том районе, в котором подражательность греческим полисным, культовым и родовым формам достигала наиболее мощного развития.

Сохранение и укрепление родовых по форме институтов свидетельствует о том, что они были нужны государству и служили общеполисным интересам гражданского коллектива.

При аристократическом строе родосской республики, государство, естественно, должно было опираться в своей внутренней политике на определенные кровно-родственные коллективы не только для обеспечения власти аристократов, но и в целях поддержания внутри полиса некоего внутреннего равновесия, необходимого для его процветания.

Яркий пример такого использования родовых институтов мы встречаем в надписи из Олимпии (вторая половина IV в: до н. э.). Это — сакральный закон, обязательный для членов родов; он запрещает изгнание и конфискацию земель в пределах отдельных родов. Преступившим закон грозит изгнание, сопровождаемое сакральным проклятием. Все ранее изгнанные члены родов должны быть возвращены и восстановлены в своих имущественных правах. Виновники конфискации обязаны вернуть изъятое имущество в двойном размере. Повреждение надписи является религиозным преступлением против божества и приравнено к похищению статуи богов.

Этот родовой закон был издан в разгар классовой борьбы, имущественных конфискаций и политических изгнаний в Элиде. Повидимому, в один и тот же род входили приверженцы разных политических партий, а следовательно, люди различные имущественных состояний. Целью закона и было — приостановить гражданскую борьбу внутри родов, а следовательно, и внутри полиса.

Хотя документ и принадлежит Элиде, он важен для понимания внутренней политики и других греческих полисов, в том числе и Родоса.

Повидимому, здесь и лежит разгадка того, почему каждому греческому полису присущи сохранение и искусственная реставрация кровно-родственных организаций.

На Родосе скопление пришлого элемента (метеков и рабов) из разнообразных районов восточного Средиземноморья

было весьма большим. Родосцы принимали различные меры, чтобы сохранить замкнутость своего гражданского коллектива. Самое сохранение трех городов — Линда, Камира и Ялиса — в качестве центров старых религиозных и родовых установлений свидетельствует об этом стремлении. Культ Афины Линдии был центром религиозной жизни всех граждан Линды; в Камире ту же роль играл культ Зевса Атабирия; в Ялисе — культ Аполлона Эрефимия. Древние родовые магистратуры были облечены высшими, в пределах территории каждого города, сакрально-родовыми полномочиями. Если городу Родосу были подчинены все демы, то все старые родовые институты — роды, фратрии и старые филы — находились в подчинении трем местным центрам. И поскольку основой их власти становились религиозные и кровно-родственные связи, постольку они выполняли свою главную функцию: охрану чистоты гражданского происхождения, посредством охраны старых культов и родовых институтов.

Поскольку эти родовые органы охватывали всех граждан, постольку они же помогали проводить в жизнь идею внутриполисного гражданского мира; весь полис, с точки зрения сакрально-родового восприятия, должен был представляться как кровно-родственный коллектив, как объединение сородичей, в жилах которых течет одна и та же кровь. И потому, в периоды гражданской борьбы внутри полиса, родовые связи, запреты и кары должны были противодействовать по линии кровно-родственных связей развитию этой вражды и, оказывая давление на членов враждующих партий, внутри их патр, фратрий, ктен, содействовать всеми мерами прекращению междоусобицы.

Поэтому родовые институты являлись орудием в руках правящей верхушки полиса, орудием как политического, так и морального давления на массы беднейших «сородичей».

Семейные общины на Родосе были очень крепкими и стойкими организациями. В надгробных памятниках Родоса очень часты перечисления всех родственников покойника или покойницы — восходящих и нисходящих, прямых потомков и двою, родных зятёв, шурьев и т. д. Таким образом, надгробные надписи дают богатый материал для далеко разветвляющихся генеалогий, а последние, в свою очередь, указывают на большую роль в жизни и быту этих семейных групп, тесно спаянных друг с другом сознанием своего кровного единства.

Конечно, уже после смерти Александра Македонского,

когда Родос постепенно превратился в центр международной торговли, когда, если можно так сказать, дух коммерции и наживы овладел всем населением острова, культовые связи и религиозные узы, сохраняя свою форму и даже приобретая больший внешний блеск и великолепие, во многих случаях были в действительности лишь политически необходимой, а не подлинно кровной формой связи.

Одновременно остров наводнялся чужеземными элементами самого разнородного социального и этнического состава: рабами, вольноотпущенниками, метеками, эпидамиастами. Эти люди пытались, по мере возможности, уподобиться гражданскому населению Родоса и стремились, если не удавалось слиться с ним, хотя бы внешне не отличаться от него. Наиболее удобной для этого была форма союза с культом того или иного, часто родосского, божества. Поскольку союзы, каковы бы они ни были по истинным, часто весьма меркантильным, целям объединения той или иной группы людей, являлись всегда и похоронными обществами (ибо на членах данного союза всегда лежала забота о погребении своего сочлена), создавалась легкая возможность мимикрии, подделки под родовые организации родосского гражданства. Поэтому наряду с древними патрами родосцев возникали уподобленные им союзы с патронимическими наименованиями; наряду с ктенами возникали птены; наряду с филами родосцев возникали внутри союзов искусственные филы объединившихся в союз чужестранцев.

Здесь и происходила встреча «двух миров»: союзов патр к ктен с союзами лжепатр и птен. Но эта встреча и все большее просачивание иноземцев внутрь полиса и внутрь полисно-родовых организаций уже означали начало кризиса полисной системы самого Родоса.

Эта спаянность человека кругом родовых или даже quasi-родовых связей, эта многовековая привычка смотреть на все сквозь призму генеалогических связей и отношений — накладывала, конечно, сильнейшую печать на всю систему мышления античного человека, на его, если можно так сказать, мифологическое понимание окружающего мира. «Большая семья» на Олимпе никогда бы не ужилась с полисом, если бы полис не являлся, по определению Аристотеля, $\gamma\epsilon\nu\omega\nu$ και $\chi\omicron\mu\iota\omega\nu$ κοινονία. Родовые институты и порождаемая ими спаянность отдельных людей семейными, а затем общеродовыми узами — создавали и утверждали своим древним священным авторитетом, с одной стороны, ответственность членов семейного коллектива за поведение коллектива в целом (примером

рому в плане истории служит требование Спарты изгнать Перикла, как Алкмеонида, ответственного за святотатство предков, а в плане литературы — знаменитый аластор Эсхила), а с другой стороны, — необходимость генеалогических традиций для истории каждого города и каждого народа и лично-семейное толкование всех крупных внешнеполитических событий (Пелопоннесская война — как вина Перикла; греко-персидские войны — как наказание надменности Ксеркса, надменности личной, несовместимой с рамками родового уклада, и т. д.).

Но все это, конечно, является темой других исследований.

6. РОДОССКИЕ ДЕМЫ

Территория острова с очень давнего времени была разделена между Линдом, Камиром и Ялисом. Линд занимал наибольшую часть островной территории: к нему отходил основной юго-восточный массив острова; часть западной береговой полосы принадлежала Камиру; северная часть острова составила территорию Ялиса (рис. 24).¹⁸¹ В историческое время каждая из островных территорий выступала разделенным на демы территориальным районом, входившим в состав, общеродосского государства.

Повидимому, разделение на демы имело место до общеродосского синойкизма, причем уже и тогда эти демы имели территориальное значение. Яснее всего выступают перед нами довольно многочисленные демы Линда.

Местонахождение Линда и многих его демов определено совершенно бесспорно и подтверждается постоянно увеличи-

Рис. 24. Остров Родос.

кающимися эпиграфическими находками, из которых особенный интерес представляют открытые датскими учеными хроника храма Афины Линдии и список линдийских жрецов.¹⁸²

Одним из крупнейших был дем Линдополиты, охватывающий самый город Линд и его окрестности. Можно предполагать с большой долей уверенности, что этот городской дем был одним из самых многочисленных и населенных, так как в надписях с демотическими именами число линдополитян всегда превышает число представителей других демов.¹⁸³

К югу от Линда, на западном побережье острова расположен современный поселок Каттавия, сохранивший название древнего линдийского дема Каттабии, определение которого стало возможным со времени раскопок Кинка.¹⁸⁴ Он был обитаем с древних, еще микенских времен, и имя его — догреческое,¹⁸⁵ как и некоторые другие имена линдийских демов.

К северу от Каттавии, на том же западном побережье, может быть, вблизи современного селения Аполачьи расположена древняя Неттия (Неттиды),¹⁸⁶ в области которой находились и Эи (ср. Οἴαται Λινδίων).¹⁸⁷

К северу от Неттии, на границе с областью Камира был расположен дем Брасии, впервые сопоставленный С. Селивановым с Прасиями Страбона.¹⁸⁸ Сундваль¹⁸⁹ считал название «Брасии» карийско-ликийским, сопоставляя его с ликийским Брэсайс и карийским Брэсион. В 1892 г. Гиллер нашел к северу от Истрии надпись с демотическим именем «Брасиос»¹⁹⁰ между Сианой и Керами. Широко была опубликована ваза из Сианы с надписью не позднее начала V в. до н. э.:

Брасия — прекраснейшая земля,
Как мне кажется.¹⁹¹

Западное побережье вплоть до Акрамити было занято тремя демами: Ладармии, Пагии, Класии.

Название «Ладармии» сближается Сундвалем с ликийским *«лада» (= жена, женщина) — *ладат(е)рма — Ладарма (современная Алаерма).¹⁹² Это большой дем, население которого, живя в горных и лесистых районах, было не таким густым, как население побережья.

Из всех линдийских демотических имен «Пагиос» встречается реже всего; может быть, этот дем не был многолюдным. В его территорию входило и местечко Кекойя, со святилищем Артемиды Кекойи или «той, что в Кекойе».¹⁹³ На расположение храма в Ладарме указывает отождествление Кекойи

с современным названием (на его территории) — «Эремокекойя».¹⁹⁴

Границы многолюдного линдийского дема Класии точно не определены. С. Селиванов сближал Класос с современным селением вблизи Линда — Калатос. Сундваль сравнивал это имя с ликийским малоазийским корнем *qla (qla, может быть, «фила»), указывая на параллель в названии бога реки КЛАСЕАС на эфесских монетах императорского времени от *kla(a)za.¹⁹¹

Если принять сближение Селиванова, то этот дем непосредственно примыкал бы с запада к дему Линдополитян, включая в свои границы часть плодородной равнины Маллоны и Массари с гаванью Лорима.¹⁹⁶

Остальные известные нам линдийские демы — Каминдии, Дрииты, Аргеи и Булиды — топографически пока не поддаются определению.

Фукар, на основании имени «Дриитяне», сближал дем с какой-нибудь лесистой местностью, богатой дубами;¹⁹⁷ нам известна и¹⁹⁸ совпадающая с именем дема линдийская патра Дриитян.

Второе имя, «Аргеи», неоднократно возбуждало интерес ученых. В линдийских надписях встречается и имя фило Аргея, которое необходимо сблизить с названием дема.¹⁹⁹

Демотикон Каминдии, повидимому, как предполагал еще С. Селиванов, образован от «Каминдос». Подтверждение мы находим в линдийской надписи, где упоминается «Аполлон в Каминде»; дем этот находился, вероятно, вблизи Вати.²⁰⁰

Дем Булиды часто встречается в родосских надписях;²⁰¹ ученые обращали внимание на то, что Булиды подобно Неттидам имеют родовое окончание. Г. Селиванов сопоставлял это имя с названием одной из камирских патр — Агафобулиды: «Быть может, — писал он, — члены ее имели какое-либо отношение к дему Булиды».²⁰²

Область Ялиса занимала весь северо-восточный район острова; именно здесь, недалеко от Ялиса, позже возник общеостровной родосский центр — город Родос. «Самая северная часть острова, — писал Росс, — к северу от высокого горного хребта св. Ильи, поднимающегося на 2000 футов, который, как стена, протянулся от западного к восточному побережью, находилась древняя Ялисия, в целом район очень плодородный, пересеченный лишь невысокими холмами...»²⁰³ Древние ялисы поселились у подножья и на вершине Охиромы (современного Филерма), привлеченные и естественным укреплением Филерма и плодородием окружающей равнины.

Маюри отмечает, что акрополь Филерма, выдающийся над группой окружающих его холмов, далеко виден с моря и достаточно хорошо защищен от бурных петров заливом Триакды. На ранних этапах развития Ялиса был центром родосской культуры; соревноваться с ним мог только Линд. Прцветание Ялиса подготовило процветание Родоса; возникновение последнего во время общеродосского синойклизма было подсказано экономическим развитием Ялиса и благоприятными условиями транзитной торговли с центрами азиатского побережья и Египтом.²⁰⁴

На территории Ялиса обнаружен интереснейший памятник — храм и театр Аполлона Эрефимия и большое количество надписей, относящихся к культуре этого божества. Культ Аполлона Эрефимия, как предполагает Якопи, один из древнейших на Родосе, но архитектурные остатки храма, раскопанного итальянцами, не старше V в. до н. э.²⁰⁵ До нас дошел список жрецов этого храма, исполнявших обязанности от 63 до 36 г. до н. э.;²⁰⁶ на основании списка можно установить и названия ялиских демонов: Бригиндари, Гистании, Гиперенхеи, Неополиты, Астипалеи, Понторей, Политы, Сибитии. Однако не все демоны Ялиса представлены в списке. По Гиллеру, к числу ялиских демонов относятся и Палеополиты, Даматрией и Фагаеи.

Три дема — Политы, Неополиты и Палеополиты — Гиллер связывает с районом Ялиса. Надпись Алехтронны свидетельствует о разделении города на нижний и верхний; Гиллер склонен относить демотикон Политы к Ахее, т. е. городу на ялиском акрополе, а демотикон Неополиты — к нижнему, более позднему городу. Демотикон Палеополиты (в надписях нигде точно не приуроченный к Ялису) Гиллер склонен относить к мифической Кирбе или к некоему древнему, а затем покинутому городу.²⁰⁷ Повидимому, эти 3 дема действительно охватывали территорию самого города Ялиса и его ближайших окрестностей.

Значительность дема Гистании ясна уже из того, что из него происходят 13 жрецов (из 34 жрецов списка). Повидимому, на территории дема находилось и святилище Аполлона. В изданной Маюри надписи I в. до н. э. в честь Поликла, последний чествует коллегией гиерофитов, избранной для празднования Эрефимий,²⁰⁸ ибо выражение $\epsilon\nu$ 'Ερεθίμοις нужно понимать²⁰⁹ как обозначение места, где почитался Аполлон Эрефимий.²⁰⁹ Дем Гистании был расположен между северо-западным побережьем и областью Камира.

Понторей — демотикон, встречающийся очень часто в родос-

ских надписях. В одной из них предположительно восстанавливается и имя местности — Понторей.²¹⁰ Гиллер с уверенностью локализует Понторей — «морскую гору» — на северо-восточном побережье Ялисии у современного Архангела.

Бригиндари (в аттическом податном списке — Брикиндари²¹¹) находились на восточном побережье, южнее деревни Дфанту; на его территории было и святилище местной богини Бригинды.²¹² Это — плодородная область, славившаяся своими смоквами.

Сибитии и Гиперенхеи — демоны, местоположение которых еще не определено.²¹³

Астипалеи — дем, тоже пока не определенный топографически. С. Селиванов предлагал искать его в районе современного Архиполи. По предположению Гиллера, может быть, расположение дема нужно искать в районе Эремокастра, северо-восточнее Бригинды, — скалы, круто поднимающейся между двумя рукавами реки, на вершине²¹¹ которой остатки киклопических или полигональных стен.

Эпиграфические находки последних 20-ти лет дают названия двух демонов — Даматрией и Фагаси, — местоположение которых неясно.²¹⁵

О демах самой города Родоса мы также еще ничего не знаем.

Область Камира занимала сравнительно узкую полосу на северо-западном побережье острова. Самый город, расположенный на холме, недалеко от берега, был связан дорогой с небольшой и не очень удобной для стоянки кораблей гаванью. Повидимому, город не был укреплен стенами. Последние находки позволяют предположить, что городской дем Камира назывался «Локсиды».²¹⁶

Дем Лелии, хорошо известный по надписям, был расположен на границе²¹⁷ с Линдом в районе современной Аполлоны, восточнее нее.²¹⁷ Этот район, удаленный от моря и соединявшийся с побережьем дорогой, следы которой сохранились еще и теперь, был гористым, с хорошими пастбищами и лесами. В средние века он использовался для защиты береговой территории и для укрытия от врагов; можно предполагать, что и в античности он мог иметь также оборонительное значение и служить, в случае нападения, надежным убежищем для мирного населения и для стад. В древнем некрополе обнаружены погребения и позднемикенского периода. На холме Скарионес обнаружены остатки крепостной стены. В надписях мы встречаем упоминание об «общине Пиргалидов, тех, что в Леле».²¹⁸

Южнее этого дема, вблизи Атабирия (на северном его склоне) у современной Эмбоны, повидимому, находился дем Ронкиды или Ринхиды.²¹⁹ Поселение Эмбона находится в подножья горы Атабирия, и сообщение ее с берегом затруднено. В окрестностях Эмбоны, повидимому, нужно помещать Гиппотею, согласно надписи, в Ронкии, по дороге из Ангилеи в Гиппотею, с которой С. Селиванов сближает камирскую патру Гиппотадов.²²⁰

Ангилею Селиванов предположительно помещает на территории современной Ланконии,²²¹ живописной долины, окаймленной лесистыми холмами, подходящими вплотную к морю. Здесь находилась пристань, где и теперь пристают грузовые суда, большей частью с о. Халкеи. Если предположение Селиванова правильно, то, следовательно, гавань Ланкония соединялась дорогой с высотами Гиппотеи у отрогов Атабирия. Вершина Атабирия, высочайшая вершина на Родосе (1240 м над уровнем моря), вероятно, входила в территорию этого дема.²²² На вершине Атабирия был воздвигнут храм в честь Зевса Атабирского; по преданию основателем этого храма был Алфемен, ойкист критских колонистов на Родосе. Уже раньше здесь находили, кроме развалин храма, вотивные бронзовые статуэтки быков и коров, о которых схолиаст к Пиндару сообщал, что они обладают магической силой предупреждать об опасности, угрожающей городу.²²³

Раскопки 1927 г., производившиеся итальянцами на горе Атабирии, обогатили нас и эпиграфическими находками (74 надписи).²²⁴ Большая часть этих надписей — посвящения граждан Родоса и малоазийских городов (среди последних упоминаются Сола, Термесс, Неаполь, Милет и Эфес). Наличие надписи, датированной VII в. до н. э., говорит о раннем существовании здесь культа Зевса Атабирского, восходящего, по преданию, к минойскому Криту. С вершины Атабирия в ясную погоду виден Крит; с него же открывается вид на весь Родос с окружающими его островами.

Южнее Ронкиды, в юго-западной части территории Камира, расположен дем Кимисалеи.²²⁶ Местонахождение дема давно уже было правильно определено С. Селивановым. «Этот дем, — писал он, — как я полагаю, лежал на западном склоне Акрамити, на одном из довольно многочисленных здесь террасообразных холмов, идущих от упомянутой возвышенности к морю. Этот холм и до сих пор хранит, очевидно, свое древнее название Чимисала (по родосскому произношению), т. е. Кимисала».²²⁶ Маюри, исследуя местность, установил следы античной дороги, идущей с юго-востока

к северо-западу от Сианы мимо холма Мармарулли и холма Кимисалы к акрополю горы св. Фоки. Дорога заботливо подерживалась и оберегалась специальными сооружениями от завалов и размыва. Вполне вероятно, что эта дорога вела к району современного Вассилика и выходила к морю недалеко от залива Глифада.

На холме Мармарулли обнаружены следы небольшого святилища, окруженного полигональными стенами. Самый характер постройки свидетельствует о древности и длительности справлявшегося здесь культа.

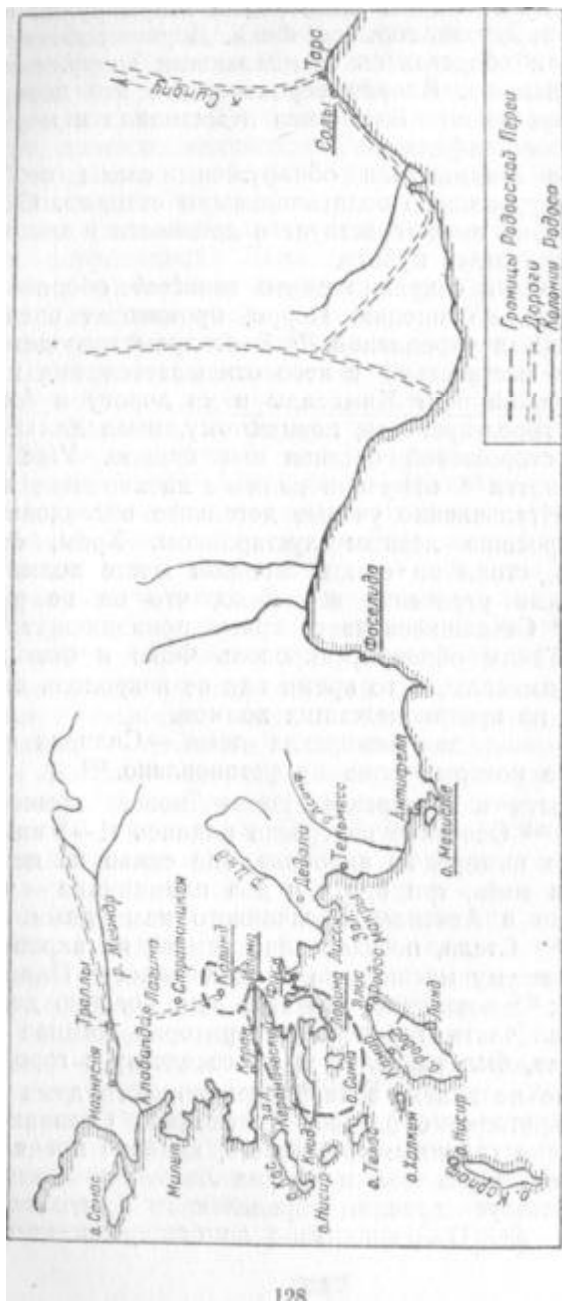
Акрополь Фоки сохранил следы внешней оборонительной стены, которые, по мнению Порро, производят впечатление довольно мощных укреплений.²²⁷ Этот храм господствует над окружающей местностью; с него открывается вид на залив Глифада, древний порт Кимисалы и на дорогу к Акрамити. Кроме стен, город-крепость, повидимому, имел для защиты и наблюдения сторожевой бастион или башню. Уже раньше Берг и Билиотти²²⁸ отмечали наличие на акрополе древнего святилища. Итальянские ученые детальнее обследовали руины, густо заросшие лесным кустарником. Храм, обращенный к морю, стоял на-самом высоком месте холма; следы древнего храма утрачены; возможно, что он не раз перестраивался.²²⁹ Оставшиеся части храма принадлежат периоду эллинизма. Таким образом, акрополь Фоки и был древним акрополем Кимисалы, в то время как ее некрополь помещался на одном из противоположных холмов.

Известны еще два камирских дема — Сидирии и Эрией, расположение которых пока не установлено.²³⁰

Может быть к камирским демам можно причислить и дем Пларии.²³¹ Особенно интересна надпись II—I вв. до н. э., найденная на камирском акрополе, где семья из дема Плария — отец и мать, три брата и два племянника — чествуют сына Теофана и Авксиды, увенчанного камирцами и двумя коллегиями.²³² Стела, поставленная семьей на акрополе, указывает, по нашему мнению, на принадлежность Плария к демам Камира;²³³ возможно, что этот дем, подобно дему Локсиды, занимал часть городской территории Камира или, во всяком случае, был расположен по соседству с городом.

Мы также не знаем, в территорию какого дема входила камирская Кретиния с патрой Кретинады. Селиванов правильно намечал границы: «Местность, крайние пределы которой — Эмбона, Каstellос и долина Ланкония, — как нельзя более соответствует древним определениям Критинии».²³⁴

Родосская Перея. Еще до общеродосского синой-

кизма Линд, Камир и Ялис расширили свои владения за пределы острова (рис. 25 и 26) на лежащий по ту сторону пролива Херсонес Книдский. Этот полуостров, в свою очередь, состоит из двух полуостровов, отделенных друг от друга: собственно книдский Херсонес и Херсонес родосский. От города Фиска до карийских Дедал проходит узкая полоса родосской Перей. Иногда и древними и современными авторами родосской Перей называется и родосский Херсонес и прибрежная полоса до Дедал.²³⁵

Рис. 26. Остров Симе и родосская Перей.

Вся эта территория была включена в гражданские общины родосских городов и имела свои демы, патры и ктены. Это несомненно свидетельствует о том, что присоединение Перей совершилось до общеродосского синокизма; характерно, что территория Перей была точно распределена между тремя родосскими городами: Линдом, Камиром и Ялисом.²³⁶ Восточная часть Перей с городом Фиском входила в общину Линда; ее центральная часть принадлежала Камиру (с городом Феник), а о. Симе входил, повидимому, в территорию Ялиса. Значительная часть книдского Херсонеса также принадлежала родосцам, но пока еще не удалось установить точно распределение этой территории между родосскими городами.

Город Фиск (демотикон — Фискии), современный Мармара,²³⁷ являлся одним из демов Линда. До нас дошло постановление линдийского народного собрания, определявшее религиозные дела Линда и Фиска.²³⁸ В псевдоэсхиновских письмах говорится и о родосских владениях на материке²³⁹ и о покупке Эхином поместья в Фиске.²⁴⁰ Нередки случаи упоминания родосских граждан с демотиконом Фискиец и

Фискиянка. В одной из надписей III в. до н. э. мы встречаем имя Скиллина, сына Эпикратея, Фискийца, бывшего синтагматархом над наемниками.²⁴¹ Таким образом, ясно, что граждане Фиска и его района входили в гражданскую общину Линда как ее полноправные члены.

Демотикон Фискии встречается также в линдийском списке граждан, распределенных по демам,²⁴² с указанием даров, сделанных ими, повидимому, Афине Линдийской.

Самый город Фиск, расположенный на скалистых массивах Кале, занимал положение контрольного поста над входом и выходом из гавани.²⁴³ Поэтому дем был важен для Линда и в стратегическом отношении.

С Линдом был связан еще и другой, повидимому, находившийся по соседству с Фиском, дем Гигассеи. Его следует помещать не в районе залива Лоста, как это предполагали Хула и Сцанто, но в районе Рены, рядом с древним демом Эринаеи, на берегу залива Рены. С этим согласуется и определение его территории у Стефана Византийского.²⁴⁴

Дем Амий, имя которого очень часто встречается в родосских надписях, относится к Линду, главным образом, по топографическим соображениям, так как Фискии, Гигассеи и Амий занимали сплошную территорию в северной части родосского Херсонеса. Последние исследования этого района также свидетельствуют о вхождении дема Амиев в общину Линда. Амий представлял собой небольшой, но хорошо укрепленный пункт, расположенный у входа в гавань Фиска. Скалистая и суровая местность не предоставляла возможности для большого городского населения. Назначение Амий — контроль над входом в залив. Маюри обнаружил здесь мощные городские укрепления со сторожевыми башнями.

В одной из дошедших до нас надписей упоминается дем Амийцев,²⁴⁵ в другой, найденной на о. Мегисте, сохранилось имя амийца,²⁴⁶ бывшего эпистатом в Кастабе и в крепости на о. Мегисте.²⁴⁷ Амос упоминается в одном из псевдоэскиновских писем²⁴⁸ и у Александра Полигистора.²⁴⁸ В письме город назван маленькой крепостцей,²⁴⁹ что вполне согласуется и с вышеприведенными наблюдениями Маюри.

Вероятнее всего, к родосской Перее нужно относить и дем Педиеи, упомянутый и в афинском податном списке Πεδιῆς ἐν Λίνδῳ, который Гиллер помещает к юго- или северо-западу от Линда на территории острова.²⁵⁰

Мнению Гиллера противоречит уже тот факт, что этот дем, повидимому, малолюдный и небольшой, отделен от остальных линдийских демов для уплаты афинянам фороса.

Этому противоречит и свидетельство, сохраненное у Стефана Византийского: Педиеи, город Карики. Если дем Педиею относить к Карики, то становится совершенно понятным, что он мог уплачивать подать отдельно от Линда.

В пользу указанного предположения свидетельствуют и наблюдения Маюри, который склоняется к отождествлению Педиеи с Педалой — небольшой равниной, сжатой горами, и с хорошо укрепленным (еще в глубокой древности) акрополем на родосском Херсонесе на полуострове между заливами Кар-Вассили и Лостой, т. е. в непосредственном территориальном соседстве с другими демами Линда.²⁵¹

О камирских владениях в родосской Перее мы узнаем прежде всего из знаменитой надписи о ктенах Камира: «тех, что на острове и тех, что ἐν τῷ Ἀλείῳ». ²⁵² Ἀ αἰετός, вероятно, как предполагает Эрнст Мейер, было собственным именем, обозначающим территорию Перее, входившую в состав камирской общины.²⁵³

В камирскую "Ἀετός входил дем Тлои с городом Феник (современный Fenaké).²⁵⁴ Феник, повидимому, один из наиболее крупных городов родосской Перее, был расположен на вершине скалы в южной части полуострова. Он был удален от моря, но зато находился в центре небольшой долины между двумя реками. Его некрополь находился в скалах, замыкающих долину с севера, и в скале самого акрополя города. Акрополь на вершине скалы был укреплен стенами циклопической кладки. С вершины акрополя открывался вид на острова Симе и Родос. Здесь обнаружены многочисленные фрагменты строительных черепиц и античных амфор. Были обнаружены и цистерны, повидимому, для хранения воды.²⁵⁵ Страбон, описывая Перее, говорит о Фенике, как о высочайшей горе полуострова, а «на вершине — крепость, одноименная с горой Феником». ²⁵⁶ Таким образом, Феник был не только городом (остатки которого обнаружены в долине, у подножия акрополя), но и как другие города родосской Перее, укрепленным сторожевым центром, городом-крепостью. Из Феника, расположенного на проливе между береговой линией и Родосом, можно было вести наблюдение и за всей ²⁵⁷ поверхностью окружающего моря, и за береговой линией.

Несомненной является принадлежность к камирской Перее и дема Фиссанунтия.²⁵⁸ Этот дем был расположен на территории между заливами Лоста и Симе: последний врезался в Херсонес тремя бухтами; в районе средней из них, Ортаджи, и находился дем. Особенно интересные находки были

опубликованы М. и Н. Хавиарас. В одной сильно поврежденной (нет начала) надписи I в. н. э. (между 81—96 гг. н. э.) мы встречаем упоминание «дема Фиссанунтян, проживающих в Фиссанунте, и ктены Страпиатов».²⁵⁹ Таким образом, гражданский коллектив этого полиса разделен, подобно Камиру и другим родосским городам, на ктены.

Кроме того, подобно тому, как мы отметили это для города Феника, в деме Тлоитян налицо и метеки, проживающие в Фиссанунте и не имеющие родосских гражданских прав. Уже самое наличие ктены говорит о том, что вхождение камирских владений Перее в состав камирского государства произошло в достаточно раннее время; в противном случае мы могли бы ожидать лишь наличие территориальных подразделений после общеродосского синойклизма. Принадлежность дема Фиссанунтян к Камиру засвидетельствована наличием в нем храма и культа Афины Камириды.²⁶⁰

Кроме того, подобно Камиру, если правильно восстановление, в Фиссанунте мы встречаем и камирскую жреческую должность демиурга, сохраняющуюся как пережиток былой самостоятельности Камира.²⁶¹

На большую заселенность дема метеками указывает и наличие союзов, встречающихся в большом количестве и в родосских городах, к ним относятся: Эранисты, Адониасты, Аполлониасты, Сотернасты и Асклепиасты Аристодамеи.²⁶²

К северу от дема Фиссанунтян, на берегу залива, глубоко врезавшегося в сушу и изобилующего у берега мелкими островками, находился дем Боспоран с городом Боспорон или Боспора. Этот город стоял как крепость у воды; мелкие острова открывали возможность лишь узкого прохода для кораблей в месте расположения города.²⁶³ Возможно, что этот дем принадлежал Камиру; это, как будто, подтверждается и надписями: мы встречаемся здесь с чисто камирской жреческой должностью архераниста.²⁶⁴

Может быть, к Камиру следует относить и дем Тимнии в районе современной Лосты, в глубине залива того же имени, к северу от дема Боспорана.⁸⁶⁵ Предположение основано лишь на топографических наблюдениях, ибо дем замыкает камирские владения в Перее, образуя естественную границу с владениями Линда.

Город Тимн и дем его имени занимали плодороднейшую местность, пересеченную долинами, ущельями и холмами со множеством источников прекрасной питьевой воды. Немногочисленные надписи указывают на имевшийся здесь культ Деметры и Коры, а также на культ Артемиды,²⁶⁰ весьма рас-

пространственный на Родосе. В районе Тимна Маюри была обнаружена и древнейшая из имеющихся в Перее надпись конца V — начала IV в. до н. э. — сильно поврежденное постановление Совета и народа (повидимому, Тимна) об оплате наемников, и о внесении денег в казну жреца Арел Энпалея.²⁶⁷

Город Касара и одноименный дем Касареи находился на юге родосского Херсонеса в районе современного поселения Като Сикан.²⁶⁸ Повидимому, вся южная оконечность родосского Херсонеса с гаванью Лоримой принадлежала дему.²⁶⁹ Гиллер ошибочно относил его к Ялису;²⁷⁰ это мнение сейчас опровергнуто показаниями надписей.²⁷⁰

Остается спорным вопрос — территорию какого дема образовывал о. Симе, отделенный от Перее лишь узким проливом. Вхождение Симе в число родосских владений Перее — несомненно.²⁷¹ Однако, соображения Гиллера о принадлежности о. Симе к дему Касареев не кажутся убедительными. Наиболее веским аргументом Гиллера является указание на надпись II в. до н. э. из Симе, которая начинается так: «При жреце Эпихарме и демиурге Гиппократее, в 14-й день месяца Агриания Союз постановил. Ликомед, сын Ликиада, Касареец внес предложение. . .».²⁷² И далее следует изложение предложения Ликомеда из дема Касары об увенчании Агафадора Агафонова Амийца за его заслуги перед союзом проживающих на Симе. Гиллер, указывая на то, что предложение об увенчании внесено Касарейцем, считает возможным на основании этого включить и о. Симе в дем Касареев. Несомненно, что Ликомед Касареец был членом или патроном союза проживающих на Симе и как гражданин Родоса имел право на внесение предложения. Однако, ввиду частного характера этого постановления, нельзя делать вывод: если Касареец вносит предложение на о. Симе, то о. Симе входит в дем Касареев. Против этого предположения Гиллера говорит как будто бы и факт существования дема Арии.²⁷³ Этот дем, точно не локализованный, предположительно сближают²⁷⁴ с островками, лежащими между о. Симе и гаванью Лоримой. Если это сближение верно, то дем Касареев оказался бы пересеченным демом Ариев, что вряд ли возможно, так как до сих пор все известные нам демы представляют единую территорию. В нашем распоряжении пока нет никаких данных, удостоверяющих принадлежность о. Симе к какому-либо определенному дему.

К внешним владениям Ялиса можно пока с уверенностью отнести лишь один дем Эринаеи,²⁷⁵ в котором

имел место и ялсский культ Аполлона Эрефимия.²⁷⁸ Дем находился несколько юго-западнее Фиска, вблизи одноименного залива. Маюри отмечает красоту и плодородие берегов Эрини, богатых источниками, пастбищами и пахотными землями.²⁷⁷ Повидимому, этот дем, отождествленный еще Кёлером с «Эринес» податного списка афинян,²⁷⁸ был связан и со святилищем Латоны.²⁷⁹

Для родосской Переи удостоверены надписями еще следующие демы: Бибассии, Евфениты, Амнистии, Евриады, Криассеи.

Демы Бибассии и Евфениты были расположены в восточной части книдского Херсонеса, так как и этот полуостров, кроме Книда, входил в состав родосского государства.

Если раньше могло быть сомнение в том, что термин «Бибассии», встречающийся только в надгробных надписях, обозначает демотикон, то теперь позднейшими по времени находками доказано, что Бибассии — родосский дем. Мы встречаемся в нем с культом Афины Полиады и Зевса Полнея — общеродосским (или в своем происхождении — линдийским?) культом.²⁸⁰ Однако нам неизвестно, когда эта территория вошла в состав Родоса и к какому из городов она была приписана. Город Бибасс должен был являться для родосцев одним из важнейших опорных пунктов в Перее.²⁸¹ Самый город находился на берегу современного залива Емеджик к востоку от залива Даччия.

Севернее дема Бибассиев находился дем Евфениты (город Евфены).²⁸² К дему Евфениты примыкал на востоке тоже родосский дем Кедреаты, город которого был расположен на небольшом островке против берега в том месте Керамического залива, где последний, сужаясь, образует бухту Джова.²⁸³ На малоазийском берегу были расположены гавань и некрополь города. Ксенофонт характеризует население города словом «миксоварвары».²⁸⁴

Из надписей, найденных в городе, очень интересна одна поздняя, II в. до н. э.,²⁸⁵ в которой семья чтит Тейсия, сына Феодама, постановкой ему бронзовой статуи. В числе заслуг этого деятеля отмечается, что он был агемоном Мегисте, стратегом в Перее и стратегом в А[пейре] (?); кроме того он был жрецом Аполлона Пифийского и Кедреатийского, увенчан золотым венком «филетами Ди[мак]ами и Па[...]нами из тех, что в Кедреях». Здесь впервые на родосской территории встречается упоминание филы Диманов; повидимому, эта дорийская фила некогда существовала и на Родосе.

К северу, в глубине Керамического залива, находился го-

род Идима (или Идимэ), местоположение которого точно установлено находкой надписи времени Веспасиана с обозначением союза Идимеян.²⁸⁶ Позднее новые эпиграфические находки на территории Идимы подтвердили сделанное отождествление.²⁸⁷ От самого города, кроме некрополя с большим количеством карийских погребений, осталось мало следов; на месте древнего акрополя позднее была построена византийская крепость.

Город был небольшим, и родосцы владели лишь примыкающей к нему территорией. В надписи, датируемой приблизительно 197 г. до н. э.,²⁸⁸ Никатор, сын Памфила, а по усюновлению — Никатора, из дема Ладармы, бывший стратегом в Перес, говорит об отвоеванной им стране писетов, идимейцев и килландийцев, и крепостей, там находящихся. Следовательно, до II в. до н. э. район Идимы являлся родосским, затем был потерян и вновь отвоеван Никатором. Одновременно и другие надписи из Идимы свидетельствуют о вхождении города в состав родосского государства;²⁸⁹ может быть, был и дем Идимы.²⁹⁰

Лоссей — дем, вероятно, недалеко от Идимы; его имя встретилось пока всего лишь два раза и оба раза в надписях Идимы.

К северу от Идимы, уже в отдалении от моря, находился последний пограничный пункт родосской Переи — город Килланд, расположенный на большом торговом пути Кариин: Алабанда — Латина — Стратоникея — Писис — Идима (т. е. выход к морю).²⁹¹ Килланд находился, повидимому, в районе современной Эркасеи, где Патон и Майрс нашли надпись очень плохой сохранности.²⁹² Чтимый в этой надписи стратег Переи обозначается по имени без добавления определения «Родосец»; это свидетельствует о вхождении Килланда в состав старой родосской Переи.

Таким образом, полоса Кариинского побережья от города Фиска на востоке до Идимы и Килланда на севере с раннего времени находилась в руках родосцев. Эти плодородные и богатые территории предоставляли родосцам широкие возможности не только для развития своего хозяйства, не только снабжали их людскими резервами, не только способствовали развитию торговых сношений в Малой Азии, но и обеспечивали безопасность развития собственно родосской морской торговли и надежные гавани родосскому военному флоту.

Южной границей материковых владений родосской Переи Страбон называет Дедалу,²⁹³ которую отождествляют с возвышенностью на северном берегу речки Инлидже к западу от

реки Главка (современный Карги-Чай) и к северо-западу от Тельмесса.²⁹⁴ Как устанавливает Калинка, в IV в до н. э. и позже западной границей Ликии был Тельмесс, а Дедала отошла к Карию; но затем, около 100 г., в связи с перемещением границ, пограничным пунктом, разделяющим Ликию и Карию, снова оказалась Дедала.²⁹⁵

Дедала была небольшим укрепленным поселением. Тит Ливий называет ее небольшой крепостью.²⁹⁶ Последнее обследование Маюри подтвердило маленькие размеры этой крепостцы: акрополь Дедалы (а может быть все население ее ограничивалось лишь акрополем) находился на крутой скале, искусственно выравненной и образовавшей площадку небольших размеров. На склоне скалы Маюри заметил две крепостных поперечных кладки позднего времени. Вершина акрополя поросла густым кустарником, и следов античных построек ни на акрополе, ни у его подножья не удалось обнаружить. С вершины акрополя открывается вид на весь залив Макри с его многочисленными островками и береговыми изгибами. Таким образом, крепость представляла собой прекрасный наблюдательный и сторожевой пост. Вдоль тропинки, ведущей к акрополю, в скалах обнаружено много разграбленных погребений,²⁹⁷ среди которых встречаются и погребения ликийского типа.

Повидимому, Дедала также входила в состав родосского государства, как об этом свидетельствует единственная посвященная надпись, найденная пока на ее территории.²⁹⁸ Поскольку посвяtitель, родосский эпислат, находится на родосской земле, он не употребляет обозначения «Родосец». Поэтому с некоторой долей уверенности можно считать Дедалу входившей в состав родосских демов. Эти соображения подтверждаются и находками посвяtitельных надписей родосских эпислатов на о. Мегисте.²⁹⁹ Может быть, Эрнст Мейер и нрав, отождествляя родосский дем Криассеи с этим районом южно-карийских владений Родоса.³⁰⁰ Аркрайт отождествлял город Крию с Харопией — юго-западнее Дедалы на западном побережье залива Макри к северу от Лиссы.³⁰¹ Хебердей принял это отождествление в карте Ликии, приложенной к первому тому ликийских надписей.³⁰² Упоминание граждан этого дема в родосских надписях довольно часто.³⁰³

Таким образом, весьма вероятно было бы считать и Дедалу и Крию с прилегающими к ней островками Терсана и Иерониси³⁰⁴ входящими в состав дема Криассеи, хотя это до новых находок не может считаться установленным.

В родосские владения в IV в. до н. э. входил и о. Мегисте, как об этом свидетельствует описание псевдо-Скилака.³⁰⁵ Из

пяти найденных там надписей три связаны с именами родосских эпислатов. Самые имена эпислатов (одно из них с демократическим обозначением: Амиец) указывают на вхождение о. Мегисте в родосское государство. В надписях содержатся указания на наличие на острове культов Аполлона Мегистея, Диоскуров, Гермеса и Зевса.³⁰⁶

Остров Мегисте был границей родосских владений на юго-востоке.

Остается ряд демов, местоположение которых пока нельзя указать даже предположительно; таковы Амнистии, Евриады и Нассии, относящиеся все, может быть, к родосской Перее.³⁰⁷

Существовал и еще один дем, имя которого пока не установлено; он упомянут в списке пожертвователей на восстановление стен к цистернам Камира ... εἰδὸν οὐ δαῖος.³⁰⁸ Повидимому, это один из камирских демов.

Родосские материковые владения территориально превосходили размеры самого острова. Ван-Гельдер в свое время предполагал, что только после общеродосского синоикизма Перее была поделена на демы и получила, таким образом, гражданские права.³⁰⁹ Однако против этого мнения свидетельствует существование ктен в родосской Перее, которые, несомненно, древнее общеродосского синоикизма. Против этого свидетельствует и наличие в Перее родосской филы Диманов, исчезнувшей на Родосе ко времени синоикизма. Против этого свидетельствует и обнаруженный в демѣ Фиссанунтян культ Афины Камириды, так как после родосского синоикизма здесь Мог скорее возникнуть культ Афины Полиады, справлявшийся в городе Родосе.

Все эти данные говорят, по нашему мнению, о большой древности родосских владений в Перее.

С другой стороны, когда родосцы прокладывали себе путь к Фаселиде, т. е. в начале VII в. до н. э., о. Мегисте, повидимому, еще не был родосским, во всяком случае, ликийская часть Перее еще не принадлежала Родосу.

Так мы получаем две крайние даты: начало VII в. до н. э. и конец V в. до н. э. (дата основания города Родоса). Последняя дата точно удостоверена находкой постановления общеродосского совета и народа в Тимне.³¹⁰ Это — самая ранняя дорийская надпись не только в Перее, но и на всех Спорадах, включая сюда и Родос. Она датируется Маюри самым концом V или самым началом IV в. до н. э., т. е. временем, непосредственно близким к общеродосскому синоикизму. Судя по ее содержанию, образование единого родосского государства сопровождалось какой-то реорганизацией военных сил. Однако

здесь нам важно пока лишь одно: к моменту общеродосского синойкизма Тимн входил в состав родосского государства.

Когда же все-таки произошло внедрение родосцев на побережье Карию? Повидимому, до времени похода Дария, так как во время похода этого персидского царя родосцы признали над собой власть персов и тем самым уже не могли проявлять самостоятельной экспансии в Малой Азии. Если последнее предположение убедительно, то остается лишь одна возможность: заселение Переи могло происходить в период наибольшей торговой и колонизационной активности родосских городов, т. е. во второй половине VII в. и в VI в. до н. э.

Вряд ли возможно считать, что заселение карийского побережья происходило одновременно и параллельно с заселением Родоса дорийцами, ибо карийские земли распределены по отдельным областям Родоса, а это указывает на колонизационную активность автономных родосских городов. Повидимому, заселение Карию шло путем колонизации, но поскольку эта колонизация происходила по соседству с родосской территорией, то возникавшие на полуострове Херсонесе апойки не отрывались от метрополии, но включались в метрополию, как ее составные части.

В сохранении гражданских прав Линда, Ялиса, Камира, в распространении этих прав на колонистов Переи был кровно заинтересован каждый из родосских городов, ибо одним из основных назначений новых колоний в Карию являлась охрана торговых путей в районе Родоса и подступов к острову; поэтому-то каждый из городов Переи представлял из себя крепость, расположенную на высотах у проливов и заливов, ближайших к Родосу. Характерен и документ из Тимна, который дает представление о военных силах, сосредоточенных в городах Переи и организованных еще частично по родовому образцу: главы родов — частные люди со своими дружинами, и наряду с этим какое-то войско, оплачиваемое городом.

Мы ничего не можем сказать об отношении греческого родосского населения этих городов к карийскому населению, кроме того, что наемниками были, повидимому, карийцы, издавна славившиеся этим ремеслом. Часть завоеванных карийцев, вероятно, была превращена в рабов. Но в ряде городов, как свидетельствует наличие погребений карийского типа, население было смешанным. В некоторых случаях кладкам античных городов предшествуют туземные кладки; следовательно, родосцы приходили не на пустые места.

Наиболее древним было заселение лежащего против Родоса Херсонеса; распространение родосцев вглубь Керамиче-

ского залива до Идимы и далее до Килланда произошло, вероятно, позже.

Позже Переи, вероятно, был, заселен и район Дедалы и Крии, сообщаящийся с Переей лишь морем. Об этом свидетельствует и то, что полуостров Макри был завоеван лишь частично, и город Лисса, не отличавшийся большой военной мощью, расположенный по соседству с Крией, не потерял своей политической независимости.

Телос, Халкея, Карпаф. Соседние с Родосом острова также постепенно были включены в состав родосского государства. Очень рано, повидимому, в состав Камира вошли острова Телос и Халкея и в состав Линда — Карпаф и Сарос.³¹¹

Остров Телос,³¹² входивший в северо-восточную группу Спорад, повидимому, был заселен в древнее время; об этом свидетельствуют античные строительные остатки в районе современного залива Пладжо и на востоке острова — в районе долины Ливадии. Обе плодородные долины, скрытые береговыми холмами, не видны с моря, что в древнее время, ввиду развития пиратства, представляло важное преимущество для населения острова. На высоком холме, подымающемся на юго-восточном берегу залива Пладжо, в древности был расположен акрополь города, одноименного с островом. Остатки ранней полигональной кладки и античная керамика были обнаружены здесь Бентом; эту кладку перекрывали средневековые строительные остатки; на акрополе в средние века была построена сторожевая башня и часовня, поэтому античные остатки здесь очень скудны.

Граждане Телоса, согласно Геродоту, участвовали вместе с Линдом и Камиром в основании Гелы. Эпонимный жрец Телоса — дамиург, повидимому, был и политическим и религиозным главой общины. Телиос — родосский демотикон; вероятно, весь остров представлял один дем. Позднее во главе Телоса стоял родосский эпистат.

Остров Халкея расположен вблизи Родоса против Камира. Он — горист, но, согласно Феофрасту,³¹³ на северном его побережье была полоса очень плодородной земли.

Гавань находилась на южном побережье, и вход в нее при зимних ветрах был труден (эта гавань и сейчас носит название, унаследованное от древности, — Эмпорий). Недалеко от гавани был расположен и город, одноименный с островом.³¹¹ Повидимому, Халкея представляла также один дем.

О древней принадлежности острова к Камиру свидетельствует уже много раз цитированная надпись о камирских:

ктенах, где острову предоставлена возможность либо включить свои ктены в список ктен Камира, либо записать их отдельно (может быть, в связи с более поздним переходом острова к Линду).

Остров Карпаф по своему расположению (с примыкающим к нему о. Саросом) являлся мостом в сношениях Родоса с Критом. Страбон в своем описании острова отмечает наличие на нем четырех городов, один из которых также назывался Карпафом, другой — Нисиром.³¹⁵ По сообщению Диодора, Карпаф первоначально был заселен критянами во времена морского могущества Миноса, а уже затем Иоклом, сыном Демолеонта, аргосцем.³¹⁶

Эти сообщения, по существу, исчерпывают наши сведения по литературным источникам о древнем периоде истории острова.

Ранние связи Карпафа с Критом подтверждаются и археологическими находками на острове, а также и его географическим положением. От Карпафа до Касоса 3 часа плавания (на лодках), а Касос с Критом также связан лодочным сообщением.³¹⁷

Карпаф представляет длинный, узкий, чрезвычайно гористый остров с горными хребтами, круто обрывающимися в море. Его центральную площадь образует возвышенность, перерезанная холмами, то переходящими в горные вершины, то постепенно снижающимися до равнины. Единственная широкая долина — долина Пигадии на юго-восточном побережье острова.

На северо-восточном побережье острова (в районе Гиофами) были обнаружены микенская посуда и бронзовый меч, сходные по типу с ялссскими.

На о. Саросе местными жителями были найдены небольшие черные каменные топоры, аналогичные находкам в районе восточного Крита.³¹⁸ Одно погребение микенского периода было открыто и в юго-западном районе, вблизи древнего города Брикунта.³¹⁹ Таким образом, на острове имеются явные следы его древнего заселения.

Величайшая вершина острова — Калолимнон (1200 м над уровнем моря) уже и в древние времена, повидимому, делила Карпаф на две половины — южную и северную. Отсюда район непосредственного деления и до сих пор называется Месохорией. Южная часть острова разделялась на два дема — Карпафиополиты и Аркасеи, на территории которых расположены одноименные города.

Местоположение города Карпафа с точностью не устано-

влено, но, по всей вероятности, он находился в районе залива; Пигадии, на юго-восточном побережье. Древняя Арьсея находилась на юго-западном побережье, на вершине скалы. Здесь еще до последнего времени были видны остатки древнейших киклопических стен и античные кладки.³²⁰

В южной же части острова, в районе Пигадии был расположен и Посидион (древнее — Потидеон), известный нам по надписям Карпафа. Ктена Потидейцев входила в дем Карпафиополитян, и возможно, что город Потидеон был гаванью Карпафа.³²¹ На тесную связь этой ктены с жизнью дема Карпафиополитян указывает встречающаяся в надписях формула: «дем Карпафиополитян и ктена Потидейцев».³²²

Другая надпись дема³²³ сообщает о даре кипарисового дерева Афине; эта надпись была найдена в Пини, вблизи Валады, к северо-западу от Пигадии. Возможно, что здесь и был расположен город Карпаф, у входа в плодородную долину. Современное поселение, расположенное здесь, известно до сих пор под именем Скарпенто.

Город Брикунт, по имени которого назван третий дем острова — Брикунтии,³²⁴ был расположен на северо-западном побережье острова, на современном полуострове Вургунда. На территории этого дема находилось известное нам по надписям святилище Посейдона Порфмия, которое, судя по месту эпиграфических находок, стояло на берегу современной гавани Тристома.³²⁵ Повидимому, «перевоз» был проливом между Карпафом и Саросом (современная Сария).

Местоположение упомянутого Страбоном города Нисира с точностью не установлено. Житель острова Манолакакис, написавший его историю, первый отождествил Нисир с местечком Палатии на о. Саросе. Здесь были найдены две надгробные надписи, указывающие на то, что остров был обитаем.³²⁶

В святилище Посейдона Порфмия найдена посвятельная надпись от имени лиц, избранных гиерагогами:

«Мелантий, сын Менекратея, Брикунтиец, Эпенет, сын Радия, Нисириец, Сосипол, сын Архикратея, Брикунтиец».³²⁷

Наличие в надписи двух граждан из Брикунта и одного из Нисира, может быть, указывает на территориальную близость этих городов. Кроме того, при отождествлении Палатий с Нисиром разъяснилось бы и противоречие в показаниях Перилла (псевдо-Скилака) и Страбона (трехградие-четыреградие), поскольку четвертый город о. Карпафа Нисир помещался бы на о. Саросе, который можно, при желании, считать Карпафом.³²⁸

В родосских надписях часто встречается демотикон Ниси-

риец, хотя возможно, что он относится не к карпафскому Нисиру, а к городу Нисиру, расположенному на острове того же имени. Демотикона «Сариос» мы нигде не встречаем.³²⁹ Если отождествление Палатий с Нисиром все же правильно, то Сарос и представлял бы собой дем Нисиири.

Колонизация острова шла в основном из Линда, как на это указывает культ Афины Линдии, существовавший в Брикукте.³³⁰ На раннее вхождение Карпафа в линдийское государство указывает и наличие ктены Потидейцев на южной оконечности острова, главным святилищем которой было также святилище Афины Линдии.³³¹

Интересно отметить на острове наличие союза Этеокарпафян.³³² В афинских податных описках Этеокарпафии названы наряду с Карпафиями, Брикунтиями и Аркасиями.³³³ По аналогии с Этеокритянами, встречающимися у Гомера,³³⁴ можно предполагать, что эти «подлинны Карпафяне» представляли древнейший слой населения острова и занимали особую определенную территорию. На это указывает их наличие, как особой податной единицы, в афинских податных списках. Поскольку юго-восток острова был занят Карпафиополитянами, юго-запад — Аркасейцами, а север — Брикунтиями, остается предположить, что они занимали центральную часть острова — Месохорию. Однако в родосском государстве они не представляли собой отдельного дема, но обозначались как союз. Территориально, вероятно, они входили в дем Карпафиополитян.

Остров Карпаф был важен родосцам не только тем, что через него лежал путь к Криту, но и тем, что вся группа островов, постепенно осваиваемых родосцами, образовывала защитный барьер на подступах к самому о. Родосу.

Позже, во второй половине VI или в первой половине V в. до н. э. к островным владениям родосцев присоединились еще острова Нисир, Астипалея и Касос (в VII в. до н. э. Нисир и Касос принадлежали еще Косу; Астипалея была колонией Эпидавра). На этих островах, включенных в родосское государство, возвышались укрепления и, как показывают дальнейшие события родосской истории, во время осады Родоса Димитрием Полиоркетом и во время войны с Критом в III в. до н. э. этот островной барьер вокруг Родоса был искусно использован родосцами для военных целей. В борьбе с Критом, например, весь удар приняли на себя жители Карпафа, и критский десант удалось отразить на Карпафе, даже не допустив его до Родоса.

Глава III

РОДОССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ VII в. до н. э.

1. К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

VIII—VII вв. до н. э.

Проблема родосской колонизации — лишь частный вопрос общей проблемы о причинах греческой колонизации VIII—VII вв. до н. э. Двести лет стоит эта проблема перед западноевропейской наукой; ежегодно западноевропейские ученые в общих курсах, экономических трактатах и специальных исследованиях определяют греческую колонизацию с чисто классовых позиций европейцев-колонизаторов.

Беспомощность буржуазной исторической науки, примитивность ее исторических воззрений, эклектизм и грубая модернизация нигде не отразились так ярко, как в трактовке причин и поводов греческой колонизации. Не было ни одного историка, который не оказался бы на поводу у колониальной политики империалистических держав, который смог бы противопоставить этой политике свой смелый голос беспристрастного исследователя.

Отсюда глубоко закономерен тот интерес, который возник в последнее время в советской науке к проблемам древней колонизации. Поэтому необходимо, рассмотрев взгляды буржуазных ученых, наметить новые пути к исследованию сложной и трудной проблемы античной колонизации, проблемы, которая может быть окончательно решена лишь творческими усилиями коллектива советских историков и археологов.

Интерес к проблемам греческой колонизации возник во второй половине XVIII в. под непосредственным влиянием новой колониальной политики европейских государств. Особую злободневность колониальный вопрос приобретал во Франции и Англии, поскольку в XVIII в. именно эти государства являлись главными соперниками в борьбе за колониальную пери-

ферию.¹ Поэтому пионерами по изучению греческой колонизации были как раз французы и англичане — барон Сен-Круа, мореплаватель и колонизатор Луи Бугенвиль, Дж. Симмондс и др.²

Эти первые работы несут на себе яркую печать острых колониальных интересов современности. Так, например, одна из работ Бугенвиля, изданная в 1777 г. (накануне открытой борьбы североамериканских колоний Англии за независимость), носит характерное название «История колонизации свободных государств древности, примененная к современной борьбе между Великобританией и ее американскими колониями».³

Работа Сен-Круа, изданная в 1779 г., «О состоянии и судьбе колоний древних народов»⁴ обращена непосредственно к французам: «Вы заселяли землю в целях обогащения, а теперь вы опустошаете ее, грабя ее обитателей...» В истории греческой колонизации Сен-Круа видел путь, по которому нужно идти французам: культурный народ древности умел укреплять связи с колониями и строить на колонизации свой экономический расцвет. Этому же должны научиться и французы.

Однако наиболее полным и фундаментальным из ранних работ по истории греческой колонизации был получивший широкую известность четырехтомный труд Рауль-Рошетта «Критическая история основания греческих колоний» (1814—1815).⁵ Этот труд подготавливался в период власти Наполеона, когда вновь ожили надежды на колониальную гегемонию, когда крах старых колониальных методов эксплуатации вызвал к жизни многочисленную и во Франции литературу с рассуждениями о создании «колониального права». Таким образом, труд Рауль-Рошетта приобретал характер политической злободневности, несмотря на строго античную тематику.

Основными причинами греческой колонизации Рауль-Рошетт считал национальное честолюбие греков и их религиозную систему.⁶ К этим основным причинам присоединялись и другие: избыток населения при малом плодородии земли и страх голода, кровная месть; побежденные в политической борьбе партии, скрывая позор, уходили за море. Колонизацией предотвращалась гражданская борьба. Одновременно колонизация создавала барьер, охранявший цивилизацию греков от окружавшего их мира варваров. И лишь затем были только осознаны и выгоды земледелия на плодородных полях колоний и выгоды торговли.

Уже тогда Рауль-Рошетт выдвинул тезис о цивилизующей

роли греческой колонизации, имевшей благотворное влияние на развитие человеческой культуры.⁷

Особое внимание Рауль-Рошетт уделил вопросу конституции и религиозным связям метрополии с колонией, которые гарантировали постоянную верность колоний своим метрополиям, ἡ ἀδελφική συγγένεια. Там, где между метрополией и колонией⁸ не возникало таких прочных связей, не было и верности.⁸ Современные колонии — английские и португальские — не могут гарантировать верности, ибо это — колонизация отщепенцев, людей деградированных (таковы португальцы в Бразилии); или колонистами являются люди, пострадавшие на родине за свои религиозные убеждения (таковы англичане в Северной Америке); поэтому в современной колонизации не возникает дружбы колоний с метрополиями; даже всеобщее просвещение и изучение в метрополиях римского права не отражаются на судьбе современных колоний.⁹ О французских методах колонизации автор умалчивает, но цель его работы ясна: на примерах древней колонизации французы должны научиться обеспечивать себе преданность со стороны населения колониальных владений.

Таким образом, здесь впервые отчетливо выступили те черты, которые до настоящего времени остались свойственными всем позднейшим буржуазным историческим работам.

I. Греческая колонизация и в дальнейшем рассматривается как этап, предшествующий европейской колонизации и качественно однородный с ней. Именно эта мысль об однородности отношений древних и новых колонистов проводится в работах Эд. Мейера, Белоха, Курциуса, Бузольта, Гарднера, Биладель, Хаффельда, Блоха и др.

II. Греческая колонизация представляется в идеальном виде, как носитель прогресса и человеческой культуры. Особенно ярко была выражена эта точка зрения Курциусом, который считал колонизацию священной миссией греков как служителей культа Аполлона.¹⁰ Греки, как никто другой, таили в себе неистощимое стремление проникать вдаль, втягивать в орбиту эллинского мира далеко лежащие берега с неизвестным населением; их не страшила никакая опасность вступить на пути, ведущие из родного моря на север и на юг.¹¹

Греки, утверждал далее Курциус, приходили в другие страны¹² лишь с мирными целями торговли, а не как завоеватели. Греческая колонизация была борьбой с варварским миром, в первую очередь с финикийцами. Мудрость предпринятая, радость удачи, возбуждающая новизна мест и незнакомого быта, обмен между людьми разнообразнейшего происхо-

ждения — все это заливают блеском славы творческую деятельность греческих колоний.¹³ По Курциусу, период колонизации — это героический век, это — тот рост героического духа эллинов, который отразился и на всей последующей истории греческих государств.

Идеализация роли и значения греческой колонизации, прямое сопоставление ее с европейской колонизацией — выполняли свою политическую роль: оправдать колониальную экспансию капиталистических стран Европы.

Отсюда и трактовка причин греческой колонизации приобрела острый политический интерес.

Важнейшим фактором греческой колонизации является малоземельное и избыток населения. Уже Рауль-Рошетт нарисовал страшную картину, как греки убивали своих детей, устанавливали нормы деторождения и принуждали беременных женщин к выкидышам. «Я чувствую, — цитирует автор слова Монтескье, — ужасающий стыд, произнося это». Единственным спасением явилась колонизация.

Большинство исследователей продолжает считать это обстоятельство основным стимулом колонизации, ссылаясь на те же примеры.¹⁴ Так греческая колонизация становится средством самосохранения, борьбой за право жить. При этом вопросы классовой борьбы в греческих городах или отступают на второй план или рассматриваются как следствие колонизации.

Далее — в ряде работ основной причиной колонизации считается торговая экспансия, вызванная развитием греческого мореходства. Эд. Мейер, например, утверждает, что греческие мореходы открыли новые земли и это открытие вызвало такой же поток колонистов, как и открытие Нового Света и так же, как при колонизации европейской, здесь преобладали торговоморские интересы, а не земледельческие.¹⁵ Концепция Эд. Мейера встречает возражения ряда ученых, и в первую очередь Белоха, который считает, что торговая экспансия была лишь следствием первоначальной аграрной экспансии.¹⁶

Такова та общепризнанная схема, которая прочно утвердилась в трудах западноевропейских историков Греции. За 130 лет после выхода книги Рауль-Рошетта, к перечислению причин греческой колонизации, по существу, не было прибавлено ничего нового. Совершенствовалась техника научной работы, развивался аппарат критики источников, к литературным источникам присоединялись источники эпиграфические, но оставалась незатронутой и апология колонизации и два ее незыблемых столпа: перенаселение при малоземельности и

торговая экспансия, связанная с развитием мореходства (либо как начало, либо как следствие).

Откуда же взялась эта версия о чрезмерной плотности греческого населения в IX—VIII вв. до н. э.?

Уже Поль Гиро высказывал сомнения в этом и пытался найти выход в утверждении, что не перенаселение, но нераздельность родовой земельной собственности была причиной недостатка земли, и поэтому только люди, добровольно или насильственно порвавшие эту связь, отправлялись в далекие края.¹⁷ Тутэн возражал против взгляда Гиро, ссылаясь на картину раздробления земельных владений в «Трудах и днях» Гесиода. Однако и Тутэн сомневался в правомочности утверждений об избытке населения в Греции.¹⁸ Откуда же черпают свои сведения сторонники этой теории?

Обычна ссылка на законы Фидона (VII в. до н. э.), согласно которым количество земельных наделов должно оставаться равным числу граждан,¹⁹ т. е. на закон, устанавливающий норму деторождения. Однако при этом забывают, что для той же цели сохранения земельных наделов Филолай установил закон о праве усыновления.²⁰

Ссылаются на спартанский обычай, согласно законам Ликурга, убивать слабых детей вскоре после их рождения. Но одновременно тому же Ликургу приписывался закон о льготах семье, давшей государству трех сильных и здоровых сыновей.²¹

Мы могли бы привести ряд аналогичных законов, направленных к обеспечению деторождения и в других государствах.²²

Кроме того, в науке еще ни разу не был поставлен вопрос: если в ряде государств действительно существовала норма деторождения, то можно ли отсюда заключить, что этой норме были одинаково подчинены и малоземельный бедняк и землевладельческая родовая знать?

Эти примитивные законы свидетельствуют лишь о стремлении сохранить гибнущую систему старых аграрных отношений, сохранить исчезающее равенство земельных наделов — усыновлением, когда детей нет, предотвращением дробления клера, когда наследников больше, чем земли у данного землевладельца. Эти законы говорят о росте земельного неравенства, а не об избытке населения; Аристотель как раз и подчеркивает этот момент, указывая, что территория Лакедемона, «которая в состоянии прокормить 1500 всадников и 30 000 тяжело вооруженных воинов, не могла выставить и тысячи их».²³

Избыток населения никогда и нигде не является первопри-

чиной; он нужен для оправдания в одном случае колониальных захватов, в другом случае — агрессивных войн.

Согласно теории представителей буржуазной науки Эд. Мейера и Белоха (с ними полностью солидаризируется и фашист Берве) история Греции представляет собой историю постоянного перенаселения; как правильно подчеркивает Болькештейн, здесь перенаселение выступает как абсолютный фактор, равно свойственный всем периодам греческой истории, начиная с Микен и кончая эллинизмом. При этом Болькештейн проследил и основу аргументации: Эд. Мейер отсылает за аргументацией к Белоху, а Белох — к Мальтусу, к той работе последнего „An Essay on the Principle of Population“, классовая сущность которой была блестяще разоблачена К. Марксом:

«Было гораздо удобнее, — писал Маркс, — гораздо более соответствовало интересам господствующих классов, которым Мальтус воскурял фимиам с чисто поповским усердием, объяснить это „перенаселение“ вечными законами природы, а не исключительно историческими, естественными законами капиталистического производства».²⁴

Избыток населения — результат роста имущественного и социального неравенства и в первую очередь роста неравенства земельного. И если речь идет о том, что в том или другом греческом полисе налицо избыток населения, то, следовательно, мы имеем здесь дело с земельной концентрацией в руках немногих землевладельческих семей, когда по выражению Аристотеля, «вся земля была в руках немногих».²⁵

На внутренней истории ранних Афин, еще не захваченных ни колонизацией ни развитием морской торговли, мы как раз наблюдаем этот процесс: концентрация земель в руках родовой знати, обезземеление и долговая кабала бедноты и продажа детей, а иногда и отцов, в рабство на чужбину.²⁶

Это — процесс формирования рабовладельческого полиса, и первым этапом этого процесса всегда является долговая кабала и рабство-должничество. В античных государствах этот процесс одновременно сопровождался и постепенным нарастанием привозных рабов, в силу чего и мог, в отдельных случаях, когда это соответствовало экономической выгоде рабовладельцев, появляться избыток, но не населения вообще, а избыток людей, оставшихся без земли и, ввиду незначительного развития ремесла, без работы.

Такова первая существенная поправка к построениям западноевропейских ученых.

В вопросе о торговом характере колонизации мы встречаемся с двумя основными концепциями:

I. Первоначально колонизация носила аграрный характер, и лишь впоследствии греки поняли ее торговые выгоды.²⁷

II. Колонизация, также вызванная перенаселением, с самого начала была торгово-морской колонизацией, и лишь постепенно греки-колонисты вращались в землю.²⁸

Состояние метрополий в этот период изображается также различно. Либо изображают греческое общество как родовое, столь сильно спаянное еще родовыми узами и обычаями, что первыми колонистами были лишь выброшенные почему-либо силою событий за рамки родовых уз. Либо, наоборот, это же общество изображается как общество в достаточной мере дифференцированное, с правом продажи земельных участков и с развитыми торговыми сношениями, в котором родовые начала и связи уже потеряли свою первоначальную силу.

В одном случае колонизация вызвана начавшимся распадом родовых связей, в другом случае — именно колонизация и вызывает этот распад.

Однако, эти противоречия в работах буржуазных ученых являются второстепенными. Сторонники и тех и других взглядов согласны в основном: колонизация греков оказывала большое культурное влияние на народы, втянутые в ее орбиту, причем влияние это было греческим, односторонним; положение и историческое развитие племен и народов, среди которых появлялись греки, таким образом, совершенно игнорируются.

Из сказанного видно, что вопрос о колонизации решается грубо схематически с учетом только греческого элемента и, главным образом, на литературных и эпиграфических источниках.

Несмотря на тщательное ознакомление со всеми основными в буржуазной литературе взглядами на древнегреческую колонизацию, мне не удалось обнаружить элементов подлинного исследования ее причин и исторических предпосылок. Многие страницы трактуют о взаимоотношениях греков с финикийцами, причем греки (повидимому, в качестве европейцев) пользуются обычно большей симпатией, чем варвары — финикийцы. И если в работах XIX в. и начала XX в. в этом вопросе были достигнуты все же большие успехи, то в более поздних работах мы наблюдаем шаг назад.

Мы узнаем, например, о том, что греки, оттесняя финикийцев все более на запад и перехватывая у них торговые пути, оказали огромную услугу европейской цивилизации: дело в том, что финикийцы были жадны и корыстолюбивы. В значи-

тельной степени в силу своей любви к наживе, они населили Средиземное море таинственными чудовищами и окружили морские путешествия ореолом страшной тайны; болтливость греков, не умевших держать язык за зубами, дала мировой культуре первые точные географические познания.

Так, например, Жарде в книге «Формирование греческого народа» пишет: «Финикийцы были просто купцами, которые интересовались лишь тем, чтобы держать подальше своих соперников и обеспечить себе монопольную эксплуатацию. Они ревниво хранили тайны путей, по коим следовали в страны, которые открывали... Греки были людьми совершенно другого темперамента. Конечно, они не презирали материальных выгод, но простое любопытство было у них столь же сильным, как и желание прибыли: каждый грек путешествовал, как говорит Аристотель о Солоне, — «чтобы сделать дело и повидать свет. ..». Кроме удовольствия видеть новое, он имел, может быть, еще большее удовольствие от рассказов о том, что видел.

«Подверженный слабости, противоположной корыстному молчанию финикийцев, болтливый грек был всегда готов описывать свою удаль и рассказывать даже о том, чего не было. .. Этому любопытству обязан прогресс географических знаний...» и т. д.²⁹

Совершенно очевидно, что в подобных рассуждениях нет и элемента научного исследования.

Если в работах второй половины XIX в. мы обычно имели серьезную трактовку ряда вопросов истории Греции, то в работах наших современников сплошь и рядом встречаемся с небрежностью, с подменой научного исследования общими фразами или с выдвиганием теорий, недвигающих вперед науку об античности.

Если раньше ученые, хотя и сильно модернизируя, все же выставляли на первый план экономический фактор в развитии античного мира, то теперь налицо попытки отодвинуть экономический момент на второй план. Так, английский историк Бэри утверждает: «Причину греческой колонизации нельзя найти в простых торговых интересах. .. Она удовлетворяла другие нужды, а не желание торговой выгоды. Она была выражением духа приключений.. .».³⁰

Явный отзвук этого же взгляда мы находим в одной из последних работ Мичелла. Он начинает свою работу «Экономика древней Греции» (1941) ссылкой на дешевенький и не блестящий новизной афоризм одного английского вульгарного экономиста: «...трудно и даже невозможно объяснить прошедшее, так же как и предвидеть будущее». Сам автор

полностью разделяет этот пессимизм, заявляя, что мы не можем понять «ход столетий» и все наше знание — «недо-
стоверно».³¹

Миграцию греков на острова Эгейского моря и побережье Малой Азии он, подобно Бэри, объясняет «духом приключений, неутомимостью греков, страстно желавших видеть новые края».³²

Характерны для современной науки на западе и труды Хазебрека, в которых автор, между прочим, утверждает, что все греческие колонии VIII—VII вв. до н. э. были не торговыми колониями, но свободными объединениями искателей приключений. По его мнению, рост населения и неразумное распределение земли вынудило их искать счастья за морем. Только случайно, вследствие своего географического положения, эти колонии приобретают впоследствии торговое значение.³³

Мичелл, находясь под явным влиянием Хазебрека, развивает его идеи до логического абсурда, утверждая, что «греки ненавидели море и никогда не забывали, что они пришли из внутриматериковых жилищ травянистых степей».³⁴

Выдвижение на первый план географического фактора и любви греков к приключениям, характерное для последних по времени работ, свидетельствует не только о явном падении научной мысли на Западе, здесь налицо и скрытая тенденция подвести новую основу под современную колониальную политику.

Если свести всю греческую колонизацию к географии и к любознательности греческих «культуртрегеров», то станет возможным снять со счетов экономическую заинтересованность метрополий в колониях; становится возможным выдвинуть на первый план «благородство» расы белых колонизаторов, «бескорыстно помогающих» культурному росту колонизируемых народов.

И действительно, эти ноты уже ясно звучат в работах наших западных современников. «Долгое время, — пишет Жарде, — европейцы рассматривали туземцев только как необходимый источник работы и плохо обращались с ними, но теперь они пытаются цивилизовать их и даже, в некоторых случаях, приравнять их к колонистам из страны-матери».³⁵ «Семейный режим примитивной Греции, — пишет Хацфельд, — объясняет греческую колонизацию так же, как и принцип права первородства объясняет английскую и французскую колонизацию XVII и XVIII вв.».³⁶ «Недостаточно того, — пишет Билабель, — что ионийские города Малой Азии создали значительную культуру, но они и распространили ее на большую

часть известного тогда мира. От далекого северо-востока до столпов Геракла и древней страны культуры — Египта, и даже вплоть до Аравии основывали они свои колонии. Поистине достойное удивления деяние этих испанцев и англичан древности».³⁷

Нужно сказать, что в XIX в. ученые были гораздо откровеннее, чем теперь. Так, например, Людвиг Росс, после путешествия по местам поселений древних народов Малой Азии, призывал немцев к колонизации Малой Азии. «Право европейских народов на такую колонизацию, — писал Росс, — то же самое, которое и раньше, со времени колоний финикийцев, греков и римлян, было единым правом на колонии: хорошее право сильного. Тот народ, который признает за собой физическое и моральное превосходство, вследствие численности или культуры, или по обеим причинам вместе, обосновывается у физически и морально более слабого народа или над ним, и если последний не хочет добровольно уступить или подчиниться, то его принуждают силой. Это — право колоний..»³⁸

Таким образом, ознакомление с основными теориями древней колонизации в трудах буржуазных ученых приводит к выводу, что история греческой колонизации VIII—VI вв. до н. э. еще не написана и все основные проблемы остаются неразрешенными. Более того, мы приходим к выводу, что решенные проблемы и не начинались. Об этом красноречиво свидетельствует пренебрежение археологией, свойственное всем перечисленным историкам.

В «Введении в изучение греческой торговли с Италией, Сицилией и Францией в VIII и VII вв. до н. э.» Алан Блаквей справедливо заключает свою статью следующими словами: «Я назвал эту статью „Введением...“. Моя цель была показать, что настоящее исследование греческой торговли, если не греческой экономической истории, не будет написано до тех пор, пока историки не отнесутся с полным и тщательным вниманием к археологическим показаниям. Я могу рассматривать как несчастье, что имеется явно растущая тенденция среди определенной школы историков Греции не только просто пренебрегать греческой археологией, но³⁹ даже отрицать за ней какую-либо историческую ценность».

И действительно, хотя некоторые историки любезно шаркаются перед археологией, но фактически не знают ни археологии, ни археологической литературы. А, между тем, без серьезного знакомства с археологическим материалом нельзя решить не только проблемы греческой колонизации, но и многих других проблем греческой истории. И неслучайно

поэтому серьезную работу по исследованию вопросов колонизации начали археологи, и в первую очередь археологи и ученые Советского Союза.

Работы академика С. А. Жебелева,⁴⁰ В. Ф. Гайдукевича, А. Н. Зографа,⁴³ Т. Н. Книпович,⁴¹ А. А. Иессена,⁴² и Д. П. Каллистова,⁴⁵ посвященные, в основном, истории северного Причерноморья, выдвинули впервые в науке ряд положений, существенно важных и для новой постановки вопроса о греческой колонизации.

Во-первых, может считаться твердо установленным, что периоду собственно греческой колонизации предшествовал длительный доколониационный период сношений греков с Причерноморьем. Такой же длительный предколониационный период устанавливается сейчас и для западных колоний греков — в Сицилии и Италии.⁴⁴

Во-вторых, что является особенно важным, греческие колонии могли возникнуть лишь тогда, когда местные племена, на территории которых возникли колонии, достигли уже соответствующего интересам взаимного обмена периода общественного развития.

В-третьих, колонизация греков являлась, таким образом, сложным двусторонним процессом, обусловленным определенным соотношением торгового и промышленного развития как греков, так и туземных племен. Это положение впервые было отчетливо сформулировано акад. С. А. Жебелевым: Боспор, Херсонес и Ольвия «без тесных связей с туземным населением не могли бы существовать, поскольку они были зависимы от него в значительной степени, по всем направлениям своей экономической жизни».⁴⁵

В-четвертых, вопрос о культурном влиянии греков на местные племена, об их опять-таки односторонней цивилизующей роли, должен быть коренным образом пересмотрен.⁴⁶

И, наконец, в-пятых, греческие колонии возникали на древнейших трассах торговых путей, проложенных племенами и народами, может быть, за тысячелетия до греков.⁴⁷

Совершенно ясно, что, обращаясь вновь к вопросам греческой колонизации, после этих выводов, мы не можем уже «с ловкостью фокусника оперировать той или иной цитатой Геродота, Фукидида, Сенеки или Цицерона, чтобы тем самым сразу отмахнуться, спрятавшись за древний авторитет, от подлинного исследования данной проблемы».⁴⁸

Греческая колонизация была прежде всего выражением определенного этапа развития классового рабовладельческого строя, когда состояние производительных сил и производствен-

ных отношений тех или других полисов сделало возможным, и более того — необходимым, установление регулярных связей в первую очередь с более близким средиземноморским, а затем и с черноморским районами. Поэтому нельзя смешивать и рассматривать как однородные явления и переселение греческих племен в районы Эгейского моря и Малой Азии,⁴⁹ и колониционную деятельность средневековых Генуи и Венеции, и колониальную экспансию империализма.

Колонизация была выражением того этапа общественного развития греческих государств, когда в основных чертах закончилось формирование рабовладельческого полиса со всеми присущими ему чертами.

В истории древних государств (Ассирии, Египта, Финикии, Греции, Рима) колониционная экспансия является характерным и составным элементом развития рабовладельческого строя. Однако на разных этапах развития колонизация принимает различные и своеобразные формы, соответственно своеобразию исторического пути данного, отдельно взятого, рабовладельческого государства.

Развитие за счет периферии характерно для всех рабовладельческих обществ. Прежде всего, оно обусловлено необходимостью (при развитии рабовладения) приобретать рабов вне территории своего полиса, а на определенной стадии развития греческих полисов — и вне Греции.

Совершенно очевидно, что до тех пор, пока в греческих полисах путем нерегулярного торгового обмена и пиратства не скопились достаточно большие группы привозных рабов, до тех пор пока рабство-должничество оставалось главной базой развития рабовладения, до тех пор не могла начаться колониционная экспансия. Иначе говоря — сисахфия Солона и следующее за ней торгово-промышленное развитие Афин могли совершиться только на прочной базе иноплеменного рабовладения.

В этот период во всех экономически передовых государственных общинах мы видим примерно одну и ту же картину — роста городской жизни, скопления населения в городах. Донеенное нам из истории сведение о том, что тиран Периандр запретил переселение из страны в город, свидетельствует об ускоренном росте городской жизни в Коринфе.⁵⁰ И на Родосе мы ясно видим выделение трех городских центров с распределенной между ними сельской территорией острова.⁵¹ Таким образом, мы встречаемся здесь с уже совершившимся разделением города и деревни.

«Противоположность между городом и деревней, — писал

Маркс, — начинается вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного строя к государству... и тянется через всю историю цивилизации до нашего времени».²

В античных городах, в связи с ростом привозного рабства, уже широко развивалась частная собственность, в то время как на сельских территориях еще преобладала собственность семейно-родовая; в городах скоплялись уже торговые, ремесленные и просто паразитические элементы, скоплялись рабы и наемники, обезземеленное крестьянство, покинувшее насиженные места. Здесь-то и возникала в первую очередь необходимость торговой связи с периферией, нужда в рабах, в сырье и в привозном хлебе.

И если в сельских районах родовая знать попрежнему занимала господствующее положение, то в городах возникли уже новые силы, заинтересованные в развитии внешних сношений и в большей демократизации пронизанного родовыми традициями социального строя.

Это соотношение между городом и сельской территорией можно проиллюстрировать и на дошедшем до нас свидетельстве о родоско-киидских выходцах на Липарских островах. Первоначально, согласно Диодору, здесь происходил передел земли, но очень скоро о. Липара, на территории которого был город, перешел в частную собственность горожан; однако в сельских районах, на соседних с Липарой островах, была сохранена общинная форма собственности.⁵³

Поэтому, когда мы говорим о греческой колонизации, мы не должны, подобно буржуазным историкам, за Тенеей терять из виду Коринф или говорить только о Коринфе, забывая Тенею.

Несомненно, что эта растущая противоположность полиса и его сельской территории возникала в процессе классовой борьбы.

Помимо хорошо известного нам по ранней истории Афин роста земельного неравенства и сосредоточения основных земельных площадей в руках родовой знати нарастало сопротивление и новых торгово-полисных рабовладельческих элементов, заинтересованных в ввозе рабов, хлеба, продуктов питания и сырья; эта борьба принимала политические формы и велась за изменение конституции полиса, т. е. новый торгово-ремесленный слой боролся с родовой знатью и с родовыми устоями жизни.

Отсюда становится понятной неразрывная связь ранней колонизации с классовой борьбой. Последняя и являлась одной из важнейших причин основания ряда колоний.⁵⁴

Мы знаем, например, что родосская колонизация в Акрагант (совместно с Гелой, около 580 г. до н. э.)⁵⁵ и родосско-книдская колонизация в Лилибей 56 сопровождалась ожесточенной классовой борьбой, связанной, повидимому, с приходом к власти линдийского тирана Клеобула и демократизацией полисного строя. Знатный землевладельческий род предков Ферона, возглавлявший побежденную аристократическую группировку, бежал в Лкрагант.

Однако и в этом случае направление колонизационного пути было предопределено заранее и внедрение родосских элементов в Акраганте соответствовало интересам метрополии в целом, а не только интересам побежденного знатного рода. Таким образом, самый факт колонизации Акраганта был не только результатом борьбы партий, но и результатом развития самого полиса.

О росте привозного рабства в рассматриваемый период красноречиво говорят сведения об увеличении количества рабов в Коринфе и Эгине⁵⁷ и превращении Хиоса уже в VI в. до н. э. в первый общегреческий рабский рынок.⁵⁸

Порожденная развитием рабовладения колонизация стимулировала дальнейший рост иноземного рабства в Греции. Военные столкновения с туземцами уже с первых же моментов основания новой колонии обеспечивали невольниками и колонистов и метрополию. С момента заселения до момента устойчивой организации полисной жизни наиболее доступным товаром в обмене с метрополией был раб и уже позднее — хлеб, рыба, продукты питания, строительное сырье и, наконец, собственная ремесленная продукция.

Однако полис не был изолированным и полностью замкнутым в себе организмом. На внутреннюю жизнь полиса и на его внешнюю политику воздействовала и международная обстановка.

Военная экспансия Ассирии на запад, завоевание Саргонном Кипра в конце VIII в. до н. э. и оттеснение финикийцев к востоку были главнейшими политическими событиями этого времени.

Новая политика саисского Египта, а также борьба Египта, Ассирии и Лидии против мидян становится важным фактором в жизни греческих городов; привлечение наемников в Египет, узаконенное Псаметихом, также втягивало юго-восточные греческие районы в орбиту международных связей.

О напряженной политической жизни греческих полисов свидетельствует и Лелантинская война, начавшаяся, повидимому, в самом конце VIII в. до н. э.⁵⁹ Борьба Эретрии с Хал-

кидой превратилась в общеполитическую войну всех передовых государств: в нее на стороне Эретрии были втянуты Милет, Хиос и Мегара, на стороне Халкиды — Самос и Коринф. Несомненно, что вражда между Милетом и Самосом, Милетом и Коринфом не могла бы возникнуть, если бы они оставались аграрными; противоречия и столкновения между полисами могли возникнуть только в сфере внешней политики.⁶⁰ Имение потому, что между полисами не было внутренней экономической связи, что экономическое развитие одного полиса всегда происходило в ущерб экономическому развитию другого, — история Греции с раннего времени осложнена бесконечными политическими конфликтами и вытекавшими из них непрерывными военными столкновениями. Экономическое развитие полиса в условиях рабовладельческой формации связано с его внешней экспансией, отсюда и постоянная вражда соседних полисов друг с другом и образование временных и неустойчивых объединений враждебных и дружественных полисов. Такая постановка вопроса в корне расходится с концепциями буржуазных ученых: последние, считая греческое общество VIII—VII вв. до н. э. «феодальным», не вкладывая определенного смысла и в это понятие, блуждают между двумя соснами, споря о том, торговля ли породила колонизацию или колонизация — торговлю.

Экспансия началась до колонизации. До колонизации начались и спорадические меновые отношения греков с районами будущих колоний. Случалось, что и греческие пираты захватывали на время туземное население в свои руки, как это было в Закале (Сицилия). Однако эти спорадические и недолговечные захваты не были еще колонизацией. От Занклы до Мессины лежал еще долгий путь рождения полиса.

В этот период пиратство и торговый обмен были тесно связаны друг с другом. В «Дигестах» сохранился древний закон, приписываемый Солону:

«...если народ или члены фратрии, или (по конъектуре Гвардуччи) совместно совершающие жреческие обряды, или совместно хоронящие, или члены фиаса, или моряки, или отправляющиеся на добычу, или на торговлю (по конъектуре Санктиса и Гвардуччи: $\eta \nu\alpha\upsilon\tau\alpha\iota \eta \epsilon\lambda\lambda\acute{\iota}\alpha\nu\ \ \omicron\upsilon\chi\acute{o}\mu\epsilon\nu\omicron\iota \eta \epsilon\iota\varsigma \epsilon\iota\lambda\theta\iota\sigma\iota\alpha\nu$) договорятся о чем-нибудь между собой,—тому иметь силу, если не запрещают этого общественные постановления».⁶¹

В приведенном постановлении, древность которого теперь не оспаривается, интересно не только то, что пиратство и торговля поставлены рядом, как полноправные формы при-

обретения богатства,⁶² но и то, что в земледельческой тогда Аттике уже имелись три группы: моряки, пираты и купцы. С этим согласуется и сообщение Геродота о *χαλκοῖ ἀνδρες κατὰ λήην ἐκπλάσαντες*,⁶³ о тех «окованных в медь» людях, которые встретились с Псаметихом на берегах Египта.

Существование в рамках одного полиса трех категорий — моряков, пиратов и купцов — свидетельствует и о развитии мореплавания и о развитии торговли, как формы сношений более высокой, чем нерегулярные пиратские набеги.

До тех пор, пока пиратство было преобладающим, не могла возникнуть колонизация; самая потребность, не ограничиваясь набегами, основывать колонии свидетельствует о том, что в данных греческих метрополиях пиратство уступило первое место торговле.

Ни один из городов ни этого, ни более позднего периода не являлся только торговой факторией. В литературе уже отмечалась существенная разница греческих и финикийских факторий:⁶⁴ греки вращались в землю (отсюда и устойчивость их колоний), в то время как многие финикийские фактории были связаны с районом колонизации лишь интересами сбыта и прибыли и потому могли легко возникать и исчезать.

Нельзя в то же время совершенно игнорировать тот факт, как это делает Хазебрек, что все греческие колонии возникли вблизи моря и, большей частью, на месте удобных якорных стоянок. Хазебрек объясняет это случайностью или привычкой жить у моря.⁶⁵ Но такая закономерность «случая» и «привычки» совершенно неправдоподобна. «Страбон, — восклицает Хазебрек, — рассказывает, что в Кумах, италийской колонии халкидян, утверждали, будто ее жители только через 300 лет заметили, что их город лежит у моря».⁶⁶

Во-первых, чтобы быть точными, следует сказать, что утверждение Страбона гораздо менее категорично, чем Хазебрека. Страбон пишет «.. как рассказывают некоторые»,⁶⁷ а эта оговорка уже бросает тень на достоверность информации этих *εἰκοί*.

Археологический материал свидетельствует об обратном: распространение греческой геометрической керамики во второй половине VIII в. в районе Лациума и южной Этрурии⁶⁸ свидетельствует не только о меновых сношениях Кум с этими районами, но и о пользовании гаванью, ибо вряд ли кто-нибудь может предположить, что керамика из Греции в Кумы перевозилась по суше.

Гораздо правильнее думал Гиршфельд,⁶⁹ что предвари-

тельный и тщательный выбор места для поселения характерен для всех греческих колоний.

Три основных требования (которые, по Гиршфельду, нарастали последовательно) предъявлялись к новому поселению: место должно быть надежным для защиты и хорошо укрепленным; место должно быть возможно более благоприятным для обмена; место должно быть удобным для жизни.⁷⁰ Предварительный выбор места поселения зависел, однако, еще от одного условия — от общего направления торговых путей города-метрополии.

Можно ли полагать, как это вытекает из утверждений сторонников аграрной теории колонизации, что случайно собранные толпы авантюристов, искателей приключений, пиратов и обезземеленных крестьян определили в дальнейшем основные магистрали торговых путей и направление торговой экспансии своих метрополий? Что толпа полисных отщепенцев или, как утверждает Майрс, направление ветра — определило в дальнейшем западную ориентацию Коринфа и северо-восточную Милета?⁷¹

Нелепость этих утверждений вполне очевидна. Колонии греков возникали по трассам древних догреческих морских путей. И колонизация восточной Сицилии греками не была стихийной, не объяснялась только тем, что климат Сицилии схож с климатом Греции. В заселении острова играли роль и его плодородие и борьба за торговые пути с финикийцами, ибо колонизация Сицилии велась одновременно — с востока греками, с запада — финикийцами.

В этом отношении Курциус был прав. «Основание города, — писал он, — является, вернее всего, окончанием длительной работы времени, в течение которого основывается обмен племен и рассыпается посев, и того м, который удастся лишь в наиболее благоприятном случае. *Ἦ λόλις οὐ τῶν τυχόντων*, — говорит Аристотель, т. е. не первые попавшиеся были в состоянии создать общину; не из толпы авантюристов возникает гражданство».⁷²

Колонизация являлась двусторонним процессом, и в тех районах, где население не было подготовлено своим внутренним развитием к обмену с греками, колонии этих последних не могли существовать. Само собой разумеется, что и греки должны были представлять из себя общину, способную к активному обмену, иначе не могла бы возникнуть их колония.⁷³

Несомненно и то, что в период неразвитых торговых сношений и отсутствия денежного обращения не могло возникать и

факторий только торгового типа, колонии, не связанных с землевладением.

Помимо того, что слой купцов и ремесленников никогда не был столь многочисленным, чтобы основать своими силами колонию, нельзя забывать, что этот торговый элемент не мог бы и обеспечить ее устойчивости, ибо интересы торговли, при стихийном характере торговых отношений, не могли быть связаны навсегда с каким-либо определенным районом обмена.

Поэтому привлечение малоземельного и обезземеленного крестьянства, заинтересованного только в обладании земельными наделами, составляло главное условие, без соблюдения которого не могла быть успешно осуществлена ни одна колонизация. Этим обеспечивалась не только стабильность колонии, но и увеличивалась численность поселенцев, что было чрезвычайно важным для самого осуществления колонизации.

И если нам указывают, что даже в таких государствах, как Коринф, колонизация носила аграрный характер, что в число коринфских колонистов входило крестьянское население незатронутой торговым развитием деревушки Тенеи, то это, с нашей точки зрения, вполне закономерно и отнюдь не противоречит общей торговой экспансии коринфского полиса.

Напомним также, что перед отплытием в Сицилию в Коринфе широко пропагандировалась предстоящая колонизация Сиракуз, что жители той же Тенеи привлекались к участию обещанием плодородных земельных наделов. Инициатива исходила из полиса, но достаточно крепкий численный состав боеспособных колонистов должны были дать сельские районы.

Колония не могла быть малочисленной, ибо колонистам приходилось считаться с возможностью военных столкновений и в пути, и в месте высадки, и в месте поселения. Уже Дистервег, отмечая эту необходимость, брал для аналогии численность колонистов во времена Геродота и Фукидида: 4000 афинских клерухов были посланы, по Геродоту, в землю гипербореев; 10 000 воинов, по Фукидиду, Афины послали для основания колонии во Фракии.⁷⁴ Таким образом, колонизация требовала определенной количественной нормы. Поэтому для основания всех известных нам колоний, начиная с древнейших Кум, требовалась предварительная подготовка.

Колонизация, как правило, исходила из городов, обладавших хорошей гаванью и, одновременно, крепкими внутриматериковыми связями (Халкида, Коринф, Мегара), обеспечивавшими поставку колонистов. Эти города становились своего рода переселенческими центрами, принимавшими и отправлявшими колонистов;⁷⁵ и не случайно традиция сохраняет воспо-

минания об объединенных усилиях двух, а иногда и трех полисов для основания одной колонии.

Несомненно, что и Милет не мог бы основать своими силами даже десяти из приписываемых ему 75 колоний. Возможно, что соображения проф. М. И. Максимовой о том, что милетяне перехватили многие из фокейских колоний, вполне правильны. В основании Сиракуз, кроме коринфян, участвовали аркадяне и элейцы; в основании Леонтии — куманцы, халкидяне и позже мессенцы.

Картина бедственного положения греков будто бы «задыхавшихся от перенаселенности», заметно бледнеет, как только мы переходим от отвлеченных рассуждений к рассмотрению действительного положения вещей.

Итак, для основания даже одной колонии, город не мог обойтись только своими людскими ресурсами.⁷⁷

Нужно особо отметить и неоднородный социальный состав колонистов: здесь и родовая знать, обычно возглавлявшая партию переселенцев, и жречество, и купцы, и ремесленники, малоземельное крестьянство и политические эмигранты, лишившиеся собственности на родине. Поэтому нет никаких оснований предполагать, подобно буржуазным историкам, ссылающимся на «Одиссею»,⁷⁸ что после осуществления колонизации все прибывшие колонисты получали равные наделы. Вероятнее всего, что ойкисты, жрецы и знать получали и лучшие и большие по размеру участки земли. Поэтому и классовая борьба начиналась в колониях с момента их основания; внутренние противоречия и социальные конфликты здесь, ввиду наличия разных полисных группировок и потока новых колонистов, были в тот период даже острее и сложнее, чем в метрополиях.

Греческие колонии возникали не только на трассах торговых морских путей, но большей частью и на сухопутных путях, связывавших материк с морем. Так у подножья гельского плато сходились дороги, ведущие внутрь Сицилии, в районы сикулов и сиканов: киликийские Солы были связаны сухопутными путями с киликийскими воротами, откуда шел знаменитый в древности и единственный путь, соединявший киликийское побережье Средиземного моря с черноморским побережьем Малой Азии. Таким образом Солы были связаны с Амисой, которая в свою очередь соединялась, кроме морского, и сухопутным путем с Синопом.⁷⁹

В ранних карийских владениях Родоса Идима, на берегу Керамического залива, и более удаленный от моря Калинд находились на сухопутной трассе, связывающей приморскую

Крию с Алабандой и оттуда — через Траллы — с сухопутной древней дорогой в глубь Азии.⁸⁰

Ту же картину восстанавливают для придунайских колоний С. А. Семенов-Зусер⁸¹ и для причерноморских Т. Н. Книлович и А. А. Иессен.

Это положение колоний у выхода к морю и у входа внутрь страны исключает всякую возможность «случайности» или «привычки», о которых рассуждает Хазебрек. Совершенно очевидно, что для экономического процветания колонии требовалась оживленная меновая торговля с окружающими племенами, откуда греки получали сырье и рабов в обмен на дорогие вазы, металлические изделия, керамику, масло и вино.

В сикуро-сиканских погребениях внутренней Сицилии, кроме импортной греческой архаической керамики, налицо не только местная керамика, подражающая греческой, но, что очень интересно, и местная керамика, расписанная греками;⁸² это свидетельствует о приспособлении колонистов к туземному спросу, т. е. о крайней их активности в развитии меновой торговли с туземцами.

Исключением из приведенного правила среди родосских колоний была лишь Фаселида, но она была предназначена в основном для военного контроля над торговым морским путем.⁸³

Таким образом, наряду с обычным типом аграрно-торговых колоний уже в этот ранний период возникали колонии-крепости, жители которых хотя и занимались транзитной торговлей и земледелием, но, одновременно, представляли собой боеспособный коллектив, предназначенный для охраны торговых путей и борьбы с пиратами. Особенно характерен тип колоний-крепостей в карийских владениях Родоса. Каждый из родосских городов представлял здесь мощное оборонительное сооружение, господствующее и над входами в многочисленные бухты и заливы малоазийского побережья и над сухопутными подступами к ним. Судя по надписи из Тимна (начало V в. до н. э.),⁸⁴ в городах было сосредоточено большое количество наемников, состоявших на службе и у государства и у частных лиц. Все карийские прибрежные города Родоса преследовали определенную цель — создание зоны безопасности вокруг острова.

Свидетельство Страбона о далеких плаваниях родосцев «для спасения людей»⁸⁵ — отражение древней традиции о борьбе родосского флота с пиратами. Вопрос об охране торговых путей в описываемый период до сих пор не был поставлен, а между тем, исследование этой проблемы в значи-

тельной степени решит спор о первоначальном характере древних колоний.

В особую группу следует выделить известные нам две греческие колонии в Египте — Дафны и Навкратис. Дафны — первая греческая колония, составленная из наемников, принятых на службу во второй половине VIII в. до н. э. Псаметихом. Превращение греческих пиратских дружин в военных колонистов первоначально произошло не по инициативе полисов, но как только греко-карийские наемники стали органическим и необходимым элементом армии саисских фараонов, поставка наемников в Египет стала немаловажной статьей дохода отдельных греческих полисов и в первую очередь Родоса. Подтверждение этому — элевантинская колония наемников в Египте и многочисленность греческого войска на службе у фараонов (до 30 000 при Априесе).⁸⁶

Как кажется, основание милетянами «Милетской крепости» в районе Навкратиса свидетельствует о попытке Милета, по примеру Родоса и в противовес ему, обосноваться в Египте. Вторжение милетян в дельту Нила не было мирным. По Страбону, милетяне обосновались здесь после победы над Инаром при Киаксаре. Милет, воевавший с союзной Египту Лидией, был в это время враждебен Египту.

Вопреки общераспространенному мнению о том, что обоснование милетян в Навкратисе было началом милетской талассократии,⁸⁷ я считаю, что именно в Навкратисе, с момента возникновения возглавленного родосцами элениона, милетские связи с Египтом при Амасисе были сведены до минимума и, более того, что именно после этого поражения торговая экспансия милетян обратилась к Понту в поисках новых рабских и хлебных рынков.

Не нужно забывать, как это делают многие исследователи и прежде всего Хазебрек, дающий совершенно искаженное представление о Навкратисе, что последний не был колонией обычного типа.⁸⁸

Долгое время греки сохраняли гражданство своих городов, не образуя единой «навкратийской» гражданской общины. Они селились здесь как бы отдельными кварталами со своими простатами и проксенами. Но все они — и наемники, и гражданское население — были подчинены египетским властям: наемники — египетскому полководцу, гражданское население — надзирателю за иноземцами. Несомненно, что и вывоз египетского сырья контролировался сверху. Эта организация контроля и надзора предоставляла Египту большие возможности поощрения отдельных полисов.

Ведущая роль Родоса в жизни Навкратиса вряд ли теперь может серьезно оспариваться. Материал родосских некрополей и материал Навкратиса обнаруживает большое сходство. Среди археологов роль Родоса как распространителя и, вероятно, производителя египтизированных скарабеев и псевдоегипетского фаянса уже не подвергается сомнению. Характерно и то, что оба найденных эпиграфических памятника, связанных с Навкратисом, родосские.

Вспомним также, что дары Амасиса Самосу и Родосу (Линду) подчеркивали враждебность его к Милету, ибо Самос был с давних времен врагом Милета, а Родос, как свидетельствует керамика и в родосских некрополях и в самосском герайоне, и наличие самосско-родосской группы фikelлюра, был также с давнего времени в оживленных сношениях с Самосом.

Мы должны напомнить, что в этот период еще не существовало севернопричерноморского рынка. Исследования Т. Н. Книпович и А. А. Иессена показывают, что только во второй половине VII в. до н. э. греческие колонисты оседают на Березани и только во второй половине VI⁸⁹ в. возникают греческие колонии в Северном Причерноморье.

Хлебные рынки Сицилии и Южной Италии находились в зоне влияния других городов (правда, Милет завязал дружественные сношения с Сибарисом и, во времена коринфской тирании, с Коринфом, но вряд ли один Сибарис мог предоставить широкие возможности милетскому влиянию в Италии); на хлебном рынке Египта, имевшем для греков большее значение, чем западные рынки, преобладали родосцы при активном участии Самоса и Хиоса. Отсюда становится понятным рост милетской колонизации лишь в черноморском направлении.

Однако и на Березани в первый период сталкивались интересы Родоса и Милета. Родосские скарабеи, найденные на Березани, египетская алебастровая ваза, аналогичная найденным в Камире и Навкратисе, навкратийский кубок, аналогичный родосским киликам, родосские энохои, — все это несомненно свидетельствует об активном родосском участии в колонизации Березани.⁹⁰ Наступление Персии и потеря родосцами независимости в первой половине VI в. до н. э. превали надолго торговую активность родосцев и освободили путь в Причерноморье милетскому влиянию, которое еще более усилилось после переселения фокеян на запад. Если бы не было этих двух ударов по Родосу и Фокее, может быть.

мы и вообще не могли бы говорить о черноморской талассократии милетян.

Говоря о торговой активности греческих городов в этот период, об их конкуренции и борьбе за торговые пути, нельзя ни на минуту забывать, что торговля VIII—VII вв. до н. э. была натуральной и имела место еще до распространения денег.

Вся ранняя колонизационная деятельность греческих городов падает на время, когда метрополии еще не чеканили собственной монеты, ибо наиболее ранний чекан монеты в Греции относится к половине VII в. до н. э.⁹¹

Как показывают нумизматические исследования Эванса и Гарднера, археологические находки Орси в Геле и Петри в Навкратисе, в этот период была в ходу уже довольно развитая система весовых единиц, особенно весовых единиц в бронзе.⁹²

Предположение А. А. Иессена о ввозе в Днестро-Днепровские районы Причерноморья не готовых «импортных» бронзовых изделий, но «полуфабриката — металла в слитках»,⁹³ как раз, вероятно, и подтверждает распространение весовых единиц разнообразного размера в качестве единиц обмена. Во внутреннем обмене с Сицилией бронзовые весовые единицы удержались и после распространения денежного чекана;

Для ранних купцов, отправляющихся с грузом из метрополии на периферию, наличие денег не представляло особой важности, ибо обмен с туземными племенами и в дальнейшем, в большинстве случаев, оставался, в основном, натуральным.⁹⁴

Чекан денег, как нам кажется, первоначально имел гораздо большее значение для межполюсной торговли, чем для обмена колоний и полисных купцов с туземцами.

Для такого обмена необходимо было иметь достаточное количество избыточной продукции; значительное развитие керамики ориентализирующего стиля, наличие, наряду с этим, керамики, воспроизводящей геометрическую технику орнаментации, свидетельствует о высоком развитии ремесленного производства, работавшего на вывоз. Родос, бывший не только одним из центров керамического производства, но и металлообрабатывающего, устанавливает тесные торговые связи с Критом и Кипром, богатыми месторождениями металла.

Возникновение на Родосе производства египтизированных скарабеев также говорит об активности родосских мастерских, работавших на вывоз.

Таким образом, развитие колонизации способствовало дальнейшему росту городов, все более и более втягивающихся в орбиту широких средиземноморских торговых связей.

Обмен между колониями и метрополиями усиливает обмен между городами; широкое распространение в архаический период коринфской, родосской, самосской, родосско-милетской керамики в греческих полисах, а также замечательный денежный клад, обнаруженный на Санторине,⁹⁵ — все это показывает рост междуполисной торговли. Далеко не всегда теперь один полис может удовлетворить потребности своих колоний. Несомненно, что в этот период практиковалась и скупка купцами одних полисов изделий и сырья в других полисах. Милет не мог бы удовлетворить только собственной керамической продукцией нужды своих колоний. Отдельные и наиболее активные греческие города берут на себя функции распространителей избыточного продукта других городов. Отсюда становится понятным и столь быстрый переход всех основных греческих городов на чекан собственной монеты (с половины VII до половины VI в. до н. э.).

Мы чрезвычайно мало знаем о конституции первоначальных колоний. Удаленные от метрополии на большие для того времени расстояния и общающиеся с ней только в месяцы, благоприятные для каботажного плавания, эти колонии образовывали самостоятельные полисы, конституция которых подражала, в основном, конституции метрополии. Но поскольку в одной и той же колонии участвовали иногда несколько городов, то, вероятно, при создании фил и фратрий, должностных коллегий, государственного аппарата и культов заимствовались⁹⁶ отдельные черты, перенесенные из разных метрополий.

Повидимому, уже в VI в. становится необходимой санкция дельфийского оракула на основании колоний; эта санкция, конечно, могла быть получена и после основания колоний.⁹⁷

По свидетельству схолиаста Фукидида, существовал обычай перевозить в колонию и жрецов полиса и священный огонь гражданской общины.⁹⁸ Колония продолжала участвовать и в наиболее торжественных религиозных празднествах метрополии, посылая туда своих представителей — феоров.⁹⁹

Кроме того, как это впервые установил Дистервег,¹⁰⁰ колония не должна была вступать в войну с метрополией. Для обеспечения постоянной торговой связи это являлось чрезвычайно важным, хотя в более поздний период далеко не всегда соблюдалось.

Перенесение в колонию основных установлений, традиции

и обрядов было не только следствием, как это обычно полагают, морального и духовного единства колонистов со своими согражданами,¹⁰¹ но и политически важным актом: колония получала, таким образом, возможность поддержки со стороны метрополии в случае внешней военной опасности и внутренних затруднений. Кроме того, было чрезвычайно важно и для граждан колонии чувствовать себя попрежнему тесно связанными с метрополией, ибо по возвращении в метрополию на постоянное жительство бывший колонист восстанавливался в гражданстве.

Эта система связи, таким образом, не только создавала благоприятные перспективы торгового обмена, но и облегчала успех колонизации, ибо каждый, отправляясь в колонию, не терял ни своих связей, ни своих прав на гражданство в покидаемой метрополии.

Вполне возможно, что в конкретных случаях сношений отдельных метрополий со своими колониями были черты своеобразия, что численный перевес в отдельных колониях политических эмигрантов мог приводить, особенно на первых порах, к временному отрыву колонии от метрополии; могли возникать и более тесные политические союзы, как, например, союз Фаселиды с ликийскими колониями Родоса и с родосскими метрополиями; может быть, и в колониях продолжалась та же линия вражды и дружбы отдельных метрополий и конкуренция, аналогичная конкуренции между дорийским шестиградием и ионийским объединением.

Таким образом, греческая колонизационная экспансия представляла чрезвычайно сложное сочетание и разных социальных сил и разных социально-экономических условий, часто противоречивых, но тесно взаимосвязанных и приводящих к одному результату — к развитию внешней экспансии рабовладельческого полиса.

Колонизационная экспансия греков являлась необходимой стадией развития греческого рабовладельческого строя, именно той стадией развития, когда на базе внутреннего порабощения своих сограждан, на базе примитивного рабовладения возникал полисный строй, основанный на привозном рабстве.

Возникновение развитой формы рабовладения уже предполагает более высокую форму разделения труда и менового обмена. Одним из первых товаров в этом меновом обмене стал раб. «Едва люди начали менять, — говорит Энгельс, — как уже они сами стали предметами обмена. Действительный залог превратился в страдательный, — хотели того люди или нет».¹⁰²

И поскольку колонизационная экспансия греков была в первую очередь экспансией развивающегося рабовладельческого строя, постольку, пока существовало рабовладение, существовала и необходимость не только в сырье, в строительном материале и в металлах, но и в постоянном притоке извне новых рабов.

Однако самые формы колонизации принимали разный характер в зависимости от состояния производительных сил полиса.

Колонизация греков в VIII—VI вв. до н. э. происходила в период формирования и роста рабовладельческих полисов. Поэтому для греческих колоний того периода характерна политическая автономность новых поселений с ярко выраженным полисным строем. Аграрно-торговый характер поселений связан, прежде всего, с аграрно-торговым характером самих метрополий; носителем колонизации был торгово-ремесленный слой городов; необходимый контингент колонистов поставляли сельские районы.

Колонизационная политика греческих полисов периода их расцвета (Коринф при Кипселидах, Афины в V в. до н. э.) приближалась к форме военной экспансии — с выводом клерухий и военным контролем над колонизируемыми районами. Здесь мы видим в микрокосме то, что в римской республике примет уже огромные масштабы. Отсутствие общезкономических связей и интересов ведет при рабовладельческой системе к установлению связей политических, к осуществлению политического насилия.

Колонизационная экспансия греков в IV и в первой половине III в. до н. э. имеет место в условиях кризиса полисной жизни. Поэтому греческая колонизация теснейшим образом связана с возникновением крупных эллинистических монархий, опирающихся на греческих землевладельцев и наемников, объединенных в полисах.

Это качественное отличие форм колонизации как нельзя лучше свидетельствует о том, что экспансия присуща рабовладельческому строю во все периоды его существования и, таким образом, зависит не от внешних случайных причин и обстоятельств, но от того или иного этапа развития рабовладения в каждом отдельном полисном государстве.

С этой точки зрения ярче выступает примитивность и ненаучность буржуазно-исторических концепций о причинах греческой колонизационной экспансии.

Специальное изучение вопросов родосской колонизации позволило выдвинуть ряд общих положений, конечно, пока

лишь в порядке постановки вопроса. Окончательное разрешение этой проблемы зависит в дальнейшем от объединенных усилий творческого коллектива историков и археологов, на базе марксистско-ленинской методологии.

2. ГЕЛА

В то время как северо-восточное и восточное побережья Сицилии были уже заселены греческими поселенцами Халкиды, Коринфа, Мегары и Наксоса, южное побережье все еще оставалось необитаемым. Его берега, сохранившие предание о плавании Миноса и о его гибели в Камике (в районе территории Акраганта) от хитрости туземного царя Коккала,¹⁰³ попрежнему оставались таинственными и грозными. Южное побережье Сицилии долго, даже и после возникновения здесь греческих полисов, считалось одним из опаснейших для мореплавания мест, тем более, что здесь не было и удобных гаваней, где можно было бы укрыться греческим кораблям, застигнутым бурей.¹⁰⁴

Орси, может быть, не без основания предполагает, что критяне, мореплаватели по преимуществу, знали южное побережье Сицилии еще в минойско-микенские времена.¹⁰¹ Именно сюда и прибыли в 689 г. до н. э. греки с Родоса и Крита, основав здесь первую греческую южносицилийскую колонию в устье реки Гелы.

Основным и решающим моментом в выборе места для этой новой колонии были, конечно, не древнейшие, стертые во времени связи с Критом, если они и существовали, но эта новая связь, установленная греками греческих метрополий. Слухи о плодородии Сицилии, вероятно, во много раз превывавшие действительность, привлекли сюда вслед за другими и родосцев и критян.¹⁰⁶ Весь северо-восточный район был уже густо заселен. Кратковременное существование Мегары вблизи Сиракуз с наглядностью свидетельствует о том, что в этот период на востоке Сицилии уже не было места для основания еще одной новой колонии. Поэтому направление родосско-критской колонии было определено невозможностью выбрать для поселения в Сицилии иной район.

Таким образом, Гела стала первой южной греческой колонией. Ее основанием закончился период возникновения новых апоекий греческих метрополий. Дальнейшая колонизация Сицилии проводилась уже самими сицилийскими городами — Сиракузами, Мегарой и Гелой.

Южное побережье Сицилии, от Камарины до Ликаты,

представляет собою однообразную гористую береговую полосу, открытую ветрам, без бухт и заливов;¹⁰⁷ холмы прерываются полосами дюн; на общем фоне в глубине возвышаются горы, доходящие до высоты 600—700 м над ур. м. В древние времена монотонность ландшафта несколько оживлялась зелеными лесами, избегавшими по горным отрогам; теперь лесов нет. Быстрые горные, пересыхающие летом или маловодные потоки сбегают к морю. Самой большой рекой района была

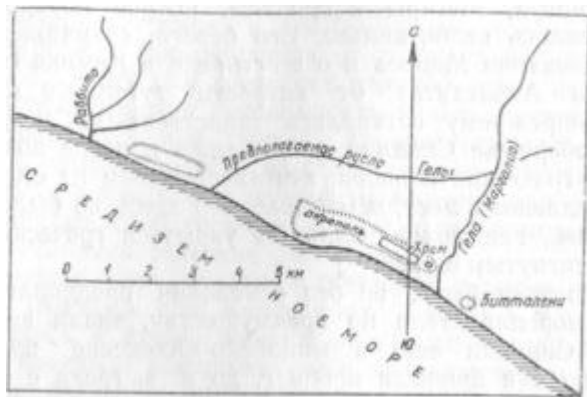

Рис. 27. Гела (по Шубрингу и Орси).

Гела, получившая название от холода ее воды.¹⁰⁸ Над всем пейзажем царил кратер Этны, горы, связывающей восточное побережье с южным. За песчаным и холмистым побережьем, в широких и узких ущельях у подножий отступающих от берега горных массивов раскинулись равнины, славящиеся и поныне своим плодородием.

Плато, выбранное поселенцами, представляло собой каменный, покрытый песком, прямоугольный массив, подымавшийся (на 50 м над ур. м.) над раскинувшейся позади его равниной. Длина этого плато равнялась 4000 м, ширина 500—700 м. Стены плато круто обрывались вниз, оставляя лишь узкий проход к морю с южной стороны. С него открывался вид на внутреннюю Сицилию: на равнину и пастбища, орошаемые в то время, вероятно, двумя устьями Гелы,¹⁰⁹ по обе стороны плато, на горы, замыкавшие долину реки, на снежную вершину Этны (рис. 27). Обладание плато давало выгодные военные преимущества: оно было естественным укреплением и одновременно наблюдательным постом; пути во внутреннюю Сицилию сходились у его подножия.¹¹⁰

В числе колонистов, вероятнее всего, находились люди, уже знакомые с топографией южной полосы острова, ибо место, выбранное греками для поселения, строго соответствовало требованиям того времени: укрепленная природой возвышенность, которая могла бы равным образом служить защитой и от туземного населения и от пиратов; близость питьевой воды; плодородная равнина и, наконец, возможность использования русла Гелы для причала кораблей.

Геродот упоминает об основании Гелы в рассказе о Гелоне Сиракузском. Предок этого Гелона, Телин, уроженец о. Телоса, вблизи Триопских гор Книдского побережья Карики, «участвовал в основании Гелы линдийцами с Родоса и Антифемом».¹¹¹ Таким образом, Геродот не упоминает о критянах и о критском ойкисте Гелы — Энтиме. Он говорит только о линдийцах, но сохраняет нам ценное указание об участии в этой колонизации и знатного рода с о. Телоса, входившего, по всей вероятности, в состав камирской общины Родоса.¹¹²

На основании этого свидетельства Геродота уже Шубринг думал, что в родосской колонизации в Сицилию участвовали не только жители о. Телоса, но и соседних островов, входящих в состав родосских полисов или находящихся в зоне родосского влияния, — островков Коса, Нисира, Астипалеи и триопского предгорья Карики.¹¹³

Фукидид сообщает: «Антифем с Родоса и Энтим с Крита, выведя колонистов, сообща основали Гелу на 45-м году после основания Сиракуз. Городу было дано имя от реки Гелы; место же, на котором и теперь город и которое первое было обнесено стеной, называется „Линдии“. Законы же у них были установлены дорийские».¹¹⁴

Таким образом, Фукидид сообщает о совместном основании Гелы объединившимися для этой цели родосцами и критянами с двумя ойкистами, Антифемом и Энтимом, во главе. И весь археологический материал архаического некрополя Гелы подтверждает двойственный состав нового полиса.¹¹⁵

Интересные дополнения к этим сведениям находим в сохранившихся ко II олимпийской оде Пиндара.¹¹⁶ Здесь встречаем указание, что Артемон, который, как кажется, комментировал сицилийские оды Пиндара,¹¹⁷ говорил о больших трудностях, которые пришлось преодолевать ойкистам родосско-критской колонии, Антифему и Энтиму.

Трудности, не мало их утомлявшие, заключались в следующем: а) в сборе колонистов из Пелопоннеса, с Родоса и Крита, б) в трудности плавания, в) в поселении и, наконец, г) в борьбе с сиканами, обитавшими на территории будущего

поселения. Таким образом, согласно Артемону, основание Гелы было не легким делом, но проходило «тяжело и с трудом» (χαλεπὸς καὶ μόλις).¹¹⁸

На основании этих источников мы можем прийти к выводу, что инициатором и центром колонизационного потока, направленного в Сицилию, был город Линд и что Антифем — ойкист Гелы — был гражданином Линда.¹¹⁹

В поток линдийских колонистов включились и колонисты других родосских полисов. Вошли сюда же и колонисты с о. Телоса, входившего в область Камира. Телосцы, возглавлялись, повидимому, Диноменом, к роду которого принадлежал и Телин, упоминаемый в вышеприведенном свидетельстве Геродота.¹²⁰

Во главе критян стоял Энтим. По призыву основных инициаторов колонизации, прибывали на Родос и в Крит переселенцы из Пелопоннеса, вероятнее всего из Мессении, эмигранты откуда, согласно традиции, уже и раньше находили убежище на Родосе.¹²¹

Так вскрывается перед нами сложный процесс подготовки в Линде к выводу колонии. Кроме того, вывод колонии в Гелу и сбор колонистов для отплытия вызвал к жизни новое поселение на Родосе — военный и колонизационный западный форпост Линда — Врулию.

Возникновение Врулии, по наблюдениям Кинка,¹²² обусловлено как раз западной ориентацией Родоса, ибо она возникла на пути из Линда в Гелу и одновременно с Гелой. Как раз отсюда шел торговый древний путь с востока к Сицилии: с о. Кипра, с берегов Азии, с остановкой на Родосе и далее, оставляя в правой стороне Крит, к о. Кифере, западнее мыса Малеи. Кифера служила остановкой для кораблей, плывших с запада на восток и с востока на запад.¹²³

Всего вероятнее связать возникновение Врулии с этим первым потоком колонистов, отправлявшихся в Гелу. Отсюда, из гавани Врулии, и должно было состояться отплытие Антифема с собранными отовсюду дружинами. Врулия и в дальнейшем была транзитным пунктом в сношениях Родоса с его сицилийскими колониями, а также с Африкой и Критом.

Таким образом, возникновение и кратковременное существование Врулии, возникшей вместе с началом линдийско-родосской колонизации на запад и прекратившей свое существование одновременно с концом колонизационного периода, лишний раз наглядно подтверждает планомерность греческой (в данном случае — линдийской) колонизации, ее обдуманность и длительную подготовку к ней.

Совершенно очевидно, что направление колонии и место ее основания намечались еще заранее — до отплытия колонистов из метрополии.

Для того чтобы колония носила организованный характер, чтобы ее будущее процветание было обеспечено, требовалось религиозное освящение ее — санкция дельфийского оракула. Без санкции божества колония не могла существовать, и если даже, в более раннее время, основание колонии предшествовало санкции дельфийского оракула, то ойкисты получали эту санкцию после основания колонии;¹²⁴ при этом соблюдался тон предварительного предсказания.

Конечно, жрецы дельфийского Аполлона получали топографические указания от ойкистов, ибо нельзя не обратить внимания на тот факт, что в изречениях пифии почти всегда точно указывалась подлежащая колонизации местность.

Антифем и Энтим, основавшие Гелу, повествует Диодор,¹²⁵ спросили пифию, и она изрекло следующее: «Энтим и доблестный сын достославного Кратона, отправившись, заселите оба сицилийскую землю, построив город совместно критян и родосцев, при устье реки Гелы, одноименной, священной». Если даже здесь имеет место оракул ex eventu, что вполне вероятно, то положение от этого не изменится, ибо пути колонизации предопределялись заранее.

Отправляясь в далекие походы с захватнической целью, греки должны были представлять собою определенную военную силу, ибо судьба основателей колоний была неопределенна и успех предприятия часто зависел от их личной храбрости и боевой сноровки.

В Сицилии греки встретились с сиканами и сикулами, обитавшими здесь уже долгое время. Район Гелы, по мнению Орси, был пограничным районом сиканов и сикулов, где встречались и те и другие.¹²⁶ Плато Гелы, как показали археологические изыскания, было заселено, хотя и не очень плотно, несколькими родами местного населения, отнюдь не подготовленного к встрече неожиданных гостей.

Таким образом, для заселения плато и для захвата равнины, орошаемой рекой Гелой, было необходимо вытеснить туземных обитателей этого района, обитателей, в военном отношении уступавших грекам.

Повидимому, длительная борьба с местными племенами была довольно обычной предисторией основания здесь греческих городов. Археологический материал, например, бесспорно показывает, что основание Леонтин было связано с прекращением жизни сикулов в этом районе: раскрытый Орси нек-

рополь сикулов, относящийся к VIII и началу VII в. до н. э., прекращает свое существование с момента появления греческого некрополя.¹²⁷

Можно предполагать, что насильственный метод освоения земель более соответствовал примитивной дипломатии греков этого времени. Инициаторами борьбы, в значительной мере, были сами греки, заинтересованные не столько в мирном сожительстве с местными племенами, сколько в захвате и земель и людей для обращения их в рабство.

То, что сами сикулы не были расположены к агрессии, но лишь отвечали на нее, подтверждается поразительными по своим результатам раскопками Орси в Тавромине, по соседству с Наксосом. Жители Наксоса, заинтересованные в поддержке местного населения для борьбы с сиракузцами, встали на путь иной дипломатии и вплоть до тирании Дионисия в Сиракузах Тавромина, расположенная на высоте, господствующей над Наксосом, оставалась городом сикулов.¹²⁸

Родосцы и критяне, высадившиеся вблизи устья Гелы, вступили в борьбу с местным населением сначала за овладение горным плато, потом — за овладение плодородной равниной у подножия.

У Диодора говорится, что сиканы издавна жили деревнями и воздвигали города на укрепленных холмах, вследствие страха перед разбойниками. Они не были объединены единой властью, но каждый город имел своего правителя. Раньше они занимали весь остров и пытались, возделывая землю; из-за извержения Этны они переселились на запад.¹²⁹

Археологические исследования Сицилии не противоречат свидетельству Диодора о «городах» сиканов: от догреческих обитателей Сицилии остались лишь скудные и неоднократно разграбленные некрополи; города не имели стен; как городские, так и сельские поселения сикулов и сиканов стерты с лица земли. Городища на холмах, повидимому, тоже доволствовались природными, естественными укреплениями; хрупкость и ломкость известняковых пород, давно лишенных растительности, не обеспечивали сохранности остатков довольно рано вымерших городов на территориях, захваченных греками или находившихся в зоне греческого влияния.

Спор о различии сикулов и сиканов далеко не закончен: общее положение, основанное на свидетельстве Фукидида,¹³⁰ таково, что сиканы — представители иберийских племен — раньше заселили Сицилию, которая по их имени носила название «Сикании»; что сикулы представляли собою племена,

опередившие в своем развитии сиканов и родственные по языку латинским племенам Лациума.

Орси даже сделал попытку подкрепить это положение археологически, считая неолит — сиканским, а энеолит — сикульским.¹³¹ Однако уже Патрони подверг критике эти утверждения Орси, указывая, что в Сицилии нет разрыва между неолитом и энеолитом, а если нет разрыва, то, следовательно, нет и миграции. Патрони был склонен отодвигать миграцию к периоду бронзы, считая, что сикулы переселились в Сицилию в халколите, нарушив развитие сиканов.¹³² Но и это положение осталось априорным: Модестов¹³³ утверждал, например, что в энеолите мы уже имеем дело со слитой культурой сиканов и сикулов. Костанци,¹³¹ поддерживая мнение Гольма¹³⁵ и Ниссена¹³⁶ о том, что самые названия сикулов и сиканов являются видоизменением одного и того же корня, пытается, не отрицая миграции, видеть италиков и в сикулах и в сиканах; автохтонами же он считает элимов и иберолигуров. Попытки решить вопрос созвучием топонимических названий тоже не могут до сих пор считаться удачными.¹³⁷ Несмотря на эрудицию, на страстность спора и остроумие ученых, вопрос о происхождении сиканов и сикулов остается по-прежнему темным и многие гипотезы фантастическими.¹³⁸

Не решая этого вопроса, я хочу лишь заметить, что разница между ними была, повидимому, не столь значительна, как это иногда предполагают. Античные авторы не всегда могли отличить районы, населенные сиканами, от районов, населенных сикулами. А на территории Гелы, например, сикулы и сиканы оказываются смешанными.

С одной стороны, колонисты вели здесь войны с сиканами, и Павсаний определенно указывает, что Антифем, ойкист Гелы, взял и разрушил Омфаку, город сиканов.¹³⁹ С другой стороны, название реки Гелы как будто бы сикульское¹⁴⁰ и Макторий — город сикулов.¹⁴¹

В свое время уже обращалось внимание на сходство ряда топонимических названий у сикулов и сиканов.¹⁴² Различие между ними Тимей (к которому в данном случае восходит Диодор) видит в том, что сикулы политически организованы («они вручали власть лучшим из людей»¹⁴³), а сиканы представляют из себя ряд племен, враждующих друг с другом и не объединенных в конфедерацию.¹⁴⁴ Однако в контексте с предшествующим рассказом о сыновьях Эола — Кеуфе и Агафирне — этот текст о различии сикулов и сиканов получает несколько иное освещение. Ксуф и Агафирн разделили между

собой власть в Сицилии, от восточного ее побережья до Лилибея; затем царский род потомков Эола постепенно вымер. «После этого сикулы вручили власть лучшим из людей, сиканы же, расходясь (во взглядах) о власти, в течение долгого времени воевали друг против друга».

Здесь, несомненно, мы имеем дело с ученой реконструкцией Тимея, основанной на более ранних, не дошедших до нас источниках.

Но трудно предположить, чтобы вся восточная (сикульская) часть Сицилии к моменту появления греков, т. е. в конце VIII в. до н. э., представляла собою единое политическое целое; даже в представлении Тимея это был ряд самостоятельных общин, возглавляемых родовой знатью. И если воспоминание о вражде их друг с другом стерлось, то лишь потому, что восточная часть Сицилии раньше подпала под власть греков.

Как кажется, Паис прав, рассматривая сикулов и сиканов как родственные племена, различие между которыми было различием их исторической судьбы, а не разности этнического происхождения.¹⁴⁵ Погребения сикулов и сиканов одинаковы. И те и другие племена в мирное время жили в долинах, занимаясь земледелием, и укрывались на время войны в городах, построенных на трудно доступных скалах. Древний мифический город сиканов Камик (район Акраганта), основание которого приписывалось Дедалу, построен на камне и столь укреплен, что его нельзя было взять силой. «Ибо он, схитрив, сделал восхождение к нему столь узким и извилистым, что три или четыре человека могли его защищать».¹⁴⁶

И сиканы и сикулы к периоду колонизации греков на востоке и финикийцев на западе, появившихся в Сицилии одновременно,¹⁴⁷ были на стадии развития бронзовой техники и одинаково хоронили своих покойников. И те и другие жили родовым строем, и, может быть, лишь под непосредственным экономическим воздействием греков, соседящие с греками племена быстрее пошли по линии экономического и политического развития, чем их западные соседи.

Колонистам Гелы, вероятно, было не очень трудно вытеснить немногочисленных обитателей горного плато. Население здесь отличалось малочисленностью, как показывают отдельные немногие погребения, найденные в западной части города под греческим слоем.

Укрепившись на плато, греки отсюда повели борьбу за овладение долиной, занятой туземными земледельцами.¹⁴⁸

В борьбе за захват территории, окружающей плато, был пред-

принят поход под руководством Антифема в Омфаку, город сиканов, расположенный где-то вблизи Гелы.¹⁴⁹ Повидимому, Омфака была центром сопротивления, оказанного туземцами.¹⁵⁰ Надо полагать также, что Омфака была одним из типичных для местного населения городищ на вершине холма, представлявшего собой естественное убежище в военное время. Ибо, если Омфака была обнесена стенами, то ее штурм и разрушение оказались бы не под силу только что прибывшим колонистам. Из Омфаки, как сообщает Павсаний, в Гелу была перевезена Антифемом священная статуя, считавшаяся работой Дедала.

Борьба колонистов с туземцами за овладение долиной Гелы происходила, повидимому, в районе прилегающих к долине холмов на расстоянии, приблизительно, 12 км.¹⁵¹ Победенных оттеснили к горам, находящимся позади гельской равнины.¹⁵²

Первоначальный город, окруженный стенами, назывался, согласно Фукидиду, «Линдии» по имени Линда на Родосе.¹⁵³ Это первоначальное имя города указывает не только на Линд, как на центр данной колонизации, но и на численное преобладание родосцев в Геле.¹⁵⁴

Фукидид сообщает далее, что в Геле была установлена дорийская форма правления.¹⁵⁵ О конституции Гелы мы достоверно ничего не знаем. Плохое качество сицилийского мрамора и известняка, служившего материалом для надписей, и многократные разрушения, при многовековой плотности меняющегося населения Сицилии, способствовали почти полному уничтожению эпиграфического материала.¹⁵⁶ Незначительные остатки, сохранившиеся до нашего времени, проливают мало света на вопрос о конкретных политических формах конституции Гелы.

В 1900 г. по соседству с древней Гелой Орси нашел обломок ножки большого килика VI в. до н. э. с графитто «Мнасифалес посвятил Антифаму». Здесь же было обнаружено большое количество фрагментов аттических чернофигурных и краснофигурных ваз. Орси продолжал раскопки, надеясь раскрыть архитектурные и строительные остатки святилища. Однако, кроме нескольких архитектурных фрагментов и черепиц, ничего не удалось обнаружить. Поэтому Орси предполагает, что некогда находившееся здесь древнее небольшое святилище, посвященное ойкисту Гелы Антифему (и, может быть, Энтиму), было деревянным. Его построили на возвышенности дель Кальварио, открытой к морю, может быть, в районе первоначальной высадки колонистов.¹⁵⁷

Таким образом, и здесь, как и во всех других греческих городах, вождь колонистов был позже героизирован. Несомненно, что в новой сицилийской колонии Антифем выполнял руководящую роль, будучи военачальником колонистов в борьбе с сиканами-оикулами. Облеченный религиозной и военной властью он, возможно, был в Геле одним из бацилевсов, ибо период колонизации еще совпадал с периодом царской власти на Родосе.

В более поздних надписях, найденных уже в районе города Финтия, куда, после разрушения Гелы мамертинцами, были вскоре переселены ее уцелевшие граждане,¹⁵⁸ встречается упоминание, кроме народного собрания, и буле, и двух должностных лиц — гиерапола и *κατενιαύσιος*,¹⁵⁹ Гиерапол был эпонимом Гелы. Ван-Гельдер указывал на телосское происхождение этой магистратуры. На Телосе гиерапол был высшей государственной должностью, связанной с жреческими функциями.¹⁶⁰

Наименование второго магистрата, повидимому, регулярно следующего за гиераполом,¹⁶¹ кроме Гелы нигде не встречается.¹⁶²

В одной из надписей Акраганта, которому его основатели, по свидетельству Фукидида, дали установления Гелы,¹⁶³ мы встречаем упоминание филы Гиллеев,¹⁶⁴ которая, по всей вероятности, была создана по образцу филы, существовавшей и в Геле.

Таким образом, из этих поздних и косвенных данных мы можем заключить, следуя Фукидиду, что в Геле существовали дорийские филы, что одним из важных государственных органов был олигархический совет, *βολά*, что народное собрание называлось *άλία* и что важнейшим магистратом Гелы был гиерапол.

Возможно, что в предании об Антифеме и в надписях из Финтии отражены два различных периода конституционного строя Гелы. В первом случае мы, может быть, имеем дело с архагетом дорийского типа, во втором — с олигархически организованной республикой.

Гольм, говоря о политических формах сицилийских колоний, считал, что характерной их чертой была «община равных», состоявшая из первоначальных колонистов: при заселении новой территории греки разделяли на клеры захваченную землю. Обработка этой земли ложилась на туземных обитателей, которые попадали в отношения зависимости к общине колонистов, играя роль переиков или илотов.

Таким образом, в новосозданном полисе «равных» некото-

рое время было полное умиротворение. Затем, когда в данную колонию прибывали «новые потоки» колонистов, они уже получали или худшие участки, или совсем не получали земли, поскольку вся она была уже распределена между первыми по времени колонистами. Так, первые поселенцы в расширявшемся численно полисе становились, с течением времени, привилегированной землевладельческой верхушкой. Так наступал период борьбы внутри полиса за политическое равенство и перераспределение земли. Эта борьба кончалась либо выводом новых колоний, где все недовольные элементы получали землю, образуя новый полис, либо установлением тирании, опиравшейся на эти недовольные и требующие демократических реформ низовые слои.¹⁶⁵

Эти наблюдения Гольма слишком схематичны и требуют существенных дополнений.

Во-первых, при первоначальном распределении на клеры могло и не существовать земельного равенства, ибо, отправляясь для основания колонии в далекий путь, поселенцы уже не представляли собою «общины равных». Ойкисты, руководители отдельных групп колонистов, жрецы, родовая знать уже заранее составили привилегированную верхушку еще не основанного полиса. Это, конечно, должно было в первую очередь сказываться и на неравномерности клеров.

Во-вторых, внутренняя борьба гражданского населения полиса должна была возникать со времени его основания. Трудно представить себе, чтобы самое создание полиса, которая, как правило, должна была сплотить в единое целое элементы разных полисов и разных политических и религиозных традиций, обходилось без борьбы. Ведь каждому новому полисному объединению предстояло выработать не только единые формы политической власти, но и создать роды, фратрии, филы, без которых не мог существовать ни один полис, т. е., иначе говоря, требовалось искусственно, на базе подражания основным метрополиям данной колонии, воссоздать заново полис с его своеобразным сочетанием новых рабовладельческих отношений со старыми родовыми традициями.

Конечно, приток последующих колонистов осложнял и без того достаточно сложный процесс создания нового государства.¹⁶⁶ Однако в то же время этот приток был необходим для каждого возникавшего полиса, ибо он создавал нужный военный потенциал, без которого ни один полис не мог бы долго существовать на чужой земле.¹⁶⁷

Несмотря на плодородие равнины, Гела не была колонией, сильной в военном отношении.¹⁶⁸ И если вначале колонисты

представляли пиратов-завоевателей, достаточно сильных, чтобы согнать местных жителей с их земель, то позже, в VI—V вв., гражданский коллектив Гелы не был столь силен, чтобы играть в военное отношение сколько-нибудь первенствующую роль. Возвышение Гиппократа, его широкие завоевательные планы и военные успехи основывались, в первую очередь, на наемниках, которых он собирал отовсюду, и среди греков и среди сикулов.

Поэтому, даже основание единственной своей колонии — Акраганта Гела не могла произвести одними своими силами: Акрагант был выведен, как свидетельствуют источники, Гелой совместно с Родосом.¹⁶⁹

Гела отнюдь не представляла с самого начала «общины равных». Наличие конницы и знати, служившей позже в кавалерии Гиппократа, без сомнения, свидетельствует о неравномерном распределении земли среди граждан.

Как сравнительно медленно шел прирост населения Гелы, показывает, например, тот факт, что Сиракузы в течение первых 94-х лет своего существования вывели собственными силами две колонии, Акры и Касмены (а всего четыре), в то время как Гела смогла вывести одну колонию лишь через 108 лет после своего основания, да и то с помощью родосских городов.

Самый факт вторичного участия Родоса в сицилийской колонизации и подчеркнутый родосский характер государственных культов Акраганта — заставляют предполагать, что классовая борьба в Геле осложнялась еще и враждой представителей различных полисов, объединившихся в Геле, а кроме того, что основание Акраганта не прекратило даже временно внутриклассовой борьбы.

О том как граждане Гелы заботились о целостности своего коллектива, красноречиво свидетельствует одно знаменательное событие.

В середине VI в. до н. э. (следовательно, вскоре после основания Акраганта) в городе, по свидетельству Геродота, произошли столкновения, и побежденная партия бежала в Макторий.¹⁷⁰ «В город Макторий, расположенный вне Гелы, бежали жители Гелы, побежденные в распре. Их вернул в Гелу Телин, не имея никакой военной силы, но лишь святых подземных богинь. Дал ли их ему кто-нибудь или он сам их приобрел, этого я не могу сказать. Полагаясь на них, он вернул (бежавших) под тем условием, что его потомки будут гиерофантами этих богинь».

Как нам кажется, в этом рассказе Геродота соединены два и даже три момента:

а) предание о сецессии побежденной части гелян в Макторий;

б) предание о возникновении мистерий Деметры и Коры и

в) соединенное с этим предание о возникновении в Геле Енаследственного жреческого рода, имеющего родоначальником Телина, а потомком — сиракузского тирана Гелона.

Действительно, в рассказе Геродота явно проглядывают представления, связанные с установлением мистерий в честь хтонических и одновременно земледельческих богинь — Деметры и Коры. Святые богини и их показ как раз связаны с деятельностью гиерофанта.¹⁷¹ В Элевсине должность гиерофанта, важнейшего жреца в культе Деметры и Коры, была наследственной в роде Евмолпидов. Далее в рассказе Геродота подчеркнуто: Телин имел эти «святые», но их происхождение было неизвестным, и наличие их в его руках было его частным делом, т. е. иначе — культом родовым, унаследованным Телином с о. Телоса. Явление этих святых бежавшим, прикосновение к ним, приобщение к матери-земле и к ее плодородным силам превратило родовой культ в полисный:¹⁷² бежавшие из Гелы люди вернулись обратно неofiцитами Деметры и Коры. Телин и его род стали верховными жрецами этого нового общеполитического культа.¹⁷³

Из Гелы культ Деметры и Коры был перенесен в Сиракузы Гелоном, унаследовавшим от Телина функции гиерофанта.¹⁷⁴ Гелон построил в честь Деметры и Коры два храма на территории будущего Неаполя, и культ этих земледельческих богинь, носивший ярко выраженный демократический характер, стал при Гелоне популярнейшим в Сиракузах; дни празднования богинь сиракузяне отмечали пирами под открытым небом, во время которых допускалась полная свобода слова.¹⁷⁵ Жреческие функции гиерофанта после смерти Гелона перешли к Гиерону, который и продолжал заботу о культе, следуя в этом политике брата.¹⁷⁶

Таким образом, распространение культа Деметры и Коры представителями рода Телина тесно связано с демократическим движением. Культ этих земледельческих богинь в Сицилии был связан и с плодородием сицилийских хлебных полей и с экономическим процветанием полисов; в Сиракузах он появился и стал преобладающим лишь в период победы демократии над гаморами.¹⁷⁷

К этим же выводам приходит и Тропеа, анализируя найденную в Менах (Сицилия), единственную в своем роде монету, с одновременным изображением на ней и Деметры и

Коры. «Культ Деметры и Коры,—пишет он—был занесен сюда после падения царства Дукетия, т. е. тогда, когда Сиракузы, освобожденные от господства аристократического элемента (IV в. до н. э.), начали официальную грецизацию этого района».¹⁷⁸

Таким образом, можно с достаточной долей уверенности предполагать, что введение этого культа в Геле было также связано с внутренним процессом демократизации или с неким демократическим актом после возвращения части гельского населения из Мактория.

О существе и о причинах происшедшей борьбы Геродот не сообщает. Естественнее всего предположить, что это была распря между старыми колонистами Гелы и позже прибывшим населением, подобно тому, как это имело место, например, в Фуриях; там, по свидетельству Диодора,¹⁷⁹ старые колонисты, образовавшие с течением времени олигархическую верхушку, пользовались и политическими и экономическими привилегиями: они разделили между собой все важнейшие должности, предоставив новым колонистам лишь ничтожные; их жены пользовались почетным нравом первыми принося жертвы богам; кроме того, лучшая и ближе к городу расположенная земля тоже принадлежала им, а позднейшие поселенцы получили участки худшие и на далеком расстоянии от города.

Как указывают и другие сицилийские аналогии, борьба в Фуриях не была чем-то ранее неизвестным. С теми или иными вариантами такие же раздоры происходили во всех колониях, ибо повсюду к первоначальному ядру колонистов присоединялись затем все новые и новые выходцы из метрополий.

Ничего нового не было и в стремлении умаленных в политических и экономических правах поселенцев Гелы основать свою колонию; новой, однако, была форма. Здесь мы имеем дело не с мирным выводом новой колонии, но с занятием одного из естественно укрепленных городов, расположенного на холме вблизи гельской равнины;¹⁸⁰ здесь мы имеем дело с основанием военного центра, угрожавшего дальнейшей самостоятельности Гелы.

Недаром так часто сравнивают, а иногда и просто ставят знак равенства, между сецессией гелян в Макторий и сецессией плебеев Рима на священную гору.¹⁸¹

Некоторую аналогию с происходившей в Геле борьбой в VI в. представляет, может быть, найденный в Оксиринхе фрагмент оглавления какого-то исторического труда о Сици-

лии одного из сицилийских историков — Тимея, Антиоха или Филиста.¹⁸² Одна из глав, с которой и начинается фрагмент, гласит: «1. Поход на Гелу наемников, тех, что в Омфаке и Какире. 2. Помощь сиракузян гелянам и нападения наемников на сиракузян».

После падения тирании Фрасибула в Сиракузах разгорелась ожесточенная борьба между старыми гражданами города и наемниками тиранов, получивших при Гелоне и Гиероне гражданские права. Повидимому, в период деятельности тиранов и другие подвластные им города, в том числе и Гела, пополнялись новыми кадрами граждан из числа наемников. После падения тирании по всем городам прошла волна столкновений с ее ставленниками — наемниками. Повидимому, эти новые граждане Гелы, бежавшие оттуда, нашли убежище поблизости от города, в Омфаке и Какире. Между старыми и новыми гражданами разгорелась жестокая борьба, в которой на помощь гелянам пришли сиракузяне, уже победившие у себя наемников.

Конечно, причины борьбы ξένοι в Омфаке и Какире и бежавших в Макторий гелян различны, как различна и политическая обстановка VI и V вв.: здесь была сделана попытка отнять у новых граждан предоставленные им тираними права; там, вероятно, шла речь об умаленных в политических правах гражданах, претендующих на полное гражданство. Но и тут и там борьба разгоралась из-за политической и экономической неспособности покинувшей Гелу части ее жителей (в одном случае из-за непредоставления, в другом случае из-за отнятия гражданских прав и связанного с этим экономического ущерба); и там и здесь сталкивались интересы старых и новых поселенцев Гелы; и там и здесь обиженная часть населения, выйдя из города, обосновалась недалеко от Гелы, на горах, представляющих собой естественные укрепления; и там и здесь, как вероятно и в Риме, непосредственная близость нового поселения к старому городу указывала на претензию его обитателей завладеть впоследствии землями, принадлежащими старому, покинутому ими центру.

Таким образом, как нам кажется, необходимость возвращения удалившихся в Макторий гелян, так же как и волнения патрициев при удалении плебеев на священную гору, вызывались не только страхом военной опасности перед внешними врагами, которые могли воспользоваться ослаблением расколовшегося на две части населения города, но и страхом потери своих давних владений, в данном случае гельской рав-

нины, и предстоящих кровопролитных боев за уже освоенную и возделанную землю.

Олигархи предотвратили катастрофу. Бежавшие в Макторий были возвращены. Однако олигархический строй Гелы был сохранен и оставался ненарушенным до тирании Клеандра, т. е. до 505 г. до н. э.

Может быть, здесь уместно вспомнить сентенцию Аристотеля: «Если потеряют свое состояние кто-либо из власть имущих, тогда они стремятся реформировать государство, а если потеряет свое состояние кто-либо из остальных (граждан), то из этого никаких серьезных последствий не происходит».¹⁸³

Тем не менее, как на это указывает и самый факт возвращения и установление в Геле демократического культа Деметры и связь этого культа с хлебными посевами, а следовательно, и пахотными землями Гелы, — все это с несомненностью свидетельствует о том, что возвращение было связано с неким демократическим актом.

В Риме возвращение плебеев связывается обычно с учреждением трибуната при сохранении власти патрициев, а следовательно, при сохранении олигархической конституции патрицианских родов.

Поэтому можно предполагать, что и здесь был принят некий священный закон (который, по традиции, был принят и в Риме после сецессии плебеев в 494 г. до н. э.), связанный с включением вернувшихся гелян в филы и фратрии, т. е. в гражданский коллектив дема, с предоставлением им земли. А в качестве гарантии нерушимости этого договора и выступает учрежденный в Геле культ Деметры и Коры, представленный в данный момент гиерофантом великих богинь Челином, ведшим переговоры с восставшими и воздействовавшим на них явлением «святень» богинь и прикосновением к ним толпы, обосновавшейся в Мактории. Таким образом, договор получил характер священного закона, и горе тому, кто осмелился бы поднять руку против могущественных богинь, вошедших в город вместе с вернувшимися обратно жителями.

Насколько был важен достигнутый компромисс и восстановление целостности города — хорошо показывает Шубринг, исследуя изображения на монетах Гелы. В первый же период, как только геляне начали чеканить собственную монету (520—460 гг.), на золотой монете Гелы появляется изображение увенчанной женской головы — богини Сосиполис. На реверсе монеты дано изображение (реки) Гелы в виде бородатого быка. На больших по размеру монетах дается развер-

нутая сцена: женское божество возлагает на быка символ города и реки — победный веноч.¹⁸⁴

Шубринг убедительно связывает этот новый образ богини «спасительницы города» с возвращением удалившихся в Макторий. Появление этого образа на монетах первого периода в Геле указывает, сколь важным считалось в истории Гелы это событие. Была спасена жизнь полиса, была предотвращена грозившая городу катастрофа и, в связи с этим, параллельно с культом Деметры в Геле учрежден политический культ, обязательный для всего полиса в целом, назначение которого — предотвратить возможность нового раскола граждан — культ Сосиполис.

Конечно, одновременно с опасностью внутренней должна была существовать и внешняя угроза, под давлением которой олигархи Гелы должны были идти на немедленные уступки. Кто же мог непосредственно угрожать городу? Акрагант был греческим форпостом и притом форпостом Гелы, выдвинутым на запад, к границам финикийских владений. Кроме того, в этот период, финикийцы Сицилии вели обычно оборонительную, а не агрессивную политику. Ни Сиракузы ни соседняя Камарина в этот период также не проявляли завоевательной экспансии. Следовательно, греки других городов в этот период ничем не угрожали грекам Гелы. И в дальнейшем мы видим как раз Гелу в роли главного агрессора в Сицилии.

Таким образом, опасность могла угрожать только с одной стороны — со стороны сиканов и сикулов.

Раскопки в районе Гелы, на холмах, окружающих равнину на восток вплоть до речки Дуритто и на запад до Monte Lungo, показали, что холмы были заселены греками начиная с V в.; следовательно, до V в. землевладельцы Гелы жили все в городе, выходя на равнину утром и возвращаясь вечером после окончания работы.

За пределами Гелы жили в непосредственной близости к городу лишь зависимые от греков туземцы, которые и могли в первую очередь воспользоваться ослаблением города-колонизатора.

Прибытие греков и высадка их на южном побережье Сицилии сопровождалась борьбой с сикулами и сиканами. Долина Гелы с дренажными сооружениями туземцев и, вероятно, с их поселениями была захвачена колонистами. Попавшие в плен туземцы оставлены на земельных работах в качестве рабов. Свист бичей и жестокий террор должны были сопровождать каждый новый шаг завоевателей на чужой земле.

Самое сооружение крепостной стены вокруг города могло быть произведено силами туземного населения.

Несомненно, что побежденное население долины и население холмов хорошо помнили и свою свободу и свое поражение.¹⁸⁵

Расширение территории Гелы как раз после событий в Мактории и заселение греками сельских районов кажется нам явным подтверждением приведенной выше гипотезы.

Большинство ученых утверждает, на примере Сиракуз, что земли гелян обрабатывали туземцы, превращенные по дорийским обычаям в рабов типа илотов. Памятники Гелы молчат. Нигде нет ни малейшего намека на положение основного эксплуатируемого класса.

По аналогии с Сиракузами можно было бы предположить и в Геле наличие своего рода килликирий или киллирий, число которых, по преданию, было так велико, что вошло в поговорку.¹⁸⁶

Спанья отмечает, что низшие слои греков, сикулы и киллирии, жили вне пределов Ахрадины — в Тихе (на территории Неаполя). Белох считает килликириев «полусвободным» населением Сиракуз, в руках которого находилась обработка земли.¹⁸⁷ Геродот называет килликириев рабами; у Фотия и у Свиды, со ссылкой на Аристотеля, они сближаются с илотами лакедемонян, пенестами фессалийцев и кларотами критян. Дионисий Галикарнасский сравнивает их с клиентами Рима и называет пелатами.¹⁸⁸ В этих же источниках упоминается и о борьбе килликириев с геоморами и изгнание последних из города.

Как кажется, самое их наименование является сикульским племенным словом, искаженным в греческом произношении.¹⁸⁹ Этим, может быть, объясняются и три варианта их имени, встречающиеся в античной традиции.

Сходство их, отмеченное Аристотелем, с илотами, пенестами и кларотами основано на факте военного захвата греками туземцев и военного режима управления ими. Однако, повидимому, ученые заходят слишком далеко в этом отождествлении. Здесь не было элемента ни государственного владения рабами, ни общинной собственности на землю. Об этом свидетельствует и анекдот, приведенный у Афиня, о том, что некий Эфиоп коринфянин, плывя вместе с Архием в Сицилию для основания Сиракуз, променял свой клер, которым он собирался владеть в Сиракузах, на медовую лепешку во время одной пирушки.¹⁹⁰

Собственность на землю и здесь осуществлялась путем

Военного захвата собственников земли и превращения их в рабов. Так поступали обычно основатели греческих колоний, ибо никто из них, конечно, не перевозил с собой в дальние страны рабов с родины. Поэтому и Сиракузы, и Гела, и другие греческие города на первых порах своего существования приобретали рабов из окружающих **их** территорию поселений. И поскольку колонии Сицилии первоначально носили преимущественно аграрный характер, эта подсобная рабская сила использовалась на полях.

Существовала ли здесь отработочная система, как в Спарте, мы не можем сказать, ибо у нас нет ни малейшего намека на условия жизни и работы килликириев в Сиракузах. Важно установить сейчас лишь одно: эти рабы являлись не пассивным, но активным элементом в классовой борьбе сицилийских городов. Им приписывалось в Сиракузах изгнание гаморов из города, на них опирались тираны Гелы и потом Сиракуз, и эти же тираны путем переселения в Сиракузы граждан Гелы, Камарины, Наксосу пытались уравновесить силы правящих группировок.

И хотя памятники Гелы молчат, из самого процесса постепенного расширения сельской территории Гелы и постепенного процесса заселения этой территории видно продолжение борьбы с туземцами в районе Гелы и процесс все большего усмирения враждебных Геле племен.

Овладение периферией Гелы происходило, главным образом, в направлении на восток (к **Дурилло**), ибо здесь земля **была** не заболочена и пригодна к обработке. Здесь, начиная с V в., селились граждане Гелы и деревнями и отдельными укрепленными хозяйствами. Об оседлой жизни гелян на периферии Гелы говорят группы греческих некрополей, причем **среди** погребений среднего типа, скромного по инвентарю, налицо и ряд богатейших для Гелы погребений. Экземпляры лучших аттических ваз V в. до н. э. найдены именно здесь на периферии, а не в городском некрополе.

Таким образом, территория самого города, несмотря на приток населения в VI в. и первой половине V в., почти не увеличивалась; даже во времена своего расцвета территория города ограничивалась вершиной плато; вся территория Гелы не превышала по исчислениям Белоха и Орси 200—250 га. Население Гелы, по мнению тех же ученых, едва ли превышало 30 000 жителей.¹⁹¹ Основным богатством города являлась гельская равнина, плодородие которой было увеличено дренажными работами. Возделывались пшеница, ячмень, бобы и чечевица; из садовых культур — оливки и виноград. На

равнине некоторые места (з ее западной части) были заболочены; у подножья холмов и в болотистых районах раскинулись луга — корм для больших стад и пастбище для коней, которыми славилась аристократия Гелы. В холмистых лесных районах водились олени, кабаны и волки. Основным занятием жителей являлось сельское хозяйство: земледелие и скотоводство.

В процессе своего политического и экономического развития Гела не стала ни крупным торговым рынком, подобно Акраганту или Сиракузам, ни крупной военно-морской базой. Большим недостатком Гелы было отсутствие хорошей гавани. Вероятно именно поэтому тиран Гиппократ выступил впервые с планом объединения всей Сицилии под своей властью, причем столица его государства была перенесена из Гелы в Сиракузы. Последующие тираны проводили ту же самую политику. Однако, русло реки Гелы, несколько искусственно углубленное, давало возможность стоянки не очень большому количеству кораблей. В период создания Гелы это должно было удовлетворять насущные нужды гелян и родосцев.

Как можно видеть из косвенных показаний источников, между Гелой и родосскими городами существовала постоянная связь. Она подтверждается и тем фактом, что колонизация Акраганта была проведена совместными усилиями Гелы и Родоса. Еще более свидетельствует о тесных взаимоотношениях с Родосом архаический некрополь Гелы и архаические некрополи Камира и Ялиса.

В архаическом некрополе Гелы, расположенном сразу же за стенами города, вдоль западного склона холма, и разделенном, вследствие топографических условий местности, на несколько районов, раскрыто более 2000 погребений. Основные надгробные памятники сооружались из глины, так как камень употреблялся только наиболее зажиточными гражданами. Вблизи Гелы не было хорошего камня. В отличие от мегарского и сиракузского некрополей, в Геле почти не встречаются полисомные саркофаги, в которых обычно хоронились (рядом повторных погребений) члены одного рода; наоборот, в Геле, как правило, одна семейная группа погребалась на одной и той же, повидимому, семейной территории, но каждый покойник при этом хоронился индивидуально. В центре такого семейного погребения помещался саркофаг, а над ним и вокруг него располагались другие, более скромные захоронения, так что, как отмечает Орси, создается впечатление, что «каменный ящик предназначался для наиболее почетного члена данной семьи, тогда как другие члены — родные,

дети и рабы — находятся большей частью вне и в стороне от него».

Наиболее распространенными в VII—VI вв. были захоронения в глиняных сосудах различной формы и величины.

Детей хоронили, как и на Родосе, в глиняных сосудах, причем наиболее распространенные в Геле формы кувшинов и амфор налицо и в детских погребениях Врулии.¹⁹³ Судя по погребениям, здесь, как и в Родосе, процент детской смертности был очень высок.¹⁹⁴

Создается впечатление, что массовая детская смертность, особенно в первые 4—5 лет жизни ребенка, являлась следствием антисанитарии, отсутствия ухода, плохих жилищных условий, недостаточного питания и массовых инфекций.¹⁹⁵

В VII в. употреблялись для погребения и рельефные пифосы, которые в Сицилии, кроме Гелы, нигде не встречаются. Здесь особенно наглядно выступает связь Гелы с Родосом, ибо аналогичные рельефные пифосы найдены в большом количестве и в архаических некрополях Камира и Ялиса.¹⁹⁶

Вообще, архаический некрополь Гелы тесно связан по материалу с архаическими некрополями родосских городов, хотя и значительно беднее их по инвентарю. Даже самое общее сопоставление погребального инвентаря Гелы VII—VI вв. с одновременным погребальным инвентарем Врулии, Ялиса и Камира дает общую картину разительного сходства керамических форм и орнамента, а также показывает и общую зависимость погребального ритуала Гелы от ритуала и обрядов родосских городов.¹⁹⁷

Об этой же теснейшей связи говорит и перенесение родосских культов в Гелу и Акрагант. На территории Гелы был храм Афины; на территории Акраганта, на его акрополе, по свидетельству Полибия, находились храмы, посвященные Зевсу Атабирию и Афине Линдии.¹⁹⁸

Ценность Гелы для родосских городов, и в первую очередь для Линды, заключалась именно в плодородии ее района, в возможности закупки сицилийского хлеба; для Линды, бывшего в это время крупным торгово-промышленным центром, являлось очень важным и обеспечить себя хлебной базой в Сицилии и иметь возможность вывозить через Гелу в Сицилию изделия своих мастерских.¹⁹⁹

Сицилийская колонизация раскрывает одну из интереснейших страниц истории раннегреческой колонизации.

При наборе колонистов будущей апойкии вербуемые заранее обеспечивались клером, который им предстояло получить на земле туземцев по жребию. Это обещание

земли усиливало тягу малоземельных элементов в Сицилию, а слухи о плодородии острова¹ вызвали массовый прилив греческого населения в сицилийские города и после их основания.

Характернейшей чертой в истории всех сицилийских колоний является участие в их выводе разных полисов, родов и племен и в результате — пестрый социальный и полисный состав переселенцев. В основании Сиракуз, кроме коринфян, принимали участие аркадяне и элейцы; в основании Леонтин — колонисты из Мегары и Халкиды; в основании Занклы (позднее — Мессины) — куманцы, халкидяне, позже — мессенцы; в основании Гелы — родосцы, критяне, жители мелких островов, соседних с Родосом, и пелопоннесцы.

Линд, владевший большей частью острова (большей, чем совместная территория Ялиса и Камира), обладал, следовательно, и большими людскими резервами, необходимыми для вывода колоний. Городская жизнь Линда была более развитой, чем Камира или Ялиса, в Линде скапливалось больше торгово-ремесленного городского населения, заинтересованного в развитии колонизации; да и классовые противоречия между городом и деревней, как свидетельствуют источники, в Линде были гораздо острее, чем в двух других центрах.

Вследствие этих причин именно Линд возглавил колониационное движение родосцев, которое обслуживалось двумя гаванями: гаванью самого Линда и гаванью Врулии.

В конце VIII в. до н. э. усилилось давление Ассирии на Финикию, в результате чего часть восточных торговых путей для финикийцев была потеряна. VII в. является периодом борьбы за западное Средиземноморье. И не случайно родосцы, пользуясь ослаблением Финикии, всего несколько лет спустя после пятилетней осады Тира Синахерибом, почти одновременно обосновались в Памфилий (Фаселида) и в Сицилии (Гела). И основание родосцами совместно с Гелой новой сицилийской апойки — Акраганта совпадает по времени с осадой Тира Навуходоносором.²⁰⁰

Таким образом, колонизация Сицилии происходила одновременно с двух сторон: с запада финикийцами, с востока — греками, причем и те и другие старались, в первую очередь, утвердиться на побережье, оттесняя туземное население в глубь острова или превращая его в рабочую земледельческую силу.

И в этом лихорадочном соревновании (стоит только вспомнить, что основание Наксоса, Сиракуз, Леонтин, Катаны и Мегары падает на период в 7 лет: 735 г. — основание Наксо-

са, 728 г. — Мегары) двух борющихся сил одновременно решались вопросы будущего владения морскими торговыми путями: несмотря на проникновение отдельных греческих колонизаторских дружин в глубь на запад — в Массилию, на Балеарские острова и, может быть, даже в Испанию, — торговые пути западного Средиземноморья остались за финикийцами, овладевшими западной Сицилией и осуществлявшими контроль над проходом к западу; восточные пути, наоборот, сделались отныне греческими торговыми путями и были навсегда потеряны для финикийцев. Между финикийскими метрополиями и Карфагеном вклинилась инородная и враждебная сила, определившая отныне, в известной степени, и дальнейшие исторические судьбы финикийского оплота на западе — Карфагена.

Одновременно эта внешняя борьба осложнялась внутри Греции конкуренцией и торговым соперничеством наиболее передовых и способных к выводу колоний центров того времени.

Таким образом, хотя сицилийские колонии удержали надолго свой земледельческий характер, самая борьба за Сицилию была торговой и политической борьбой.

Отвод бедноты из городов вызывался ростом социальных противоречий, полисных потрясений, обострением классовой борьбы.²⁰¹

Постоянный приток греческих эмигрантов (во всяком случае, особенно интенсивно отправлявшихся в Сицилию все первое столетие после основания городов) порождал ряд особенностей в росте полисной жизни колоний, в развитии их конституции и истории. Алкивиад, у Фукидида, убеждая афинян не отменять своего похода в Сицилию, говорит: «...густое население сицилийских городов — сборная масса (в подлиннике еще сильнее — чернь, *ὄχλος*); оно легко изменяет свой состав граждан и принимает в их число новых».²⁰² Эта мастерская характеристика Фукидида полностью подтверждается историческим материалом.

Искусственно воссозданный на чужой территории полис не имел тех, вросших в родовое и микенское прошлое, прочных корней, которые были налицо у городов-метрополий. При постоянном приливе новых переселенцев из Греции, в военной силе которых нуждались греческие города Сицилии, все время возникала в той или иной форме проблема расширения гражданских прав. Новые переселенцы не могли удовлетворяться положением метеков и вследствие своей аграрной заинтересованности и вследствие того, что они не могли приравнять

«новую аристократию» — сборных граждан Сиракуз, Мегары, Наксоса, Гелы — к исконной родовой аристократии Спарты, Коринфа или Афин. Отсюда и легкость междоусобной борьбы между старыми и новыми колонистами, отсюда же легкость переброски граждан одного города в гражданский коллектив другого.

Таким образом, классовая борьба в сицилийских полисах приняла резкие формы уже вскоре после их основания.

Борьба в Леонтинах между мегарянами и халкидянами, например, началась с момента основания этой колонии; сначала те и другие действовали сообща против миролюбиво настроенных сикулов; затем путем предательства были изгнаны и мегаряне.²⁰³ Здесь тесно переплетались и внутрисоциальная борьба и столкновения межполисных противоречий.

Классовый характер тираний Клеандра, Гиппократа и Гелона (все трое — граждане Гелы) в Сицилии выражен очень ярко.

В Греции тираны обычно были гражданами тех городов, в которых они захватывали власть; иначе — в Сицилии. Здесь сперва выявилось стремление к объединению всей греческой Сицилии под единой властью. Граждане Гелы Гиппократ, а затем и Гелон, перенесли столицу в Сиракузы, становятся гражданами Сиракуз. При Гелоне половина гражданского населения Гелы и Камарины перебрасывается в Сиракузы, наделяясь сиракузскими гражданскими правами; после падения тирании Фрасибула все эти граждане возвращаются в свои полисы и восстанавливают старые гражданские права.²⁰⁴

Зажиточное население побежденной Мегары Гелон включает в число сиракузских граждан; вместе с ними получают гражданские права и 10 000 наемников тирана. Беднота города была продана на рабских рынках вне Сицилии, ибо Гелон боялся использовать ее в Сицилии и не считал возможным принять ее в Сиракузы, боясь обострения классовой борьбы в своей столице.²⁰⁵

Такая легкость насильственного перемещения граждан одного полиса в другой еще более усиливала пестрый состав населения не только в Сиракузах, но и в других городах, где толпы наемников включались тиранами в состав граждан.²⁰⁶

«Ни одно из сицилийских государств, — читаем далее у Фукидида, — не имеет достаточного вооружения, какое бывает у людей, защищающих свое отечество; своей страны они не снабжают достаточными средствами обороны; каждый рассчитывает, с помощью ли убедительных речей или в междоусобной распри, захватить что-либо из общественного достоя-

ния и готовится, в случае неудачи, переселиться в другие земли. Невероятно, чтобы такого рода сброд единодушно принимал какое-либо предложение или общими силами брался за дело. Кроме того, у сицилийцев нет такого числа гоплитов, которыми они кичатся...».²⁰⁷

В эту внутривоиную и межполисную борьбу включились и сикулы. Порабощенные гаморами в Сиракузах, они прогнали их, вместе с беднотой, в Касмены. Геродот прямо называет их: «Гаморы были изгнаны народом и их рабами, называемыми киллирийцами».²⁰⁸ Только Гелон вернул гаморов обратно в Сиракузы.

Согласно Полиену, мы можем думать, что уже начиная с Клеандра стал широко практиковаться обычай привлекать сикулов в качестве наемников для борьбы с другими греческими городами.²⁰⁹ Эти же сикулы-наемники позже пополнили гражданский состав греческих городов.

Всякое ослабление тирании вызывало немедленную борьбу граждан и иноземцев, ставших гражданами.

Таким образом волнения, полисные, внутривоинные и межполисные схватки и восстания одной части населения против другой потрясали сицилийские города на протяжении всей их самостоятельной истории — начиная с возникновения и до гибели их политической независимости.

Только в тех случаях, когда массовый приток переселенцев в новую колонию вскоре после ее основания ослабевал, становилось возможным создать более прочное полисное объединение. Так, например, в Массилии во времена Страбона существовал давний олигархический строй, возглавлявшийся синедрионом из 600 пожизненных членов тимухов (из среды которых и выбиралась затем коллегия пятнадцати). Право гражданства охранялось здесь очень строгим законодательством. Для вхождения в сословие тимухов очень долгое время наряду с имущественным цензом действовал ценз происхождения: тимухом мог стать лишь гражданин Массилии, являющийся законным сыном родителей, которые насчитывали в своей родословной не менее трех поколений граждан.²¹⁰

Причина этого чрезвычайно резко подчеркнутого аристократизма правящих Массилией тимухов становится особенно понятной в свете истории сицилийских колоний. Возможной она стала здесь потому, что Массилия никогда не была средоточием многих переселенческих волн, как это имело место в греческой Сицилии.

Понятна и военная слабость сицилийских городов и ранняя форма тираний: рано возникнув, сицилийская тиранья

становится, с одной стороны, образцом, которому подражают в IV в. до н. э. многие тираны других греческих городов; с другой стороны, сицилийская тирания не является здесь кратковременной и преходящей, как в Греции, формой правления; возникнув в конце VI—начале V вв. до н. э., сицилийская тирания просуществовала вплоть до конца независимости этого острова.

3. КИРЕНА

В истории греческой экспансии на юго-запад колонизация Кирены стоит, до некоторой степени, особняком.

Первоначальное заселение Кирены было, повидимому, связано с вытеснением дорийцами из Пелопоннеса додорийского (ахейско-фессалийского) населения из районов Лаконии и Аркадии.²¹¹ Первые поселенцы обосновались в Кирене на одном из двух высоких холмов, разделенных между собой узкой, но глубокой долиной, а именно на холме более крутом и изобилующем источниками.²¹²

В VII в. до н. э. (около 631 г.) произошла вторичная колонизация Кирены дорийцами с о. Феры; она связана с заселением второй, более пологой и ровной вершины.

По Геродоту, выделение колонистов с о. Феры не были добровольным.²¹³ В результате неурожая и начавшейся эпидемии (может быть, чумы) общее собрание граждан постановило произвести путем жребия выселение с острова части жителей. Повидимому, изгнанные граждане не имели определенного плана, поскольку, после блужданий, они сделали попытку вернуться на родину, где им, однако, не разрешили высадиться. Не сразу попали колонисты на побережье Африки. Самая высадка их была сопряжена с опасностями; традиция сохранила смутные воспоминания о множестве львов, с которыми сразу же пришлось столкнуться вновь прибывшим грекам.²¹⁴

Вождем ферейских колонистов был, согласно традиции, Аристотель-Батт, принявший на себя царский титул ливийцев, переосмысленный греками в собственное имя. Здесь пришельцы застали древнее додорийское население Пелопоннеса, уже сильно смешавшееся с ливийцами. Может быть, как предполагает Мальтен, именно дорийцы и стали именовать эту группу населения сыновьями Антенора, Антеноридами.²¹⁵

Согласно Пиндару, на территории Кирены ко времени дорийской колонизации жило древнее население, ελασιπлов εθνος, вскоре смешавшееся с дорийцами.²¹⁶ О браках киренцев с ли-

вийцами сообщают и Геродот и Пиндар.²¹⁷ По Геродоту, из Феры в Ливию вообще прибыли только мужчины.

Довольно быстро здесь образовалось смешанное население, как об этом, по указанию Студнички, свидетельствует бронзовая голова из Кирены, находящаяся сейчас в Британском музее.²¹⁸ О том же свидетельствуют нередкие в надписях негреческие, по большей части ливийские, имена.²¹⁹ Однако полного смешения прибывших греков с ливийской племенной средой не произошло.

Конечно, установленная здесь царская власть, как указывает самый ливийский царский титул Βάττος,²²⁰ повидимому, носила восточный характер.²²¹ Однако налицо и стремление самих Баттиадов утвердить генеалогически свою связь через Евфема и Лемнос с Гераклом, Пелопоннесом и амазонками (после неудачной попытки возвести свой род к Одиссею).²²² Таким образом, власть Баттиадов в Кирене становилась властью греческого рода Евфемидов. Греческий характер населения был утвержден и авторитетом дельфийского жречества, признавшего основание этой колонии делом Апполона.

Повидимому, и греки и киренцы были обоюдно заинтересованы в сохранении друг с другом постоянных связей. Участие киренцев, в качестве греков, в Пифийских играх также подчеркивает эту связь. Несомненно, что связи с этой колонией, славившейся шерстью, силфием и коньями, представляли для греков большой экономической интерес.²²³ Из Кирены же в Грецию могли поступать и ливийские рабы.

Стремление киренцев расширить свои владения за счет соседних территорий уже на ранних этапах вызывало постоянную борьбу с ливийскими племенами.²²⁴ Именно эта борьба стала причиной третьей колонизации Кирены при Батте Счастливым (II). Геродот сообщает, что при Батте I и его сыне Аркесидае первоначальное население колонии не увеличивалось. Но при третьем правителе Кирены, Батте II, Пифия побуждала всех эллинов плыть в Ливию для совместного поселения с киренцами, и киренцы, в свою очередь, призывали греков «с целью раздела земли».²²⁵

Таким образом, новой колонизации предшествовала, согласно Геродоту, агитация Дельф и самих киренцев, проводимая в широких размерах среди материковых и островных греческих полисов. В результате предварительной подготовки, сопровождавшейся обещанием богатых земельных наделов, в Кирену, по Геродоту, незадолго до 570 г. до н. э., прибыли в большом количестве новые колонисты.²²⁶ Их прибытие сопровождалось волной новых завоевательных войн, вследствие чего

ливийцы, теряя земли и подвергаясь обидам, обратились за помощью к царю Египта Априесу.²²⁷

Сообщение Геродота, нашего единственного источника в этом вопросе, позволяет думать о внутренней борьбе старых и новых колонистов: последние, получив участки земли, повидимому, не были уравнены в правах со старым населением города.²²⁸ В результате была создана новая политическая организация Кирены, приписываемая мантинейскому реформатору Демонакту.²²⁹ Повидимому, как это можно понять из дальнейшего рассказа Геродота, победа новых поселенцев объяснялась и их многочисленностью и необходимостью дальнейшей борьбы с ливийцами, незадолго перед этим одержавшими победу.

Тогда-то и были созданы в Кирене три филы (мойры): 1) Фереи, куда вошло и местное оседлое ливийское население (периэки); 2) пелопоннесцы и критяне; 3) островитяне.²³⁰

Таким образом, из объединения разных греческих элементов, на базе традиционно-дорийского разделения на три филы, возникла община киренцев, возглавляемая, как и прежде, родом Баттиадов. Самое разделение на мойры, повидимому, было территориальным: старое киренское ядро колонистов и ливийцев оставило одну мойру; вторую — критяне и пелопоннесцы, с которыми у киренцев существовала давняя связь, и третью — островитяне; среди последних, повидимому, большую роль играли ливийцы.

Участие родосцев в повторной колонизации подтверждается и надписями. После открытия «Храмовой хроники Афины Линдии» удалось полностью восстановить уже ранее известную надпись IV в. до н. э.:

«Потомки Панкия киренцы Афине Линдии десятую часть и начатки».²³¹

В XVII главе ливийской хроники мы читаем о посвящении киренскими ливийцами Афине Линдии изображения Афины и Геракла, душившего льва, причем это изображение было сделано из лотоса:

«От ливийцев, тех, что вместе с детьми Панкия основали Кирену при Батте...».

Аналогичная надпись была, по свидетельству Тимахида, в на самом посвящении. Источником Тимахида служила здесь хроника Ксенагора.²³²

Начиная с IV в. до н. э., во всех греческих метрополиях выступает ясно выраженная тенденция к оживлению старых колонизационных связей.²³³ И в ливийской хронике бывшие колонии родосцев заняли почетное место, с подчеркнутой

ролью Линда в их основании. В случае с Киреной также налицо стремление представить ее колонизацию, как предприятие ливийцев. Поскольку остальные островитяне здесь совершенно не упомянуты и поскольку говорится об основании города ливийцами (οικίζαντες σὺν Βάττωι, κτίσαντες σὺν Βάττωι[и...]), создается впечатление, что здесь имеется в виду древнейшая колонизация при Батте I, а не при Батте II, как предполагает Блинкенберг.

Конечно, это преувеличение искажало историческую действительность: в колонизации Кирены дорийцами с о. Феры ливийцы не могли принимать участия. Сообщение Геродота гораздо ближе к истине. Но для Линда и для родосцев было важно в этот период подчеркнуть древность своих связей с городом и, более того, изобразить Линд метрополией Кирены.

И если мы сравним текст ливийской хроники с посвященной ливийской надписью, то заметим, что в одном случае упоминаются Πάνκιος εγγονοί, а в другом — Λίνδιοι τοῖς μετὰ τὸν Πάνκιος παίδων; таким образом, в одном (достоверном) случае речь идет о сравнительно узком круге потомков Панкия, а в другом — о группе ливийцев, возглавленных сыновьями Панкия. Группа эта мыслится, повидимому, довольно многочисленной, если ей, совместно с Баттом, приписывается основание Кирены. Умолчание о других элементах, которыми руководил Батт, также очень характерно для этого, типичного в хронике, искажения исторической правды. Та же тенденциозность сказывается и в стилизации самого предмета посвящения под местную продукцию Кирены.

И все же в этом несомненно преувеличенном сообщении имеется зерно исторической правды. Связь Кирены с родосскими городами, в частности и с Линдом, в VI в. до н. э., подтверждается еще одной надписью.²³⁴

В IV в. до н. э. в Камир прибыли из Кирены Телефан и Исон, имея с собой заверение от города в том, что они являются потомками некоего Феодора, которому камирцы, по неизвестной нам причине, предоставили в полное и наследственное распоряжение 30 мин; это, повидимому, имело место еще в VI в. до н. э.²³⁵ Решение камирцев, записанное на черепке, хранилось в архиве святилища Афины Линдии. Старейшие из потомков Феодора — Телефан и Исон, явившись в Камир, востребовали эти деньги; последовало новое постановление, с распоряжением казначею выдать, в погашение долга, 300 драхм.

Как уже отмечал Сегре, странным является и самый способ предоставления денег Феодору и его потомкам и то, что

в течение столь долгого времени эта сумма оставалась не востребованной.²³⁸ Однако последняя возможность как будто бы предусматривалась заранее, поскольку на черепке, хранившемся в линдийской храме, было специально оговорено это денежное обязательство камирцев не только перед Феодором, но и перед его потомками.²³⁷

Независимо от того, был или нет Феодор некогда гражданином Камира, этот документ свидетельствует о каких-то деловых связях с Киреной, имевших место в конце VI в. до н. э., т. е. в период колонизации «островитянами» Кирены. Связь вновь восстанавливается в IV в. до н. э. с прибытием в Камир потомков Феодора.

Есть некоторые следы и связей Ялиса с Киреной. Об их сношениях свидетельствуют находки в ялисском архаическом акрополе образцов лаконско-киренской керамики.^{23,4} Одна и тетрадрахм Кирены V в. до н. э. (Британский музей) представляет соединение монетных гербов Ялиса и Камира.²³⁹

Ранняя связь родосских городов с Киреной могла осуществляться и через Египет, ибо во времена правления Априеса и, особенно, Амасиса, эта колония была столь тесно связана с Египтом, что в основу ранней киренской монетной системы был положен египетский весовой стандарт.²⁴⁰

4. ДАФНЫ И НАВКРАТИС

С давних времен дельта Нила была «раем пиратов», краем невиданного греками плодородия, краем изобильных хлебных и фруктовых урожаев, краем, где первоначально, по утверждению Аппиана, помешались «острова блаженных». После отражения Мернептахом натиска «народов моря» отдельные пиратские набеги на Египет не прекращались. Уже в «Одиссее» Египет достаточно известен как заманчивая добыча для пиратских набегов.²⁴¹ Известна была и широкая река, «текущая с неба», хотя имя ее в «Одиссее» еще не названо.²⁴² Пираты, в вымышленном рассказе Одиссея, обезумели от богатства нового края и, забыв об осторожности, стали грабить поля и похищать женщин и детей.

Жители Эгейского бассейна, преимущественно греки, и у Геродота характеризуются как *χαλιβαίονες κατά λιπήν εχλάδιον*

Псаметиху I, по Геродоту, принадлежит мысль использовать этих греческих, ионийских и карийских пиратов в качестве наемников для борьбы с Ассириец.

Такова начальная история непосредственного знакомства греков с Египтом.

Пираты, превращавшиеся в наемников, становились ценной военной силой. Их качества выражены яснее всего в том же рассказе Одиссея Евмею, где дана мастерская характеристика пирата того времени:

С мужеством бодрым Арей и богиня Афина вселили
Мне болюбие в сердце; не раз выходил я, созавши
Самых отважнейших, против врагов злонамеренных в битву;
Мыслью о смерти мое никогда не тревожилось сердце;
Первый напротив всегда выбегал я с копьем, чтоб настичь
В поле противника, мне уступавшего ног быстротою.
Смелый в бою, полевого труда не любил я, ни тихой
Жизни домашней, где милым мы детям даем воспитанье;
Островесельные мне корабли привлекательней были;
Бой и крылатые стрелы и медноблестящие копья,
Грозные, в трепет великий и страх приводящие многих,
Были по сердцу мне—боги любовь к ним вложили мне в сердце. 244

«... Вы трепещете, словно птицы. Вы не знаете, что нужно делать. Никто не сопротивляется врагу, и наша покинутая земля предоставлена вторжениям всех народов. Враги опустошают наши врата. Они проникают в поля Египта... Они прибывают бесчисленные, как змеи, и нет сил оттолкнуть их назад, этих презренных, которые любят смерть и презирают жизнь и сердце которых радуется нашему разрушению...»²⁴⁵

Как показывает последний памятник, впечатление от этих закованных в медь людей было очень сильным. Пиратские дружины, привлеченные в египетское войско, в боевом отношении превосходили египтян.

Отряды наемников использовались и для борьбы с Сирией и для походов в Эфиопию. Память об одном из таких далеких южных походов времени Псаметиха II сохранила нам греческая архаическая надпись в Абу-Симбеле на колоссе Рамсеса II.

Среди отдельных семи имен первой группы надписей ясно читается третьим именем Телеф ялисец и седьмым неразборчивое *ομλυσοβ*, в котором Малле склонен видеть также этническое *ο 'Ιαλύσιος*, следующее за стертым от времени личным именем.²⁴⁶

Эти наемники, оставившие свои имена на Абу-Симбелском колоссе, ко времени похода в Эфиопию были уже своими людьми в стране, как²⁴⁷ показывают некоторые смешанные греко-египетские имена.

Телеф ялисец также был наемником, попавшим с Родоса в Египет задолго до общеродосского синоизма.

Замкнутость Египта до периода правления саисской династии, таким образом, допускала возможность непосредствен-

ных сношений для греков только либо в форме пиратского набега, либо в форме службы в наемном войске.

Этим, может быть, и объясняется заметка Диодора, что египетские цари до Псаметиха делали недоступной страну для всех иноземцев, убивая или превращая в рабов людей, высадившихся в устье Нила.²⁴⁸

Греческие наемники были поселены²⁴⁹ в виде отдельной колонии в Дафнах и Стратопедах²⁵⁰ для защиты египетского Истма — выхода на Аравийский полуостров, т. е. для защиты самого уязвимого с давних пор и самого опасного для независимости страны пограничного района. Таким образом, Дафны были расположены между Суэцким перешейком и Дельтой, где и до сих пор проходит, как отмечает Петри, торговый караванный путь из Сирии в Египет.²⁵¹

Раскопки Петри обнаружили здесь большую крепость и рядом с нею лагерь военного гарнизона. И сама крепость и лагерь были обнесены мощной стеной (50 футов толщины), сложенной из высушенного кирпича и теперь полностью разрушенной. За крепостной стеной, на равнине, непосредственно примыкающей к укреплению, постепенно рос город, занимавший к концу существования Дафн уже большую площадь.²⁵² Он мог легко вместить, по мнению Петри, 20 тысяч человек. Население города в основном обслуживало, повидимому, нужды наемного войска, жившего в лагере, и состояло, таким образом, из торговцев, ремесленников и моряков. Этнический состав населения предполагается очень пестрым: греки, карийцы, финикийцы, иудеи и египтяне.

Конечно, город возник не сразу. Но уже с самого основания Дафн влияние греков стало расти и со времени Псаметиха²⁵³ фараоны все больше становились «филэллинами».

Уже Априес имел около 30 тысяч наемников — ионян и карийцев, — и в конце концов эта зависимость его власти от иноземного войска вызвала в стране туземную реакцию, приведшую к власти Амасиса.

Таким образом, поселение греческих наемников в чужой стране стало, с одной стороны, базой дальнейшей, так называемой «филэллинской» политики фараонов и, во-вторых, это поселение стало с течением времени базой непосредственного общения Египта с греческим миром. Петри напоминает, что Геродот, посетив Стратопеды, уже необитаемые в его время, лично видел «следы корабельных стоянок и руины домов».²⁵⁴ Повидимому, Стратопеды были не пограничной крепостью, но колонией ветеранов, отслуживших свой срок и обзаведшихся

семьями. По предположению Кука,²⁵⁵ Стратопеды были как бы пригородом Дафн, расположенным к югу от них.

Эта колония поставляла в Дафны новые кадры наемников уже полугреческого (вследствие смешанных браков) происхождения и более тесно связанных со своей новой родиной. Отсюда же могли набираться и кадры переводчиков.²⁵⁶

Греческие наемники в Дафнах (как позже и греческое население Навкратиса) жили замкнуто и изолированно. Их поселения были как бы повернуты лицом к северу, к греческому островному и материковому миру, и спиной к Египту. Во внутренней жизни страны они принимали участие лишь по команде и на стороне того, кто оплачивал их услуги и наделял землей. Они охотно служили у Априеса, а затем, после падения последнего, у его политического соперника Амасиса.

Несмотря на пополнение армии родившимися в Египте, в Стратопедах или в Дафнах, детьми колонистов и туземных женщин, ощущение родственной связи не исчезало, ибо фараоны уже систематически вербовали в Эгейском районе все новые и новые кадры.

Когда позже в дельте Нила Навкратис стал пополняться греками, то между Дафнами и Навкратисом не образовалось никакой внутренней связи, ибо эти два центра были отделены друг от друга большой площадью, заселенной египтянами, с которыми греки не имели внутреннего контакта. Поэтому даже и в этот, более поздний период, оба поселения были открыты, в основном, лишь в сторону Греции.²⁵⁷

К сожалению, в настоящее время мы совершенно не в состоянии установить контингент и точные этнические подразделения наемников Дафн и Стратопед. В Абу-Симбелской надписи из семи имен²⁵⁸ только три дают названия городов: Ялис, Теос и Колофон.

Геродот сообщает о том, что наемниками Псаметиха были карийцы и ионийцы, поселенные двумя лагерями друг против друга на берегах Нила.²⁵⁹ Это подтверждается и справкой у Стефана Византийского, который, ссылаясь на Аристагора, говорит о двух районах Мемфиса — эллинском и карийском, — жители которых, вследствие эпиграмии, назывались эллиномемфитами и каромемфитами.²⁶⁰

Но хотя мы не можем для этого времени установить ни способа подбора пиратских греческих и других (карийских, иудейских) дружин, ни системы набора этих наемников, можно думать, что привлеченные на службу в Египет греки в значи-

тельной своей части состояли из островитян и жителей малоазийского побережья.

Несомненно и то, что это первое групповое проникновение греков в Египет мало походило на переселенческие волны колонистов VII—VI вв. до н. э.

Пираты-наемники прибывали в Египет, конечно, без семей и имущества, имея иногда целью грабеж, и не думали о поселении в стране. Можно думать, что превращение пиратов в наемников не было безболезненным процессом на условиях свободного договора. Легенда, переданная Геродотом, о превращении в Египте грека в раба, может быть, косвенным и искаженным образом отражала именно этот элемент первоначального, не вполне добровольного, заселения.

Несомненно также, что браки пиратов с туземными женщинами должны были носить массовый характер. Тот факт, что не все имена наемников на Абу-Симбелском колоссе сопровождаются именем их родного города, показывает, что для второго поколения, рожденного в Египте, полис отца переставал быть родиной.

Наемники, сосредоточенные в Дафнах, жили, повидимому, лагерем. За крепостной стеной была воздвигнута цитадель в несколько этажей, разделявшаяся в каждом этаже на 16 частей. Здесь же обнаружена разбитая иероглифическая стела, посвященная «богу Мину в его храме». Царь, имя которого не сохранилось, напоминает, что «вода Нила была проведена Нит, чтобы дать жизнь его солдатам». Среди остатков ритуальных предметов и инструментов найдено много пластинок из золота, серебра, ляпис-лазури, яшмы, сердолика и известняка с именами и титулами Псаметиха. Вход в эту цитадель устроен был с северо-запада, образуя узкую дорожку, удобную для защиты от неприятеля.²⁶¹

Жилища солдат и офицеров располагались вокруг цитадели, тоже внутри крепостной стены. Об этом свидетельствуют многочисленные обломки оружия и других предметов.

Несомненно, что сосредоточение наемников внутри крепостной стены под командой египетских военачальников и в присутствии египетского гарнизона говорит о строгом контроле жизни иноземцев в чужой стране.

Однако фараоны Саисской династии не могли помешать возникновению в районе Дафн и гражданского населения: семьи наемников, ветераны селились вблизи крепости, за ее стенами, образуя пестрый этнический конгломерат. Для обслуживания этого все увеличивающегося населения возникали

мастерские, изготовлявшие керамику, оседали купцы, привозившие греческие товары и продававшие их на базаре.

Греческие наемники продолжали пользоваться привычными для них предметами обихода, окружать себя привычными культовыми принадлежностями, вооружаться более совершенным железным оружием. Это вызывало потребность в импорте. Греческие города, в первую очередь Кипра и Родоса, получили, таким образом, новый рынок для сбыта своих товаров. Так и в этом районе, ранее закрытом для греков, появляются греческие купцы, нанося первый удар финикийской торговле в Египте.

За пределами крепости Петри обнаружил много остатков греческой керамики и терракот, восходящих к VII в. до н. э. Наряду с импортом товаров извне, здесь возникали и местные греческие мастерские, работавшие на потребителя. Керамика, производившаяся, по предположению Петри и Маллена на месте, невольно наталкивает на мысль о преобладающем влиянии родосских центров.

Одной из своеобразных особенностей керамики Дафн является широкое употребление глиняных ситул. До того времени такая форма сосуда была распространена лишь в Египте, где ситулы обычно отливались из бронзы. Уже и раньше возникло мнение в том, считать ли глиняные ситулы сосудами работы египетских мастеров, как думал Петри,²⁶³ или отнести их к греческому подражанию египетским моделям. Теперь, после находок глиняных ситул на Родосе (Врулия²⁶⁴ и Ялис²⁶⁵), греческое происхождение сосудов уже не вызывает сомнений. Анализируя ситулы, найденные в Дафнах, Кинк обнаружил тесную связь между ними и особым видом кувшинов и амфор, найденных во Врулии. Разительное сходство рисунка и способа орнаментации, однотипность растительного орнамента (пальметки и лотоса) привели Кинка к выводу, что как ситулы Дафн, так и ситулы Врулии представляют собою продукцию родосских гончаров в Египте или даже на самом Родосе.²⁶⁶

В последних по времени раскопках ялесского некрополя Якопи обнаружил в двух погребениях 2 ситулы, еще более разительно схожие с аналогичными сосудами Дафн. В тех и других полностью совпадает общая композиция орнамента. В простом врулийском некрополе орнаментальная композиция сосудов была гораздо скромнее и проще и не имела фигурного рисунка в своей верхней части. Если на ситулах Дафн мы видели изображение ликийской химеры и крылатого грифона с человеческой головой, то здесь имеем изображение борода-

того всадника на лошади (находящего себе аналогию терракотовых статуэтках Дафн и Родоса), (рис. 28), и изображение явно стилизованной (по типу египетского рисунка) женщины: ноги и лицо изображены в профиль, тело и руки en face. Женщина, повидимому, держит в руке цветок лотоса. Уже

Рис.28. Ситула из ялесского некрополя.

Мэррей высказывал догадку, что отдельные сюжеты ваз и ситул Дафн подчинены интересам сбыта и изготовлялись с учетом вкуса потребителей. Если крылатый человек со змеиным телом и женщина с лотосом были заимствованы из египетского репертуара с греческим их переосмыслением, то всадник на лошади (кентавр? Беллерофонт?), отраженный в ряде вотивных статуэток, имел какое-то определенное культовое значение, тогда как химера должна была угождать Екусам карийско-ликийского элемента лагерей.²⁶⁷

И здесь виден тот же процесс подражания ходким, имеющим спрос, сосудам, цель которого чисто практическая: обеспечить хороший сбыт продукции.

Наличие глиняных ситул только в Дафнах и на Родосе (нигде более они пока не обнаружены) является, с нашей точки зрения, бесспорным доказательством и присутствия родосского элемента в Дафнах и активности торгово-ремесленного населения родосских центров.

Не только в ситулах сказывается сходство керамики Дафн и Родоса: наличие так называемых фикеллюра-ваз, сосуды ориентализирующего стиля с поясами онагров и гусей, очень просто орнаментированные гидрии, встречающиеся и в Дафнах и в родосских погребениях VI в. до н. э., ряд терракот (из которых одна, найденная Петри в Дафнах, и другая, найденная Зальцманом в Камире, полностью повторяют друг друга), изображение однотипной женской головы в профиль (может быть, головы сирены), — все это, по нашему мнению, говорит о преобладании родосского импорта в Дафны и о наличии в Дафнах мастерских, подражающих родосским образцам.

О тесной связи родосских городов, и в первую очередь Линда, с Египтом можно высказать еще и другие соображения.

На территории Линда приблизительно в первую треть VII в. возникает, как проводник колонизационной экспансии Родоса, транзитный переправочный пункт — Врулия, возникает одновременно с основанием Гелы родосцами²⁶⁸ и с начавшимся движением родосцев в Дафны. Наибольшего своего процветания Врулия достигает во время правления в Египте Псаметиха I и прекращает свое существование с концом колонизационной экспансии.²⁶⁹

По своему торгово-транзитному значению в ранней истории острова для периода процветания Линда, Врулия была своего рода «маленьким южным Родосом». Обилие керамики родосского происхождения показывает, что сюда стекались изделия общеостровных родосских мастерских для обмена и вывоза их по разным направлениям. Кроме того, там же существовали и местные керамические мастерские. Сухопутные дороги связывали Врулию со всем островом. Одна из них вела по западному побережью острова к Камиру, вторая по восточному побережью — к Линду, а третья тропинками шла в глубь материка.

Вначале Врулия не была укреплена, но затем, повидимому, для защиты от нападения пиратов, построили укрепления, подробно исследованные Кинком. Таким образом, связанная с островом сухопутными путями Врулия становилась центральной эмпорием для экспорта товаров в южном, юго-восточном и юго-западном направлениях.

На морском побережье дема Каттавии, на территории которого расположена Врулия, Кинк отмечает наличие трех рынков: «Один из них представляет собою всего лишь плоский и открытый берег, находящийся на западной стороне в небольшом расстоянии от поселка. Другой — Племмерийская бухта, на восточной стороне, в двух часах от Каттавии. Третий образован бухтами и берегами Врулии, в 1 1/2 часах ходьбы от поселка, и мелкой якорной стоянки на восточной стороне о. Нисы. Именно Племмерийской бухтой, достаточно обширной и легко доступной, пользуются чаще всего жители Каттавии в настоящее время; этим путем они экспортируют избыток своих богатых жатв».²⁷⁰

Эти якорные стоянки, замечает далее Кинк, особенно интересны тем, что они находятся на пути, во-первых, между Линдом, Критом и Сицилией, где в 690 г. до н. э. была основана Гела, и, во-вторых, между Египтом, Сирией, Кипром и Ионией, северной Грецией и островами Эгейского моря. Здесь, и в

особенности в проливе между Карпафом и Родосом, с июня по сентябрь дуют непрерывные пассатные ветры, облегчающие парусную навигацию. Таким образом, Врулия, являлась последней стоянкой для кораблей, идущих из Архипелага к устьям Нила или в Сирию.

Как мне кажется, археологические данные позволяют вскрыть следующую картину взаимоотношений Дафн с родосскими городами:

а) все родосские города, возглавляемые Линдом и входившие в Гексаполис, действовали вполне единодушно;

б) керамические находки Дафн и некрополей Врулии, Ялиса и Камира позволяют предполагать наличие торговых связей Дафн и Родоса в VII в. до н. э.;

в) при первой возможности проникновения в Египет при Псаметихе среди греческих наемников в Египте оказываются и родосцы;

г) одновременно с проникновением и Египет родосцы проникают и в Сицилию, стремясь, таким образом, обеспечить себе выгодное торгово-транзитное положение на пересечении торговых путей;

д) проникновение греков в Египет одновременно является важным этапом борьбы с финикийским импортом товаров; и здесь родосские мастера в целях лучшего сбыта своих товаров прибегают к воспроизведению сюжетов, наиболее ходких среди карийско-ликийских наемников, и к имитации в глине ситул, распространенных в Египте. Глиняные ситулы, более дешевые, чем бронзовые, должны были иметь большой спрос и у смешанного греко-иудейско-египетского населения Стратопед, а может быть, и в соседних с наемниками туземных районах;

е) это все как будто бы говорит о большой заинтересованности родосских городов в установлении постоянных связей с Египтом и о стремлении сделать эмпорий в районе Дафн базой своего преобладающего влияния.

Однако неожиданно для греков произошли события, уничтожившие значение Дафн как эмпория. После борьбы с Априесом Амасис, захватив власть в свои руки, уничтожил Дафны как базу наемных войск.

Туземная реакция, возведшая Амасиса на трон, повидому, выдвигала политическое требование — передать защиту страны туземным египетским войскам. Дафны, как военный центр чужеродной армии наемников, поддерживавших Априеса, вызывали естественную ненависть местного населения и руководящей знати.

В этот период политическим лозунгом страны стал возврат к традициям прошлого времени: периоды древнего и среднего царства возводились в политический идеал, в «золотой век» Египта.²⁷¹ В искусстве и литературе замечаются архаизирующие тенденции.

Амасис, конечно, не мог отказаться от содержания наемников в Египте, но он должен был, с одной стороны, удовлетворить требования египетской реакции и ливийского войска каким-то резким актом по отношению к грекам; с другой стороны, беспрепятственное развитие греческой торговли и привилегированное положение греческих купцов в Египте нужно было взять под государственный контроль, обеспечив за собой руководящую роль в стране и подчинив греков египетской государственной и налоговой регламентации.²⁷²

Тот резкий удар, которого ждала от Амасиса туземная реакция и ливийская армия, был нанесен Дафнам.

Греческие и карийские наемники Дафн были переселены в Мемфис, в отведенные для них, согласно Аристагору, особые кварталы города. Стратопеды были разрушены и опустели. Посетивший их в V в. до н. э. Геродот видел уже только руины домов и развалины пристаней.

В крепостной цитадели Дафн обосновались отныне ливийцы, не нуждавшиеся в греческом импорте и с ненавистью относившиеся к греческим купцам. Связь с Дафнами у греческих городов была неожиданно оборвана. Греческим кораблям больше не разрешалось причаливать в районе Дафн.

В дельте Нила был установлен новый и на долгое время единственный эмпорий.

В жизни родосских городов начался новый этап — этап борьбы за Навкратис. По свидетельству Геродота, Навкратис был основан 12-ью греческими городами, повидому, уже в конце VII в. до н. э. В его основании участвовали Хиос, Теос, Фокея, Клазомены, Родос, Книд, Галикарнасс, Фаселида, Эгина, Самос, Милет и Митилены.²⁷³

Геродот, лично побывавший в Навкратисе, говорит, что Амасис приезжающим в город элинам εδοξε Ναυκρατίου πόλιν ενοικησαι.²⁷⁴ Тем самым, указывает Принц, Геродот считал, что это место уже до Амасиса называлось Навкратисом. Иначе Геродот сказал бы: εδοξε πόλιν ενοικησαι и должен был бы продолжить: «который они назвали Навкратисом» или что-нибудь в этом роде, если бы здесь речь шла о совершившемся новом основании города.²⁷⁵

Кук также считает, что текст Геродота говорит не об основании греками Навкратиса, но о поселении здесь грече-

ских купцов, произведенном Амасисом. Предположительными ее причинами, по Куку, могли быть: недоброжелательство к грекам, лучшая организация торгового контроля и контроля над иностранцами и предоставление монополий только греческой общине Навкратиса. Дата его основания — неясна, но термин *το παλαιόν* предполагает, что это было рано.²⁷⁰

Время превращения Навкратиса в общегреческий эмпорий спорно: от 650 г. до н. э. до 615—610 гг. до н. э. Во всяком случае, конец VII в. засвидетельствован находками уже совершенно твердо.²⁷⁷

Самое местоположение Навкратиса способствовало его развитию как торгового центра. Он находился недалеко от новой египетской столицы — Саиса; во время нильских разливов, когда вся страна покрывалась водой и люди в городах были обречены на бездеятельность, создавались особо выгодные условия для активной торговли. «Когда Нил наводняет страну, — свидетельствует Геродот,²⁷⁸ — одни только города видны на ее поверхности, подобно островам в Эгейском море; весь остальной Египет превращается в море, и только города на его поверхности; когда это происходит, корабли не плавают больше по руслу реки, но — напрямик по равнине».

Таким образом, из Навкратиса можно было плыть, во время разлива, по спокойным водам равнины вплоть до Мемфиса и далее — до Верхнего Египта. В этом отношении Навкратис обладал наиболее выгодными преимуществами по всей Дельте.²⁷⁹

Из греческого двенадцатиградия наибольшие следы, повидимому, оставили Милет, Хиос, Эгина²⁸⁰ и Гексаполис, возглавляемый Линдом. Роль Эгины, повидимому, была только посреднической: через нее в Навкратис шла продукция материковой Греции и в первую очередь (для раннего периода) Коринфа.

Роль Хиоса и хиосской керамической продукции в Навкратисе была, вероятно, очень велика. Раскопки Куруниотиса (1914—1915)²⁸¹ и Ламб (1934)²⁸² в хиосском храме Аполлона Фанейского дали фрагменты местной геометрической керамики с белой облицовкой, тесно связанные с так называемой навкратийской продукцией и по времени предшествующие ей. Конец VII в. и VI в. до н. э. представлены уже непосредственно навкратийскими сосудами хиосского происхождения. Таким образом, то, что до сих пор обычно считалось керамикой местного навкратийского производства, может быть, на самом деле является хиосской продукцией. Хиос мог быть непосредственным поставщиком так называемой

навкратийской керамики в Навкратис; кроме того, и в самом Навкратисе могли производить эту керамику обосновавшиеся там хиосские гончары.²⁸³

В связи с этим роль Навкратиса в греческих торговых отношениях VII—VI вв. должна подвергнуться переоценке. Вообще представляется более вероятным, что Навкратис, во всяком случае в первые века своего «греческого» существования, был в основном лишь греческим эмпорием, где, конечно, могли обосноваться и греческие мастерские, сохранявшие и художественные традиции и стиль работы своих отечественных полисов. Трудно предположить, чтобы Навкратис, являвшийся долгое время базой конкурирующих друг с другом городов, мог одновременно стать активным участником этой торговой борьбы, а не пассивным ее проводником. Иначе говоря, трудно предположить, чтобы уже в начале своего существования Навкратис мог стать обычного типа греческим полисом, т. е. единым коллективом граждан, объединенных чувством локального патриотизма. Признание за Навкратисом его собственного, выработанного его мастерами стиля непременно должно было бы повлечь за собой и признание его политического и экономического единства. На это у нас нет достаточных оснований, во всяком случае для первого или даже первых столетий его жизни.

Сейчас, до более обстоятельного знакомства с результатами последних хиосских раскопок, окончательно решить поставленный вопрос не представляется возможным. Несомненно одно: тесная связь Хиоса с Навкратисом и сильнейшее хиосское влияние на так называемую навкратийскую керамику. Милет и родосские города (особенно Линд) также тесно связаны с историей и развитием навкратийского эмпория.

До сих пор вопрос о разграничении керамической продукции этих городов в науке остается неразрешенным. Если раньше основным центром производства этой группы керамики считался Милет²⁸⁴ и самый стиль ранних греческих сосудов с ориентализирующей росписью назывался чаще всего «милетским», «родосско-милетским»²⁸⁵ или «родосско-ионийским»,²⁸⁶ то теперь все чаще употребляется термин «родосская» керамика,²⁸⁷ хотя и берут определение в кавычки, как условное.²⁸⁸

Во всяком случае, не решая проблемы, я отмечу лишь, что вопрос об истоках того или другого стиля не представляет чрезвычайной важности для историка; все эти города находились между собой в столь оживленных сношениях и в такой территориальной близости, что художественный стиль (и

даже отдельные детали того или другого стиля) одного центра немедленно подхватывался другими центрами, особенно, если сосуды, расписанные в этом стиле, находили хороший сбыт на рынках периферии.

Остров Родос и в рассматриваемый период, как и в предшествующие, был и оставался одним из важных центров керамического производства; раскопки Врулии и последовавшие затем раскопки некрополей Ялиса и Камира позволили с большой долей уверенности выделить для этого раннего периода группы ваз, без сомнения, родосского происхождения.²⁸⁹ Родосская керамическая продукция могла широко распространяться и Милетом и самими родосскими купцами в колониях Милета, ибо трудно предположить, чтобы Милет мог удовлетворять нужды своих многочисленных колоний изделиями только своих мастерских.²⁹⁰

Конечно, Милет пользовался продукцией разных мастерских. Но в то же время Милет в этот ранний период перехватил и многие из бывших финикийских факторий. Подобно тому как финикийцы подражали в своих мастерских наиболее ходким изделиям египетской, ассирио-вавилонской и малоазийской продукции, милетяне, в тех же целях наиболее выгодного сбыта, могли копировать в своих мастерских наиболее ходкие товары.²⁹¹

Прибавим к сказанному воздействие на керамическую продукцию ранних мастерских, изготовлявших восточные яркие ковры и ткани; последние употреблялись не только в одежде частных лиц, но изобиловали в святилищах для убранства первоначальных древних статуй (ксоанов) из дерева и камня. Восточным тканям, влияние которых устанавливает Маюри для одной из керамических тарелочек родосского музея,²⁹² подражали и в керамическом и в текстильном ремесле.

Текстильные мастерские Милета, широко распространявшие свою продукцию наряду с восточными тканями, непосредственно доставлявшимися в Грецию, могли оказывать довольно сильное воздействие и на развитие местного текстильного ремесла и на красочную роспись сосудов ориентализирующего стиля. Это, вероятно, тоже один из источников родства росписи Родоса и Милета.

Роль Милета в основании Навкратиса достаточно известно. На пути захвата в свои руки финикийских торговых факторий именно Милет должен был обосноваться здесь раньше других греческих городов. С этим согласуются и наши исторические источники.²⁹³ Милетяне были, повидимому, первыми торговыми поселенцами в туземном Навкратисе, воздвигшими здесь

Μιλκράτις, которое, являясь торгово-военной факторией, таким образом, лишь предваряло дальнейшее заселение греками Навкратиса.

Эдгар, на основании материала своих раскопок и предшествующих археологических исследований Петри и Гарднера, считает, что и до Амасиса в Навкратисе уже были иноземцы и существовал торговый обмен между этим городом и Грецией.

Навкратис резко членится на две части: северную — греческую и южную — туземную. Более древней частью города являлась его южная туземная часть.²⁹⁴ Греческий Навкратис с его узкими извилистыми улицами и культовый округ греческих божеств образовывали северный район города. В южной части находился, повидимому, и военный гарнизон, контролирующий жизнь всего города, в том числе и его северный район.²⁹⁵

Южный Навкратис позднее жил замкнутой жизнью, и между греческим и туземным районами города связи почти не существовало; греки оставались инородным телом в Египте, и правители страны и жречество, видимо, искусственно поддерживали рознь между египтянами и греками. Как усматривается из одного свидетельства Геродота, еще и в его время существовал ряд религиозных запретов для египтян в общении с греками.²⁹⁶

Однако заселение Навкратиса греками началось именно в южной его части, ибо там раскопками были обнаружены фрагменты греческой керамики и греческие надписи,²⁹⁷ хотя и в незначительном количестве по сравнению с преобладающим здесь туземным материалом.²⁹⁸ Остатки Μιλκράτις не обнаружены.²⁹⁹

Проникновение греков в город было постепенным и началось задолго до воцарения Амасиса, может быть, еще при Псаметихе.

Навкратис, как показывает и его туземное имя (Пиетро),³⁰⁰ был сначала египетским городом или крепостью. Его положение у входа в Ливию и близость к Саису, резиденции Псаметиха и последующих представителей саисской династии, придавали ему важное военное значение оборонительной крепости на подступах к Саису.

Поскольку Псаметих пользовался услугами ионийских наемников, Малле остроумно полагал, что первыми греками в Навкратисе и были именно эти наемники, которым поручили защиту столицы. Это предположение, может быть, подтверждается наличием объясненного Б. А. Тураевым титула «на-

чальника греков» в саисском саркофаге верховного жреца Иуфи, родившегося при Псаметихе II и жившего при Априесе (VI в. до н. э.).³⁰¹

Эти наблюдения Тураева продолжены А. Роу в его статье о двух египетских полководцах времени Псаметиха II и Априеса — Потасимто и Амасиса, имена которых впервые встретились нам в надписи на Абу-Симбелском колоссе.³⁰²

В титулатуру Потасимто — начальника наемников — входят наряду с другими, титулы «начальника иностранцев», «надзирателя за иностранцами», «начальника греков», «начальника солдат», «великого воина», «господина триумфов», «жившего 110 лет».

В титулатуру Амасиса, командовавшего египетской частью войска в нубийском походе, входят титулы: «начальник солдат», «посланник царя», «сражавшийся на его стороне во всех иноземных странах», «начальник двух крепостей на северных границах».³⁰³

Самое многообразие титулатуры Потасимто показывает, что в его функции входило не только высшее военное командование (великий воин, господин триумфов), но и командование ливийскими войсками (начальник над солдатами), и войсками наемников, среди которых греки составляли важную и особую часть. Потасимто назван и начальником иноземцев и начальником греков; кроме того, специальным термин надзирателя за иностранцами показывает, что в его функции входил и надзор за всеми иноземцами, проживающими в Египте, или прибывающими туда.

Амасис, повидимому, полководец более низкого ранга: он командовал лишь местной ливийско-египетской армией и был начальником двух, может быть, тоже туземных, крепостей на севере. Это подтверждается и тем, что в нубийском походе, где, наряду с ливийскими войсками, участвовали и наемники Дафн, он командовал лишь ливийской частью войска.

Таким образом, с одной стороны, мы видим, что уже со времени Псаметиха и Априеса наемные армии в Египте были многочисленны и что наряду с греками там было много и негреческих (иудейских, малоазиатских) наемников. Эти наемники формировались в особые отряды, не смешиваясь с египтянами и ливийцами.

И, вероятно, не только Дафны были их местопребыванием, но, может быть, и Навкратис и другие, имеющие военное значение, крепости.

Несмотря на военную изолированность этих войск, быто-

вая изолированность в то время ощущалась значительно меньше, чем позже, при Амасисе.

Смешанное население Стратопед, наличие гарнизона в южной (туземной) части Навкратиса, смешанные греко-египетские имена второго поколения наемников, — все это говорит о том, что замкнутость Египта нарушалась и совместной жизнью местного и иноземного населения на одной и той же территории и широко распространенными смешанными браками.

В чем выражались функции «надзирателя над иноземцами», т. е. над невоенным контингентом оседающих в Египте иудеев, карийцев, финикийцев и греков, — сказать трудно. Однако, самое наличие такого надзора говорит о какой-то регламентации жизни иноземного населения в Египте.

Таким образом, как нам кажется, положение греков и других иноземцев в Египте было более свободным при Априесе, чем при Амасисе, и они имели большую свободу передвижения и поселения на территории страны. Это создавало известную угрозу не только ливийской армии, положение которой, как отмечает акад. В. В. Струве, резко ухудшилось, но и угрозу наводнения Египта иноземцами, а вместе с ними чуждыми стране верованиями и бытом. Поэтому-то туземная реакция «и вылилась в открытую и вооруженную борьбу против «иноземного засилья».

Подчиняясь туземной реакции, Амасис не мог, однако, окончательно порвать с греками. Они были нужны в предстоящей борьбе с Персией, в которой, как известно, греки и сыграли важную роль. Однако, Амасис не мог и продолжать политику своих предшественников, не подорвав своего престижа. Этим и объясняется его сложная политическая игра, его тонкая дипломатия, заслужившая ему славу «филэллина»³⁰⁴ и одновременно с этим ряд мероприятий внутри страны, ограничивших возможность стихийного распространения греков и роста их влияния в Египте.

Таким образом, ко времени правления Амасиса, в Навкратисе имелся уже греческий элемент, связанный, повидимому, с основной и тогда единственной южной частью города. Это подтверждается и тем, что все постройки северной части города не старше VI в. до н. э. То *Μιλῆσιων τεῖχος*, которое, согласно Страбону, милетяне воздвигли до основания Навкратиса, вероятнее всего находилось здесь же — в южной части города.

Поэтому естественно, что внимание Амасиса после Дафн обратилось к Навкратису и здесь, как уже говорилось, он

провел вторую реформу, непосредственно касавшую греков: „дал заселить город Навкратис“, т. е., иначе говоря, ограничил распространение греков в Египте территорией Навкратиса. Эта же реформа сосредоточила отныне в городе представителей различных греческих общин, ибо Амасис предумышленно предоставил возможность свободного поселения не каким-либо определенным полисам, но греческим полисам вообще.

Следовательно, Навкратис, по мысли Амасиса, должен был стать ареной столкновения конкурирующих торговых интересов всех заинтересованных в связях с Египтом полисов. Прямая связь греческих полисов и наемников была нарушена. Соперничающие друг с другом города должны были еще более чутко относиться к нуждам и запросам Египта, стараясь превзойти друг друга в обслуживании египетских государственно-экономических интересов. Кроме того, эта конкуренция мешала Навкратису стать единым монолитным целым, стать подлинным полисом, в греческом понимании этого слова.

После смерти Априеса из Навкратиса были, повидимому, удалены финикийцы. Место финикийцев отныне было занято представителями греческих торгово-ремесленных городов.

Вполне вероятно, что концентрация греков преследовала также и податные цели, как можно заключить, правда, из более позднего памятника — из Навкратийской стелы.³⁰⁵

Вилькен не без основания толкует десятипроцентную пошлину на все ввозимые в Египет товары, введенную Нектанебом во время войны с Персией, лишь как некоторое повышение уже существовавшей пошлины.³⁰⁶ Может быть, как предполагает Ганн, речь шла также о повышении налога, существовавшего и раньше,³⁰⁷ на всю продукцию ремесленных мастерских Навкратиса.

Отведение для поселения греков особой территории и наличие запретов для общающихся с ними туземцев, по нашему мнению, свидетельствуют о стремлении изолировать коренное население от влияния иноземцев и, таким образом, отойти от более либеральной политики предшествующих фараонов.

Может быть, и самое переселение наемников с их семьями из Дафн в Мемфис было вызвано стремлением Амасиса изолировать этих полуиноземцев-полуегиптян от остальных наемнических кадров и растворить этот реальный остаток политики прежних фараонов в гуще египетского населения.

Следуя указаниям Геродота, подтвержденным навкратий-

скими посвятельными надписями на сосудах, три города имели свои особые теменосы в Навкратисе: Милет — теменос Аполлона, Эгина — теменос Зевса и Самос — теменос Геры.³⁰⁸ Девять греческих полисов образовали общий теменос — эллион. В число этих полисов входил и Родос, представленный тремя автономными городами — Линдом, Ялисом и Камиром.³⁰⁹ Местоположение эллионии в северной части города прочно засвидетельствовано многочисленными посвящениями «богам эллинов» или «эллинским».³¹⁰ Как уже отмечалось, «эта необычная форма свидетельствует о сложном характере колонии, которая была вынуждаема к единству перед лицом своих варварских соседей».³¹¹

Повидимому, на территории эллионии были расположены и теменосы отдельных греческих божеств (как показывают керамические посвятельные надписи — теменосы Артемиды, Геры, Афродиты, Диоскуров, Аполлона, Посейдона, Афины³¹² и общий теменос «греческих богов».³¹³ Интересно отметить, что наряду с надписями, нацарапанными на поверхности сосуда самими жертвователями, имеются и надписи, сделанные краской одновременно с росписью сосуда при его изготовлении; очевидно, специальные мастерские (как предполагает Кук — хиосские) заранее изготовляли эти посвятельные сосуды для потребителей.

Города, представленные в эллионии, назначали, согласно Геродоту, простатов эмпория — политических и торговых представителей этих городов. Простаты эмпория оставались дипломатическими представителями своих полисов, не входя в местную администрацию города; магистраты самого города Навкратиса назывались, вероятно, тимухами.³¹⁴

В торговой жизни Навкратиса, повидимому, большую роль играли переводчики-греки, облегчавшие сношения с местным населением. Один из родосских декретов около 410 г. до н. э. от имени «всех родосцев», т. е. Линда, Камира и Ялиса, дарует наследственное звание проксена родосцев переводчику эгинетянину, проживающему в Навкратисе,³¹⁵ поскольку этот переводчик из Эгины оказывал важные услуги родосцам в налаживании систематической торговой связи с туземцами. Этот проксен родосцев был (по предположению акад. С. А. Жебелева) представителем интересов Эгины, т. е. одним из простатов эмпория, о которых говорил Геродот. Знание египетского языка сделало его популярным лицом не только среди осевших в городе, но и приезжавших туда греков. Это и вызвало желание родосцев, заинтересованных в торговле с Египтом, видеть переводчика своим проксеном.

Второй декрет — декрет Линда, найденный уже на территории самого Навкратиса,³¹⁶ тоже касается проксении; в нем Дамоксен, сын Гериона, бывший гражданином Линда и переселившийся на постоянное жительство в Египет, назначается прокоеном линдийцев.³¹⁷

Последняя надпись особенно интересна. Именно межполисный характер Навкратиса (как это отмечает и С. А. Желелев) позволил линдийцам, отступив от правила (по которому проксен обычно не состоял гражданином избравшего его города),³¹⁸ назначить проксеном своего же линдийца. Далее, повидимому, тот же межполисный (может быть, лучше сказать, многополисный) характер Навкратиса, давал возможность грекам, окончательно переселившимся в Египет, сохранять гражданство своего города.

Таким образом то немногое, что мы знаем о внутренней структуре раннего Навкратиса, позволяет нам предположить, что она отличалась большим своеобразием и соответствовала интересам не одного какого-нибудь ведущего полиса, но интересам разных полисов, в нем представленных.

Обратим внимание еще на одно обстоятельство. Милет, Самос и Эгина имели в Навкратисе свои особые храмы, и, следовательно, эти же города имели в районе храмов и свои особые рынки.

Как показывают посвятельные надписи на сосудах, культ Аполлона не стал общегородским, но продолжал оставаться только культом милетян;³¹⁹ так же, вероятно, обстояло дело и с культом Геры Самосской и Зевса Эгинского.

Остальные 9 городов основали эленион, который, по свидетельству Геродота, был самым большим, самым знаменитым и наиболее посещавшимся святилищем в Навкратисе. Состав городов, основавших эленион, небезинтересен. Хиос, влияние которого в Навкратисе, как указывалось, было чрезвычайно значительным, являлся в 600 г. до н. э. демократическим полисом с сильно развитыми торговыми связями. В древности он известен к тому же как первый рабский торговый рынок в Греции. На его монетах чеканились изображения амфор и виноградных лоз, указывающие на основные предметы сельскохозяйственного экспорта.

Роль Хиоса в развитии античного искусства в это время была также передовой: он являлся родиной знаменитого скульптора Архерма, которому приписывали изобретение крылатой Ники; сыновья его прославились, в свою очередь, как искусные мастера в драпировке статуй богов.

Лежащие по соседству на малоазийском побережье Теос,

Фокея и Клазомены тоже представляли собою в этот период передовые в экономическом отношении города.

Теос, по мысли Фалеса, должен был стать центром ионийской федерации для сопротивления персам.

Фокея была знаменита своим флотом и дальними мореплаваниями; Массилия, а позже и Алалия, на Корсике, были колониями Фокеи.

Клазомены, о конституции которых мы ничего не знаем, славились в VII—VI вв. до н. э. производством саркофагов и темнофигурной росписью ваз, которая прочно вошла в керамическую живопись разных греческих центров и была предшественницей чернофигурной росписи аттических ваз.

Эолийские Митилены на о. Лесбосе в VII—VI вв. до н. э. были одним из передовых греческих городов. Это — родина Сапфо, Алкея и одного из семи греческих мудрецов — Питтака. Связи Митилен с Навкратисом подтверждены свидетельством о брате Сапфо — Хараксе, поставлявшем туда вино.

Остальные города — Линд, Камир, Ялис, Книд, Галикарнасс — были членами дорийского шестиградия, основанного в качестве противовеса союзу ионийских городов.

Это шестиградие, в котором действовали в полном единодушии три родосских города, проявляло большую активность в западной колониационной политике; в его цели входил захват основных хлебных рынков и, в частности, колонизация всей Сицилии; но цель была достигнута лишь частично вследствие внешнеполитических обстоятельств.³²⁰

Несомненно, что руководителями дорийского шестиградия и вдохновителями его активной торгово-колониационной политики были родосские города во главе с Линдом.

Фаселида, входившая в эленион, также являлась ликийской колонией Линда.

Таким образом, в навкратийском эленионе были представлены 5 городов шестиградия и Фаселида; иначе говоря, политика шести городов (из девяти входивших в эленион) была окрашена родосским влиянием.

Самое возникновение элениона говорит о каком-то союзе, о каком-то объединении этих 9 городов, из которых самыми влиятельными были, повидимому, Линд и Хиос.

Храмы и рынки элениона должны были в известной мере парализовать, в первую очередь, влияние ближайших и опасных конкурентов — Милета и Самоса, затем, может быть, и Эгины и противопоставить авторитету отдельных изолированных общин авторитет объединенного эленионом девятиградия.

Роль Милета в основании Навкратиса и его истории заслуживает, по нашему мнению, особого внимания.

По сообщению Страбона, основание в дельте Нила, недалеко от Саиса, первого греческого поселения в Навкратисе не было мирным. Милетяне основали *Μιλήσιων τεῖχος* после борьбы с Инаром и после морской победы над ним. Тут же Страбон дает и датировку: *κατὰ Κυαξάρη δ'αυτοῦ ην τὸν Μηδῶν*.³²¹ Самое указание Страбона на прибытие в Египет при Псаметихе 30-ти кораблей на сражение и на основание Милетской крепости напоминает обычную для первоначальной колонизации картину. Прибытие вооруженных колонистов на кораблях, борьба с туземцами и основание поселения, окруженного крепостной стеной, было обычным в тех случаях, когда колонизация данного района представлялась желательной для греков и нежелательной для местного населения. Аналогичную картину мы, например, встречаем на берегах Сицилии при основании Гелы.

Упоминание о Киаксаре и датировка события его именем не случайны; В. В. Струве обратил мое внимание на то, что имя Киаксара встречается здесь в первые после Геродота.³²²

Колонизационное вторжение милетян в Египет произошло, по видимому, в период правления Псаметиха I (654—610 гг. до н. э.) в Египте и Киаксара в Мидии (он уже правил в 607 г.; начало его правления, может быть, относится к 625 г. до н. э.).

В этот период Египет поддерживал ослабевшую Ассирию против Мидии; силы в Малой Азии также были разделены: возможно, что, пользуясь ослаблением Ассирии, в конце VII в. начинает агрессивную политику против греческих городов Лидия; Милет вступает в борьбу с Лидией и тем самым оказывается втянутым во враждебные отношения с Египтом; Мидия дружелюбна малоазийским грекам; таким образом создается сложный узел внешнеполитических связей: Мидии и Милета, с одной стороны; Ассирии, Лидии и Египта — с другой.

Возможно, что и Родос, поставлявший Египту наемников, и, без сомнения, главенствовавший в Дафнах, противодействовал Милету. Конкуренция Родоса с Милетом, выражавшаяся и в создании Гексаполиса, как бы противопоставленного Паниониону ионийских городов, и позже — в создании элениона в Навкратисе, куда не вошли ни Милет, ни Самос, ни Хиос — города Паниониона, могла сказаться и в самом факте основания *Μιλήσιων τεῖχος*, как базы милетян в противовес родосской базе в Дафнах.

Тот факт, о котором уже говорилось, что между Дафнами и Навкратисом не было связи (а связь по морю, казалось, естественно должна была бы существовать) тоже, говорит в пользу нашего предположения, ибо в период существования Дафн и первоначального (до Амасиса) заселения Навкратиса милетянами Родос и Милет оказывались в двух политических враждующих лагерях.

Предоставление Амасисом всем грекам равных прав для заселения Навкратиса должно было ослабить первоначальное значение Милета. Родосские города возглавили Панэлленион.

Таким образом, навкратийский эмпорий долгое время был заселен греками разных городов, сохранявших гражданство своих полисов и живших как бы маленькими колониями со своими простатами и проксенами. Несомненно, что соперничество и острая конкуренция на рынках Навкратиса и за его пределами³²³ давали себя чувствовать на каждом шагу.³²⁴

С другой стороны, греки Навкратиса были объединены совместной жизнью на одной территории, окруженной населением, им чуждым и по образу жизни, и по религии, и по языку, населением, которое противостояло им, как нечто монолитное, целое и враждебное. Это не обычного типа колониальная периферия, откуда греки могли приобретать рабов и где они себя с самого начала чувствовали хозяевами-победителями. Здесь они являлись лишь гостями, допущенными хозяевами страны на свою территорию с точным обозначением черты оседлости.

Все это требовало от греков, сколь бы ни были разны их желания и устремления, некоего объединения; и наличие тимухов в качестве высших должностных и административных лиц Навкратиса, может быть, вызывалось как раз этой необходимостью объединения; наличие такого рода лиц вызывалось также необходимостью иметь сношения с чиновниками царя, а может быть, и с самим царем, принимать их указания и проводить их в жизнь для всего населения города.

Эта же совместная жизнь облегчала обмен и техническим и художественным опытом различных мастерских, а также обмен культурными традициями разных полисов.

Поэтому можно с некоторой долей уверенности предполагать, что существование навкратийского эмпория должно было в значительной мере способствовать выработке той общегреческой *κοινῆ*, которая создается в период ориентализирующего стиля.

Кроме того, большую роль начинает играть в жизни гре-

ческих полисов Египет, с которым греки теперь вступили в тесные, непосредственные сношения.

Египет был богатейшим поставщиком хлеба, льняных тканей и одежд, алебаstra, стекла, натра, соли, квасцов, мазей и благовоний, а также золота, слоновой кости, шкур и т. д.³²⁵ Возможно, что он, кроме того, был поставщиком и рабов-негров, изображения которых встречаются отныне в вазовой живописи восточной и греческой работы.³²⁶

Мемфис и Навкратис были двумя главнейшими центрами изготовления стекла³²⁷ — одной из древнейших отраслей египетского ремесла. Стекланная посуда (алабастры, амфориски, энохои), бусы, ожерелья, серьги, кольца, украшения одежды из цветного стекла в большом количестве вывозятся в Грецию. Навкратийские мастерские, изготовлявшие стекло, работали исключительно на экспорт. И если саисский период почти ничего не дал самостоятельного, творчески нового (лишь подражания в основном сосудам и украшениям XVIII династии), то в смысле массового производства он явился своего рода поворотным пунктом в истории непосредственных сношений с греческим миром.

Египетское стекло путем транзитной торговли проникает в самые отдаленные районы средиземноморской и черноморской периферии. На северо-западе вдоль берегов Роны и Саоны — на Рейн, Сену, Луару и Гаронну; на север от Черного моря, как отмечает Киза,³²⁸ египетское стекло проникало в районы от Ольвии до Киева.

В Навкратисе греки учатся этому новому мастерству у египтян; и если Павсаний позднее говорит о голубых флаконах и пурпурных лесбосских кубках IV в. до н. э., то стекольная промышленность на о. Лесбосе (также, может быть еще в более развитых формах, на о. Родосе) берет свое начало именно в Навкратисе.

Изделия из египетского фаянса, фигурные бальзамари, скарабеи, изделия и сосуды из алебаstra получают широкое распространение у греков и вызывают многочисленные подражания. Центром изготовления этих изделий и экспортером их был Навкратис.

Для нас скарабеи являются важнейшим свидетельством раннегреческой торговли с Востоком.³²⁹ Уже Петри обратил внимание на неегипетский характер изображений многих, в том числе и навкратийских, скарабеев; они являются изделиями людей, более знакомых с греческой вазовой живописью, чем с иероглифами.³³⁰

Современные исследователи считают, что родиной этих

псевдоегипетских изделий был Навкратис. Самый район наибольшего распространения названных изделий (острова Эгейского моря, Южная Италия и Сицилия) свидетельствует «об исключительном положении, которое приобрел Навкратис уже в первые десятилетия своего существования в греческом торговом обмене».³³¹

Особенно многочисленные находки изделий из египетского стекла, фаянса, сосудов из алебаstra, египетских и псевдоегипетских скарабеев на Родосе с несомненностью свидетельствуют о тесной связи острова с Навкратисом и оживленном торговом обмене родосских городов с дельтой Нила.

Фуртвенглер в своем исследовании об античных геммах отмечал успех распространения скарабеев в греческом мире.³³² Однако из амулетов, обладающих магической силой, они превращаются в украшения, служащие часто печатями.

Повидимому, уже в навкратийской мастерской скарабеев намечаются отклонения от традиционной египетской формы: изображение жука заменяется головой негра, барана или летящего льва.

Здесь же религиозная египетская традиция в изображении божеств в форме более или менее твердо установленных религией замещающих их зверей уступает место или простому подражанию, или свободному творчеству в геометризованном или ориентализирующем стилях. Э. Бушор³³³ считает родиной первоначальных изображений негров именно Навкратис. Именно здесь, возможно под непосредственным впечатлением первых встреч с черными людьми, вместо жука на скарабее давалась голова негра, выполненная, как показывают скарабеи, опубликованные Петри,³³⁴ очень реалистически.

Петри отмечал полную аналогию скарабеев, найденных на Родосе, с навкратийскими.³³⁵ Последние находки итальянских археологов еще более подтвердили эту аналогию.

Скарабеи, найденные в погребении Камира³³⁶ и на камирском акрополе,³³⁷ обнаруживают большое сходство со скарабеями Навкратиса. Таковы скарабеи с изображением грифонов, сфинксов, кошки, птиц, воинов и скарабеи с растительным и геометрическим орнаментом, все — падающие на саисский период.³³⁸

Однако наряду с этими скарабеями имеется ряд других, египетского происхождения с иероглифами: «родственник царя», «Царь Верхнего и Нижнего Египта», «Истина в жизни», или «Воистину живущий».³³⁹ Кроме того, налицо и группа скарабеев, не встречающаяся в Навкратисе: с надпи-

сями, подражающими египетскому иероглифическому письму, но лишенными смысла.³⁴⁰

Возможно, что производство этих скарабеев было местным, родосским: мастера подражали египетским подлинникам, не обладая нужными для этого знаниями языка.

Любопытно, что Б. А. Тураев, при рассмотрении скарабеев, найденных на о. Березани, отмечал в свое время те же характерные и для этой группы скарабеев черты: «Это были, — писал он, — скорее имитации египетских скарабеев; в одних случаях они безграмотно копировали иероглиф, вдруг даже брали чисто греческие сюжеты, благодаря которым скарабеи скорее напоминают вазовую живопись, чем египетское искусство».³⁴¹

Таким образом, скарабеи, обнаруженные в большом количестве в погребениях Камира и на камирском и линдийском акрополях, являются уже явным свидетельством оживленной связи между Родосом и Навкратисом.

Погребения Камира архаического периода также указывают на сильнейшие связи с Египтом. Особенно показательно в этом отношении одно детское погребение в большом рельефном пифосе на территории Макри Лангони. Это погребение, насчитывающее более 43-х предметов с архаической коринфской керамикой VII—VI вв. до н. э., наряду с коринфскими арибаллами, самосским лекифом и небольшими вазочками содержат алабастр и ряд фаянсовых изделий: статуэтку музыканта, играющего на двойной флейте; статуэтку мальчика на коленях с пальцем у рта; фрагмент женского бюста; статуэтку Аписа; статуэтку, напоминающую гиппопотама; статуэтки кошек; 2 статуэтки фаянсовых маленьких львов, из которых одна изображает микроскопического льва на иероглифической базе; скарабеи, 3 фаянсовых глаза; небольшой фаянсовый кувшинчик египетского типа с изображением на одной стороне летящего скарабея, а на другой — аиста.³⁴² Вообще в камирских архаических некрополях более 50-ти погребений включают в себе предметы из египетского фаянса (бусы, статуэтки, скарабеи, арибаллы, алабастры, амфориски, энохои, пиксиды и другая фаянсовая посуда); погребений с алабастрами еще больше. Конечно, далеко не все фаянсовые изделия могут быть признаны несомненно египетскими; в некоторых случаях можно с уверенностью говорить о подражании египетским образцам и даже о смешении стилей (египетского, вавилонского).³⁴³ Но сильное влияние Египта и внедрение в обиход родосцев египетских изделий и подражаний им остается несомненным.

Группа родосских скарабеев, подражающих иероглифическому письму, непосредственно сближается со скарабеями Березани. Наличие в Березани большого количества сосудов так называемого «родосско-милетского» стиля заставляет нас думать о непосредственном влиянии Родоса на распространение этих египетских и псевдоегипетских изделий в районы Причерноморья.

Наше предположение как будто бы подтверждается и находкой в Березани, на Родосе и в Навкратисе сходных между собой египетских фигурных ваз из алабастра, описанных и изданных Б. В. Фармаковским.³⁴⁴ Наличие этих ваз, датированных VI в. до н. э. (т. е. как раз периодом оживленной связи Родоса с Навкратисом), на о. Березани и на Родосе опять как будто бы скорее говорит в данном случае о Родосе, как одном из важных центров распространения египетских и навкратийских изделий в тот период. Вполне возможно, что и на путях, ведущих к Северному Причерноморью, имела место торговая борьба Родоса с Милетом.

Очень интересную иллюстрацию к сказанному дают обнаруженные на камирском акрополе итальянскими археологами в большом количестве вотивные фаянсовые статуэтки, изображающие египетских богов (более 40): Нофртум, Исида, Шу, Бес-Пта-Озирис, Бес, Хатор, Гор, Хнум, Сехмет. Некоторые из статуэток и пластинок из слоновой кости снабжены иероглифическими надписями.³⁴⁵

Находки этих статуэток на акрополе не поддаются точной датировке, однако в сопоставлении с обилием египетских изделий в погребениях эти находки приобретают определенный смысл.³⁴⁶ Может быть, здесь, на камирском акрополе, существовали храм или святилище, посвященные египетским богам.

Если уже и раньше, после раскопок Зальцмана и Билюотти, Биссинг приходил к выводу, что центрами распространения псевдоегипетских и египетских изделий по всему греческому миру были Родос и Кипр,³⁴⁷ то теперь его предположение получает дальнейшее подкрепление.

О значительной роли Родоса в торговле с Египтом свидетельствует и сообщение Геродота о посылке Амасисом даров в Кирену, Самос, Спарту и на Родос.³⁴⁸ Самый выбор Амасисом названных городов, конечно, не случаен. Блинкенберг в своих комментариях к линдийской храмовой хронике указывает, что дары Амасиса Кирене тесно связаны с внешней политикой саисского правителя в отношении этого города.³⁴⁹ В исторической традиции Кирена была связана с событиями,

возведшими Амасиса на престол.³⁵⁰ Спарта получила дары как представительница пелопоннесцев и критян; Самос и Линд — как представители островитян. Если предположение Блинкенберга справедливо, то Амасис должен был сделать эти подношения вскоре после своего вступления на престол.

Тот факт, что в списке городов мы не встречаем Милета, закономерен, ибо, как кажется, внешняя политика Амасиса и превращение им Навкратиса в общегреческий эмпорий свидетельствуют о его враждебности к Милету; форпостами египетского влияния на развитие общегреческой торговли были близкие соседи и конкуренты Милета — Родос и Самос.

В дар Афине Линдийской Амасис послал 2 каменные статуи и замечательный льняной панцырь, вытканый золотом и отделанный бахромой; каждая прядь этой ткани состояла из 360 отдельных нитей, различимых для глаза.³⁵¹

Если Самос, возглавлявшийся Поликратом, был в это время одним из сильнейших морских государств, то и Родос играл в жизни эгейского района не меньшую роль как выдвинутый к Малой Азии и сильный на море союз трех городов, возглавляющих дорийское шестиградие.³⁵²

В то время активная колонизационная деятельность родосских городов, и особенно Линда, направленная и на запад и на восток, выдвигала о. Родос на первый план, как один из наиболее сильных и авторитетных центров Эгейского моря. Политика родосских городов во все периоды их самостоятельного существования была направлена на расширение связей и дружбы с Египтом.

В конце VIII—начале VII вв., как устанавливают работы Т. Н. Книпович³⁵³ и А. А. Иессена,³⁵⁴ северный причерноморский хлебный рынок, ставший впоследствии на очень долгое время главным центром хлебоснабжения для Греции, еще не был открыт грекам. Только во второй половине VII в. до н. э. греческие колонисты оседают на Березани; только со второй половины VI в. возникают греческие колонии на Черноморском побережье, обеспечивая поступление в Грецию, в первую очередь, местного хлеба.

Колонизация греками Сицилии и Южной Италии вызывалась этой же необходимостью — обеспечить хлебный рынок.

Потому-то роль Египта, как богатейшего поставщика зернового сырья в Грецию, в рассматриваемый период была огромной.

Близость Египта к Греции, более удобные пути сообщения с ним, чем с Сицилией, и возможность свободной торговли через Навкратис со всей страной — обеспечивали регулярную доставку хлеба в эгейский и малоазийский районы. Кроме

того, Египет был поставщиком льняных тканей разнообразного качества — от дешевых до очень дорогих (гобеленовых),³⁵⁵ алебаstra и алебастровых изделий, соли, квасцов, масла, мазей и благовоний; путем транзитной торговли Египет поставлял золото, слоновую кость, кожи, ароматические вещества и т. д.³⁵⁶

Поскольку правители саисского Египта стремились возродить политическое могущество страны, восстановить и расширить торговые пути Среднего царства и создать новую эру процветания, постольку они были заинтересованы в услугах и греческих и иудейско-финикийских наемников.

В изменившейся международной ситуации того времени они не могли игнорировать греков, захвативших в свои руки важнейшие торговые пути восточного Средиземноморья.

Внутренняя политика саисских фараонов сохраняла свой проегипетский характер. Подражание старине в искусстве, литературе и религии, возвращение к образцам среднего царства, гордость своими древностями, наличие запретов для египтян в их сношениях с греками и вообще неегиптянами, ограничение расселения греков территорией Навкратиса, — все это являлось результатом продуманной политики, позволявшей саисским правителям опираться на египетскую знать, на жречество и даже отчасти на ливийские войска.

С другой стороны, развитие военной и торговой экспансии Египта вызывало необходимость опираться на иудейско-греческие слои наемников.

Уже при Псаметихе I (654—610 гг. до н. э.) и Нехо (610—594 гг. до и. э.) греки и финикийцы набирались в армию и флот;³⁵⁷ Нехо принадлежала идея восстановить канал, соединяющий Средиземное море с Красным, используя, возможно, и труд наемников. Начавшиеся работы были прекращены только из страха перед более высоким уровнем Красного моря и, таким образом, из страха перед возможностью затопления Дельты. Нехо же была организована и морская экспедиция вокруг Африки. Эти попытки Нехо были направлены на установление непосредственной торговой связи с Индией, от чего последующие фараоны были вынуждены отказаться.

Для сбыта своей продукции и для получения нужного сырья Египту было необходимо выйти на международный торговый рынок. На востоке и юге он был закрыт. Оставались греки и финикийцы.

Для политики XXVI династии показательное отношение к иудейской военной колонии Элефантине, основанной при

Псаметихе I, во время войны с Ассирией за бывшие сирийские владения.³⁵⁸ После Псаметиха массовое привлечение иудейских наемников вошло в традицию.³⁵⁹

Иудейской колонии в Элефантине была предоставлена свобода исповедывания своей религии и право постройки своего храма; таким образом, иудеи представляли собой довольно замкнутую военно-культурную земледельческую общину. Сказанное бросает некоторый свет и на положение греческих наемников, которым также была предоставлена полная возможность справлять свои культы и сохранять свою самобытность.

Вероятно, набор наемников среди греков, карийцев и ликийцев составлял особую статью дохода греческих городов и давал организаторам этого набора определенную прибыль. Наличие родосцев в эфиопском походе Псаметиха II, наличие родосцев в военном поселении Дафнах, значительная их роль в жизни Навкратиса, — все это свидетельствует о том, что в поставке наемников в Египте Родос играл важную роль.

Наемники владели в Египте землей; тем самым поставка наемников принимала форму обычной в то время аграрной колонизации; однако эта колонизация безземельных и малоземельных греческих слоев в Египет сразу же открывала для родосцев возможности торгового обмена. Ибо здесь города-метрополии имели дело не с разрозненными племенами сиколов и сиканов, не с горными ливийскими племенами, но с могущественным государством, ранее недоступным, а теперь открывшим свои богатства предприимчивости греческих купцов.

«Египет, — пишет Холл, — был слишком слаб, чтобы защищаться против азиатского врага иначе, чем подкупам и иноземной силой».³⁶⁰

Поскольку Милет, придерживаясь антилидийской ориентации, вступил в антиегипетскую коалицию, то совершенно естественно, что Милет не мог поставлять в Египет ни наемников, ни вооружения их. Кроме того, распространение египетского текстиля было не в интересах Милета с его высоко развитой для того времени текстильной промышленностью.

Остров Родос, родина тельхинов, был с древнейших времен одним из центров металлообработки. Большое количество бронзы в погребениях Ялиса заставляет предполагать, что роль последнего в этом производстве была очень значительной.

Как показывают находки в Дафнах, где обнаружено много остатков металлического вооружения наемников, египтяне

рано должны были оценить силу греческого воина — гоплита, Закованного в медь и вооруженного железным оружием.

До греков железо в Египте (главным образом, метеоритного происхождения), известное еще с додинастических времен, было предметом роскоши и употреблялось на амулеты, украшения и предметы культового обихода.³⁶¹ Только в период Нового царства, после войн Тутмосиса III, впервые появляется в Египте привозное железо. Начиная с XVIII династии, железные изделия, правда, не слишком часто, появляются в погребениях фараонов. В погребениях Тутанхамона обнаружены — тяжелый железный кинжал и 2 больших амулета; известны для более позднего времени находки железных изделий — серпа, браслета, булавок, иглы и нескольких ножей.³⁶² В период Нового царства появляется и специальный термин, обозначающий железо, сделанное человеческими руками (b3z — pi — pt) в отличие от прежнего обозначения железа метеоритного происхождения (b3z).

Однако мы не можем согласиться с Вейнрейтом, что, начиная с Нового царства, Египет вступает в период железного века и что на основании этих скудных и разрозненных находок можно сделать вывод, что железо распространялось совершенно свободно.³⁶³

Гораздо осторожнее и правильнее вывод И. М. Лурье о том, что с Нового царства железо (повидимому, привозное) и зредка применялось и не для украшений. Ничтожное применение железа объясняется, как указывает проф. Лурье, техническим несовершенством египетских плавильных печей, «которые при плохом топливе (кустарник и сушеный навоз) не позволяли довести нагрев до нужной температуры — 1150°».³⁶⁴ Таким образом, о применении железной техники в военном деле не приходится говорить вплоть до эллинизма.

В литературе последнего времени есть тенденция считать, что египетская бронза имела очень высокую твердость, не уступающую даже твердости современной стали.³⁶⁵ Однако наблюдения ученых, производивших опыты в лаборатории Бельгийского музея над хирургическим ножом и резцом для обработки камня, не могут явиться материалом, позволяющим сделать обобщение о высокой твердости бронзового вооружения египетских войск.

Во-первых, датировка названных предметов остается пока неизвестной; во-вторых, если бы даже предметы относились не к эллинизму, а к более раннему периоду, то и тогда было бы недостаточно данных для такого широкого обобщения. Оба исследованных предмета имели специальное назначение; це-

ментация одного из них и прибавление берилла к другому требовали дополнительных издержек: в одном случае — это издержки времени и квалифицированной рабочей силы, в другом случае — это издержки и материальные.

Несомненно, что при массовом производстве для нужд египетской армии и те и другие издержки были невозможными. С одной стороны, они вызвали бы сильное повышение цен на оружие, с другой — очень бы замедлилось производство вооружения. В лучшем случае подобные изделия могли бы служить для вооружения знати, а не рядовых воинов. Поэтому общераспространенное мнение о преимуществах вооружения греческих наемников-гоплитов перед ливийскими войсками египтян остается, как нам кажется, в силе. В Новом царстве появляется, правда, и кожаный панцирь, обшитый бронзовыми пластинками для защиты тела. Но такой панцирь также был «чрезвычайно дорогим вооружением»³⁶⁶ и был доступен только представителям египетской знати.³⁶⁷

Превосходство греческого железного вооружения «закованных в медь» гоплитов ощущалось и греками: сознание греческого превосходства отражено и в гомеровском описании пиратского набега в Дельту; оно выступает и позже в изобразительном искусстве Ионии VI в. до н. э. Достаточно указать на появление ранней карикатуры на древневосточные изображения. Таково изображение борьбы Геракла с египтянами на знаменитой чаше Бусириса VI в. до н. э., где огромный загорелый Геракл убивает сразу 10 маленьких египтян. Это — пародия на египетские изображения подвигов фараона³⁶⁸ и одновременно — демонстрация физического превосходства греков в образе популярнейшего народного греческого героя — Геракла (рис. 29).

Таким образом, Египет нуждался в Родосе как поставщике наемников; родосские города нуждались в дружбе с Египтом. Наличие Врулии обеспечивало родосским городам прямую и быструю связь с дельтой Нила. Политика всех родосских городов в этом отношении была единой, но, может быть, наиболее активную деятельность развивал Линд, на территории которого возникла Врулия, и Камир, в саисских по времени погребениях которого была обнаружена посуда из египетского фаянса с картушами, несущими имена Тутмосиса III, Рамсеса, Априеса и скарабей с картушем строителя пирамид — Хуфу. Раскопки итальянских археологов еще нагляднее свидетельствуют о теснейшей связи Камира с Навкратисом. Это позволяет предположить, что главным экспортером навкратийских скарабеев в Грецию был Камир.

Не случайно, что в период влияния минойско-микенской культуры Родос находился в тесном общении с Египтом Раиессидов; после бурного и темного периода, сопровождавшегося падением Микен и передвижением племен в Эгейском море, вновь растущие города дорийского Родоса возобновили свои сношения с Египтом Псаметиха, Априеса и Амасиса. Эта тесная связь, прерванная персидским завоеванием, греко-персидскими войнами, Пелопоннесской войной, вновь была возобновлена при первой же возможности и стала основой внешней экономической политики эллинистического Родоса.

Рис. 29. Ваза Бусириса.

Вопреки мнению Блинкенберга о полной разобщенности трех родосских центров до синойкизма, мы считаем, что эта, если так можно сказать, «египетская» политика родосцев как раз свидетельствует о полном единстве внешней политики всех трех родосских центров — Линда, Камира и Ялиса. По нашему мнению, такое единство политики родосцев позволило, например, Геродоту при перечислении участников навкратийского эллиниона, обозначить все три юрода одним именем острова «Родос».

Легенда о брате Египта Данае, основателе храма Афины Линдийской, разработанная на Родосе (не позже VII в. до н. э.) на базе родосско-египетских связей, явно свидетельствует о том, какое важное значение имел Египет для Родоса уже в этот ранний исторический период.

По легенде, Данай (по некоторым другим вариантам — его дочери), прибывший на Родос из Египта и гостеприимно

принятый родосцами, основал самое древнее и самое знаменитое на острове святилище — святилище Афины на акрополе Линда, которым гордились и которое чтили жители всех родосских городов.³⁶⁹

Легенда о Данае, истоки которой, вероятно, уходят еще в микенский период, относит к седой древности — вплоть до Троянской войны и Тлеполема — не только дружбу Египта с Родосом, но и родство их друг с другом. Тлеподем, ойкист родосских городов, становился при этом лишь продолжателем дела Даная, и все три города Родоса оказывались обязанными своими именами трем дочерям Даная.³⁷⁰

Воскрешение, разработка и популяризация этой легенды имели определенную цель — увековечить необходимую для Родоса экономическую связь с Египтом в традиции: два брата, Египет и Данай, связанные кровным родством, обязывают к соблюдению постоянной дружбы страну Египет и Родос, рожденный к жизни Данаем и его тремя дочерьми — Линдой, Камирой и Ялисей.³⁷¹

5. ЛИКИЯ И ФАСЕЛИДА

На юго-западном побережье Малой Азии, к востоку от о. Родоса и в непосредственной близости к нему раскинулась Ликия, страна, овеянная легендами с гомеровских времен. Впервые с ликийцами мы встречаемся в «Илиаде», где они выступают союзниками Трои; их вождями были Главк и Сарпедон.³⁷² Геродот считал ликийцев племенем, родственным критянам,³⁷³ и Сарпедон, по преданию, был братом Миноса, выселившимся в Ликию с Крита.

Ликийцев считали строителями киклопических построек Микен и Тиринфа в Арголиде.³⁷⁴ С ликийцами же связывается предание о Беллерофонте, по имени которого назывались и отдельные думы в районе Ксанфа; там же помещали и его могилу. Существует мнение, что именно в микенскую Арголиду, в территорию которой входил и Коринф, миф о Беллерофонте (еще без связи с Пегасом) был занесен из Ликии.³⁷⁵

Предание о Химере, повидимому, тоже связано с Ликией;³⁷⁶ в Ликии была родина и Телефа.³⁷⁷ В Ликии же распространен был и малоазийский культ Аполлона,³⁷⁸ рожденного, вместе с сестрой Артемидой, матерью Латоной. Это, пожалуй, единственный бог на Олимпе, вошедший в число 12-ти богов, как сын женщины, ибо отцовство Зевса — элемент более поздний и второстепенный.³⁷⁹ Имя Латоны мы встречаем почти на всех ликийских гробницах, где она призывается карать нарушителей покоя могил.

Древний оракул Аполлона в Патаре, действовавший лишь зимой (летом, по преданию, Аполлон удалялся на Делос), может быть, был не менее древним, чем делосский, который, догреческого происхождения.³⁸⁰

Таким образом в древнейшие времена Ликия была тесно связана с микенской Грецией.

Однако, со времен дорийского переселения и в период малоазийской колонизации греков Ликия оставалась, в значительной мере в силу своих географических особенностей, труднодоступной и малоизвестной грекам страной.

Территория Ликии представляла собой соединение высоких и труднопроходимых горных хребтов с большими плодородными долинами. Древнейшими центрами ее культуры являлись, повидимому, три долины, отделенные друг от друга горами. На востоке — долина Ксанфа, простирающаяся с севера на юг; на западе — долина Лимира, расположенная параллельно долине Ксанфа, и на юге — долина Мироса, реки, текущей с востока на запад. Высокое плато Эль-Мали на северо-западе Ликии, отделенное от ее восточных районов крутыми горными кряжами, повидимому, лишь позднее стало также одним из центров, заселенных ликийскими племенами.

Не только внутри страны Ликия была разделена горами на отдельные, изолированные друг от друга районы. И с запада и с востока горы отгораживали ее от моря: на западе от ликийского Тельмесса до Пидн тянулись два горных, как бы продолжающих друг друга хребта, Краг и Антикраг; на востоке — Солимский хребет, с вершинами, достигающими 2400 м. над ур. м., тянется от Адалии и Термесса на севере вплоть до Хелидонского мыса на юге. У подножия высочайшей вершины этого хребта Солима и была расположена, прижавшись к морю, древняя родосская колония Фаселида. На западном побережье Ликии только Термесс и Кармилесс обладали гаванями, удобными для стоянки кораблей. Остальной берег представлял из себя круто обрывающийся в море острыми скалами хребет Крага. Южное побережье было также обрывистым и скалистым; его теснила горная терраса, вышиной до 1000 м, круто спадающая в море. Отдельные якорные стоянки были слишком малы и ненадежны для пристанища древних кораблей. Единственными убежищами для них в этом районе были гавани, образуемые о. Мегисте — родосским владением, откуда, вплоть до последнего времени, греческие купцы отправляли лес в Сирию и Египет.³⁸¹ Гавани этого острова и лежащих восточнее городов Аперлы и Кианеи были наиболее крупными гаванями юга.

На западе, до основания Адалин, наиболее посещаемым портом была Фаселида; она обладала тремя небольшими, но хорошо защищенными гаванями и была стоянкой на пути из Финикии и Сирии в Грецию.³⁸² Горы Солима не давали ей возможности расширить свою территорию. Две вершины Гуллик-Богаз и Чибук-Богаз, образовывали непроходимый барьер на западе и на севере. Недалеко от Фаселиды в горах Солима (выходил вулканический, постоянно действующий огонь, который, может быть, и породил ликийское предание о Химере.³⁸³

Таким образом, берега Ликии не изобиловали удобными гаванями, подобно Ионийскому побережью Малой Азии. Кроме того, ни одна из больших долин Ликии не выходила к морю и не сообщалась с гаванями; потому-то судоходство и морская торговля не могли стать здесь преобладающими факторами деловой жизни.

Климатическое своеобразие Ликии заключалось в чередовании долин и гор, в соединении на небольшом отрезке земли альпийской прохлады и субтропического зноя. Так, например, в нижней части долины реки Ксанфа февраль был месяцем расцвета весны, а в районе Ак-Дата и в верхней долине Ксанфа в феврале была глубокая зима, сопровождавшаяся снеговыми заносами; одновременно, в устье Ксанфа, в районе Патары, было уже жарко.³⁸⁴

От других районов Малой Азии Ликия также была отделена труднопроходимыми горными реками и хребтами. От Карики, и тем самым от западного побережья Малой Азии, Ликия отделялась стремительным течением Инда, низвергающегося с вершин в провалы торных отрогов; от Памфилии Ликию отделяло верхнее течение бурного Алагир-чая и Чандар-чая с обступающими их горными массивами. По восточному побережью Ликии из Адалии в Фаселиду вела лишь узкая тропа, проходимая только в тихую безветренную погоду; по этой тропе некогда совершил свой знаменитый переход Александр Македонский.

Ко внутренним границам Фригии и Писидии вели узкие горные тропы, по которым могли проходить лишь привыкшие к горным переходам и хорошо знакомые с местностью люди.

Основное население Ликии занималось земледелием и скотоводством. Зимой оно жило в долинах, летом уходило в горы.

Кроме зерна и скота, страна была богата лесом; Плиний упоминает о знаменитых ликийских кедрах, елях и платанах.³⁸⁵ В изобилии имелись шафран и вино.

Обращенная к Родосу, Кипру и Криту Ликия была в исто-

рические периоды связана с основным греческим миром лишь очень поверхностно.

Некогда район Эгейского моря, при посредстве Крита, был широко открыт Востоку. Несомненно, что ликийцы, так же как карийцы, лелеги, лидяне и другие родственные между собою племена, образовывали единый до некоторой степени этнический слой. Словарь Сундвала наглядно иллюстрирует несомненное языковое родство населения Лидии, Карики, Ликии, Памфилии, Писидии, Исаврии, Ликаонии и Киликии. Идущие восточные влияния от Двуречья и хеттов, через Фригию и Ликию, от Египта, через Сирию и Ликию, через Крит и Кипр скрещивались в бассейне Эгейского моря. Ахейская культура не прерывала связей с Востоком. Арголида впустила критский и малоазийский Восток в свои дворцы, в роспись фресок, в искусство ювелиров и в роспись микенских сосудов. Если уже на Крите восточные элементы были представлены в своеобразной форме («европейский Восток» по терминологии Грозного), то в Арголиде шла дальнейшая переработка их, применительно к требованиям и вкусам ахейской знати.

Позже вторжение дорийцев и распространение греческой культуры прервало эту общую линию развития. В главенствующих центрах Арголиды, и в первую очередь в Микенах, оказалась побежденной верхушка завоевателей-ахейцев; в районе Эгейского моря процесс вторжения совершался медленнее, но и здесь обнаруживаются слои населения, для которых характерна примитивная геометрическая керамика, находящаяся в родстве с более развитым геометрическим искусством греков.

В этот период история Ликии обособляется от истории Эгейского района и Балканского полуострова. Отгороженные крутыми горами, малодоступными извне, ликийцы не впустили трекров внутрь своей страны.

Довольно распространенное в науке представление о ранней эллинизации Малой Азии — сильно преувеличено. Уже Стржиговский более 40 лет тому назад выступил с резкой критикой этой теории.³⁸⁶ На основании большого привлеченного им материала малоазийских архитектурных памятников можно считать доказанным, что еще в конце V в. до н. э. районы греческой и смешанной культуры отступали на второй план перед территориями, заселенными негреческим населением, управлявшимся негреческими или полугреческими правителями. Несмотря на раннее внедрение греческого элемента, Малая Азия в целом так же мало могла считаться греческой, как и остальной древний Восток: «Греческое влияние, —

пишет Стржиговский, — сказывалось лишь на западной прибрежной полосе Малой Азии; в центральной части, судя по памятникам, о нем не может быть речи. Мы могли бы разделить Малую Азию на две зоны — центральную, идущую рука об руку с Арменией и северной Сирией, и береговую полосу, которая в эллинистический период стала полностью греческой».

О ранней греческой колонизации в Малую Азию сохранились крайне недостоверные сведения, главным образом искусственные генеалогии и топонимические легенды;³⁸⁷ тем не менее некоторые данные свидетельствуют о том, что заселение береговой малоазийской полосы было длительным процессом, сопровождавшимся борьбой колонистов с местным населением. Туземцы были отчасти вытеснены, отчасти уничтожены или превращены в рабов. В отдельных случаях должно было происходить и смешение населения отдельных прибрежных районов северной Малой Азии с туземцами, охваченными ранее критомикенской культурой.³⁸⁸ Там, где плодородные долины рек сообщались с морем, проникновение в страну для греков, конечно, было облегчено; иначе обстояло в Ликии.

Враждебность ликийских племен по отношению к грекам выступает отчетливо уже в «Илиаде», где Сарпедон и Главк, возглавившие ликийское войско, были ведущими союзниками троянцев в борьбе с ахейцами.

Мифический вождь дорийских колонистов на Родосе Тлеполеп вступает в единоборство с царем Ликии Сарпедоном.³⁸⁹ Уже древние комментаторы отмечали здесь следы старой вражды родосцев с ликийцами. Характерна и речь Тлеполема, обращенная к Сарпедону:

Ликии царь Сарпедон! Какая тебе неизбежность
Здесь между войск трепетать, человек незнакомый с войною
Лжец, кто расславил тебя громоносного Зевса рождением!
Нет, несравненно ты мал пред великими теми мужами,
Кои от Зевса родились, меж древних племен человек,
И каков, повествуют, великая сила Геракла,
Был мой родитель, герой дерзновеннейший, львиное сердце!
...Ты же робок душой и предводишь народ на погибель.
Нет, для троян, я надеюсь, ты обороной не будешь,
Ликию бросил напрасно...

В этой речи, полной насмешек, ясно выступает желание унижить ликийского героя, сына Зевса. Интересно и примечание схолиаста: «Говорят, что всегда ликийцы враждовали с родосцами».³⁹⁰

Соппротивление ликийцев грекам было облегчено трудным доступом в их страну, закрытую от моря нагромождениями

скал. В сердце страны греки долго не могли проникнуть, и ликийские племена продолжали здесь жить согласно старым обычаям.

Древность этих племен и надолго сохранившийся консервативный уклад их жизни подтверждаются и сообщением Геродота о сохранении у ликийцев матриархата.

Геродот³⁹¹ сообщает, что ликийцы, происходящие с Крита, при Сарпедоне назывались «термилами», а позже по Лику, сыну Пандиона, были названы «ликийцами». «Их обычаи частично критские, частично «арийские. Они имеют лишь один удивительный обычай, не свойственный никаким другим народам: называют себя по матери, а не по отцу. Если кто-либо спросит соседа — кто он, то он называет свой род по материнской стороне и перечисляет матерей матери. И если женщина-гражданка (γυνή ἄσθη) соединилась с рабом, то дети считаются благородными, если же мужчина-гражданин, хотя бы и знатнейший среди них, возьмет чужеземку или наложницу, то дети не имеют гражданских прав».

Термин ἄσθη употреблялся применительно к женщине-гражданке, предки которой уже в течение многих поколений жили в городе, и пользовались гражданскими правами, т. е. применительно к женщине из благородного и почетного в данном полисе рода.³⁹²

Фрагмент Николая Дамасского подчеркивает те же черты ликийского материнства:³⁹³ «Лийцы чтут женщин более, чем мужчин, называются по матери и оставляют наследство дочерям, а не сыновьям».³⁹⁴

Однако этим совершенно недвусмысленным указанием на наличие материнского права в Ликии как будто бы противоречат ликийские надписи IV—III вв. до н. э.

Как уже отмечалось в науке, ликийские собственные имена в подавляющем большинстве случаев следуют патриархальной традиции — наименованиям по отцу. Калинка, издавший ликийские надписи, еще более категорически утверждал, что в надписях он не нашел подтверждений свидетельству Геродота.³⁹⁶ Выход из этого затруднения Треубер пытался найти в том, что все дошедшие до нас ликийские надписи относятся к более позднему периоду и потому отражают уже другой период общественного развития.³⁹⁷ Одновременно сам же Треубер обратил внимание на то, что у Геродота, как бы в противоречие к его сообщению о ликийском материнстве, вождь ксанфян Киберник назван сыном Сика, т. е. по имени отца.³⁹⁸

Таким образом, создается затруднительное положение: нет

оснований заподозрить Геродота в лживости его сообщений, но нет и материала для подтверждения его слов.

У Гомера, как уже указывалось, предводителем ликийцев был Сарпедон; Главк занимал по отношению к Сарпедону подчиненное положение. Как уже отмечалось в литературе, Сарпедон стал главой ликийцев по материнской линии наследства: он был сыном дочери Беллерофонта, женатого на ликийянке, дочери ликийского царя,³⁹⁹ в то время как Главк происходил от сына Беллерофонта.⁴⁰⁰

Геродот, кроме сообщений о матернитете, рассказывает также о том, что современные ему ликийцы, «утверждающие, что они из числа ксанфян», на самом деле, — пришельцы, кроме 80-ти семейств; эти 80 семейств в то время случайно находились вне родины и таким образом остались в живых.⁴⁰¹

Таким образом, есть основание предполагать, что там, где Геродот говорит о ликийцах и их обычаях, он прежде всего говорит не о пришедших после разгрома Гарпата чужеземцах, но о потомках 80-ти семейств подлинных ликийцев.

В ликийских надписях почетное положение ликийской женщины не вызывает сомнений. В ряде случаев жена сама сооружает гробницу и высекает на ней надпись для себя, для живущего с нею мужа и своих детей.⁴⁰² Нам кажется, что в тех случаях, когда заботу о месте вечного погребения берет на себя не муж, но жена, не жена входит в дом мужа, но муж в дом жены.

В одной из надписей⁴⁰³ свекор допускает жену своего сына покоиться в гробнице при том условии, если она не расторгнет своего брака с его сыном. Следовательно, женщина в Ликийи могла оставлять мужа по собственному желанию.

В некоторых случаях гробница сооружается для брата матери;⁴⁰⁴ в числе лиц, которым разрешено покоиться в гробнице, мы находим наряду с женой и сестру жены,⁴⁰⁵ мать жены,⁴⁰⁶ мать мужа и мужа дочери,⁴⁰⁷ молочную сестру жены вместе с ее мужем⁴⁰⁸, детей жены⁴⁰⁹ и т. д.

В одной надписи на ликийском языке гробница сооружена для брата матери и перечислены, повидимому, предки по материнской линии.⁴¹⁰ В другом случае некий Порпак, посвящая Аполлону статую, упоминает сначала имя своего отца $\Theta\rho\upsilon\phi\iota\varsigma$ и затем дядю по матери, Пуриматеса; он сообщает далее имя жены (повидимому, армянки), Тисевсембры, и затем имя ее дяди по матери, гражданина Прианобада из дема Тлои.⁴¹¹

Порпак и его жена перечислением материнского рода стараются подчеркнуть свои права на ликийское гражданство.

поскольку, по свидетельству Геродота, гражданские права наследовались по линии материнского родства.

Имя матери в надписях нередко встречается после упоминания имени отца.

В некоторых случаях мы и вообще встречаем при определении родства лишь имя матери.⁴¹²

Очень интересна одна из надписей Кадиянды, в которой дан список должностных лиц — булевтов и демотов Сидимы. Все имена, за исключением трех, патронимические. Одновременно, однако, среди имен других булевтов с обычным обозначением отца находится и Никета, сын Парфены; среди демотов — Никета,⁴¹³ сын Лаллы, и Евтих — «сын неизвестного отца».

Любопытно, что в одной и той же надписи мы встречаем три формы наименования: по матери (2 случая), по отцу (большинство) и — «сын неизвестного отца».

Браунштейн справедливо критикует мнение Хегардта, что имя матери объясняется здесь просто неустановленностью отца (πατρός ἀδελφου). Он указывает на то, что, если не установлен отец, то сын может именоваться по матери, и видит в этом выражении явное свидетельство торжества патриархата.⁴¹⁴

Нам кажется, что на основании этой интересной надписи можно сделать несколько общих выводов:

1. Подавляющее большинство патронимических имен говорит о распространенности патернитета.

2. Однако два случая, когда булевт и демот называются по матери, указывают на наличие в отдельных родах или семьях устойчивых матриархальных традиций. Родство по матери, когда мать принадлежит к числу знатных женщин гражданского коллектива (ср. геродотовское $\gammaυνή \alpha\sigma\tauή$), ни в коем случае не ущемляло гражданских прав, но могло, в значительной мере, служить знаком отличия среди остальных членов гражданской общины, именующихся по отцу.

3. Обозначение πατρός ἀδελφου обозначало как раз развитие патриархальных отношений и норм. Несомненно, что мать этого Евтиха была гражданкой, ибо иначе Евтих не имел бы гражданских прав. Однако мать его не принадлежала, повидимому, к числу тех знатнейших женщин Сидимы, родство с которыми составляло бы гордость и славу ее сыновей. Отец Евтиха мог быть и действительно неизвестным, либо мог принадлежать к низкой общественной прослойке. Вполне возможно, что это выражение подчеркивало внебрачное происхождение ребенка, его незаконнорожденность;⁴¹⁵

однако это — лишнее доказательство того, что гражданские права Евтих унаследовал от матери; тем не менее имя матери не упомянуто. Самое стремление дать патронимическое обозначение и в этом случае, может быть, свидетельствует о том, что обычай называться по отцу все более распространялся тогда, когда родовые традиции наследования по матери в тех или иных семейных общинах не были слишком устойчивы. Некоторый свет на затронутый вопрос проливает гортинское право. На о. Крите дети от брака гражданки и раба были гражданами, если раб переходил на жительство в дом жены; если же свободная женщина уходила к рабу, то дети становились рабами.⁴¹⁰ Следовательно, условия наследования гражданских прав в Гортине и Ликии очень схожи.

И в Ликии, повидимому, матернитет сохранялся прежде всего там, где муж входил в дом жены. Интересно отметить, что в надгробных ликийских надписях встречается и двойная система счета родства. Так, в надписи из Ксанфа значителен, что строитель гробницы соорудил верхнее помещение погребения для своей жены и *ménneteidehe esedennevi*, а нижнюю камеру — для своего собственного дома.

Торп предполагал, что слова *ménneteidehe esedennevi*, следующие непосредственно за словами «для своей жены», обозначают тесно связанных с его женой родственников жены, т. е. прежде всего ее отца, ее братьев и сестер. Поэтому он переводил: для своей жены и для потомства *Menne Teidehe* (имя отца жены).⁴¹⁷

Таким образом, погребение разделяется на две камеры: в верхней находится жена с ее родственниками (матернитет), в нижней — муж со своим потомством; перед нами два счета родства.

Ликийская терминология родства была очень богатой и тщательно разработанной; к сожалению, она — наиболее труднодоступна для понимания, и ею мы пока не можем с уверенностью пользоваться.

Из отдельных попыток, сделанных в данном направлении, укажу лишь на утверждение Имберта, что в Ликии существовал термин для обозначения наличной семьи, как единого целого, включающий всех живых в данное время членов этого семейного коллектива — *prnazi*; ⁴¹⁸ кроме того, термин $\chi\eta\tau\alpha$ в понятии $\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$, род, причем, по утверждению Томсена, $\chi\eta\tau\alpha$ одновременно является синонимом «матери», и, может быть, по предположению того же Томсена, *esedennevi* обозначало семью по женской линии.⁴¹⁹

Родоначальница — мать обеспечивала физическим актом

рождения процветание своего рода; ее дочери гарантировали продолжение этого рода, в то время как сыновья и братья принадлежали к роду лишь персонально, не обеспечивая его процветания.⁴²⁰

Так обстояло дело при матрилинейном счете родства. Но в Ликии, как указывалось, налицо две системы счета, характерные для переходных периодов от матриархата к патриархату.

Из Ликии до нас дошла большая генеалогическая надпись, содержащая более 300 строк (до нас дошло в трех фрагментах 230 строк).⁴²¹ Это надпись на святилище в честь предков, в котором были собраны саркофаги, урны и кенотавы различных предков Флавиллы из Эноанды.

Вводные строки надписи гласят: «Лик(иния) Г(ая) Лик(иния) Фоантина, дочь Флавилла из Эноанды, построила это святилище, в которое поместила соматотеки родителей ее и предков». Далее следуют обычные для ликийских надписей запрещения помещать кого-либо постороннего в данное святилище и угроза уплаты высокого штрафа в случае нарушения покоя мертвых.⁴²²

Верхняя строка надписи, начертанная более крупными буквами, представляет заголовок: «Установленная⁴²³ генеалогия Ликинии Флавиллы и Флавиана Диогена, сородича ее из Эноанды».

Остальные столбцы посвящены родословной Флавиллы и Диогена, восходящей к далекому женскому предку — к жене третьего Троконда.⁴²⁴

В этой родословной прежде всего бросаются в глаза внутриродовые браки: дети братьев вступают друг с другом в брачный союз; таковы браки Татион с Ликинием Фоантом; браки детей двух братьев — Ликиния Фоанта и Ликиния Мусея: сын первого — Ликиний Максим женится на дочери второго — Ликинии Максиме, и дочь первого Флавилла выходит замуж за сына второго — Ликиния Фронтоня; далее — сын Ликиния Фронтоня женится на дочери брата своего отца — Ликинии Максиме.

Такие брачные союзы возможны только тогда, когда братья принадлежат к разным (женским) родам; поэтому браки детей братьев являются не внутриродовыми, но межродовыми (экзогамными) браками.⁴²⁵

Материнский счет родства в генеалогии Флавиллы и Диогена подтверждается наличием семейно-родовых общин, возглавляемых женщинами. Так, от второго брака Ликинии Максимы с Юлием Антонином (не родственником ее) родив-

шаяся дочь Юлия Лисимаха входит в род Ликинии и продолжает его в своем потомстве от брака с Клавдием Дриантинном. В свою очередь дочь Лисимаха, Клавдия Елена, остается тоже в роде матери и продолжает родовую линию через свою дочь Клавдию Юлию Проклу. Также и женщина, носившая имя Ликиния Гэ, она же и Ликия, дочь Ликиния Лонга, оставаясь, несмотря на два брака, в роду матери, сама является родоначальницей для следующих поколений детей. И Флавий Диоген входит в одну родовую генеалогическую линию родства с Флавиллой вследствие принадлежности к роду матери, Флавии Ликии.

Однако наряду с явно выраженным счетом родства по материнской линии, в этой же генеалогической таблице сосуществует с матернитетом счет родства и по мужской линии. Так мы имеем генеалогию: Троконд третий — Ликиний Мусей (жена — Аммия) — Ликиний Мусей второй (жена — Ликиния Книла...ра) — Ликиний Лонг (первая жена — Маркия Ликия, вторая — Элия Ликиния Лонгилла). Таким образом, дети Ликиния Лонга от его двух браков входят в тот же род, что и дети его сестры Ликинии Максимы; таким образом, дети брата и дети сестры включены в единую родословную Флавиллы.

Род в целом возглавляет женщина-родоначальница, упоминаемая в первой строке первого столбца генеалогии. Имя этой женщины, повидимому, довольно пышное, к сожалению, не дошло полностью; ее муж Троконд третий входит в род по линии жены, сам не являясь родоначальником.

Поскольку в надписи имеются большие лакуны, то не всегда с уверенностью можно проследить, где в начале следующих генеалогий стоит женщина и где — мужчина. Однако несомненно, что в данном роду и мужчина и женщина равным образом могли давать продолжение своему роду; а это могло иметь место, по нашему мнению, в том случае, когда мужчина данного рода брал жену к себе в дом, а женщины рода брали в дом мужей, если последние стояли вне данного рода.

Двойная система счета родства в ликийской генеалогии Флавиллы находит себе этнографические параллели. Д. А. Ольдерогге в интересной статье, посвященной вопросу происхождения отцовского рода, приводит ряд примеров подобной же двойной системы счета родства у первобытных племен. Так, у гереро, племени, обитающего в юго-западной части Африки, «существует двойной счет родства, т. е. две системы, и материнский, и отцовский род сосуществуют рядом»;⁴²⁶ у юго-восточных банту в случае покупки жены мужем счет родства

идет по линии мужа; если же муж беден и не в состоянии уплатить за жену выкуп, счет родства идет по линии матери.⁴²⁷

В нашей надписи перекрестные кузенные браки и право женщины на оставление потомства в своем роде — свидетельствуют о материнском счете родства.

Перекрестные кузенные браки, кроме того, являются несомненным пережитком некогда бывших групповых браков класса братьев и класса сестер, характерных для определенной стадии матриархата. С другой стороны, и мужские предки Флавиллы оставляют своих детей от брака с женщиной, стоящей вне данного рода, в своем роде, а не в роде жены.

Объяснение мы видим в том, что в богатых, консервативных и влиятельных родовых объединениях ликийской знати и женские и мужские представители данного знатного рода жили совместно, и в тех случаях, когда браки совершались вне данного рода, мужья и жены входили в данную родовую организацию.

Когда жена входила в дом мужа, она теряла свои матриархальные права. Это тоже убедительно доказывается генеалогией Флавиллы, в которой жены и мужья, пришедшие со стороны, не имеют права на своих детей.

Если бы не было этой, в высшей степени интересной генеалогии, у нас могло бы создаться впечатление о полном господстве здесь патриархальных отношений. Если мы, например, знакомимся бы с этим родом по сохранившейся надписи, чествующей Ликиния Фронтоня и его жену Ликинию Флавиллу, то не могли бы даже заподозрить наличия матриархальных черт, имеющих в данном роде.⁴²⁸

Перед нами, судя и по данным генеалогии и по другим сохранившимся надписям в честь отдельных представителей этого рода, занимавших руководящие жреческие и государственные посты и бывших крупными богачами, — представители старинной ликийской знати; это один из самых влиятельных, если не самый влиятельный род в Эноанде. Может быть, именно такую знать и имел в виду Геродот, говоря об исконных 80 ликийских домах, подлинных представителях древних ликийцев.

В дополнение к вышеизложенной родословной Флавиллы необходимо еще упомянуть об одной греческой надписи на саркофаге из Ликии: данный саркофаг был сооружен Титом Аврелием Трокондадом для себя, своей жены и дочери Тихарути, для мужа Тихарути, Кондиона, и их детей. Иначе говоря, муж Тихарути — Кондион, повидимому, вошел в дом

жены, т. е. в ее род, и потомство Тихарути закреплялось, таким образом, за ее родом, а не за родом мужа.⁴²⁹

В другом случае мы читаем, что некий Гермакт, сын Сарпедона, внук Гермакта, Аперлит из города Исинды соорудил гробницу: «себе и тем, кому сам предоставит, своей жене Семибридасе дочери Гермократа, внучке Гермакта и детям, и детям детей, и еще детям этих детей, и женам их, и мужьям. Другому же никому», и т. д.⁴³⁰

Фактически здесь мы видим ту же самую картину, что и в родословной Флавиллы. Муж и жена (вероятнее всего — двоюродные брат и сестра), их дети, внуки и правнуки как мужчины, так и женщины будут покоиться здесь вместе с их женами и мужьями.

Таким образом, и женское и мужское потомство Гермакта и Семибридасы останется в одном семейно-родовом коллективе: и сыновья их, и дочери, и внуки, и внучки должны взять мужей и жен к себе в дом и закрепить за собой право на потомство в данном роду.

Другая надпись включает в число имеющих право на совместное погребение, кроме мужа и жены, детей и потомков их, также зятя и родителей жены,⁴³¹ т. е. строитель гробницы входит в род жены, а не жена входит в род мужа.

Однако это не было общим правилом для всех ликийских семей, которые, в большинстве случаев, имели уже только одну патриархальную форму счета родства. На это указывают другие формулировки надгробных памятников, в которых дочери специальной оговоркой исключаются из числа лиц, имеющих право на родовое погребение в семье отца (ср. «и детям мужского пола».)⁴³²

Напомним при этом, что в изложении Геродота мы также встречаемся с двумя формами счета наследования: в одном случае Геродот утверждает, что ликийцы назывались именем матери, в другом случае он дает имя ликийца, с обозначением имени его отца.

Этот факт, вызывавший много недоумений, с нашей точки зрения вполне естествен и закономерен.

В Ликийи уже и во времена Геродота не было матриархата, и большая часть ликийцев жила моногамными семьями с преобладающим отцовским правом. Но в отдельных родах исконной ликийской землевладельческой знати были консервированы элементы матернитета в целях, может быть, в первую очередь экономических: ни сын, ни дочь не выходят из данного рода и, таким образом, сохраняют богатство рода как единого экономического целого. Первоначально этим целям

служили внутриродовые браки двоюродных братьев и сестер; позже это было распространено и на всех входящих извне путем брака в данный род.

Таким образом, за женским потомством данного рода сохранялась привилегия передачи детям наследственных прав своего рода. В дальнейшем процессе развития патриархальных отношений эти пережитки матриархата в среде ликийской знати были законсервированы как определенная политическая привилегия, как признак особой древности и знатности данного рода. Тем самым матрилинейный счет родства, присвоенный только определенным кругам женщин, стал служить демаркационной линией между исконной знатью и демосом, из которого позже выделилась знать патриархального типа|.

Нам кажется, что указание Геродота на наличие в Ликийи 80 исконных ликийских семей, т. е. на существование 80 семейств исконной ликийской знати, имеет непосредственное отношение к его сообщению о ликийском матриархате. Условно говоря, в этих 80 семьях и сохранились пережитки материнского счета родства, отличающие их от чужеземцев, «утверждающих, что они из числа ликийцев».

Аналогию сообщению Геродота мы находим в сообщении Полибия о матернитете потомков 100 семейств италийских локров.⁴³³ Наследственная знать этих локров, ограниченная пределами 100 семей, вела свое происхождение от женщин и соблюдала (материнский счет родства,⁴³⁴ в то время как остальные их сограждане жили по нормам патриархального счета родства.

Согласно локрийским преданиям, Пандора, рожденная из глины, дала начало человеческому роду. Пирра, ее дочь, возродила людей после потопы; дочь Пирры Протогения — «первородная».⁴³⁵ В одной локрийской надписи мы встречаемся с наименованием по матери: ...идам, сын Демократии.⁴³⁶

Данные Полибия, таким образом, подтверждаются и другими материалами, свидетельствующими об отношениях, аналогичных отношениям в Ликийи.

То немногое, что нам известно о Ликийи, свидетельствует о необычайной стойкости родовых связей в среде ликийской знати. Самый способ погребения рода в ряде его поколений говорит о строгой родовой регламентации жизни хозяев этих гробниц.

Земледельческое и скотоводческое хозяйство ликийских племен оставалось примитивным и в основном обслуживало

только нужды самих ликийцев. Торговля существовала во внутренней жизни ликийцев, главным образом, в форме межплеменного обмена, а в их внешних сношениях — в форме пиратства. Таким образом, социальная дифференциация внутриродовых объединений могла долгое время развиваться очень замедленным темпом. Оторванная после переселения дорийцев от Эгейского бассейна, враждебная грекам Ликия как бы повернулась спиной к морю.

Аристотель⁴³⁷ связывает материнский счет родства с бытом племен, поставляющих наемников и ведущих воинственный образ жизни. Может быть, наблюдение Аристотеля не лишено правильности, поскольку в этих общинах резче выступает приоритет женщины в хозяйстве и в доме.

В древнейших ликийских земледельческих родах при застойной примитивности сельскохозяйственной техники и натуральном безденежном хозяйстве роль женщины оставалась попрежнему значительной. Черты, роднившие Ликию с Критом, исчезли полнее и быстрее на Крите, завоеванном дорийцами, чем в Ликии, сохранившей свою независимость.

Это все, конечно, лишь возможные предположения, которые трудно отстаивать из-за отсутствия материала. В своих предположениях мы основывались, главным образом, на сообщении Геродота о критском населении ликийцев, на их связях с Арголой микенского периода, на сообщении Гераклида Понтийского о пиратстве ликийских племен и примитивности их быта.

Но эти отдельные, разрозненные дошедшие до нас сведения помогают восстановить в общих чертах ту общую картину, которую мы пытались набросать.

Итак, по материалам поздних (до периода Римской империи включительно) ликийских надписей можно судить о том, что матриархальные права были закреплены, в основном, за женщинами знатных ликийских родов. Поэтому не удивительно, что имена матерей встречаются не так часто в ликийских надписях, как это имело бы место, если бы обычай наименования по матери был повсеместно распространенным.

Подобная несогласованность литературной традиции с эпиграфическими памятниками приводила ученых в недоумение. Исходя из литературных источников, они искали в ликийских надписях только имена матерей и удивлялись, встречая их сравнительно редко.

Как я пыталась показать — это явление совершенно естественное и закономерное. В эпиграфических памятниках поздней поры, таких, как генеалогия Флавиллы, мы встре-

чаемся со все более усиливающимся влиянием норм патриархального права даже и в отношении к женским представительницам этого рода. Так, например, сын Ликинии Гэ, оставаясь в роде матери, назван при рождении по имени отца (Тит Флавий Тициан Капитон), хотя второй сын носит имя отца Ликинии — Клавдий Лонг. И в посвященных надписях в честь отдельных представителей этого рода мы встречаемся с патронимическими именами их отцов, хотя мать и жена попрежнему играют большую роль в жизни рода.

Таким образом, в поздние времена, может быть под влиянием римского патриархата, даже отношения матриархальные (оставление детей в роду матери) внешне принимают патриархальное обличье.

О быте и жизни ликийских племен мы знаем очень мало. Их погребения давно разорены и расхищены; города не сохранились. Раскопки в районе Ликии, производившиеся эпизодически, обнаруживали только эллинистические слои; кроме того, систематические раскопки почти невозможны, так как ликийские города теперь совершенно исчезли с лица земли.

Сохранились лишь многочисленные гробницы, высеченные в скалах. Недаром все путешественники, объездившие местоположения древних ликийских городов, единодушно называют Ликию «страной гробниц».

Как правило, эти города сооружались высоко на горах, образующих естественные укрепления. Внизу, на плодородных равнинах, раскидывались, вероятно, поселения земледельцев.

Немецкий путешественник Людвиг Росс, увлеченный идеей новой германской колонизации районов древней Ликии, в этих «практических» целях подробнейшим образом знакомил германские империалистические круги со всеми особенностями ликийских районов. В значительной степени он и подытожил впечатления, производимые ликийскими городами на европейцев: путешественника, уже привыкшего к созерцанию греческих и римских руин, сразу захватывает своей неожиданностью вид ликийского города: саркофаги с высокими сводчатыми крышками, увенчанные готическим шпилем и теснящиеся друг к другу как внутри города, так и вне городской стены; своеобразные каменные гробницы, которые высечены вблизи города, на высоких отвесных скалах. Одни из этих гробниц подражали в архитектуре храмовым фасадам, другие — деревянным домам с плоскими крышами из деревянных бревен, третьи — домам со стрельчатыми фронтонами.⁴³⁸ Все скульптурные и архитектурные детали были покрыты полихромной

окраской, сильно пострадавшей при производстве англичанами гипсовых слепков.

Наиболее распространенной формой ликийских погребений была низкая и узкая, выдолбленная в скале, четырехугольная пещера, труднодоступная по своему положению для чужих (рис. 30). Обычно такие погребения строились всегда на отвесных скалах. По самой своей форме этот тип погребений

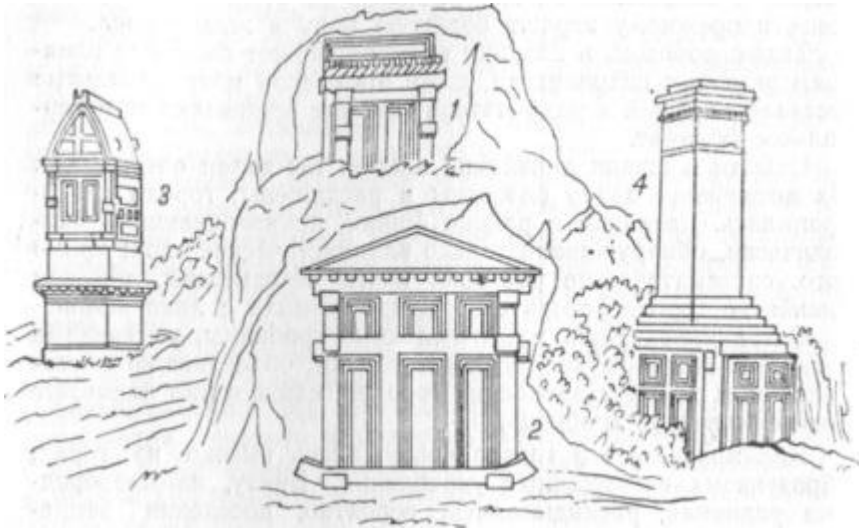

Рис. 30. Четыре типа ликийских гробниц. 1—каменная гробница. 2—храмовая гробница. 3—саркофаг. 4—tumulus.

предназначался для хранения кремированных трупов.⁴³⁹ Каменные погребения тесно соприкасались друг с другом, напоминая своим видом пчелиный улей, и часто стояли перпендикулярно друг к другу.⁴⁴⁰ Внешний фасад погребений напоминал жилище.

Кроме того, в Ликии часты саркофаги, либо высеченные в скале, либо особо сделанные из камня погребения в форме ложа. Над ними сооружали деревянный, позже (в императорское время) каменный балдахин.

Штемлер различает в саркофаге, восстанавливая это по надписям, 5 частей: 1) фундамент, 2) лестница, 3) гипосорий, 4) самый саркофаг, постепенно все более принимающий вид храма, и 5) покрытие.⁴⁴¹

Третьим видом погребений были надгробные памятники в форме башни, являвшиеся одновременно, как показывает знаменитая ксанфская стела Гарпагида, и гробницей и памят-

ником славы.⁴⁴² Как показывает та же стела, относящаяся к последним десятилетиям V в. до н. э., и похожие на нее стелы в самом Ксанфе и в других ликийских городах, этот тип погребений связан с героизацией покойника. Стела Ксанфа особенно интересна тем, что строитель ее сын Agnp (в греческой транскрипции: Ἀρπάγο υἱός) выстроил эту стелу в священной ограде 12 богов Ликии и, таким образом, героизировал себя еще при жизни.

И саркофаги и надгробные стелы ставились чаще в городе или в непосредственной к нему близости.

Интересно и то, что все погребения — родовые, и надписи на них с точностью указывают, кто и в каких пределах родства может быть здесь похоронен.

Несомненно, что такие сооружения требовали больших издержек, не говоря уже о дополнительных расходах на барельефы и скульптуры, украшавшие многие погребения. Несомненно и то, что это были погребения знати с разветвленной и уходящей далеко вглубь родовой генеалогией.

Где и как хоронились ликийские крестьяне и ремесленники, не приписанные к какому-либо знатному роду, — мы не знаем. Может быть, они сооружали наземные деревянные погребения. Во всяком случае, других ликийских некрополей до нас не дошло, а явное подражание деревянным постройкам свидетельствует, что первоначальные погребения и вообще были деревянными.⁴⁴³

Родовой характер дошедших до нас ликийских погребений требовал приспособления гробниц к ряду повторных захоронений. Поэтому в каменных гробницах делались плоские выступы, напоминающие ложа, на которые, при повторных захоронениях, мертвецы иногда накладывались один на другого; в некоторых случаях эти выступы делались один над другим, напоподобие каютных коек; в саркофагах также производились повторные погребения. Поросовый камень содействовал быстрому и полному уничтожению всех подверженных гниению частей покойника.

И повторность погребений, и характер надгробных надписей говорят о существовании в Ликии сильной родовой знати, возглавляемой, может быть, потомками тех чистокровных⁴⁴⁴ матриархальных семейств, о которых сообщает Геродот.

Уже у Гомера мы встречаем и ликийский демос⁴⁴⁵ и ликийскую знать — Λυκίων *ἡγήτορες ἄνδρες*,⁴⁴⁶ вооружение которых отлично от греческого.⁴⁴⁷

На ликийских монетах и в V и в IV вв. до н. э.⁴⁴⁸ преобладают изображения местных ликийских династов.

В фрагменте из трактата Гераклида Понтийского о ликийцах дошло до нас ценное известие о древней Ликии: «Ликийцы проводят жизнь, занимаясь пиратством. Пользуются же не законами, но обычаями и с древних времен управляются женщинами. Давших ложные показания продают, а имущество их обращают в собственность народа».⁴⁴⁹

Треубер считает, что свидетельство о разбое ликийцев непосредственно связано с каперской войной ликийцев против родосских торговых кораблей; поэтому он склонен видеть в основе сообщения Гераклида Понтийского родосский источник.

В одном отношении, повидимому, Треубер прав: сведения об исторической Ликии могли исходить прежде всего от родосцев, территориально близко расположенных к Ликии и настроенных весьма агрессивно.

С другой стороны, пиратство является ранней формой сношений, когда производства на рынок еще нет, а нужда в недостающих товарах уже ощущается.

Ликийцы выступают перед нами еще в Тель-Амарнской переписке как пиратские племена. Аменхотеп III был занят постоянно охраной побережья Дельты от пиратских нападений ликийцев, и в правление Эхнатона царь Алаши (Кипра) сообщал, что «Лукки» ежегодно опустошают одно поселение за другим в береговой полосе его страны.⁴⁵⁰ Ликийских наемников мы встречаем в Египте в правление XXVI династии фараонов.

Таким образом, на протяжении веков ликийцы представляли из себя воинственные племена, поставляющие пиратов и наемников. Отсутствие письменного права, строгие родовые законы, применяемые на родовом суде, — все это говорит о глубокой архаичности древней Ликии, той Ликии, с которой очень рано, может быть еще в IX—VIII вв. до н. э., впервые враждебно столкнулись родосцы.

Все исследователи согласны, что ликийцы сопротивлялись греческой колонизации Малой Азии. В то время как северо-западное побережье полуострова покрывалось сетью греческих колоний и туземцы либо оттеснялись в глубь материка, либо попадали в зависимость, либо (частично) вовлекались в переселенческий коллектив, Ликия оставалась нетронутой греческим колонизационным движением.

Весь IX, VIII, VII и, может быть, даже часть VI вв. до н. э. родосцы вели борьбу с ликийцами, пытаясь укрепиться на побережье Ликии и проникнуть в плодородные и богатые кораблестроительным лесом ликийские долины.⁴⁵¹

На юго-восточном побережье Малой Азии очень рано, повидимому, даже раньше Гелы,⁴⁵² была основана на границе Ликии и Памфилии родосская колония Фаселида, первая и единственная в то время греческая колония в Ликии.

Об основании Фаселиды родосцами дошло до нас несколько скудных сообщений.

В сохранившемся у Афиней фрагменте Филостефана Киренского основателем Фаселиды назван аргосец Лакий, которого некоторые именуют линдийцем, брат Антифема, основателя Гелы. Он был послан Мопсом (по оракулу матери Мопса, Манто, дочери Тиресия) на запад для основания Фаселиды, где купил землю у некоего Килабра за соленую рыбу. Поэтому ежегодно фаселитяне приносят ему в жертву соленую рыбу, чья Килабра, как героя.⁴⁵³

По второму варианту, братья Лакий и Антифем прибыли в Дельфы, и здесь Пифия приказала Лакию плыть к восходу солнца, а засмеявшемуся Антифему — к солнечному заходу.⁴⁵⁴

Третий вариант мы встречаем в фрагменте Геропифа: Лакий, выведший колонию, предложил пастуху Килабру, пасшему скот, плату за землю, и Килабр из всего предложенного Лакием выбрал соленую рыбу. Этот рассказ приведен в объяснение обычая фаселитян приносить в жертву соленую рыбу.⁴⁵⁵

Уже Иммиш, касаясь легенды, отмечал смесь древних и более новых наслоений. Герои легенды Мопс, Манто и Лакий связаны с древним святилищем Аполлона — Кларосом, вблизи Колофона.⁴⁵⁶

Иммиш различал три версии сказания о Манто: первая — о Манто, жрице Аполлона в Кларосе, прибывшей в Дельфы в виде добычи после падения Фив и названной в Дельфах Дафной. Вторая версия, связывающая Манто с Лакием || Ракием, корнями уходящая в Крит. По этой версии, прибывшая из Дельф Манто с людьми захвачена в плен у Клароса и становится женой правителя Клароса критянина Ракия; от их брака рождается Мопс, который затем становится основателем Колофона. И, наконец, третья версия, коринфская, которая связывает Манто с бакхиадом Зогреем.

Лакий называется то аргосцем, то линдийцем.⁴⁵⁷ В Памфилии был известен Ракий как муж Манто и отец Памфила.⁴⁵⁸ В версии Геропифа налицо, несомненно, связь истории возникновения Колофона с основанием Фаселиды; критское происхождение Лакия указывает, по мнению Иммиша, что образ критянина принадлежит древнеколофонской легенде, в то время как брак его с Манто не первоначален.

Святилище Клароса, повидимому, очень древнее и его

культ восходит к догреческому культу солнечного божества с женщиной-жрицей во главе его. Позднее, может быть в VIII в., образ этой древней жрицы принимает черты ионийской сивиллы, пришедшей из Греции (Дельф). Она предстает перед нами в образе Манто, матери Мопса, победителя карийцев, который, изгнав аборигенов Клароса, стал посредником между Кларосом и ионийцами. Ракий отступает на второй план. Отцом Мопса становится Аполлон,⁴⁵⁹ а Ракию||Лакию постепенно отводится второстепенная роль.

Для нас во всем изложенном интересно прежде всего то, что основание Фаселиды стоит в какой-то непосредственной связи со святилищем Клароса и легендами об основании Колофона, почему Геропиф и помещает рассказ об основании Фаселиды в свой трактат Ἰῶροι Κολοφώνιων.

Связь древнекритского героя Лакия||Ракия и с Фаселидой, и с Кларосом, и с колонизацией южных районов Малой Азии также говорит о каких-то связях, объединяющих Фаселиду как колонию Родоса с центральным святилищем Колофона.

Эта связь проглядывает и в жертвоприношениях рыбой, практиковавшихся ежегодно в Фаселиде, с гидромантией в колофонском Кларосе.⁴⁶⁰

Одновременно этот обычай фаселитян, как уже отмечалось в литературе, связан с ликийским рыбным оракулом, о котором сохранен у Афиней фрагмент Полихарма.⁴⁶¹ К тому же это ликийское прорицалище Сура было также связано с культом Аполлона.

Тот факт, что в легендах об основании Фаселиды даны варианты уже более поздних греческих представлений, где Лакию отводится второстепенная роль (он послан Мопсом по оракулу Манто), свидетельствует, по нашему мнению, о более позднем возникновении легенды об основании Фаселиды, когда явилась необходимость связать Фаселиду с Кларосом.

Эта необходимость вытекала из каких-то довольно давних, но непосредственных отношений родосцев с Колофоном, отношений, о которых до нас не дошло прямых сведений.

Однако некоторые данные как будто бы подтверждают наше предположение.

Эпиграфический материал Родоса, как мы уже говорили выше, дает ряд родовых имен, параллельных родовым именам Колофона и Эфеса. На Родосе существовала древняя камирская фила Алфеменида,⁴⁶² в Эфесе одним из подразделений филы Каренеев является хилиастида Алфемея.⁴⁶³ Кроме того, на Родосе (Линд) существовала диагона Агеторидов и

родовое объединение (может быть, патра) Агеториев. В Колофоне мы встречаем родовое объединение, повидимому, род Эгеторидов,⁴⁶⁴ и в Эфесе хилиастиду Эгеторию.⁴⁶⁵

Повторение имени родосского героя Алфемея в родовых названиях Эфеса и Камира, наличие родового имени Агеториев и Эгеториев в Линде и Эфесе и Агеторидов и Эгеторидов в Линде и Колофоне кажется нам обстоятельством, заслуживающим внимания и свидетельствующим о каких-то весьма тесных связях в ранние времена Колофона и Родоса.

Эти выводы косвенно подтверждаются и указанием Геродота на то, что только колофонны и эфесцы не справляли общего ионийского праздника Апатурий.⁴⁶⁶

Родосские города, так же как Колофон и Эфес, помимо общей заинтересованности во внешнеэкономических сношениях, обладали тремя авторитетнейшими святилищами того времени: родосские города — святилищем Афины Линдии, Эфес — Артемиды, Колофон — святилищем Клароса; все святилища — догреческого происхождения.

В восточной колонизации было важнее заручиться оракулом Клароса, чем оракулом Дельф. Поэтому дельфийская версия, сделавшая Лакия братом Антифема и связавшая основание Гелы с основанием Фаселиды, кажется нам значительно более поздней.⁴⁶⁷

В свидетельствах самих родосцев, как показывает линдийская храмовая хроника, воспоминания о ликийской колонизации связывались с представлениями о военных походах. Так, § 23 раздела «С» начинается фразой: «Совершившие с Клеобулом поход в Ликию...».

Это единственное свидетельство о походе линдийского тирана Клеобула в Ликию со ссылкой на доселе неизвестного историка III или II в. до н. э. Тимокрита и на родосского историка, ялища Полизела.

§ 24 представляет посвящение фаселитян: „Фаселитяне — шлем и кривой меч, на которых написано: «Фаселитяне от Солимов Афине Линдии, под предводительством ойкиста Лакия»" (со ссылкой⁴⁶⁸ на родосского историка конца IV в. до н. э. Ксенагора).

Таким образом, здесь изображены военные трофеи фаселитян с некоторым соблюдением местного колорита. В своих комментариях Блинкенберг справедливо напоминает об описании вооружения ликийян у Геродота: «они имели ножи и кривые мечи».⁴⁶⁹

Солимы были, повидимому, одним из племен, отличавшихся от трамилов и живших в районе Фаселиды. По их

имени гора вблизи Фаселиды называлась Солимой. Может быть, это было одно из племен Писидии.⁴⁷⁰

Блинкенберг датирует это событие примерно 690 г. до н. э., считая, что родосцы относили посвящение фаселитян либо ко времени основания города, либо к ближайшему после него.

Интересно отметить, что и здесь, в представлении родосских историков, основание Фаселиды не было мирным актом, как это можно было бы заключить из литературной традиции, сохранившейся у Афиней, где земля была куплена у Килабра за соленую рыбу. Здесь отражена другая, и более правдоподобная версия: земля Фаселиды была отвоевана родосскими колонистами у враждебно настроенных туземцев.⁴⁷¹

В первом издании хроники Блинкенберг правильно отметил, что «ликийцы выступают здесь только в качестве побежденных врагов».⁴⁷²

По пути из Родоса в Киликию Фаселида была наиболее удобная и наиболее посещаемая гавань.⁴⁷³ И позже, в период расцвета родосской морской политики, Фаселида являлась одной из главных морских баз для родосского флота на востоке.

Первым ученым путешественником, посетившим Фаселиду, был Бофорт, оставивший подробное описание ее руин.⁴⁷⁴ Бофорт описывает современный берег, как нагромождение рыхлых, легко разрушающихся скал, покрытых мелким лесом и пересеченных оврагами; ниже залегают желтоватые известняковые породы, заросшие вечнозеленым кустарником. Над берегом и морем царит пик Тахталу с пятнами снега в августе; поднимающееся за ним высокое горное плато, хотя и ниже, но также покрыто сплошным снегом.

Туземцы рассказывали Бофорту об источниках чистой воды, сбегаящих с вершины, и о том, что, несмотря на снег, розы цветут в горах круглый год. При этом мы не можем не вспомнить, что розовые мази фаселитян особенно славились в древности.⁴⁷⁵

На маленьком полуострове, прижатая к подножью Тахталу, была расположена Фаселида, первоначально располагавшая только одной, но ко времени Страбона уже имевшая три гавани. За городом раскинулось озеро, превратившееся теперь в болото. Уже Ливий и Цицерон говорили о Фаселиде как о нездоровой местности.⁴⁷⁶

Город находился на плато, естественно защищенном от моря скалами, отвесно падающими вниз с высоты 18 с небольшим метров. Бофорт отмечает,⁴⁷⁷ что мыс, на котором расположился город, состоял из мягкой скалы, легко поддаю-

щейся воздействию моря. Эти скалы подмываются снизу, и Бофорт во многих местах видел остатки цементированных круглых фундаментов рухнувших жилых домов. Поэтому и самый полуостров и город на нем простирались за современные пределы (рис. 31).

«Если разрушение, производимое морем, будет прогрессировать в той же пропорции — пишет Бофорт, — то скоро от Фаселиды останется немного следов: полуостров будет уменьшаться, постепенно превращаясь в бесформенные рифы скал ниже поверхности моря».⁴⁷⁸

Во времена Бофорта, т. е. в начале XIX в., еще можно было различить остатки искусственного мола в юго-западной гавани города (более поздние путешественники уже его не обнаружили); Бофорт открыл и место некрополя Фаселиды вне города у берегов северо-западной гавани (между озером и гаванью), но часть обнаруженных им саркофагов уже омывалась водой. Можно предположить, что часть некрополя фаселитян находится на дне гавани.

От маленькой северо-западной гавани, хорошо защищенной от бурь и ветров искусственной дамбой, широкая аллея (400 шагов длины, 30 ширины) вела к остаткам больших строений, среди которых мог и находиться, по мнению Бофорта, храм Афины. Эта аллея некогда была украшена посвященными статуями и снабжена сиденьями.⁴⁷⁹ Упоминание храма Афины в Фаселиде мы встречаем у Павсания: Павсаний говорит о том, что в этом храме хранится копьё Ахилла,⁴⁸⁰ которым некогда был, по преданию, ранен Телеф. Как кажется, миф о Телефе в условиях обостренных отношений Родоса и Ликии принимал не только религиозную, но и политическую окраску.⁴⁸¹ Недалеко от этих руин, точно не определенных Бофортом, находился небольшой театр Фаселиды императорского времени, как это видно из найденной здесь надписи строительницы театра Тиндариды.⁴⁸²

Плоская вершина полуострова была покрыта разрушенными современными постройками, среди которых находились

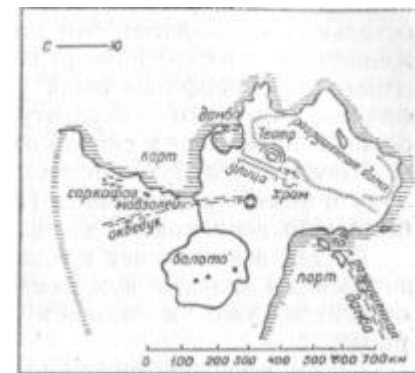

Рис. 31. Фаселида.

также остатки и древнего города.⁴⁸³ К сожалению, более детально их никто не исследовал.

Из находок на месте предполагаемого некрополя нужно отметить остатки одного мавзолея и нескольких саркофагов. Все саркофаги были расхищены и не имели надписей; лишь в одном из них Бофортом обнаружен скелет. На берегу моря стояли два крупных саркофага из белого мрамора, отделанные с большой роскошью. В отличие от сводчатых покрытий остальных саркофагов, эти имели гладкую крышку с изображением в плоскостном рельефе мужской фигуры. Стороны одного из саркофагов были украшены рельефом из цветов и фруктов, другого — скульптурными изображениями погребальной процессии и сценой охоты на вепря, носорога и слона.

Когда на следующий год Бофорт приехал вновь в Фаселиду с намерением сделать гипсовые отпечатки скульптур, это было уже невозможно, волны довершили разрушение.⁴⁸⁴

Риттер высказывает предположение, что здесь могли быть похоронены знатные чужеземцы, может быть, египтяне, но это относится уже к позднему эллинистическо-римскому периоду.

Таким образом, описание ничтожных остатков города не дает какой-либо связной картины; даже то, что осталось, принадлежит к поздним периодам существования Фаселиды.

Дошедшие до нас надписи по времени относятся к эллинистической поре.⁴⁸⁵

Участие Фаселиды в основании Навкратиса при Амасисе говорит и об ее оживленных сношениях с Египтом и о заинтересованности в этой торговой связи.⁴⁸⁶ Из беглого упоминания Фукидида можно заключить, что и в V в. Фаселида была чрезвычайно важным пунктом связи между Сирией, Финикией и Грецией.⁴⁸⁷ Торговые пути Родоса в Киликию, Финикию, Сирию шли через Фаселиду.

Фаселида была основана во враждебной стране и походила на крепость: с севера, с запада и с юга ее отделяли от Ликии крутые горные террасы, опоясывающие ровной дугой Памфилийский залив. Дорога в Фаселиду тянулась вдоль этих гор по береговой полосе. В концах горной дуги между морем и горными террасами, подымавшимися уступами вверх, путь был проходим только при северном ветре, гнавшем волны от берега. В остальное время, особенно зимой, когда дули сильные южные ветры,⁴⁸⁸ дорога заливалась водой, разбивающейся с шумом о скалы. Переход Александра из Фаселиды в Перге по воде через «Памфилийскую лестницу», рассматривался как чудо и породил много легенд.⁴⁸⁹

Погребений ликийского типа здесь не обнаружено; повидимому, ликийцы здесь и не жили.

Обосновавшись лицом к Киликии и спиной к Ликии, фаселитяне прежде всего должны были сделать мореходство и морские торговые и рыболовные промыслы (ср. жертвоприношения рыбой) основным своим занятием.

Начиная с первых дошедших до нас монет (по Хэду до 466 г. до н. э.) и до поздней империи, Фаселида⁴⁹⁰ сохраняла на них изображение то носа, то кормы корабля.

Фаселитяне занимались и садоводством: горы Солима доставляли им много цветов, особенно роз. Возможно, что в районах, непосредственно прилегающих к городу, фаселитяне занимались и земледелием. У Арриана мы читаем, что Александр, прибыв в Фаселиду, разрушил сторожевую укрепленную башню писидян, возведенную на горах над городом, откуда⁴⁹¹ туземцы нападали на фаселитян, обрабатывающих поля.

Из этого мы можем заключить, что греки еще во времена Александра встречались с постоянной враждебностью горцев, не нападавших, конечно, на город, но делавших вылазки на фаселитян, отдалившихся от городских стен.

Удавалось ли поселенцам получать что-либо от туземцев в порядке меновой торговли — мы не знаем. Но при взаимной враждебности этот обмен мог носить лишь спорадический, а не постоянный характер.

Поэтому в основном, повидимому, процветание Фаселиды основано на транзитной торговле.

О связи Фаселиды с районом Эгейского моря говорит, может быть, и миф об основании города, связывающий его через Мопса, Лакия и Манто с оракулом Клароса; об этом же свидетельствует и сообщение Плутарха о большой дружбе хиосцев с фаселитянами во времена Кимона,⁴⁹² дружбе, связанной, может быть, еще с навкратийским двенадцатиградием, членами которого были и Хиос и Фаселида.

В то же время описываемая Плутархом враждебность фаселитян к Афинам в V в. до н. э., может быть, вытекает из общеродосской антиафинской политики этого времени.

Так, в смутных чертах выступают перед нами ранние связи Фаселиды с островным и греческим малоазийским миром.

В истории торговых отношений архаического периода Фаселида должна была играть еще одну роль, чрезвычайно важную для Родоса и определявшуюся ее основанием в районе Ликии, на перекрестках торговых путей: ее флот должен был вести борьбу с пиратами, охраняя морской путь для родос-

ских и других дружественных кораблей. В гавани Фаселиды можно было найти и укрытие от пиратов.

Этот форпост, выдвинутый Линдом и другими родосскими городами далеко на восток, полностью отвечал целям их восточной политики, тесным связям их с Кипром, Финикией и Сирией. Насколько это было важно для Родоса, можно заключить из того, что основание Фаселиды было военным актом, заканчивающим один из этапов борьбы с ликийцами.

Рис. 32. Береговая полоса у о. Мегисте.

Поэтому для основания Фаселиды нужно было не только умело выбрать место, обеспечивающее неприкосновенность городу, но и захватить этот район и удержать его в своих руках, несмотря на враждебность и сопротивление окружающих племен. Это было сделано ценой немалых усилий.

Таким образом, возникла первая по времени отдаленная от Родоса колония Линда.

Позже родосцы укрепляют и пути к своей колонии, захватывая о. Мегисте и строя то *πάλαιαν τεῖχος* в будущем Гагах. Мегисте (современный о. Каstellоризо) был одним из самых крупных по размеру островов у южного побережья Ликии. Он был расположен на одной широте с Линдом и находился, примерно, на полпути к Фаселиде. История и время захвата его нам неизвестны, но уже в V в. до н. э. он принадлежал родосцам, которые удерживали его во все время своего самостоятельного существования⁴⁹³ (рис. 32).

Этот скалистый остров с единственной гаванью, расположенный на крайней южной точке Малой Азии, на пути между Родосом и Хелидонскими островами, являлся прекрасным одновременно и наблюдательным и военным пунктом для охраны торгового морского пути к Сирии и Кипру.

Самый остров был бесплоден; фрукты, зерно, вино, ово-

щи — все доставлялось с материка.⁴⁹⁴ Фелловс отмечает и недостаток воды, которая в его время собиралась и сохранялась в искусственных прудах; возможно, что в древности и питьевая вода должна была доставляться извне. Однако прекрасное расположение Мегисте на оживленном торговом пути, связывающем Грецию с востоком, искупало эти недостатки. Еще в XIX в. Каstellоризо был главным торговым транзитным центром для всего южного малоазийского побережья.⁴⁹⁵

Древний город Мегисте был построен на вершине скалы, господствующей над гаванью, и укреплен мощной стеной, остатки которой были еще видны на поверхности в XIX в. (рис. 33). Таким образом, система укреплений родосской колонии свидетельствует о том, что остров был захвачен силой и представлял родосскую базу военно-сторожевого характера. Родосские торговые корабли могли найти здесь безопасную стоянку на полпути к Фаселиде.

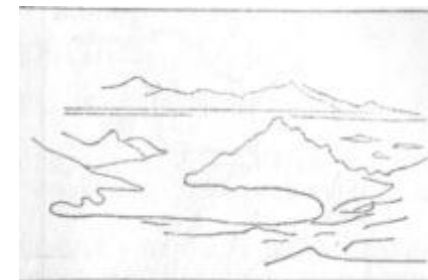

Рис. 33. Остров Мегисте, его гавань.

Кроме того, с о. Мегисте, расположенного у входа в гавань Фелла и Антифелла (ликийское название которого Киинда),⁴⁹⁶ можно было контролировать вход и выход из этой гавани.

Далее на восток, севернее Хелидонских островов, родосцы обосновываются в Гагах; о заселении ими этого города мы узнаем только из «Большого этимологического словаря»⁴⁹⁷ (рис. 34).

Повидимому, Гаги существовали как местное поселение; туземное имя города удержалось и в период поселения здесь родосцев.

Первоначально, по свидетельству историка Александра Полигистора, современника Суллы, Гага называлась *πάλαιον τεῖχος*.⁴⁹⁸ Это название указывает на укрепленное поселение во враждебном или полувраждебном районе (ср. *Μιλήσιων τεῖχος* в Навкратисе).

В предании об основании Гаг, сохраненном в «Этимологике», отразились, по нашему мнению, представления о долгой борьбе родосцев у берегов Ликии. Героем предания является родосский военачальник Немий, сражавшийся с ликий-

скими и килийскими пиратами у южных берегов Малой Азии.⁴⁹⁹ Здесь же отражены и представления о родосских колонистах, требующих у ликийцев земли, и о туманных и страшных бурях, губящих корабли у скалистых ликийских берегов.⁵⁰⁰

Родосская крепость, возникшая на территории наземного поселения Гаги, никогда не играла сколько-нибудь значительной роли в торговых связях того времени.

Может быть, в легенде об основании этого города отразилось его позднейшее назначение — охраны морских путей от пиратов и забота о безопасности дорог, ведущих через Фаселиду в Киликию (Солы), в Сирию и на Кипр.

Возникновение этих промежуточных баз на пути к Фаселиде лишней раз показывает, какое огромное значение придавали родосцы своему торговому пути на восток.

Если основание киликийских Сол с участием родосцев совершилось действительно около 700 г. до н. э.,⁵⁰¹

то необходимость обеспече-

Рис. 34. Побережье от Хелидонских островов до Фаселиды.

ния торгового пути на восток должна была еще более возрасти уже в VI в. до н. э., так как Солы соединялись с единственной сухопутной дорогой, ведущей к южному берегу Черного моря.

Самое положение Родоса вблизи берегов Кари и Ликии и обладание островом Мегисте фактически ставило все внешние сношения по морю с Ликией под контроль родосцев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

РОДОС НА ПУТИ К ОБЪЕДИНЕНИЮ

Таким образом, родосские города в VIII—VI вв. до н. э. переживали период быстрого экономического и политического развития.

Если в VII в. до н. э. родосцы уже были тесно связаны с Сицилией и с Африкой (Кирена и Навкратис), то одновременно и еще более интенсивно развивалась их экспансия на восток.

Уже и часть соседних островов была втянута в состав родосских общин, вероятно (как об этом свидетельствует наличие ктен, а в Кари — и старых дорийских фил), путем выселения туда колонистов.

В этот период начинается и продвижение в Черное море, где родосцы вступают в конкуренцию и с Милетом, и с Фокеей, и с Мегарой. Самое название одного из родосских демов в Кари — Боспоран, может быть, отражает эту черноморскую экспансию родосцев.

В VI в. Камир и Линд переходят к собственному чекану монет (Ялис начинает чеканить свою монету лишь в V в. до н. э.); интересно, что Камир чеканит монеты (из серебра и электрона) по эгинскому образцу, а Линд — по финикийскому.¹

Во главе родосских государств стоит знать, тесно связанная с родовыми традициями своих городов, в городах все большее влияние получает знать, связанная с торговлей и с колонизацией. Родовые организации Родоса сохраняли дорийские традиции; рабовладельческая знать Родоса, возводившая себя к Гераклидам, во многих отношениях тяготела к Пелопоннесу, стремясь сохранить дружественные отношения одновременно и с Аргосом и со Спартой.

Между тремя автономными родосскими городами все время существовала тесная связь, и родосская колонизация осу-

шествовала обычно при участии всех этих городов под руководством Линды.

О внутренней жизни трех основных центров в интересующий нас период мы, в сущности, ничего не знаем.

События 580 г. до н. э., свидетельствующие об острых формах классовой борьбы на Родосе, мы склонны считать имеющими общеостровное значение. Именно поэтому, как нам кажется, «предки Ферона» были вынуждены совсем покинуть остров и переселиться на Сицилию.

С половины VI в. до н. э. остров подчинен Персии и остается под властью персов до конца греко-персидских войн.² Поддержка персами родосской знати — вне сомнения. Наличие персофильской партии на Родосе подтверждается такой классической фигурой, как ялиссский лирический поэт Тимокреонт, изгнанный афинянами после победы над персами.³

Диодор, перечисляя морские силы Ксеркса, говорит о срока дорийских кораблях, предоставленных Родосом и Косом.⁴

После битвы при Евримедонте остров входит в Афинский морской союз, т. е. меняет персидский протекторат на афинский. Вместе с тем здесь устанавливается демократия. Родовая земельная знать продолжает существовать, образуя олигархическую (спартанскую) партию. Во главе этой партии стоял знатный ялиссский род Диагоридов,⁵ которые вскоре после 430 г. до н. э. были приговорены к смерти и изгнаны афинянами за тяготение к Спарте.⁶

После сицилийской катастрофы афинской экспедиции, в 412—411 гг., спартанский флот под командой Астиоха, имея в числе адмиралов родосца Дориея, направляется к острову.

Фукидид сообщает, что спартанцы «имели намерение плыть к Родосу на основании переговоров, проведенных с его гражданами из числа людей наиболее значительных».⁷

Переговоры, очевидно, велись втайне, касаясь интересов только этих «значительных» людей. Простой народ ничего не знал ни о факте переговоров, ни об их содержании. Поэтому занятие спартанцами Камира «навело страх на большинство граждан, ничего не знавших о происходящем».⁸ Жители разбежались. «Затем, — продолжает Фукидид, — лакедемоняне, созвав их, а равно и родосцев из двух других городов, Линда и Ялиса, убедили отложиться от афинян».

На виду стоящего в гавани спартанского военного флота в городе, который, как отмечает Фукидид, даже «не имеет стен», устраивается инсценировка народного собрания, состоящего из того «большинства», которое разбежалось при по-

явлении спартанцев и теперь со страхом возвращалось домой.

Это собрание, по существу, нужно рассматривать, как съезд тех «значительнейших», граждан трех родосских городов, с которыми уже и раньше вели спартанцы переговоры и для которых вопрос выхода из Афинского морского союза был предрешен.

Несомненно, что все наиболее влиятельные граждане трех городов были настроены враждебно к Афинам. Из 47 имен городов и общин Карииского податного округа 21 имя падает на долю родосских городов; при этом на самом Родосе податными единицами являлись не только Камир, Линд и Ялис, но были добавочно выделены Брикиндарии на Родосе, Диакрии на Родосе и Эиаты линдийцев. Острова, входившие в состав родосских общин, выделялись в особые податные единицы (иногда даже в несколько податных единиц, как на Карпафе); так же обстояло дело и в кариийских владениях Родоса.

Таким образом, афиняне проводили политику не только экономического, но и политического раздробления Родоса (так, например, о. Нисир, бывший к V в. до н. э. уже родосским, был причислен афинянами даже к другому — Ионийскому — податному округу).

Связи родосских городов с их колониями были прерваны развитием афинской талассократии. В Навкратисе в этот период преобладает аттическая керамика; на самом Родосе, в погребениях V в. до н. э., афинская керамика, часто невысокого качества, вытесняет всякую другую.

Несомненно, что и внешнеполитический контроль, усилившийся после смерти Перикла, тяготил родосцев. Поэтому дружба со Спартой, усиливаемая дорийским происхождением родосцев, является не только тенденцией землевладельческой знати, но и торгово-промышленной олигархии.

Одновременно с переходом на сторону спартанцев в родосских полисах власть переходит к олигархам.

Таким образом, в сообщении Фукидида мы имеем первое прямое указание на съезд представителей трех государств в Камире для принятия общеродосского решения.

Приблизительно от 410 г. до н. э. сохранилась уже упоминавшаяся нами надпись, найденная в Линде.⁹ Издатель надписи Блинкенберг, отметив, что она является одним из наиболее древних родосских постановлений, до нас дошедших, далее пишет: «Как можно видеть, на Родосе во время принятия декрета существовало центральное правительство: совет и пританы. Далее в декрете говорится, что переводчик

из Навкратиса будет проксеном всех родосцев» (**Ῥοδίων πάντων**) Эти два последние слова интересны. Они подтверждают, с одной стороны, что политическое объединение Родоса уже совершилось. Ранее имелось просто три небольших города, независимых друг от друга, отдельно проводивших свои сношения с иностранцами и имевших каждый своих проксенов в других странах. Родос теперь объединен и имеет общего представителя в Египте. Но, с другой стороны, употребленное выражение **Ῥοδίων πάντων**, повидимому, отчетливо указывает также на то, что объединение совершилось совсем недавно и что синойкизм в собственном смысле слова, понимая под ним объединение в один город, еще не имел места.

Далее, проводя параллель с аркадской надписью IV в. до н. э.,¹⁰ где выступает аркадская конфедерация, состоявшая тогда из 10 городов, Блинкенберг обращает внимание на аналогичное выражение **Ἀρκάδων πάντων**. «Я думаю, — пишет он, — что таким же образом переводчик из Навкратиса получил имя проксена „всех родосцев“ от центрального управления острова в эпоху, когда Родос не знал еще синойкизма и когда, как в Аркадии, города имели еще независимое существование и были объединены между собой лишь узлами конфедерации».

В заключение Блинкенберг приходит к выводу, что этот декрет относится к кратковременному промежуточному периоду между 411 и 408—407 гг. до н. э., а именно к периоду между созданием общего управления у трех городов и полным политическим объединением всего острова. Кратковременностью периода Блинкенберг и объясняет отсутствие на Родосе аналогичных надписей.

Однако мы не можем согласиться с гипотезой Блинкенберга.

Во-первых, кроме сходства выражений **Ῥοδίων πάντων** и **Ἀρκάδων πάντων**, между этими надписями существует и различие, которое нельзя игнорировать. Начало аркадской надписи гласит: "Ἐδοξε τῆ βουλῆ τῶν Ἀρκάδων καὶ ... и т. д. Линдийская надпись начинается просто: ["Ἐδοξε ταῖς βούλαι ἐπὶ πρῶτανῶν и т. д.

Казалось бы, если был сделан, как думает Блинкенберг, первый шаг к синойкизму — образование конфедерации трех городов, и если это первый декрет общей, только что возникшей конфедерации, то декрет должен был бы начинаться так: "Ἐδοξε ταῖς βούλαι τῶν Ῥοδίων или Ῥοδίων πάντων (ср. родосские декреты: α λόγος α τῶν Ῥοδίων). Объедине-

ние всех родосцев не могло остаться не отмеченным: ведь и постановление аркадской конфедерации, имевшей место до синойкизма, обозначается прибавлением τῶν Ἀρκάδων.

Существует и другая надпись, явно противоречащая всему построению Блинкенберга, найденная в Навкратисе.¹¹

Надпись эта приобретает для нас особый интерес тем, что она по всем признакам одновременна с надписью, найденной в Линде; обе надписи являются проксеническими постановлениями.

Как отмечал уже акад. С. А. Жебелев,¹² наличие совета и народа в последней надписи объясняется тем, что линдийцы выбирают здесь своим проксеном линдийца же Дамоксена, поселившегося в Навкратисе и сохранившего гражданские права в Линде. Этот необычный случай потребовал вынесения вопроса на народное собрание.

В первом же постановлении речь идет об избрании проксеном гражданина Эгины и, повидимому, в обычных случаях дарования проксении мог выступать единолично совет, без обращения к народному собранию.

Кроме того, в обоих случаях мы имеем дело именно с советом Линда и с обычной формулировкой декретов этого города.

Таким образом, гипотеза Блинкенберга должна отпасть. Три города и в этот период 411—410 гг. продолжают оставаться автономными.

Однако оба постановления очень интересны тем, что по времени своего появления они являются непосредственным результатом выхода родосцев из Афинского морского союза.

Первое постановление о даровании проксении переводчику из Эгины всеми родосцами исходит из Линда. Следовательно, нужно предполагать, что аналогичные постановления были вынесены и в Камире и в Ялисе — также о назначении данного лица проксеном всех родосцев.

В этом нет ничего удивительного, так как в Навкратисе все три города были объединены в общем панэлленионе и естественно ставили очень единодушно.

Однако из этих постановлений мы можем сделать два заключения: во-первых, что появлению трех параллельных проксенических постановлений в трех родосских городах предшествовало предварительное согласование этого вопроса; во-вторых, что отпадение от Афин было продиктовано насущным стремлением родосцев восстановить свои прежние торговые связи со своими бывшими колониями и, конечно, в первую очередь, с Египтом.

Таким образом, воспользовавшись ослаблением Афин, родосцы с помощью спартанцев освобождаются от власти афинян и немедленно возвращаются к политике того времени, когда они были независимыми государствами. Однако в планы Спарты не входило предоставление полной свободы действий родосским городам.

Диодор сообщает, что, покинувши Родос, спартанский флот летом того же года был вынужден возвратиться на остров, так как было получено известие, что некоторые из родосцев «замышляют переворот».¹³

Обычно западными учеными это известие понимается в том смысле, что на Родосе происходит оживление деятельности демократической партии, поддерживающей афинян.

Поэтому мы вправе поставить вопрос — действительно ли нужно понимать всякую борьбу на Родосе как борьбу афинской партии со спартанской? Действительно ли спор шел лишь о том — держать острову сторону Спарты или сторону Афин? Несомненно, что гегемония афинского торгового капитала и сильное повышение налога не могли не отражаться на свободных трудовых слоях родосского населения. Поэтому родосские города единодушно решили вопрос о выходе из союза. Несомненно и то, что спартанская гегемония также не предвещала родосцам никаких утешительных перспектив их собственного развития.

Как кажется, коротенькую заметку Диодора нужно понимать именно в этом смысле.

На фоне общего неустойчивого политического положения, на фоне продолжающейся борьбы Афин и крайне сложной международной, внешнеполитической обстановки, слабость трех торговых городов, сохранявших свою обособленность, должна была резко ощущаться на Родосе. В целях сохранения политического лица требовалась централизация власти, требовалось образование единого политического центра.

Блинкенберг и Кинк хотят видеть в этом почти исключительно политическое мероприятие, так как афиняне имели перевес в силах над пелопоннесцами. Кинк ссылается на то, что зимой того же года Алкивиад, явившись на Родос, сильно его опустошил. «Вероятно, именно страх перед Алкивиадом заставил родосцев создать себе столицу, хорошо укрепленную, и сосредоточить там свою защиту. Этот важный акт не был решен без одобрения Дориея».¹¹

Говоря о синойклизме, необходимо учитывать и чисто политические мотивы, но не следует, однако, ограничиваться только ими.

Во-первых, строить город только для защиты от Алкивиада никто бы не стал; здесь правомернее было бы говорить о целях защиты острова не только от афинян, но и от любого другого врага.

Во-вторых, постройка нового города и его укрепление требовали больших средств и длительного времени. Война же требует быстрых мер; наличие опасности афинского вторжения не могло бы само по себе вызвать столь важного решения о перестройке всей конституции Родоса, о нарушении многолетних традиций трех автономных государств.

Город Родос, как центр всей политической жизни острова, был построен не столько в практических целях самозащиты, сколько в целях создания сильного государства с объединенным военным управлением, с объединенным флотом, с объединенными экономическими ресурсами.

Путь самостоятельного экономического развития мог быть осуществлен только при завоевании полной политической независимости. И хотя еще не решился вопрос — кто победит Афины или Спарта, тем не менее было ясно, что не только побежденный, но и победитель выйдет из борьбы сильно ослабленным и истощенным.

Наступал тот благоприятный момент, когда, пользуясь ослаблением Афин, можно было вступить в борьбу с афинянами, борьбу не столько политическую, сколько экономическую; наступал момент, когда, пользуясь истощением двух борющихся сил, можно было отвоевать свою политическую независимость.

Таким образом, создание города Родоса было со стороны родосцев одновременно и антиафинским и антиспартанским актом. И, характерно, что Дорией, испытанный друг Спарты, приговоренный афинянами к смерти и позже сражавшийся все время в рядах спартанского флота, вскоре после возникновения города Родоса, гибнет от руки спартанцев, распознавших с некоторым опозданием подлинные замыслы островитян.¹⁸

408—407 гг. до н. э. — время создания города Родоса — является важным переломным моментом родосской истории. Общими усилиями крупной торговой олигархии был создан город, построенный по заранее намеченному архитектурному плану, город, самая внешность которого была рассчитана родосскими купцами на определенный эффект.

Несомненно, бывшее налицо торговое соперничество трех городов не позволило сделать ни один из них «центром» объединения. Город возник с учетом его будущего торгового

развития в месте, наиболее выгодном, ибо Родос, в условиях каботажного плавания, оказывался на пересечении морских путей, ведущих из Сирии и Египта в Грецию. Создавалась, таким образом, наилучшая возможность для перехвата торговых кораблей, направляющихся к Пирею.

Родосцы готовились к большой борьбе, из которой они впоследствии и вышли победителями.

ПРИМЕЧАНИЯ

К предисловию

- 1) Полная библиография этой литературы приведена в кн.: Селиванов, стр. VI-VIII.
- 2) J. Meursi. Creta, Cyprus, Rhodus insularum rebus et antiquitatibus. Amstelodami, 1675.
- 3) P. M. Coronelli. Isola di Rodi. Geographia-storica moderna, Venezia, 1688.
- 4) Работа Меурсия была издана уже после его смерти, на следующий год после окончания третьей англо-голландской войны, а книга Коро-нелли — вскоре после потери венецианцами Крита и захвата ими Мореи.
- 5) L. Ross, Reisen auf den griechischen Inseln (том III посвящен Родосу). Stuttgart-Tübingen, Kleinasion und Deutschland. Halle, 1850.
- 6) A. Berg. Die Insel Rhodus, aus eigener Anschauung und nach den vorhandenen Quellen. Braunschweig, 1862.
- 7) C. T. Newton, Travels and discoveries in the Levant, I-II, London, 1865.
- 8) J. H. Schneiderwirth. Geschichte der Insel Rhodus nach den Quellen bearbeitet. Heiligenstadt, 1868.
- 9) Ed. Biliotti et l'abbé Cottret. L'île de Rhodus. Rhodus et Compiegne, 1881.
- 10) C. Torr. Rhodes in ancient times. Cambridge, 1885.
- 11) G. Van-Gelder. Geschichte der alten Rhodier. Haag, 1900.
- 12) F. Hiller von Gaertringen. Rhodos. RE, Supplb. V.
- 13) A. Maiuri. Rodi. 2-е изд., 1921. Позже появилось и 3-е издание.
- 14) Dr. Skevos. Zervos. Rhodes, capital character du Dodécane. Ставшая мне известной статья Insel des Rosen. Italien, ee III, название, 4 совершенно 1920. (Hohenem-1930, бес-содержательна и неинтересна.
- 15) W. Deonna, L'île de Rhodes et son passé. L'Acropole, III, вып. 3/4. № 11-12, 1928, стр. 166 сл.
- 16) Не считая ряда интересных статей по родосским надписям, ликованных в ЖМНП и в AM, очень ценной является основная работа Селиванова, упоминаемая в тексте.
- 17) Наиболее ранние издания надписей см.: Graesae ineditae, I, Alhen, 1842; II, Berlin, 1845. — L. Он же. Ross, Inschriften von Lindsos auf Rhodus. Bonn, 1846. — Halle, 1848. — Newton, Brit. Mus. Первые полные издания родосских надписей см.: IG,

XII, 1—3. — *Inscriptions Insularum maris Aegaei praeter Delum*, Ed. F. Hiller v. Gaertringen, Berlin, 1805—1904. — SGDI, где родосские надписи обработаны к изданию Ван-Гельдером. Позже появились и дополнения к этим основным изданиям: A. Scrinzi, *Iscrizione greche inedite di Rodi*, *Atti del R. Istituto Veneto*, LVII, 1898/99, стр. 251—286 (к сожалению, эти надписи остались мне недоступными); имеется также ряд публикаций отдельных родосских надписей следующих авторов: J. Martha, M. Holiеaux et Ch. Diehl, P. Foucart, F. Durrbach et C. Radet, Hiller v. Gaertringen, A. Laumonier, H. Röhl, R. M. Dawkins, C. T. Newton, T. L. Myers, D. Chaviaras—E. Hula, M. a. N. Chaviaras, печатавшиеся в AM, BCH, 'Еф. Ol, RA, Arch. Ep. Mittheil., JHS, BSA, SB d. Preuss. Akad., SB d. Wien. Ak., Arch. Jahrb., REG, Rev. de Phil., Riv. Fil. и др. Итальянские публикации в An.: C. G. Porro, G. Oliverio, A. Maiuri, M. Segre, CR (II и VI/VII — Iacopi); надписи Родоса и Коса в 1925 г. издал Maiuri (NS); датские: J. Benediktsson, Chg. Blinkenberg (Ov. и Lind.). Из надписей Линда особенно интересны список жрецов (Lind., II, № 1) и линдийская храмовая хроника: 1-е издание — Ov., 1912; 2-е (отдельным выпуском), 1915; третье в прекрасном издании всех линдийских надписей: Lind., II, № 2, 1931 г. 3-е издание надписей Диттенбергера (CIG³) включает ряд сравнительно новых родосских надписей.

18. Краткие археологические отчеты о раскопках на Родосе появились, главным образом, в AM и RA; последние по времени публикации — итальянские: BA (с 1914 г.), An. I-IX (1914—1926), CR (I-X) с 1929 г.

19. M. Holiеaux. Sur la chronologie des inscriptions Rhodiennes. *Rev. de Phil.*, XVII, 1893, стр. 185.

20. M. Guarducci, Note di antichità rodie, *Historia*, IX, 1935, стр. 420 сл. — Она же. Orgeoni e tiasoti. *Riv. Fil.*, XIII, 1935, стр. 332 сл. — Она же, L'istituzione della Fratria nella Grecia antica e nelle colonie greche d'Italia, I, *Mem. Ac. Lincei, Cl. Morale, Stor. e filol.*, II 1, Roma 1937.

21. Cp.: A. Momigliano. Note sulla Storia di Rodi. *Riv. Fil.*, XIV, 1936, стр. 49 сл. Серьезное впечатление производит своей большой эрудицией (и в эпиграфике и в историко-религиозных вопросах) трагически погибший от руки гитлеровцев в лагере Освенцима М. Сегре. Из отдельных работ по Родосу большую группу составляют путешествия (они перечислены в работе: Селиванов, стр. III сл.); из археологических монографий заслуживают внимания работы Кинка (K. F. Kinch Vroulia. Berlin, 1914. Он же - Lind., I, 1931), отличающиеся тщательной обработкой всего комплекса раскрытого им материала и специальным исследованием родосской керамики. Cp. и работу Поульсена-Ф. Poulsen. *Der Orient und die frühgriechische Kunst*, Leipzig — Berlin 1912; автор явно переоценивает роль финикийского влияния в ранней истории Греции. Вопросам колонизации и ранней истории Родоса посвящены уже устаревшие статьи Th. Menge. Ueber die Urgeschichte d Insel Rhodos, 1827. — F. Lüders. Die Kolonien d. Rhodier. *Ztschr. f. Alterthurnswiss.*, X, вып. 4, 1852, стр. 289 сл., стр. 297 сл. Более поздняя работа: H. Francotte. *La polis grecque*. Paderborn, 1907. РОДОССКОМУ синойкизму посвящен специальный раздел в конце книги, где автор приводит в основном правильную мысль о древности родовых организаций Родоса, не всегда, правда, удачно ее доказывая. С трактовкой ктен как родовых братий в свете новых, ставших теперь известными, материалов, нельзя согласиться. Вопросам, связанным с родосскими культами, посвящены работы: M. W. Heffter, *Die Götterdienste auf Rhodos im Alterthume*, 1—3, Zerst, 1827 — 1833 (сильно устарела). — W. Dittenberger. *De sacris Rhodiorum commentatio*. Halis, 1-е изд., 1886; 2-е изд.,

1887 (исследование, ценное привлечением всего известного тогда эпиграфического материала). — Aug. Becker. *De Rhodiorum primordiis*. Leipzig, 1882 (работа с очень наивными попытками рационалистического толкования отдельных родосских мифов). Вопросам родосской конституции и общей характеристике эллинистического Родоса посвящены уже устаревшие работы: W. Bottermund. *De republica Rhodiorum commentatio*. Halis, 1882. — C. Schumacher. *De republica Rhodiorum commentatio*. Heidelberg, 1886. Этим, по существу, насколько мне известно, и исчерпывается скудный список специальных работ по истории о. Родоса.

К главе I

1.0 раскопках Билиотти в Камире см.: A. Furtwangler — G. Loeschcke. *Mykenische Vasen*. Berlin, 1886, стр. 1—18. — G. Loeschcke. *Mittheilungen aus Kamiros*. AM, VI, 1881, стр. 1 сл. — E. Pollier, *Catalogue de vases antiques de terre cuite de Musée du Louvre*, I, Paris, 1896, 130 сл. Раскопки Билиотти, любителя древностей, можно рассматривать лишь как неумелую и хищническую погоню за „хорошими вещами“ диллеланта-коллекционера.

2. См. публикации отчетов о раскопках: An., I—VII, 1914—1926; BA, III—VII и CR, 1-X, 1931—1941.

3. На территории Виллановы: микенское погребение с дромосом и камерой, ср.: BA, X, 1916, стр. 97.

4. Микенские погребения были впервые обнаружены Зальцманом в 1858—1865 гг. к северу от камирского акрополя. Материалы из своих раскопок Зальцман издал в Париже в 1875 г. (*La nécropole de Kamiros*, 60 иллюстраций in folio в папке). Однако ни отчета о раскопках, ни объяснений к изданным материалам не последовало. Зальцман тоже искал „красивые вещи“ и крайне небрежно относился к ведению дневника раскопок. Выводы Зальцмана при общем очень плохом знакомстве с историей, отличались крайней фантастичностью. Об его раскопках см.: A. Salzmann. *Une ville homérique, sa nécropole, découverte par M. Salzmann*. RA, IV, 1861, стр. 467—472. — Он же. *Journal des fouilles de Kamiros*. Bull. arch. du Musée Parent, вып. 1 (последнее издание в настоящее время — библиографическая редкость). — L. Heuzev. *Catalogue des figurines antiques de terre cuite du Musée du Louvre*, I, Paris, 1891, стр. 211. — G. Porro. *Esplorazioni nel territorio di Kamiros (Rodi)*. An., I, 1914, стр. 368-369. — Он же. *Ricognizione archeologica di Kamiros*, BA, IX, 1915, стр. 299. Отчеты о раскопках в Камире см.: CR, IV, 1931 и VI/VII, 1932.

5. Отчеты о раскопках в Линде публиковались с 1903 г. Блинкенбергом и Кинком в Копенгагене, см. *Exploration archéologique de Rhodes* (Fond. Carlsberg), Ov. Датские археологи раскапывали лишь линдийский акрополь и храм Афины; в качестве случайных находок там нередко встречались и фрагменты микенской керамики, указывающие на то, что Линд был обитаем уже в микенский период. Сводный труд, с включением и новых материалов, издан в 1931 г.: Lind, I; II, 1—2 (надписи). На территории, входившей в состав линдийского государства, обнаружены: отдельные находки в Аполлакии, микенский некрополь, который еще не раскопан; в Каттавии—два микенских погребения (ср.: K. F. Kinch, Vroulia. Berlin, 1914, стр. 1 сл.); Вати: микенский некрополь (ср.: Kinch, там же, стр. 2); Лартос: микенский некрополь и др.

6. CR, X, 1941.

7. Cp. словарь Сундвала: J. Sundvall. *Die einheimischen Namen d. Lykier nebst einem Verzeichnisse kleinasiatischer Namenstämme*

(Klio, Beih. XI), Leipzig, 1913.-Aug. Fick. Vorgriechische Ortsnamen, als Quelle f. d. Griechenlands. Göttingen, 1905, стр. 45—46.

8. St. Byz., s. v. Κρητινά.

9. VG, стр. 27 сл.

10. Lind. Tempelchr., IV.

11. Maiuri. Ialiso. An., VI/VII, 1923 24, Bergamo, 1926. Род низкого подиума замечен только в трех случаях, в погребениях: 28 (стр. 154 и 237), 33 (стр. 182) и 51 (стр. 212).

12. Там же, стр. 242.

13. Там же, стр. 241.

14. Там же, стр. 243.

15. Там же, стр. 241.

16. Там же, стр. 117-127.

17. Там же, стр. 128—133.

18. Там же, рис. 59, стр. 129-130 (ср.: MA, XIV, стр. 567 сл.).

19. Там же, рис. 51, стр. 130—132.

20. Там же, стр. 172—175.

21. Там же, стр. 176-182.

22. Там же, стр. 189—194.

23. M. Dörpfeld. Verbrennung u. Beerdigung d. Toten im alten Griechenland. Comptes rendus du Congrès International d'Archéologie, Athènes, 1905, стр. 161. — Он же. Verbrennung und Bestattung der Toten im alten Griechenland. Mélanges Nicole, Genève, 1905, стр. 95 сл.

24. H. Schliemann. Mykenae. Leipzig - London, 1878, стр. 234 сл. 244 сл., 293 сл., 373, 376.

25. W. Helbig. L'épopée homérique, expliquée par les monuments. Paris, 1894. Позже в дискуссии с Дөрпфелем примерно в таком же духе высказывались Монтелиус и Эванс, ср.: Mélanges Nicole, то же.

26. Chr. D. Tsountas, Eqr., 1885, стр. 30 сл.

27. P. Stamatakis, AM, 1878, стр. 277 сл.

28. W. Vollgraff. Fouilles d'Argos. BCH, 1904, стр. 391—392.

29. L. Savignoni. Scavi e scoperte nella Necropoli di Phaestos. MA, XIV, 1905, стр. 501—666.

30. F. Halbherr. Three Cretan Necropolis: Report on the researches at Erganos, Panaghia and Courtes, AJA, V, 1901, стр. 287 сл.

31. A. Taramelli. Notes on the necropolis of Courtes. Там же, стр. 300—301.

32. Kavvadias, Catalogue des Musées d'Athènes, 1894, стр. 25 сл. ср: Chr. Tsountas a. J. A. Manatt. The Mycenaean age. Boston, 1897, стр. 388.—F. Poulsen. Die Dipylongräber und die Dipylonvasen, 1905, стр. 2.-S. Wide. Gräberfunde aus Salamis. AM, XXXV, 1910, стр. 17 сл.

33. Kastorchis u. Kondakis, A^{va}-ov. 1878, VII, стр. 183 сл.; VIII, 1879, стр. 517 сл.-(их раскопки известны мне лишь по ссылкам)—H. G. Lolling. Ausgrabungen am Palamidi. AM, V, 1880, стр. 143—163; ср: I. Zehetmaier. Leichenverbrennung und Leichenbestattung im alten Hellas. Leipzig, 1907, стр. 85—87.

34. Lolling, AM, V, стр. 162—163.

35. W. R. Patton. Excavations in Caria, JHS, VIII, 1887, стр. 64 сл. р Dümmler. Bemerkungen zum ältesten Kunsthandwerk auf griechischen Boden. AM, XIII, 1888, стр. 273 сл.

36. F. Poulsen, Die Dipylongräber... стр. 1. Ср. мнение Энгельбрехта о преемственности ритуалов захоронения в переходный период: A. Engelbrecht. Erläuterungen z. Homerischen Sitte der Totenbestattung. Festschrift f. O. Benndorf, Wien, 1898, стр. 1 сл.

37. G. Perrot et C. Chipier. Histoire de l'Art dans l'Antiquité, VI, 1894, стр. 564-570.

38. Там же, стр. 400—401.

39. W. Vollgraff, BCH, 1904, стр. 364 сл.

40. Там же, стр. 397. Общие соображения Фольграфа как будто бы подтверждаются выводами Цехетмайера, который, вопреки мнению Поульсена и Пфуля, утверждает наличие трупосожжений в домикенский период в Греции* (кикладская культура, стиль камарес на Крите) на основании находок в Элевсине. Однако это остается сомнительным, и датировка Цехетмайером погребения (с находкой железного наконечника), раскрытого Филиосом в 1884—1886 гг. как домикенского, — спорна, так же как спорна датировка пиров, раскрытых в Элевсине Скиасом; ср.: A. N. Skias, 'Eq>, 1898, стр. 29 сл.

41. P. Orsi, MA, I, 1892, стр. 201 сл.

42. Камера в среднем от 2.50 x 3.00 м; длина дромоса часто зависит от топографии холма, в среднем 7—10 м.

43. E. H. Hall. Excavations in Eastern Crete. Anthropological Publications of the Pennsylvania University, III, 2, Philadelphia, 1912, стр. 73. Ср: R. Dussaud. Les civilisations préhelléniques dans le bassin de la mer Egée. Paris, 1914, стр. 35.

44. На семейно-родовой и даже клановый характер планировки такого же типа камерных погребений в Микенах обратил внимание производивший там раскопки M. A. Wace. Chamber tombs at Mycenae. Archaeologia, LXXXII, 1932, стр. 121.

45. Ср., например: Her., V, 8. О погребениях у фракийцев.

46. A. Furtwängler—G. Loeschcke. Mykenische Vasen, стр. XI—XII.

47. Ср: St. A. Xanthoudides, 'Eφ., 1904, стр. 22 сл. Керамический материал погребений позднемикенского периода собран у Фиммена: D. Fimmen. Die Kretisch-Mykenische Kultur. Leipzig—Berlin, 1924, стр. 145.

48. Таковы: Пресос: на акрополе позднемикенское погребение; южнее — купольные гробницы, материал которых характерен переходом к геометрическому стилю (см: R. C. Vossanquet. Excavations at Praesos, I, BSA, VIII, 1901—1902, стр. 231—270 табл.); Кавуси: поселение времени перехода к геометрической керамике, частью геометрического периода (ср. H. A. Boyd. Excavations at Kavousi. Crete, 1900. AJA, 1901, стр. 125-127, табл. I—V); Врокастро: поселение и некрополь времени перехода к геометрической керамике (ср.: E. H. Hall. Excavations at Vrokastro. Crete, 1912. AJA, XVII, 1913, стр. 91—92); Приния: акрополь с находками позднемикенской керамики; поселение времени перехода к геометрическому стилю (ср.: Fimmen, Kret-Myk. Kultur, стр. 21.—L. Pernier. Vestigia di una città ellenica arcaica in Creta, Mem. Ist. Lomb., XXII, вып. 2, 1910, стр. 53—62); Куртес: акрополь позднемикенского периода и погребения с преобладанием геометрического материала (ср. Halbherr, Taramelli a. Mariani. The vases of Erganos and Courtes. AJA, V, 1901, стр. 259-301).

49. Л. Г. Морган. Древнее общество. 1924, стр. 270 прим. 1.

50. II., VI, 242-250.

51. Ср. G. Karo, Kreta, II, RE, XIII, стр. 1793.

52. Полный подбор источников мифа о Данае и Данаидах на Родосе у Блинкенберга: Chr. Blinkenberg. 'Ροδου χtiorat. Hermes, XLVIII, 1913, стр. 141 сл.; критику его взглядов см. в главе III этой книги (Навкратис).

53. Ср. также: M. Nilsson. Homer and Mycenae, 1933, стр. 108.—Он же. The mycenaean origin of greek Mythology. London, 1932, стр. 64.

54. Там же.

55. Ср. J. Bachofen. Mutterrecht u. Urreligion. Leipzig, 1927, стр. 135—136 и 165-166.
56. Ср.: Roscher, Lex., 1,2, 1886-1890. s. v. Hippo (Stoll), стр. 2666. 57." Hippia: Eur., Hipp., 307; Hippo: Calim., Hymn, in Dian., 239-266; ср * Roscher, то же.
58. Pind., Ol. XIII, 115.; Soph. O. C. 1071. — Paus., 1, 30, 4; 31, 6; V, 15 6; VIII, 47, 1 и др.
59. М. Р. Nilsson. Die Anfänge d. Göttin Athene, Ov., IV, 7, 1921, стр. 1 сл.
60. Ср. табл. VIII к статье: G. Rodenwaldt. Votivpinax aus Mykenai. AM, XXXVII, 1912, стр. 129 сл.
61. Nilsson, Die Anfänge, стр. 16. сл. культуrom предков, связанных с материям
62. Поэту Evans. The Palace of Knossos. BSA, VIII, 1901-1902, стр. 95 сл. привлеченный материал
63. K. F. Kinch. Vroulia, стр. 11—12.
64. Подробное описание этого сосуда и анализ его у Цана: (E. Zahn, Kultgerät aus Rhodos) в книге Кинка, TAM же, стр. 26 сл.
65. Ср.: Dussaud. Les civilisations préhelléniques..., стр. 192, рис. 142 (там же и литература).
66. Ср.: A. I. Evans. The Palace of Knossos. BSA, IX, 1902—1903, стр. 35 сл.
67. Ср.: Reilmann. Frühe griechische Keramik im Samischen Heraion. AM, LVIII, 1933, стр. 127.
68. Od., VII, 80. С. А. Жебелев (Афина и Афины. Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии Наук, I, 1925, стр. 257 сл.) делает из этого следующий вывод: „В пору создания VIII песни «Одиссеи» культа Афины на акрополе не существовало, ибо в противном случае, Афина пошла бы в свой «дом», а не в дом Эрехфея" (стр. 266). Однако, как кажется, в пору существования на афинском акрополе микенского дворца святилище Афины могло уже быть, но только внутри дворца, как это показывают многочисленные археологические свидетельства.
69. Ср: Furtwängler. Charon. Archiv f. Religionswissenschaft, VIII, 1905, стр. 191 сл.
70. Ср. Цан у Кинка (Kinch, Vroulia, стр. 33 сл.).
71. Ср: E. Küster. Die Schlange in d. griech. Kunst und Religion. Versuche u. Vorarbeiten, XII, 2, Giessen, 1913, стр. 41 сл., Religionswiss. рис. 31.
72. Nilsson. Min.—Myc. Religion, its Survivals in Greek Religion. 1927, стр. 284; ср. и стр. 274 сл.
73. Эванс (A. Evans, The Palace of Minos, IV, ч. 1, 1935, стр. 138) обнаружил в 1930 г. в одной из комнат частного дома, недалеко от дворца (к ЮЗ от него) широкогорлый глиняный кувшин, наполненный предметами, предназначавшимися, по предположению автора, для домашнего культа змей (позднемикенский II). Среди этих предметов особый интерес вызывают полые глиняные трубки, аналогичные тем, о которых уже говорилось, с четырьмя чашечками, расположенными симметричными парами по боковым стенкам сосуда (по мнению Эванса для совместного питания четырех змей). Первоначально аналогичные полые трубки употреблялись, как показывают материалы из раскопок Эванса, в качестве водопроводных трубок в Кноссе, и боковые ручки служили для связывания их друге другом. Автор предполагает, что именно наличие змей в водопроводных трубках послужило причиной создания таких же сосудов, но уже как ритуальных предметов, связанных с культом змей. Наряду с интересными наблюдениями (например, происхождение

ритуальных орнаментов на домашнем очаге и на культовых сосудах, подражающих окраске змеиной кожи), основные взгляды Эванса о первоначальной связи змеи лишь с культом очага, в отрыве от хтонического культа, свидетельствуют о наивном рационализме автора. Также неубедительна и его попытка толковать минойскую богиню со змеями лишь как богиню домашнего очага, не связанную с хтоническими культурами. Культ очага всегда находился в неразрывной связи с культом предков и, таким образом, с хтоническим культом. Неудачно привлечена Эвансом для сопоставления и этруская фреска из Grotta dell' Oreo, отделенная от культа минойских богинь, как замечает и сам автор, по крайней мере, восьмью веками. За 800 лет представление о загробном мире должно было уже далеко отойти от примитивных представлений Эвансом чем наглядно свидетельствует и (на стр. 152-153) в качестве враждебных сил, а не „доброжелательных (!) гениев рода" (выражение Эванса), связано с тем, что змеи, занявшие место в хтоническом культе, стали выполнять в первую очередь устрашающую роль; кроме того, наивно и думать, что „гении рода" всегда являлись „доброжелательной" силой.

74. U. v. Wilamowitz-Moellendorf, Aristoteles und Athen II Berlin, 1893, стр. 129; ср.: Evans, The Palace... IV, стр. 156—157.
75. Eurip., Ion, стих 267, 281.
76. Ср.: Eurip., fr. 922 (ed. Nauck., Leipzig, 1902).
77. Her., VIII, 41; ср.: С. А. Жебелев, Афина и Афины, стр. 265 сл. Н. Usener (Götternamen. Bonn, 1896, стр. 140) объясняет Эрехфея, как змея, он — „der Schollen-«brecher», ein griechischer Vervactor".
78. Wilamowitz, Aristoteles u. Athen, стр. 128.
79. Жебелев, Афина и Афины, стр. 268.
80. Th. Wiegand. Die archaische Poros-Architektur der Akropolis zu Athen. Cassel, 1904, стр. 95.
81. Жебелев, Афина и Афины, стр. 269. В дальнейшем культ Афины и культ Эрехфея выделяются в особые культы; змея остается с Афиной, а Эрехфей, лишенный змеиной кожи, сближается с водной стихией — Посейдоном.
82. Ср.: Strab., XIV, 2, 7, — Plin., HN, V, 132.
83. Ср.: Селиванов, стр. "67.
84. Diod., V, 58, 4-5. FHG, IV, 481. (Polyz. fr. I).
85. VG, стр. 429; ср. Chr. Blinkenberg, Rhodische Urvölker, Hermes L, 1915, стр. 288.
86. A. Maiuri, Ialisos. An. VI/VII, 1923/24; погребения: 17 (стр. 125, рис. 44), 20 (стр. 137, рис. 59), 21 (стр. 195, рис. 118).
87. Ср.: S. Wide. Grabesspende und Totenschlange. Archiv, f. Religionswissenschaft, XII, 1909, стр. 221—223.
88. К сожалению, головы змей, края чаши и верхние углы алтаря разрушены. Пластичные и живописные изображения змей на надгробных памятниках вообще широко распространены; материал собран и сопоставлен у Гарриссон. I. E. Nagrison. Prolegomena to the study of Greek religion. Cambridge 1908, стр. 326 сл., рис. 97 сл. Ср. также: В. Клинггер. Животное в античном и современном суеверии. Киев, 1911, стр. 155 сл.
89. Ср. схолий Исидора (Etymolog. VIII, 11,71): Minerva apud graecos Athene dicitur, id est, Femina.
90. Dion. Hal., Antiquit. rom., II, 123. Материал, см. М. W. Heffter, Die Götterdienste auf Rhodos in Alterthume, 2, Zerbst. 1829, стр. 10—11.

- Ср.: Е. Г. Катаров. Культ фетишей, растений и животных в древней Греции. СПб., 1913, стр. 294 и прим. 3.
91. Ср.: Lind. Tempelchr., I, 4 и комментарий; противоречие см.: Blinkenberg, Hermes, XLVIII, стр. 243.
92. VG, стр. 30. — Nilsson, Musenaeae origin..., стр. 54-55. — Он же, Homer and Musenaeae, стр. 262.
93. II., II, 633-670.
94. Strab., XIV, 2, 6.
95. VG, стр. 20.
96. Diod., IV, 58, 4-5. — Apollod., II, 8, 2, 1—2.
97. Pind., Ol. VII, 20—35, 77—80.
98. Arist., Mir. ausc. 107, 840. — Tzetz., ad Lykophr., 911, 922 и Lykophr. 923.—Apollod., Epist. VI, 15 v.
99. Conon, fr. 47.
100. Diod., V, 59. — Apollod., III, 2, 1.
101. St. Byz., s. v.
102. Ср. Schol. Pind., Ol. VII, 36.—Tzetz., ad Lykophr., 911.
103. Pind., Ol. V, 60 (Кирена). — Thuc., VI, 3 (Сицилия); Эгина — ср.: К. О. Müller. Aeginetica. 1817, стр. 150.
104. О. Jahn. Archaeolog. Aufsätze. 1845, стр. 82 сл.
105. М. С. Альтман. Пережитки родового строя в собственных именах у Гомера. 1936, стр. 76.
106. Астидамея: Pind., Ol. VII, 24; Schol. Pind., Ol. VII, 42; Астигенея: Schol. Pind., Ol. VII, 42.
107. Diod., V, 58, 4-5. — Polyz., fr. 1 (FHG, IV, 481).
108. Hyg., Astron., II, 14.
109. U.v. Wilamowitz-Moellendorf. Hephaistos. Nachrichten d. k. Gesellschaft d. Wissenschaften zu Göttingen, Philolog.-hist. Klasse, 1, 1895, стр. 242.
110. Chr. Blinkenberg. Rhodische Urvölker. Hermes, L, 1915, стр. 287—288.
111. Plut., Moralia, 439 с.
112. Hesych., s. v. Teichines. — Et. Gudian., s. v. thelgein и telchinos.— Et. Magnum, s. v. thelgei u. telchin.—Suid. s. v. thelgei.
113. А. Кuhn. Atrakes, thelgo, Telchin. Ztschr. f. vergl. Sprachwiss., 1, Berlin, 1858, стр. 183 сл.—L. Preller — С. Robert. Griech. Mythologie. Berlin, 1894, стр. 605; к этому склоняется и Gruppe (О. Gruppe. Griech. Mythologie u. Religionsgeschichte, II, München, 1906, стр. 1308, прим. 7).
114. Вилламовиц (Hephaistos, стр. 242) следует Прелвицу: W. Prellwitz. Die Teichinen. Bezenb. Beiträge, XV, 1889, стр. 148 сл.
115. К. F. Johannsson. Zur fem.-Bildung in den idg. Sprachen, bes. im griechischen. Ztschr. v. vgl. Sprachforschung, XXX, 1889, стр. 416.
116. Блинкенберг следует в этом Лагарду: P. de Lagarde. Gesammelte Abhandlungen. Leipzig, 1886, стр. 290, прим. L, ср: О. Gruppe, Griech. Mythol., стр. 1308.
117. Simm. ap. Clem. Alex., Strom. V, 8, 48, 11—13; Ovid. Metam., VII, 365: Ialysios = Telchines.
118. Strab., XIV, 2, 7.
119. Eusth., 291, 28. — St. Byz., s. v. telchis и Sikyon; Aproc: thelxion и Teichion. — Apollod., Bibl. II, 1, 1, 4.
120. Simm. ap. Clem. Alex., Strom. V, 8, 48, 11—13. — Diod., V, 55, 1.
121. Светоний; ср. восстановление его текста у Блинкенберга: Blinkenberg, Hermes, L, стр. 278.
122. Nonn., Dionys., XIV, 40; XXVII, 107.
123. Tzetz., Theogon., стих. 86.
124. Там же, стих 82.
125. Парменид у Светония; см.: Blinkenberg, Hermes, L, стр. 278.
126. Bakchylid./fr. 52 (= Tzetz., Theogon., стих 84).
127. Светоний; см. Blinkenberg, Hermes, L, стр. 278.
128. Strab., XIV, 2, 7.
129. Strab., то же.—Kallim. Hymn. Del., 51.—Stat. Theb., II, 274.—Diod., V, 55,2.
130. Lind. Tempelchr., II.
131. Diod., V, 55, 4 сл.
132. Там же, 56,1.
133. Strab., XIV, 7,2. — Zenob, V, 41 —Suid., s. v. thelgei. — Tzetz., Chil. VII, 126; Theogon. стих 86.
134. Светоний у Блинкенберга: Hermes, L, стр. 278. Lactant. Plac, Argum. fab. VII, 11. —Ovid., Metam. VII, 367. — Serv., ad Verg. Aen. IV, 377.
135. Stat., Theb. II, 274.—Stat., Silv. IV, 64, 47.—Strab., X, 5, 19.
136. Diod., V, 55, 1. — Hymn. Orph. 41.—Strab., X, 5, 19.
137. Lind. Tempelchr., XV.
138. Strab., XIV, 2,7.— St. Byz., s. v. Telchinia.
139. Р. В. Шмидт. Металлическое производство в мифе и религии античной Греции. Изв. ГАИМК, IX, вып. 8—10, 1931, стр. 37.
140. Athen., VII, 282e.—Blinkenberg. Hermes, L, стр. 295 сл.
141. Ср.: R. C. Bosanquet. Excavations at Palaikastro, I. BSA, VIII, 1901—1902, стр. 305.
142. Blinkenberg, Hermes, L, 1915, стр. 281.
143. Th. Panofka. Helios Atabyrios. Archäolog. Zeitung, № 20, Aug., 1843, стр. 305—309.
144. St. Byz., s. v. Atabyron.
145. Blinkenberg, Hermes, L, стр. 297.
146. Oros., I, 7, 1.—Euseb., Chron. II, 16, 18; I, 174.
147. G. Rodenwaldt, Die Fresken des Palastes. Tiryns, I, Deutsch. Arch. Inst. in Athen, 1912, стр. 200 сл.
148. A. Furtwängler — G. Loeschcke, Mykenische Vasen, Berlin, 1886, стр. 29: кратер из желтой глины с красным лошением. Хвосты и ноги лошадей переходят через горизонтальные полосы, расположенные ниже. Это характерная деталь, часто встречающаяся на сосудах микенского периода.
149. Ср. также сюжетно-сходные сцены на кипрских кратерах из Энкоми: E. Sjöqvist. Problems of the Late Cypriote Bronze Age. Stockholm, 1940, рис. 19—20.
150. Нильсон считает, что представление об Олимпе в гомеровских поэмах развивалось постепенно, по мере создания самого эпоса, в более ранних частях поэмы боги были представлены независимыми, и Зевс сам управлял законами судьбы. В рисунке на кипрском кратере Нильсон хотел видеть следы именно этого древнейшего представления о судьбе, управляемой Зевсом. Он полагал, что в данном случае Зевс, может быть, определяет судьбу сражающегося, стараясь подтвердить это гомеровскими стихами: M. Nilsson. Not. and Musenaeae, стр. 267. Против такого толкования выступил Эванс: A. Evans. The Palace of Minos, IV, ч. II, London, 1935, стр. 658—659. Однако сам Эванс склонен толковать это изображение как хозяйственную сцену, что также представляется нам неверным. Достаточно сказать, что юноша с луком, данный в другой плоскости, по условиям примитивности художественной композиции того времени, представляет уже другое действие, вторую сцену, не связанную с первой. Удивительно, что Эванс мог, в пылу спора, забыть об условности, столь хорошо известной всем историкам искусства. „Длин-

нополюй сюртук" (габардин) человека с весами даже при самом поверхностном взгляде на рисунок ничем не отличается от фигур в жреческих мантиях на колеснице.

151. Ср.: *Furtwängler—Loeschcke*, *Мук. Vasen*, рис. 14—15, стр. 27.

152. *Maiuri*, *Ан. VI/VH*, погребение 9, кратер 2.

153. Там же, стр. 232—233.

154. Н. И. Веселовский. Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение, ЗВО, XXV, 1921, стр. 288.

155. Эту мысль могут внушить как хтонические свойства коня, так и аналогичный по теме выезд на паре запряженных грифонов на стенке саркофага из Агии Триады.

156. Ср. культ Афины Халинитис у коринфян; эти представления отражены и у Гомера: так, например, Афина сама вступает на колесницу Диомеда, укротителя коней, берет бич и вожжи и устремляет колесницу в бой на Арея. (II, V, 835 сл.). Афина же неоднократно сама гонит своих коней, впряженных в колесницу, слетая с Олимпа к Трое^е Дюмлер (RE, II, s. v. Athena, стр. 1993) справедливо замечает, что здесь проглядывают более древние связи и представления о богине битв, Афине Гиппии, под именем которой она почиталась вместе с Посейдоном во многих местах Греции. Первое упоминание об Афине Гиппии мы встречаем у Пиндара (Pind., Ol. XIII, 92): поэт рассказывает, как Афина, явившись во сне Беллерофонту, показала ему узду, чтобы взуздать Пегаса, на котором потом Беллерофонт бросился в бой на амазонок. Прорицатель приказал Беллерофонту, после вещего сна, воздвигнуть жертвенник Афине Гиппии.

157. Ср.: *Virg., Aen.*, II, 236—237: описание торжественного вхождения в город деревянного коня — *et stuprea vincula collo intendunt*. Дети приветствуют появление коня священными гимнами и, радуясь, прикасаются руками к веревке коня: (стих 239) *funemque manu, contingere gaudent*. Кук (A. V. Cook. *Animal Worship in the mycenaean age*. JHS, XIV, 1894, стр. 101—102) предполагал даже, что танец кордак в своем происхождении связан с веревкой, посредством которой лошадь проводилась через городские ворота в город. По его мнению, этот танец первоначально был религиозным действием, что нашло свое отражение и в греческой литературе и в посвятительной надписи, найденной в храме Аполлона Минойского; ср. также и культ Артемиды Кордакии в Элиде: *Paus.*, VI, 22, 1.

158. II., XXIV, 283 сл.

159 II., VIII, 198.

160. Ср. молитву Хриса, обращенную к Аполлону: II, I, 43.

161. II., VIII, 185.

162. Этот эпитет повторяется бесчисленное количество раз в применении и к троянцам и к ахейцам. Ср.: *H. Ebeling. Lexicon Homer.* 1871, стр. 518, s. v. *hippodamos*. Ср. также собственные имена: троянец Гипподам, убитый Одиссеем (II, XI, 325); троянец Гипподамант, убитый Ахиллом (II, XX, 401); Гипподамия—супруга Парифоя (II., II, 472); Гипподамия—дочь Анхиза (II., XIII, 429): Гипподамия — служанка Пенелопы (Od., XVIII, 181); Евстафий называет Гипподамией Брисеиду (77, 33).

»63. Ср.: Б. Л. Богаевский. Изображение лошади в поздне-„родовом" обществе Днестро-Днепровского района. Сообщ. ГАИМК, X° 1. 1931, стр. 25. — *G. Glotz. La civilisation égéene*. Paris, 1923, стр. 193. Глотц считает, что до позднемикенского периода (т. е. до 1580 г. до н. э.) лошадь была неизвестна на Крите. Эд. Мейер (Ed. Meyer. *Geschulte des Alterthums*, I, 3-е изд., § 435 A) отмечает, что в Малой Азии

лошадь известна с начала второго тысячелетия, откуда она, может быть, и попала на Крит. По Глотцу, лошадь называлась в Азии „осел горы" и появилась в Египте вместе с гиксосами, а затем (почти сразу же) — на Крите, Арголиде и на Кипре. Таким образом, самая поздняя дата появления лошади на Крите — XVI в. до н. э. Ср.: *D. Fimmen, Kretisch-muk. Kultur*, стр. 115. Однако существует и другое мнение о том, что лошадь была завезена на Крит с греческого материка. Так, Шухардт (*C. Schuchardt. Schliemann's Ausgrabungen in Troia, Tiryns, Mykenä, Orchomenos, Ithaka im Lichte der heutigen Wissenschaft*. Leipzig, 1891, 2-е изд., стр. 202 сл., рис. 152—154) указывает, что наиболее древние изображения лошадей найдены в микенских шахтовых гробницах. Ср.: *G. Rodenwaldt. Tiryns, II, Athènes, 1912*, стр. 105, рис. 43.—*Chr. Tsountas*. 'Еф., 1887, стр. 164 сл., табл. И). Нильсон в рецензии на работу Белоха отмечает, что лошадь может быть отнесена к материковым элементам, которые переселенцы принесли с собой, наряду с лошадью, завезенной с Востока при посредстве касситов (M. P. Nilsson. *K. I. Beloch. Griechische Geschichte*, 2-е изд., I, 1—2, GGAnz., CLXXVI, 1914, № 9/10, стр. 525 сл.).

164. Эванс сопоставляет этот рисунок с кносскими глиняными печатями с изображениями лошадей и с фресками Микен и Тиринфа (ср.: *Palace of Minos, IV, 2*, стр. 227 сл.). Ср.: *C. H. Hawes a. H. B. Hawes. Crete, the forerunner of Greece*. London — New York, 1909, стр. 43. Авторы сопоставляют этот корабль с финикийским, объясняя две скрещенные над мачтой луны, как два месяца пути. Они, вопреки мнению Эванса, датирующего появление лошади на Крите началом позднеминойского периода, указывают, что изображения коней имеют место уже на раннеминойских печатях.

165. Шухардт (*Schliemann's Ausgrabungen*, стр. 163) неверно предполагает держание повода, поскольку рука представляет раскрытую ладонь.

166. Ср.: *Eurip.*, *Ale.* 483—498.

167. Ср.: II, XVI, 149—154 и XXIII, 276—279.

168. II., XVI, 149 сл.; XX, 221 сл.; V, 265—273. О связи самого Эрихтония со змеей и конем литературу см. у Мальтена: *L. Malten. Das Pferd im Totenglauben*. Jahrb. d. Deutsch. Arch. Inst., XXIX, 1914, стр. 189 сл. В работе подчеркнута зловещее представление о коне, бывшее общераспространенным у греков.

169. II., X, 436—437; *Eurip.*, *Rhes.*, 182; 380—388; 390 сл., 448; 660 сл., 850 сл., ср.: *Eusth.*, ad II., X, 435.—*Serv.*, ad *Verg. Aen.*, I, 469.

170. К этому древнему и страшному коню догомеровской Греции Афина имела близкое отношение. И не случайно Афина всходит у Гомера на боевую колесницу Диомеда, как позже — на боевую колесницу Писистрата, явно игравшего на народных суевериях афинской толпы. Она же, по Гарпократиону (*Et. Magnum*, 474, 30 s. v. *Hippia*) создала и колесницу. Де-Риддер (*A. de Ridder. Bases de statuettes portées par des animaux*, BCH. XXII, 1898, стр. 226 сл.) пытается, возражая Группе (*O. Gruppe, Griech. Mythol.*, II, 1906, стр. 1208, прим. 5 и 6), доказать позднее приурочение Афины к коню тем, что во всех местах, кроме Аркадии, Афина разделяет свою власть над конем с другими божествами-Посейдоном, Герой, Ареем. Риддер, игнорируя культ Афины Гиппии в Аркадии, утверждает, что „ни легенда, ни культ, ни искусство не сближают первоначально и непосредственно коня с Афиной" (стр. 228). Однако несмотря на это утверждение, Риддер должен был признать неоднократную связь Афины с конем в искусстве: ^е появление с колесницей в Гигантомахии, далее — изображение перед-

ней части Пегаса на шите Афины на панафинейских амфорах, крылатую ПАРУ коней на Парфеноне, квадригу на шлеме Афины Девы. Риддер пытался объяснить сочетание Афины с конем в искусстве то ее связью с Горгоной, матерью Пегаса, то посвящением трофеев покровительнице города. Однако все это построение страдает искусственностью; попытка автора приурочить связь Афины с конем к позднейшим наслоениям уже исторического периода заставляет его обходить молчанием и древний культ Афины Конной в Аркадии и троянский миф, в котором отчетливо видны следы этой связи. Это умолчание сразу же ставит под сомнение правильность остальных выводов автора. Характерно и то, что Группе, после критики Риддера, ни в чем не изменил своего первоначального взгляда на древние корни представления о связи Афины с конем.

Поскольку Афине приписывалось и создание боевой колесницы и узды, то, следовательно, она рассматривалась и как укротительница коня. На геммах позднемикенского периода мужское божество, в точности копируя великую „Владычицу Зверей“, возлагает свои руки на головы (укрошенных) коней, геральдически расположенных по обеим его сторонам. И если позже Деметра изображается в виде женщины с лошадиной головой (Paus., VIII, 42, 1 сл.; ср.: Кагаров. Культ фетишей..., стр. 241 сл., там же и литература), то это изображение уходит корнями в далекий период, и критские геммы дают достаточно четкий комментарий к этой архаической скульптуре: кони с человеческим телом и люди в масках коней. Поэтому прав Кук (Cook, Animal worship., стр. 148 сл.), объясняя загадочную лошадь с человеческими передними ногами на никейской монете времени Гордиана Пия древним культом коня, бытовавшим вблизи Никеи.

171. W. F. J. Knight. The wooden Horse. Classical Philology, XXV, 1930, стр. 359 сл.

172. В позднейших представлениях вся история троянского похода и гибели Трои тесно связана с гневом Афины. Почему микенская богиня отвернулась от города — неизвестно; может быть, это случилось потому, что трактовка троянского сюжета дана, во-первых, в ахейском варианте, и, во-вторых, потому что гибель и разрушение всякого города приписывались прежде всего магическим силам разгневанного на город божества. Храм Афины находился, повидимому, в царском дворце Трои, а ее магическое изображение внутри дворца, охраняя и дворец и город (Афина Полиада). Наличие палладиума, скрытого внутри дворца в целях защиты города, не характерно для греческих городов с их общедоступным для всех культом, но хорошо согласуется с небольшим святилищем, скрытым внутри дворца, в котором царь и является жрецом (Ср.: Nilsson, Anfänge d. Göttin Athena, стр. 16). Палладиум Афины был похищен из Трои Одиссеем и Диомедом, и, по одной из версий, именно это похищение предопределило падение Трои (Ср.: Eurip., Rhes. 501—502 — Verg., Aen., II, 163—168; ср. характерное выражение „роковой палладиум“-fatale palladium. Ученый компилятор комментатор XII в. Иоанн Тцеца (Τα μεθ' Ὀυζύρου, стихи 511—513) раскрывает цель похищения вполне ясно: если похитят палладиум, Троя будет завоевана. Ср. также: Paus., I, 28, 9. — Harnocr. s. v. ἐπὶ Παλλῆδιῳ; у ахейцев, высадившихся на побережье Аттики, палладиум похищает Демофонт.

Интересно, что Афина, почитавшаяся в Трое как одно из главных божеств и покровительница города, на одной из vaz изображена со знаком коня на своем шите. Сцена на амфоре изображает преследование Кассандры Аяксом. Кассандра, схваченная за волосы, бросается к ста-

туе Афины, изображенной в архаическом стиле, передающем деревянную технику скульптуры. В одной руке статуи — копьё, в другой щит — с изображением скачущего коня. Аякс держит щит, на котором изображена змея (E. G. Ajax u. Kassandra, Arch. Zeitung, 1848, № 14, стр. 214—215, табл. XIV, 2); изображение змеи на шите Аякса повторено и на другой вазе (там же, стр. 212, табл. XIII, 4—5); Филострат говорит о том, что Аякс обычно возил с собой удивительную змею (Her. VIII, 1).

Поскольку змея, как мы говорили, тесно связана с культом Афины и поскольку Аякс находится под ее непосредственным покровительством — изображение геральдических знаков на щитах нельзя рассматривать только как орнаментальный прием. Повидимому, не случаен и конь на щите троянской Афины. Павсаний, рассказывая о похищении палладиума у ахейцев Демофонтом, сообщает, что сразу же вслед за этим конь Демофонта раздавил нечаянно на смерть одного афинянина; за это Демофонт первым судился у Палладия (Paus., I, 28, 9). Конь Демофонта здесь явно связан с Афиной, но эта связь в историческое время уже забыта.

Далее — деревянный конь был создан Афиной, руководившей в этой работе Эпеем. Топор, которым Эпей сработал деревянного коня, был посвящен Афине (Ср.: A. V. Cook, Zeus, II, Cambridge, 1925, стр. 625).

Вергилий рассказывает о страшной судьбе Лаокоона и его сыновей, заданных змеями, посланными Афиной, когда Лаокоон хотел предотвратить вход деревянного коня в город.

Трифийодор, египетский грамматик, живший в начале VI в. н. э., в поэме „Взятие Илиона“ называет Афины сначала „защитницей города“, а затем его „разрушительницей“, т. е. на основании изучения древних текстов он точно так же понимал, что основную роль в разрушении Трои сыграла ее защитница и покровительница Афина (ср. 300—304 стихи поэмы).

173. Цитирую по Глотцу: Glotz. Civilis, égéene, стр. 193, прим. 5. В письмах Тель-Амарнского архива такое пожелание благополучия коням и колесницам обычно для царей не только Кипра, но и других государств.

174. Aul. Gell., III, 9.

175. Акад. В. В. Струве любезно указал мне на обычай магического расчленения египетскими писцами иероглифов, изображавших живые существа. Вполне возможно, что и здесь расчленение коня имело и магический смысл победы знати над конем.

176. Ср.: W. Frohner. Troianische Vasenbilder. Jahrb. d. deutsch. arch. Inst., VII, 1892, стр. 28 сл., табл. II.

К главе II

1. II, II, 655—656.
2. Pind., Ol. VII, 78.
3. Ael. Arist., 44, p. 839 (Dind.).
4. II, II, 670.
5. Schol. Pind., Ol. VII, 34.
6. Athen. VIII, 360e—FHG, IV, 405.
7. Ср. Селиванов, стр. 93.
8. Diod., V, 57, 6.
9. SGDI, 4110. Надпись (IV—III в. до н. э.) найдена на восточном склоне горы Филерма.
10. Ср.: Hiller. Rhodos. RE, Supplb. V, стр. 748.
11. Ср.: Селиванов, стр. 93; выражение Katabasis ex Achaïas polios

показывает, что Ахея лежала на возвышенности, т. е. на горе Филерма на склоне которой было расположено святилище Алектроны.

12. J. Meursi, Opera, III, Florentiae, 1763, стр. 703—704.

13. Ü. v. Wilamowitz-Moellendorf. Elektrona. Hermes, XIV, 1879, стр. 457, прим.

14. Селиванов, стр. 93.

15. Strab., XIV, 6, 3. Страбон объясняет это имя тем, что здесь, после основания Саламина на Кипре, высадился Тевкр со своей дружиной.

16. Ср.: Strab., XIII, 1, 31.

17. Schol. Apollod. Rhod., IV, 175.

18. Diod., V, 57, 8; о коньектурах ср.: Селиванов, стр. 97—98.

19. ...ex hēs egennese thygatera Kydippen ten meta tauta Kyrbian meionomastheisan.

20. Aug. Becker. De Rhodiorum primordiis, Leipzig, 1882, стр. 110. сл.

21. F. Hiller v. Gaertringen. Die Deme d. rhodischen Städte. AM, IV, 1917, стр. 182.

22. Селиванов, стр. 100.

23. St. Byz. s. v. Ηιεραρϋтна.

24. Strab., X, 47, 2.

25. Nonn., XIV, 35.

26. Ср. связь Кирбы с Kyrbis (kyrbeis) через Корибантов или Кирбантов, которым на Крите приписывалось создание древних законов, начертанных на кирбах; ср.: A. Reinach. Le disque de Phaistos. RA, 1910, XV, стр. 18-19.

27. Дочь Эгетории звали Кидиппой-Кирбией. Кидиппой звали и мать Клеобиса и Битона, жрицу Геры, в колесницу которой впряглись ее сыновья, когда она спешила на праздник в храм богини, а быки опоздали с поля (Heg., I, 31—Plut., Sol. 27.—Paus., II, 20, 3 и др.). Связи Битона с Данаем и связи Родоса и с Данаидами и с Аргосом, может быть, указывают на забытые в мифе верования. Образ Кидиппы Аргосской проливает свет и на Кидиппу-Кирбию Родоса, теоморфное имя которой сохранило название коня.

28. Aug. Fick. Vorgriech. Ortsn., стр. 44.

29. Th. Menge. Ueber die Urgeschichte der Insel Rhodos (Vorgeschichte von Rhodos bis zur Heraklidisch-dorischen Siedlung, 1827, стр. 4 сл.).

30. Ср.: Athen., VIII, 15, 360.

31. Diod., V, 58, 2.

32. То же.

33. I. Schneiderwirth. Gesch. der Insel Rhodus, стр. 8 сл. и прим.

34. К тому же выводу приходит и Берг: A. Berg. Die Insel Rhodus, стр. 8 сл. По его мнению, Родос был вначале заселен карийско-ликийскими племенами, вместе с которыми с незапамятных времен поселились и финикийцы. Тельхинов Берг считает карийцами; все остальные мифы, по его мнению, несут на себе следы семитической культуры. Культ Гелиоса, по мнению автора, культ финикийского Ваала, первоначально солнечного божества; храм Зевса на вершине Атабирия — храм Ваала, ибо здесь помещалась статуя быка и имели некогда место человеческие жертвоприношения. Линдийская Афина это — Neith-Isis финикийцев. Все эти выводы Берга произвольны. Сближение культов Зевса и Гелиоса с финикийцами сделано чисто формально; автор не учел даже того, что культ Гелиоса на Родосе далеко не первоначален и что Нейт-Исида богиня не финикийского, но египетского происхождения. Ср.: D. Mallet. Le culte de Neith à Sais, Paris, 1888. Статуя быка на Атабирии свидетельствует о Крите, а не о Финикии.

33. J. Beloch. Die Phoeniker am Agäischen Meer. RM, XLIX, 1894, стр. H1 сл.

36. VG, стр. 63 сл.

37. F. Poulsen. Der Orient und die frühgriechische Kunst. Berlin, 1912; о Родосе ср. стр. 83 сл.

38. Поульсен вынужден признать, что вследствие небрежности и ненаучности первых раскопок в Камире это можно лишь предполагать „с большой степенью вероятности“!

39. Так называемый „финикийский“ материал на Родосе фактически не старше VII в. до н. э. Впервые классификацию фаянсовых статуэток и сосудов дал Л. Эзей: L. Heusey. Catalogue des figurines antiques de terre-cuite du Musée du Louvre, I, Paris, 1891, стр. 217 сл. Он различал в них чисто египетские вещи и наряду с ними статуэтки со смешанным египетским и ассирийским стилем, который он приписывает финикийцам. Одновременно, однако, Эзей склонен допустить, что четыре типа статуэток, встречающихся и в Камире и в северной Финикии, скорее всего заимствованы финикийцами у греков. Материал не дал ему повода утверждать о наличии на Родосе финикийских факторий. Однако, находясь под влиянием финикийской теории, Эзей, вопреки археологическим показаниям, считает, опять-таки лишь на основе все тех же мифологических сказаний, что финикийцы оказывали влияние на Родос с древнейших времен. Но поскольку влияние финикийцев на древний Родос на археологическом материале не прослеживается (финикийские изделия появляются в архаических некрополях Родоса в период, непосредственно предшествующий колонизации), Эзей должен, строго говоря, допустить вторую волну финикийского влияния или, как договаривает за него стоящий на его позициях Поттье (E. Pottier. Catalogue de vases antiques de terre-cuite du Musée du Louvre. Paris, 1896, стр. 150), „une recrudescence des importations phéniciennes“. Иначе говоря, получается следующая, совершенно антиисторическая картина: финикийцы заселили Родос, влияли на него, потом перестали влиять, потом вновь началось их влияние. Никакой исторической и социально-экономической базы под эту концепцию не подводится, да она и не могла бы быть подведена даже при желании авторов.

40. Так же обстоит дело и со статуэтками так называемого „псевдоассирийского“ стиля, распространенными в Финикии.

41. К сожалению, территориально довольно большой архаический некрополь Ялиса сильно разрушен последующими захоронениями, происходившими либо непосредственно на территории более древних погребений, либо в самих погребениях, причем и скелеты умерших и инвентарь при них уничтожались. Кроме того, самый способ кремации покойника вместе с инвентарем имел следствием порчу ваз; частично вазы здесь же разбивались на мелкие части. Из 96 погребений архаического некрополя Ялиса 54 датируются геометрическим периодом. Наряду с полным трупосожжением, существовал и обычай захоронения кремированных остатков взрослых в больших пифосах и детей — в пифосах, горшках, амфорах, стамнах и гидриях (Ср.: An., VI/VII, стр. 331 сл.). Кремация производилась на кострах вблизи места погребения; сосуды разбивались, а затем все содержимое костра вместе с золой, пеплом и костями переносилось в ров, приготовленный для погребения; при погребении в сосудах сожжение также совершалось на кострах.

42. Ср. находки геометрической посуды в архаическом некрополе Феры: H. Dragendorff. Thera. Untersuchungen, Vermessungen u. Ausgrabungen in d. Jahren 1895—1898, II (Theraische Gräber) 1903, Berlin, стр. 181 сл. Ср. также материал, подобранный Дюга: A. Dugas. Les vases

„rhodien-geometriques”. ВСН, XXXVI, 1912, стр. 495 сл. Автор выделяет, по существу, лишь две группы чисто геометрических родосских ваз: к первой группе им отнесены сосуды, поверхность которых покрыта лаком; на плечиках — простой линейный орнамент, расположенный в закрытой рамке. Ко второй группе относятся сосуды, на которых орнамент занимает большую часть поверхности; наряду с простыми линейными фигурами очень распространены изображения птицы. Довольно большая группа родосской керамики представляет и переходный тип от геометрического к ориентализирующему стилю. Интересующая нас группа (переход от микенского к геометрическому) представлена, главным образом, большим количеством амфор, орнаментированных на горле и плечиках змеевидными линиями и спиральями. Изображения их см.: A. Furtwängler. Erwerbungen K. Museen zu Berlin im Jahre 1895. Jahrb. d. deutsch. arch. Inst., I, 1886, стр. 149. — S. Wide. Geometrische Vasen aus Griechenland. Arch. Jahrb., XV, 1900, стр. 51.

43. Ср.: I. Boehlau. Aus ionischen und italischen Necropolen. Leipzig, 1898, стр. 78. Однако этот тезис, выставленный Бёлау, теперь полностью отпал в свете новых археологических данных.

44. Этот орнамент создавался путем наложения деревянных пуансонов на поверхность сосуда.

45. Очень распространены спирали разных форм — простые, двойные переплетенные или вписанные в угол одна в другую наподобие стилизованной чашечки цветка; наряду с ними налицо, конечно, и линейные геометрические фигуры, неизвестные Криту. Распространенными фигурами изображениями являются кентавры и воины: кентавры с верхней (человеческой) частью туловища. Они вооружены обычно деревьями, вырванными с корнем из земли. Воины вооружены лишь двойным топором, либо обоюдоострой секирой и мечом; реже — изображения колесниц или голлитов. Иногда даются зоны быков со склоненными головами и согнутыми передними ногами, создающими впечатление падающих фигур. И вооружение и пояса быков определенно напоминают образцы микенского искусства.

46. А. Маюри считает возможным датировать их „скорее IX в., чем VIII в.” (An., VI/VII, стр. 336). Это же наличие минойского влияния на рельефные пифосы отмечали и для других экземпляров, найденных вне Родоса, но, вероятно, вышедших из родосских мастерских (E. Pottier. Les vases archaïques à reliefs. ВСН, XII, 1888, стр. 491 сл. — F. Dummer. Pithosfragmente aus Datscha. AM, XXI, 1896, стр. 229 сл.). Более поздние образцы этих пифосов (VII—VI вв. до н. э.) были найдены в архаических некрополях Камира (CR, IV, 1931, стр. 24): погребения 177 и 178 дали экземпляры все еще очень больших пифосов; погребения 165 и 183 экземпляры, уже гораздо меньшие по размеру. Ср. CR III⁵ 1929, стр. 16; погребения 79, 84, 99. Сомнения Якопи в древности происхождения этих пифосов неубедительны и недоказательны; он должен признать и наличие пифосов, датированных VIII в. до н. э. Якопи игнорирует большое сходство техники и орнамента этих пифосов с кносскими. Он обходит полным молчанием и тот факт, что в архаическом Родосе мы встречаемся (Врулия) и с храмом, аналогичным кносскому святилищу, и с ритуальной посудой, сходной с критской. Характерно также наличие на Родосе трона Геры, представляющего точную копию кресла тронного зала кносского дворца. Наличие минойского дворца в Ялисе (не исключена возможность и существования такого дворца в Линде и Камире) убедительно свидетельствует о том, что в пору процветания Крита Родос был одним из важных центров минойской культуры. С конца VIII в. и в VII в. до н. э., наряду с

продолжающимся изготовлением рельефных пифосов, появляются пифосы без штампа с художественной росписью. Размеры их тоже начинают уменьшаться.

47. Поульсен (Poulsen, Orient u. frühgr. Kunst, стр. 163) утверждает, что примитивность греческого искусства в геометрический период показывает, насколько опустошительным являлось переселение племен и как мало корней оставило в греческом искусстве крито-микенское искусство. Это утверждение порочно по существу. Поульсен далее пытается видеть воздействие финикийцев в выборе сюжетов для орнамента: изображения мужчин с конями и „особенно частые, чисто декоративные изображения змей” на геометрических сосудах. Как я пыталась показать, изображения змей является несомненным наследием минойско-микенских религиозных представлений, которые находят свое отражение не только, как полагает Поульсен, в их связи с богинями, амулетами и письмом, но и в керамике: в позднемикенский период уже появляется орнамент в виде змеи как на очаге, так и на сосудах. И почему Поульсен считает, что змея, как „чисто орнаментальный мотив” должна быть непременно заимствована с сосудов также с „чисто орнаментальным мотивом змеи”? Наивность и формализм данного утверждения бросаются в глаза. Более того, почему Поульсен полагает, что змеи на раннегеометрических сосудах (ср. лепные змеи на ручках, тянущиеся к горлу сосуда) обязательно и всегда являются лишь эстетическим украшением? Это тоже неверно. Вообще, как кажется, всякое стремление свести все многообразные проявления раннегреческого искусства к единому (финикийскому) знаменателю всегда обречено на неудачу.

48. Ср.: Kinch, Vroulia, стр. 161 сл. Одна из этих мастерских имела своей маркой, помещенной обычно на оборотной стороне ножки сосуда, — спираль, вторая — два концентрических круга и третья — геометрический орнамент в форме колеса.

49. Ср.: E. F. Johansen. The vases sicyoniens. Paris, 1923. — H. G. Pavne. Necrocorinthia, A study of Corinthian art in the archaic period. Oxford, 1931.

50. Ср.: G. Karo. Orient und Hellas in archaischer Zeit. AM, XLV, 1920, стр. 147; здесь приведен материал.

51. Ср.: W. v. Bissing. Der Anteil der ägyptischen Kunst am Kunstleben der Völker. München. 1912, стр. 9.

52. Ср. материал, опубликованный у Деонна: W. Deonna. Les „Apollons archaïques”. Genève, 1900, стр. 296. — CR, III, стр. 16—17; IV, стр. 19.

53. Ср.: CR, III, погребения 50 и сл.

54. II, II, 653 сл.

55. IG, XII, 1,762. — SGDI, 4155.

56. CR, II, № 48.

57. Paus., IV, 24,2. Павсаний упоминает о Дамагете в связи с романтической фавулой о бегстве Аристомена из Спарты в Дельфы, о женьбе Дамагета на третьей дочери Аристомена и о последовавшем затем поселении Аристомена на жительство в Ялисе. Аристомен жил около 620 г. до н. э.; следовательно, нужно считать, что еще в конце VII в. до н. э. в Ялисе правил басилевс.

58. Ср.: Schol. Pind. Ol., VII, 170e, 172a—c.

59. Schol. Pind. Ol., VII, стр. 199. Именно этим путем создавались особые генеалогии знатных родов. „Герои” обычно и есть „незаконные” дети земных отцов. Два отца, двойное происхождение — характерный признак героя. Так, Геракл-сын Зевса и вместе с тем — Амфитриона; Тезей — Посейдона и Эгея и т. д. Через земного отца „героя” продол-

жается линия, связывающая данный знатный род с общим, обычно также «божественным» родоначальником всего данного рода. Но линия смертных поколений для знатного рода отмечена у «героя» вторичным вмешательством божества, и отсюда начиналась особая, искусственно созданная (до некоего реального предка) генеалогия.

60. Из свидетельства Фукидида (Thuc., VIII, 44,2) нам известно о съезде, состоявшемся под воздействием Спарты в Камире «могущественнейших» (dynatotatoi) из трех городов Родоса.

61. Diog. Laert., 1,89 сл. Ср.: Suid., s. v. Kleobulos.

62. Schol. Pind. Ol., II, 29.

63. Hesych., s. v. Толкование этого слова вызывало большие споры, поскольку mastroi у Гесихия обычно сравнивали с masteres у того же Гесихия, Гарпократиона, Фотия и Свида, против чего справедливо возражал уже Ван-Гельдер (VG, стр. 237), отвергая предложенную Бернгарди конъектуру глоссы Гесихия: Buleut[ai] hoi kai mast[er]es. Masteres—это финансовая коллегия-афинские zē-tetai; ср.: Arist., Pol., fr. 191 (Didoty у Гарпократиона: arche tis apodeigmene epi to zē-tein ta koina tu demu; у Гесихия: masteres: hai ton archonfōn euthynai. Ср. Ph. Le Bas-P. Foucart. Inscriptions grecques et latines, II, стр. 172, строка 51 (надпись из Андании); hypomastroi здесь употреблены в смысле liureuthynoi, в применении к тем, кто представлял счет.

64. Эти последние назывались katamastroi hierōn chrēmatōn phōras: ср.: BCH, V, 1881, стр. 162, строки 20-23. Мастры записывали имена правонарушителей в списки должников, увеличивая в восемь раз израсходованную ими сумму.

65. Bottermund, De ger. Rhodiorum comm., стр. 24.

66. Карштедт, указывая на одноименность этой магистратуры во всех трех городах, считал, что коллегия мастров создана законодательным актом (общеродосским постановлением) после синойклизма (RE, Hlb. XXVIII, 1930, s. v. Mastroi, стр. 2171), обращая внимание на формулировку камирской надписи о выборе мастров: IG, XII, 1, 694. — SGDI, 4118.

77. Это повторение слова *bolā* в надписи из Линды (IG, XII, 1, 694) — это не случайность, а следствие синойклизма. Ранее Карштедт (1890) считал, что коллегия мастров создана законодательным актом (общеродосским постановлением) после синойклизма (RE, Hlb. XXVIII, 1930, s. v. Mastroi, стр. 2171), обращая внимание на формулировку камирской надписи о выборе мастров: IG, XII, 1, 694. — SGDI, 4118. Раньше Карштедта эту мысль высказали Шумахер (C. Schumacher, Die griech. Volksbeschlüsse, Leipzig, 1890, стр. 84—85). Однако, если совет, как это показывает надпись из Линды, до синойклизма назывался *bolā*, то значит ли это что мастры до синойклизма не существовали? Наоборот, мы видим и на других примерах, что родосцы обычно использовали в ряде случаев существовавшую номенклатуру старых должностей. Как показывает списки камирских эпонимных демиургов (CR, VI/VII (Якопи), переиздано со значительными исправлениями Бендиктсоном: J. Benediktsōhn Chronologie de deux listes de prêtres kamiréens. Ov., II, 6, 1940) и индийские списки жрецов (Lind. II, 1), общеродоский синойклизм сопровождался пересмотром всей религиозной структуры трех городов, но не изменением ее. Таким образом, мастры должны были существовать и до синойклизма, как, может быть, уже и до синойклизма они были связаны с религиозной жизнью ктен.

67. Ov. 1905, стр. 34- SIG, # 110.-ЖМНП.1908, стр. ,9 (Придик).

68. IG. XII, 1, 694; SGDI, 4118.

69. Подробнее об общеродосском законе, установившем точное

определение должностных лиц и религиозные функции всех трех городов,

ср.: Lind., II, 1, стр. 61—63.

284

70. Это обстоятельство и позволило Гвардуччи в ее исследовании прийти к совершенно неверному выводу, что фратрия возникла раньше рода, и что роды образовались лишь позднее в пределах фратрии, как

некие паразитические организмы, вследствие стремления осуществить свое господство над остальными членами фратрии: M. Guaducci. L'istituzione della Fratritia..., стр. 12 сл.

71. Ср., например, в Афинах дем Декелею и фратрию того же имени; дем Икариев и одноименную фратрию.

72. Steph. Byz., s. v. patra.

73. Ср., например, надпись из Олимы (Кария): LBW, № 339; она переиздана в исправленном виде Юдейхом (W. Judeich. Olymos. AM, XIV, 1889, стр. 391). Ср.: Francotte, Polis grecque, стр. 208-209. В качестве фил, syngeneiai выступают и в других надписях Олимы. Ср.: W. H. Buckler. Documents from Mylasa. BSA, XXII, 1917/18, особенно стр. 213 сл. В надписях, сообшенных Баклером, храмовые земли демоса поделены между четырьмя syngeneiai, представители которых (казначей) выступают для переговоров в случаях сдачи этих земель в аренду. В Калимне, наряду с территориальными филими, сохранились и более древние родовые филиы. Три территориальные филиы (Kydreleioi, Theugenidai и Hippasi [dai]) были подразделены на демы: (ср.: SGDI, 3565), а родовые филиы подразделялись на фратрии - syngeneiai; ср.: Newton, Brit. Mus., N, 2,238.- A. Scrinzi. Storia e costituzione dell'isola di Kalymna. Venezia, 1889 (Atti del R. Istituto Veneto di Scienze, lettere ed arti, LVII, стр. 38); ср. также Francotte, там же, стр. 124. Также и в сильно поврежденной надписи, представляющей совместное постановление граждан Олимы и Лабраиды: LBW, № 334.

74. Newton, Brit. Mus., II, 352. - IG, XII, 1,695.-SGDI, 4120. ^

75. Всего патр в списке 50; кроме того, видны следы названий еще пяти патр.

76. Ван-Гельдер кратко пишет: „Цель фрагментарной надписи—тема": ср.: SGDI, 4120, прим.; Ньютон (Newton. Brit. Mus., стр. 128) предполагал, что обнаруженные списки патр были связаны с религиозными церемониями, доступ к которым был ограничен для членов определенных фамилий, и список, по его мнению, должен был обозначать, что только эти и никакие другие роды были допущены к такой привилегии.

78. Селиванов (стр. 25) предлагает дополнить [Angy]leon. „Дело в том, — пишет он, — что некоторые ктины получили свое название от известной местности, например: ha ktoina ha Potidaieon на о. Карпафе от города Potidaion; о местности же Angyleia говорит нам недалеко от Камира найденная надпись. Кроме того, не сохранилась ли^ реминисценция о ктине Pyllōneion в названии одной теперешней бедной деревеньки Pyllōna около Линды?" (Селиванов отождествлял родосские ктины с фратриями).

79. Существует мнение, что фратрия есть организация, построенная на матриархальном принципе; этими объяснялось бы то, что одни и те же патры (т. е. разные части их) вошли в разные фратрии. Однако в таком случае вхождение одних патр в разные фратрии должно было бы носить более регулярный характер, чем в нашей надписи, где из всех перечисленных лишь патра Кретилады входит в разные фратрии. Если же считать, что разные части одной патры носят разные имена, то это положение пока невозможно доказать имеющимся у нас материалом источников.

80. До рассмотрения спорного вопроса о том, какое же обозначение для фратрии имелось на Родосе, мы позволяем себе пользоваться этим общераспространенным термином „фратрия". Шумахер (C. Schumacher. De ger. Rhodiorum comm., стр.4) впервые высказал мнение о том,

285

что эти названия являются именами родосских ктен, но, ввиду спорности вопроса о ктенах, мы далее рассмотрим его особо.

81. Так, Бехтель (F. B e c h t e l. Griech. Personennamen aus d. IG, XII, Beiträge z. Kunde d. idg. Sprache, XXXI, Göttingen, стр. 234—235) указывает, что Βολαιῶν, по которому названа патра Βόλαιο[ν]ιδαι, мог быть родовым именем к Βυλαιο; Daniētīdai происходит от Damētis (-> Damōmētis); *Kosmoleioi восходят к предку Kosmolaos.

82. Фик (F i c k, Griech. Ortsn., стр. 45) замечает, что отношения Камира к Криту засвидетельствованы также именем города-гавани Кретины, эпоним которого — Кретин; с ним же связана и патра Кретины.

83. Ср.: St. Byz., s. v. Krētinia.

84. Франкотт (F r a n c o t t e. Polis grecque, стр. 202—203, прим. 1), пытаясь объяснить или хотя бы осмыслить повторения, сближает эту надпись с хиосской надписью IV в. до н. э., изданной впервые Оссулье (В. H a u s s o u l l i e r. Inscriptions de Chio> BCH, VI, 1879, стр. 323). Теперь первое имя восстанавливается без труда как Totteidai] (Ср.: Plassart-Picard. Inscriptions d'Eolide et d'Ionie. BCH, XXXVII, 1913, стр. 215—219). Далее следует:

Демогенид[ы]
Фрекиды
Телагра
Гермия
Дионисодора
и Посидиппа

Оссулье и Франкотт предполагали, что следующие за названиями двух родов имена являются подразделениями этих родов, различавшихся по возглавлявшим их отдельным родоначальникам. Отсюда Франкотт делал предположительный вывод: „также патры Родоса, не имея более официального характера, были раздроблены" (F r a n c o t t e, там же). Однако эти выводы о характере хиосской надписи, как показали дальнейшие находки, были преждевременными. На Хиосе обнаружены аналогичные надписи II в. до н. э. (ср. Z o l o t a s, Athena, 1908, стр. 229. — Plassart-Picard, там же, стр. 228 сл., № 32). Ср. афинскую надпись IV в. до н. э. (IG, II—III, 2-е изд. 2723) и списки фраторов (там же, 2345) по фиасам внутри фратрии. Эти в высшей степени интересные надписи не дают в данном случае никакой параллели к рассматриваемой камирской надписи.

85. Newton, Brit. Mus., 128.

86. FHG, II, 288 (Диксарт, fr. 6).

87. Утверждение Эсхина (Or. II, 147), что его отец, а следовательно, и он сам принадлежали к одной фратрии, которая имела общие алтари со знатнейшим родом Этеобутадов, отнюдь не означало, что все Этеобутыды были включены во фратрию Эсхина; здесь речь шла о группе, принадлежащей к этому роду, которая сохранила за собою привилегию жрецов.

88. IG, XII, 1,88. — SGDI, 3828 (I в. до н. э.); надпись впервые издана Фукар (P. F o u c a r t. Inscriptions inédites de l'île de Rhodes. RA, 1866, стр. 152—154, № 6). Демотикон Дриит и Дриитянка неоднократно встречаются в родосских надписях: ср. IG, XII, 1, 193, 194, 195, 764. — SGDI, 3871, 3872, 3873, 4157. — Ov., 1905, № 56, строки 59 и 126, где среди других демов Линда назван и дем Дриитян. Очень интересна надпись, впервые изданная С. Селивановым (Селиванов, стр. 42; ср.: IG, XII, 1, 128. — SGDI, 4109):

Meros Linien
koma Aphesis
komarchas Ari-
stobios III Dryitas.

Местонахождения этой надписи, к сожалению, точно установить не удалось, почему до сих пор точно не установлено расположение дема Дриитян. Однако, как это отмечает и Селиванов, интересно, что дем подразделялся на округа и деревни. Совпадение имени рода с именем дема — явление довольно обычное. Гильберт (G. Gilbert. Handbuch d. griech. Staatsalterthüme II, Leipzig, 1885, стр. 183, прим. 1) сопоставляет данное совпадение имен с аттическими Бутадами, где этим именем одновременно назывался и род и дем. Фукар (F o u c a r t, там же, стр. 154) считает, что „Дрииты" — название небольшого города, входившего в территорию Линда. О совпадении имени дема с именем рода ср. G u a r d u c c i. L'istituzione della Fratria, стр. 22.

89. NS, 18, стр. 19 сл.

90. Всем этим объединениям свойственно наименование Koinon. Смысл этого термина очень широк. Цибарт (E. Ziebarth. Der Griechische Vereinswesen. Leipzig, 1896, стр. 136) отмечал, что это слово может означать и государственную общину, и ее подразделение, и первоначальный союз и, наконец, объединение любого типа. Поланд (F. Poland. Geschichte des Griechischen Vereinswesen. Leipzig, 1909, стр. 164) также отмечал широкое распространение термина koinon и его разнообразное значение. В некоторых случаях этим именем обозначается и фила и фратрия. Франкотт (F r a n c o t t e, Polis grecque, стр. 214 сл.) на малоазийском эпиграфическом материале (главным образом, на карийских надписях) установил, что карийские koina часто представляют объединения нескольких демов, входивших в состав полиса.

91. NS, стр. 27.

92. IG, XII, 1,922. — SGDI, 4236. Восстановление Гиллера — tan diagonalonian — неверно: надпись дает полную форму: diagonalian.

93. Любопытно отметить, что был выбран брат чествуемого Александра.

94. CR, II, № 4; строка 9 — egdaneis[mu]s (поправка Русселя: P. Roussel. Bull. Epigraphique. REG, XLVII, 1934, стр. 328), у Якопи неверно: egdaneis[ta]s. Этот Архократ, повидимому, тождествен с уже известным нам Архократом, сыном Архиполия, линдополитянином, имя которого встречается на высеченной на гробнице надписи; самая монументальность погребения свидетельствует, как отмечает Якопи, что Архократ был одним из виднейших и богатейших граждан Линда; ср.: IG, XII, 1,868. По мнению Гиллера, он, может быть, тождествен с жрецом Посейдона Гиппия в надписи, опубликованной Скринци.

95. Лёви (L o e w y, Arch. Ep. Mittheil., VII, 1883, стр. 133) предполагает, что Лапефиасты (ср.: IG, 1,867) — коллегия граждан кипрского города Лапефа; Поланд (P o l a n d, Griech. Vereinswesen, стр. 63) и Ван-Гельдер (V G, стр. 367) думают о союзе, получившем свое наименование от божества Лапефа.

96. An., II, № Ю, строки 29 и 39.

97. Ср.: V G, стр. 274; надпись Архитима: Lind., II, 219.

98. otos Nikasagora был по рождению из дема Линдополитян и, повидимому, именно в силу своих линдийских связей входил в общину Агеторидов, ибо он был усыновлен Филостефаном из ялесского дема Политян.

99. Так именно и предполагали издатели первой надписи — Гиллер и вслед за ним Ван-Гельдео; ср.: IG XII, 1, 922.
100. Ср.: В. D. Meritt. *Inscriptions of Colophon*. *Amer. Journ. of Philology*, LVI, вып. 4, 1935, стр. 358 сл.: столб. VIII, строки 865–867; ср. также столб. III, строки 254, 279; столб. II, строка 422.
101. J. Keil. *Ephesische Bürgerrecht und Proxeniedekrete aus den IV u. III Jh. v. Chr.* *Öl*, III, вып. 2, 1913, jrrp. 236; камень III, левый столб. 6, строки 14–15: *elache phulen Teios, chiliastyn Hegetoreios* (там же и литература). Совпадение — не случайное, ибо в той же эфесской родовой организации в филу *Karēnaïōn* входит *chiliastys Althaimeneos* и в филу *Epheseis — chiliastys Rhfodioi*. Ср.: J. T. Wood. *Discoveries at Ephesus including the Site and Remains of the Great Temple Diana*, London, 1877. — *Francotte, Polis grecque*, стр. 119. J. Keil. *Ephesischen Chiliastyen*. *Öl*, III, 2, 1913.
102. A. Maiuri. *Nuove iscrizioni greche delle sporadi Meridionali*. *An.*, II, 1916, стр. 139 сл. (№ 10).
103. P. Foucart. *Inscriptions de Rhodes*. *BCH*, X, 1886, стр. 205.
104. E. Ziebarth. *Griech. Vereinswesen*, стр. 139.
105. F. Poland. *Griech. Vereinswesen*, стр. 73 сл.
106. Ср. Foucart, *BCH*, X, стр. 205.
107. Ср.: Poland, *Griech. Vereinswesen*, стр. 73 сл.
108. VG, стр. 365. — IG, XII, 1, 163.
109. NS, стр. 27–28 (к № 18).
110. IG, XII, 1, 890, -SGDI, 4225. Ср.: Newton, *JHS*, II, 1881, стр. 367. — VG, стр. 363.
111. Культ Зевса Патроя в Линде, как кажется, засвидетельствован и другой надписью: SGDI, 4226 (ср.: IG, XII, 1, 892).
112. IG, XII, 1, 832. — SGDI, 4188. Первые издатели надписи Олло и Диль (*BCH*, IX, 1885, № 11, стр. 108–112) датируют ее II в. до н. э.
113. Ср. в той же надписи: *An.*, II, № 10, строка 11.
114. Упомянутые в надписи Мусаисты Агетории и Агетории Полистратеи, артисты Диониса и Муз, также, повидимому, являются двумя родового типа объединениями — служителей Муз и служителей Диониса и Муз. В той же надписи упомянуты и еще три сходных союза. Маюри отмечает в комментариях разницу обозначений: по его мнению, союзы, не представлявшие собою родовых объединений, обозначаются: *hoi syn to deini* или *hupo ton syn deini* (ср. строку 26–27: *kai hupo ton syn Pasikratei*). Только имена на -eioi могут быть отнесены, по его мнению, к патрам.
115. Однако, если для ряда родовских обозначений союзов, сопровождаемых патронимическим именем на -eioi, это заключение является правильным, то, как мы покажем далее, далеко не всегда эти родовые обозначения можно непосредственно возводить к именам патр. Различие наименований, отмеченное Маюри, может быть сопоставлено, по нашему мнению, с хиосскими надписями, о которых уже говорилось, и с афинскими фиасами, входившими в состав фратрии, также с обозначением *hoi meta tu deinos* наряд/ с родовыми именами на -idai. Сопоставление аттических фиасов с малоазийскими обозначениями союзов *he phratra tu deinos* или *he peri ton deina* было уже сделано; см.: A. v. Premers-tein. *Phratren-Verbände auf einem attischen Hypothekenstein*. *AM*, XXXV, 1910, стр. 108–109. Панкиады упомянуты: *Lind. Tempelchr*, XVII; ср.: *Lind.*, II, * 44. IG, XII, 1, 773.
116. CR, II, 36.
117. *Lind.*, II, 183.
118. *Lind.*, II, 319, 420 и 615.
119. *Lind.*, II, комментарий к № 677.
120. Ср.: Hiller v. Gaertingen. *Bukopia Theudaisia*. *RE*, V, H1bb., стр. 1017–1019.
121. IG, XII, 1, 791.
122. Там же, 792.
123. Там же, 793; полное восстановление, которому я следую, ср.: *Blinkenberg et Kinch, Ov.*, 1903, стр. 82.
124. IG, XII, 1, 798; кроме того, имеется еще 8 надписей без прибавления *ekgonoï* или *paides*. Гиллер предполагает (*RE*, V, стр. 1017–1019), что надписи вырезаны на скалах в воспоминание об открытом жертвоприношении. Блинкенберг (*Ov.*, 1903, стр. 84) считает более вероятным, что надписи указывают на те объединения, которым на празднике Букопий было отведено особое место.
125. *Blinkenberg et Kinch, Ov.*, 1903. № 6, стр. 83.
126. Ср.: IG, II-III, 2-е изд., 2345c, 16; 1237 (SGDI, 921).
127. IG, III, 1, 40. — SGDI, 3776. Надпись к статуе Ксенофана от имени его сына и союза Эратидов.
128. VG, стр. 363. — *Pind.*, *Ol* VII, 93 (1) 2. — *Schol. Pind. Ol.*, 172a — с. Этот род возводил себя к аргосскому царю Эрату: *Paus.*, II, 36, 5.
129. CR, VI/VII, 47, стр. 428–429. — *Lind.*, II, 454.
130. Ср. рецензию Гиллера на „*Clara Rhodos*“, VI/VII (*Hiller, GGAnz*, 196 Jhr., 1934, № 5, стр. 195 сл.). Гиллер сравнивает эти названия с именем сицилийских фил, ссылаясь на Геродота: *Her.*, V, 68.
131. M. Guarducci. *Notedi antichità rodie*. *Historia*, IX, 1936, стр. 431
132. *Schol. ad II. IX*, 70.
133. IG, XII, 3, 93.
134. *Paus.*, X, 11, 3. — *Thuc.*, III, 88. — *Diod.*, V, 9.
135. *Schumacher, De rep. Rhodiorum comm.*, стр. 14. — Селиванов, стр. 21. — *Francotte, Polis grecque*, стр. 20 сл.
136. — *Gilbert, Handb. d. griech. Staatsali.*, II, стр. 181–182. — VG стр. 222 сл. — *Hiller, RE, Supplb.* V, стр. 731.
137. M. Segre. *Krētikos polemōs*. *Riv. Fil.*, XI, 1933, стр. 381. прим.
138. A. Momigliano. *Note sulla storie di Rodi*. *Riv. Fil.*, XIV, 1936, стр. 57 сл.
139. *Guarducci, Historia*, IX, стр. 420 сл.
140. J. Martha. *Inscriptions de Rhodes*. *BCH*, II, 1880, стр. 138 с
- Вместо слова *hierēiōn*, которое обозначает закланную жертву или нечт посвященное божеству, Марта предлагает читать *hieran* или же *hierēiōn*. Ктена, согласно взглядам Марта, — территориальное подразделение с общими для ее обитателей религиозными церемониями, участие в которых приобретает лишь правом рождения (*progonikōn* Гесиция). Бодуин (*M. Beaudouin. Décret de Karpathos*. *BCH*, VIII, 1884, стр. 355 сл.) считает невозможным принять чтение *hierēiōn* в смысле „религиозных церемоний“; он читает *hierōn*, опираясь на текст Поллукса: *Poll.*, III, 10: *hierā progonika*. Ср.: *Schumacher, De rep. Rhodiorum comm.*, стр. 14.
141. *Guarducci, Historia*, IX, стр. 429.
142. IG, XII, 1, 694. — SGDI, 4118.
143. IG, XII, 1, 36. — SGDI, 4139.
144. Марта обращает внимание на употребленные здесь определенные члены: *tas gas tas...* и ниже — *en tiai ktoiñai*; в этой надписи говорит сам даритель о своей собственности, как о предмете, ему хорошо известном.
145. Именно на этой надписи основано заблуждение Гильберта о тождестве дема с ктенной. Ср.: *Gilbert, Handb. d. griech. Staatsalt*, II,

- 182, прим. 2. — Селиванов, стр. 21. — Hiller, RE, Hbb. V, стр. 750. — G, XII, 1, 177-178 и др.
146. IG, XII, 1, 746.
147. Там же, 1033. — SGDI, 4321. Возражая Гильберту, Селиванов справедливо заметил: „Если бы граждане обыкновенно назывались по ктинам, то Themistholas был бы назван не Καρθιολιτας, как видим в надписи, а Potidaeus, чего однако, нет" (Селиванов, стр. 23). Периполлий-укрепленное место, вероятно, вблизи города. Ту же терминологию ср.: IG, II, 1, 1032, строка 16 сл. — SIG, 568 и 569. В камирской надписи (CR, VI/VII, № 43, строка 31) назван эпистат периполия. Материал приведен у Segre: Segre, Riv. Fil., XI, 1933, стр. 385 и прим.
148. IG, XII, 1, 978. — SGDI, 4292.
149. M. Segre, L' »Agora degli dei^a camirese. Athenaeum, XII, 1934, стр. 147 сл.
150. M. Chaviaras, 'E*, 1911, стр. 61, № 528.
151. Селиванов, стр. 42—43. — IG, XII, 1, 128. — SGDI, 4109. Селиванов отмечает: „Камень, на котором вырезана надпись, весьма небольшой величины и, как можно догадываться, принадлежит к числу так называемых *hogoi*".
152. IG, XIV, 952. Упомянутой в Перее фиды Гиллеев (An., IV/V, стр. 488, № 37, строка 37) не было; правильное чтение восстановлено позже, CR, IX, стр. 211 (цитирую по Блинкенбергу: Lind., II, стр. 1013—1014, прим. I).
153. A. Maiuri. An., IV/V, стр. 479, № 33, строки 6—7.
154. Lind. Tempelchr, XV; Lind., II, № 2.
155. Ср.: Momigliano, Riv. Fil. XIV, стр. 60-63.
156. Ср.: Schol. Pind. Ol., VII, 172 b—d.
157. Наличие такого наименования фиды засвидетельствовано в Линде; ср.: Lind., II, 199 и стр. 1012—1015.
158. Фида Kameiris засвидетельствована эпиграфически (IG, XII, 1, 125) в надписи, опубликованной Скринци (Scrinzi. Atti del R. Ist. Veneto di Scienze lettere ed arti, LVIII, 1898—1899, стр. 267 сл.). Гиллер восстановил *phylarcfrésanta phyläi Ialysiai*, и это восстановление подтвердилось двумя позже найденными надписями: *phylarchesanta phyläi Ialysiai* (NS, 19, 5—6) и *choragesas Dionysöi Ialysia* (CR, II, 55). Засвидетельствована теперь и третья фида — *phyla Lindos* (CR, II, 34) и также *Lindia* (Lind., II, 222, 420в, 696а - в, 707).
159. NS, 18, 26; ср.: IG, XII, 1, 43, 5—7.
160. IG, XII, 1, 102. — SGDI, 3817. — NS, 18, 23—24 и 27; ср.: SGDI, 3779.
161. IG, XII, 1, 75. — SGDI, 3810.
162. IG, XII, 1, 163.
163. IG, XII, 1, 852. — SGDI, 4205.
164. NS, 41 и 42; у Маюри: Protu Perinoiu; я принимаю исправление Гиллера; ср.: Hiller, Gnomon, 1926, вып. 4, стр. 193-198.
165. IG, XII, 1, 482 и 818, 10.
166. IG, XII, 1, 937. — SGDI, 4239.
167. IG, XII, 1, 918. — SGDI, 4234.
168. Ср. An., II, 10.
169. Ср.: Isaei, Or. II, 14; о союзе оргеонов: Poland, Griech. Vereinswesen, стр. 13—14. — Guarducci, Riv. Fil., XV, 1937, стр. 334-335.
170. Ср: Poland, там же, стр. 52—53; также Эги (Мисия) и в Диосконе. Некоторые постановления таких союзов представляют точное подражание государственным постановлениям; ср. очень характерные примеры на Косе II в. до н. э. (NS, 436, 438, 439).
171. IG, XII, 1, 127. — SGDI, 4108 (1 в. до н. э.).
172. Foucart, BCH, 1886, стр. 199 сл.
173. Эфес — 4 человека, Антиохия — 8, Солы — 4; по одному: Тенос, Фригия, Фаселида, Сельга, Амфиполь, Солы, Книд, Илея, Кизик, Гермियोны, Симбрия, Хиос, Лисимахия и даже Александрия; большинство членов союза родом из Малой Азии.
174. K\XII, 3, 1269 и 1270. Первое издание комментировано лишь в небольшой части.
175. Ср. сходную формулировку и второго постановления.
176. Ср.: G. Cardinali. Note di terminologia epigraphica Rendiconti della R. Accademia dei Lincei, Ser. V, XVII, 1908, стр. 184 сл.
177. L. Ross. Inscriptiones graecae, II, 188.
178. IG, XII, 3, 6. — SGDI, 4288.
179. BCH, X, стр. 261 сл. — SGDI, 4264.
180. P. Kretschmer. Ethymologisches. I. Rhod. ptoina. Ztschr. f. -vergl. Sprachforschung auf d. Gebiete d. idg. Sprachen, XXXIII, вып. 2, 1893, стр. 272-273.
181. Селиванов, стр. 28.
182. Ср: Lind., II, 1 и 2.
183. Ср.: IG, XII, 1, 764. — SGDI, 4156. — IG, XII, 1, 761. — SGDI, 4154.
184. Kinch, Vroulia, стр. 1. — RE, Supplb. IV, s. v. Kattabier, стр. 881. — Hiller. Die Demeen d. rhodische Städte. AM, XVII, 1917, стр. 173. — Lind, II, 1, стр. 20-21.
185. Kinch, то же. — Hiller, то же. — Fick, Vorgriech. Ortsn., стр. 47. Фик связывает его с топонимическими названиями в родосской Перее у Диодора (Diod., V, 62) — Kastabos и с Названием — Kastabala; Сундваль (Sundwall, Einheim. Namen d. Lykier) считает это имя ликийским, возводя его не к *Kasste, но к Kata.
186. Ср.: Newton. Brit. Mus., II, 357. — Он же. Travels and discoveries in the Levant, I, стр. 198. — Torr, Rhodes in anc. times, стр. 4. — Hiller, AM, XLVII, стр. 173—174. Он же. RE, Supplb. V, стр. 746—747. — Lind., II, 652.
187. Ср.: IG, I, 191, 28 (афинский податной список) и NS, 18, 22; постановление Евфалидов: IG, XII, 1, 890.
188. Strab., X, 19, 20. Страбон рассказывает о родосских тельхинах и критских корибантах; ср.: St. Byz., s. v. Brasiai и Prasiai. Ср. также: Seliwanov. Ad inscript. Rhodias ineditas Supplementum. AM, XVI, 1891, стр. 241—242. — Он же. К статье „Несколько неизданных родосских надписей", ЖМНП, август, 1891, стр. 55—56.
189. Sundwall, Einheim. Namen d. Lykier, стр. 184.
190. AM, XLVII, стр. 174.
191. T. L. Sheer, Amer. Journ. Phil., XXIX, 1908, стр. 461.
192. Sundwall, Einheim. Namen d. Lykier, стр. 131.
193. Селиванов, стр. 39. — Hiller, AM, XLVII, стр. 175. — Он же, RE, Supplb. V, стр. 747. Название Kekoia Сундваль производит от ликийского корня *KaKa-**KaKu-w(a)-ija. О локализации дема ср.: Lind., II, 1, стр. 21.
194. Ср.: RE, Supplb. V, стр. 747; впервые на это обратил внимание Селиванов (AM, XII, 1891, стр. 124—125). Один из восточных склонов Атабирия называется Артамити; ср.: Селиванов, стр. 32—33 и 63.
195. Ср: Селиванов, стр. 40; ср.: AM, XLVII, стр. 175. — RE, Supplb. V, стр. 747. — Sundwall, Einheim. Namen d. Lykier, стр. 108. — Head, стр. 577.
196. Может быть и с гаванью Thermydrai, если последняя не входила в городской дем (ср.: AM, XLVII, стр. 175).

197. Ср.: RA, 1866, стр. 154. - AM, XLVII, стр. 175. - RE, Supplb. V, стр. 747.

198. IG, XII, 1,88.—SGDI, 3828. Совпадение названия патр с именами демонов явление довольно обычное.

199. Ср.: Lind., II, 199, 471 и 1012 сл. В аргосской надписи III в. до н. э.: Rhodioi syngenees eontes ton Argeion; (см.: Mnemosyne, XLIV, 1916, 221, строка 5); на Родосе Селивановым была обнаружена надпись IV в. до н. э.: Nikasikratēs Mnasidōru Asklēpioi toi en Kenchreais tais en Argei kai Hugiaiai (Селиванов, стр. 129 - 130. - IG, XII, 1,26. —SGDI, 3768. Ср.: VG, прим. к стр. 2. — An., II, 1916, стр. 137, № 5). Существует предположение о связи Argeioi с культом Асклепия en Kenchreais tais en Argei (ср. современное поселение „Склепейо“: RE, Supplb. V, стр. 747). Элий Аристид называл Асклепиадов царями и архгетами родосцев, считая, что сами родосцы избрали их преемниками Гераклидов (Селиванов стр. 129—130. - Ael. Arist., I, 75 и 839). Самое название Kenchreai - аргосское (Strab., VIII, 376. — Paus., II, 24,7. - RE, XI, стр. 165-167, №№ 1 и 4. - IG, XII, 1,26, стр. 170); наличие одноименного поселения на Родосе, связанного с культом Асклепиадов - Гераклидов, явно указывает на аргосские связи Родоса. Сундваль (Sundwall, Einheim. Namen d. Lykier, стр. 72) сближает линдийских Argeioi с малоазийским *Verge (ср.: *urqua). Почему в данном случае он совершенно игнорирует греческие параллели - неизвестно.

На основании вышеприведенных данных мы считаем возможным допустить наличие рода Аргеев, возводившего себя к Гераклу через Асклепия и сохранившего предание о своем аргосском происхождении. Родовое имя Аргеи могло лежать и в наименовании линдийской филы Argeia. Позже культ Асклепия был перенесен в город Родос (ср. вторую, найденную на Родосе, посвятельную надпись).

200. Ср.: Lind. II, 648 — SIG, 765, 23; ср.: Селиванов, стр. 33. — AM, XLVII, стр. 175. — RE, Supplb. V, стр. 747.

201. AM, XLVII, стр. 175.—RE Supplb. V, стр. 747. Гиллер сравнивает с фокидским городом Bulis; Сундваль (Sundwall, Einheim. Namen d. Lykier, стр. 61) возводит к корню *bula—Bulus (местечко на Астипале: IG, XII, 3, Index), карийское Bolli(i)eus (BCH, XII, 27 сл.); мужское фригийское имя-Lolano и родовое — Bulidas.

202. Селиванов, стр. 38. - IG, XII, 1,695.-SGDI, 4120.

203. L. Ross, Reisen auf d. griech. Inseln, III, стр. 98.

204. Ср.: An., III, стр. 252 сл. - CR, III, стр. 7.

205. Ср.: CR, II, стр. 82.

206. IG, XII, 1,730.-SGDI, 4135.-Ch. Michel. Recueil d'inscriptions grecques. Paris, 1900, № 875.—SIG, 724. Новая датировка надписи у Блинкенберга: Blinkenberg. Lindiaka, VIII, стр. 6 сл., 9 сл. Ov., 11,4,1938.

207. Ср.: RE, Supplb. V, стр. 748. Поскольку списком жрецов Аполлона засвидетельствована принадлежность демонов Политы и Неополиты к Ялису, постольку, повидимому, следует считать ялисским и дем Палеополитов. Однако не исключена возможность и другого толкования термина Палеополиты, которое в свое время и предлагал Ван-Гельдер (VG, стр. 188): Палеополиты и Неополиты, по мнению Ван-Гельдера, не жители двух городов, а более древнее и менее древнее гражданское население одного города Ялеса. Во всяком случае, вопрос о толковании этих трех демонов еще далек от разрешения.

208. NS, 18, строка 25.

209. Маюри склонено считать это названием праздника. Гиллер справедливо возражает: Hiller, Gnomon, 1926, в. 4, стр. 196. Ср.: Hesych. s. v. Eredimios: Zeus en Rhodoi.

210. IG, XII, 1,786, 9-11.

211. CIA, I, 262 сл., 263. - Herond. II, 57; Brikindēra Cp • Hiller, 1XV Berl. Winkelmannsprog. 1905, 19: Hagesistratos Milōnos Hierateusas Brygindios tris kai damiurgēsas Brygindei. — Ср.: AM XLVII стр.180.

212. Ср.: Athen. XIV, 652c — d. Здесь подчеркнута что имя Бригиндара — варварское. Ср.: Sundwall, Einheim. Namen d. Lykier, стр. 112 „Бригиндара“ возведено к корню *pru knta—ra).

213. Селиванов, стр. 78.

214. В свое время Фукар (Foucart, RA, XIII, 1866, стр. 361) пытался противопоставить Астипалею Палеополитам, как древних обитателей Камира более поздним его обитателям (в то время эти демы считались камирскими). Ван-Гельдер (VG, стр. 187 сл.), ошибочно считая остров Астипалею территорией Родоса, производил название дема от астипалейцев—жителей острова. Теперь считается бесспорной полная независимость о. Астипалеи от Родоса. Ср.: Селиванов, стр. 78 - Hiller, RE, Supplb. V, стр. 749.

215. В надписи, изданной Маюри (An., II, № 1: списки вносящих жертвования или уплачивающих сбор), читаем: [ho deina DJrakontos Damatri (?). Издатель надписи отмечает трудность понимания данного места: „Можно было бы думать о Damatri (eus), но это единственный демотикон во всем списке“. Гиллер, в связи с этой надписью, пересматривает изданную ранее надпись (IG, XII, 1, 616, 3), где вместо Damatria S Гиллер теперь читает Damatrias; в другой надписи (An., II, 1) Гиллер читает: [he deina DJrakontos Damatrias (не Damatrieus). Гиллер хочет локализовать этот дем между Гистаниями и городом Родосом в районе современной деревни Даматрии. Интересно отметить, что, среди большого количества все время повторяющихся демотических имен имя Даматриады мы можем (и то не с абсолютной уверенностью) констатировать лишь два раза. Надпись, изданная Маюри, датируется I в. до н. э., вторая надпись — императорского времени. Предположение Гиллера правдоподобно (ибо метеки обычно называются личным именем и именем города, без указания имени отца) и, может быть, следующие находки прольют больше света на этот вопрос. Ссылаясь на ту же посвятельную надпись, сообщенную Кинком, Гиллер указывает на место в Понторее — Phagai; демотикон — Phagais (RE, Supplb. V, стр. 749). Упоминание Phagais и Phagaia в надписях не очень редко, но нужно ли помещать этот дем на границе с демом Понторее или вне острова — пока неясно.

216. Ср.: CR, VI/VII, 47; также 5а и стр. 429.

217. Гиллер и Ван-Гельдер (ср.: Van-Gelder, Mnemosyne, XXIV, 1896, стр. 294) локализируют Leios в районе Кастелло, вблизи современного Leios; но, как показывают топографические изыскания Маюри (An., II, стр. 298 сл.), это сближение неверно. Современное Legos звучит в произношении Ligo и не соответствует древнему Lelioi. Маюри считает, что некрополь был расположен на холме, еще и доньше называемом Leios; акрополь этого городка находился на холме Scariones, недалеко от некрополя.

218. Ср.; IG, XII, 1,701.—SGDI, 4123, 11—12. - NS, 19, 18: Евфалиды.

219. Ср.: Hesych., s. v. ambones. Наиболее важная надпись найдена в поселении Эмбона, повидимому, вблизи ее первоначального места. <IG, XII, 1, 736. —SGDI, 4139).

220. IG, XII, 1,736. —SGDI, 4139.

221. Ср.: Селиванов, стр. 71: „Ученые со времен Расса обыкновенно полагают, что здесь скрывается древнее Ankon, откуда Ankon, Lankoni, Lankonia. Должен заметить, что это название родственно ново-

греческому Lankada—долина, последнее же развилось из **древнего** Ankas (ankos — долина). Не есть ли Lankōnia реминисценция древнего названия местности Angyleia, лежавшей где-либо в этой области?"

222. Ср.: Hiller, RE, Supplb. V, 50. — Oberhummer, Atabyrion. RE. Halbb. IV, стр. 1887. У Гиллера **гора** — 1215 м высоты над **ур.** м., но и **Оберхуммер** и Селиванов (Селиванов, **стр.** 10—11) исчисляют высоту горы в 1240 м.

223. Ср.: Schol. Pind. Ol, VII, 159c—160a.

224. Ср.: Jacorich, CR, I, стр. 88. Надписи опубликованы: An., II, №№ 144—217, стр. 236 сл.

225. Ср.: An., II, стр. 285 сл.

226. Селиванов, стр. 74—75.

227. Ср.: An., II, стр. 286, прим. 4; стр. 257 сл. (Pogro) и 289 (Maiuri).

228. A. Berg, Die Insel Rhodus, стр. 151. — E. Biliotti et Cottret. L'île de Rhodes, стр. 439.

229. Кроме эллинистической керамики и статуэток, в районе храма найдены фрагменты рельефных геометрических пифосов, столь характерных для родосской архаики. Ср.: An., II, стр. 293.

230. Ср.: SGDI, 4123. — IG, XII, 1,701. — An., II, 93 и 96, — NS, 26. — CR, II, 39. Egeis: Suid., s. v. — VG, стр. 219.

231. NS, №№ 64, 374, 378, 380—381.

232. CR, VI/VII, 50.

233. Имя этого дема должно восстановить и в другой надписи: IG, XII, 1,697. Ср.: NS, стр. 127. Культ Аполлона Пифийского, Карнейского, Милантийского и Дигенета засвидетельствован "для Камира. Ср.: CR, VI/VII, 43, где жрецом этого культа назван „Πεδ[α]π[α]τρ, сын Филократа, по усыновлению же Дорофея". Это лицо встречается в должности демиурга Камира в списке камирских эпонимных демиургов: CR, VI/VII, 2в, 43; надпись научно обработана и переиздана Бенедиктсоном (J. Benediktsson. Chronologie de deux listes de prêtres Kamiréens. København, 1940, Kgl. Danske Videnskaberne Selskab. Arch. Kunsthist. Meddelelser, II, 6, стр. 2; столб. А, II, 125—надпись 155 г. до н. э.). Имя Педапатра должно восстановить в IG, XII, 1, 697. В связи с этим восстанавливаются и первые строки надписи, изданной Гиллером: вместо [ho deina Melnētos следует читать—Digenētos; ср.: CR, VI/VII, 2в, 43.

234. Ср.: Селиванов, стр. 68.

235. Ср.: IG, стр. 191. — F. Dürrbach et C. Radet. Inscriptions de la Pérée Rhodienne. BCH, X, 1906, стр. 245—246. Эрнст Мейер (Ernst Meyer. Die Grenzen der hellenistischen Staaten in Kleinasien. Zürich—Leipzig, 1925, стр. 49) отмечает, что отсутствие свидетельств о ранней принадлежности этих районов Родосу является простой случайностью и что по аналогии с другими большими островами — Самосом, Хиосом, Лесбосом, Тенедесом — можно заключить о древности этих родосских владений.

236. Ср.: Dürrbach et Radet, BCH, X, 1886, **стр.** 245.

237. Ср.: L. Duchesne et M. Collignon. Voyage archéologique en Asie Mineure. BCH, I, 1877, стр. 362.

238. Ср.: SGDI, 4156.

239. Ps.-Aesch., I, 4.

240. Там же, IX.

241. CR, II, 1, 5-6. Ср.: SGDI, 4267. — BCH, XVIII, стр. 31, № И и **стр.** 395 сл. — VG, **стр.** 192.

242. Lind., II.

243. Ср.: BCH, I, 1877, **стр.** 362.

244. Установлено M. et N. Chaviaras; см: 'Еф. 1911, стр. 67 сл. Ср.: E. Hula — E. Szanto. Bericht über eine Reise in Karien. SB Wiener Ak., 1895, CXXXII, стр. 33. — St. Byz., s. v. Hygassos.

245. SGDI, 3785.

246. SGDI, 4332. — Holieaux, BCH, XVIII, стр. 390 сл.

247. Ps.-Aesch., Epist. IX; XII, 11.

248. St. Byz., s. v. Arnos.

249. Ps.-Aesch., Epist. IX, 11; ср.: IG, XII, 1,56.

250. Ср.: Hiller, RE, Supplb. V, стр. 747.

251. Ср.: Maiuri, An., IV/V, стр. 408 сл.

252. IG, XII, 1, 694. — SGDI, 4120.

253. Ernst Meyer, Grenzen d. heilenist. Staaten, стр. 51. Это подтверждается уже цитированной нами надписью: SGDI, 4267.

254. Ср.: Hiller. Anhang über Ploer. Hermes, XXXVII, 1902, стр. 145. В Ликии Tlōeus или Tlōitai; ср.: Hiller, там же, стр. 146, прим. 2.

255. Dürrbach et Radet, BCH, X, стр. 246 сл.

256. Strab., XII, 2,4.

257. Ср.: Maiuri, An., IV/V, стр. 414—415.

258. Ср.: M. et N. Chaviaras, 'Еф. 1907, стр. 212 сл.

259. 'Еф. 1911, № 52B, стр. 61: hei katoikeutes en Thyssanunti; встречается также: ho damos ho Thyssanuntion (там же, № 53, стр. 63; ср.: 'Еф. 1907, № 6, стр. 212).

260. Ср.: 'Еф. 1911, № 56, стр. 63. Чтение удостоверяется наличием культа Афины Камириды: IG, XII, 1, 786, строки 6—7.

261. Ср.: 'ЕФ. 1907, № 9, стр. 214.

262. Там же (SGDI, 4139); 'ЕФ. 1907, № 13, стр. 216,1 (SGDI, 4288); № 13,3 (NS, 491); № 13,6 (SGDI, 3773, 3843. — IG, XII, 1,938. — NS, 44); 13,9 (SGDI, 4123, 9-10; NS, 461.—CR, VI/VII, 50,8).

263. Ср.: 'Еф. 1907, стр. 217.

264. Ср.: 'Еф. 1911, № 59, стр. 65.

265. 'ЕФ. там же, стр. 66 — 68. — An., IV/V, стр. 410-412.

266. 'ЕТ. 1911, № 70, стр. 68; ср.: SGDI, 3771, строка 4 и 'ЕФ. № 69.

267. An., IV/V, № 37, стр. 482 сл.

268. Ср.: 'Еф. 1911, стр. 58. Отождествление впервые было сделано Бентом: J. T. Bent. Discoveries in Asia Minor. JHS, IX, 1888, стр. 83.

269. Ср.: Hiller, RE, Supplb. V, стр. 753—754.

270. Ср.: 'ЕФ. 1911, № 17, стр. 52 сл. и № 18. — CR, VI/VII, 49, стр. 429—430; И, 1, стр. 169.

271. Ср.: Chaviaras u. F. Hiller. Inschriften von Syme, Teutlussa u. Rhodos. ÖI, VII, Wien, 1904, стр. 84 сл.

272. IG, XII, 3, Suppl., № 1269. — D. Chaviaras — E. Hula. Inschriften aus Syme. ÖI, V, 1902, стр. 17 сл.

273. IG, XII, 1,259—60.—SGDI, 3918—3919. — NS, 418—420.

274. IG, XII, 1,259. — VG, стр. 221.—NS, 418-420.

275. Ср.: Lind., II, 2, стр. 848—849.

276. IG, XII, 1, 732. — SGDI, 4137.

277. An., IV/V, стр. 405.

278. U. Koehler. Urkunden u. Untersuchungen— Geschichte d. delisch-attischen Bundes. Abh. Berl. Akad., 1869, стр. 185.

279. T. A. B. Spratt. Remarks on the Dorian Peninsula and Gulf with Notes on a Temple of Latona there. Archaeologia, XLIX, 1886, стр. 351 сл.

280. Ср.: CR, II, 10, 1-4.

281. An., IV/V, стр. 403 сл.

282. St Byz., s. v.; Euthenae: Pomp. Mel., I, 84. Eutane: Plin., NH, V, 107; ср.: Bürchner, RE, VI, стр. 1497—1498.

283. Ср.: Ch. Diehl — G. Cousin, BCH, X, 1886, стр. 423 сл. — An., IV/V, стр. 378 сл., 478 сл. — St. Byz., s. v. — CIA, I, 256 (афинский податный список).

284. Xen., Hell., II, 1, 15.

285. An., IV/V, стр. 479 сл., № 33.

286. St. Byz., s. v. — Diehl — Cousin, BCH, X, стр. 428 сл.

287. An., IV/V, стр. 309 сл. и 477.

288. IG, XII, 1, 1036. — SGDI, 4324; ср.: SGDI, 3879 и 4269. — Hiller, ÖI, XVI, 1893, стр. 102 сл., 247 сл.

289. Diehl — Cousin, BCH, X, стр. 430, №№ 6 и 7. — An. IV V № 30, стр. 477.

290. Ср.: An., II, 107. Однако в I в. до н. э. Идима, кажется, вновь стала независимой, хотя попрежнему оставалась в сфере родосского влияния; ср. надпись (An., IV/V, № 29, стр. 477), где Афанатор обозначен, как „родосец“.

291. Ср.: Büchner, RE, XI, 1922, Kyllandia и KyUandos, стр. 2453.

292. W. R. Paton and J. L. Myles, Karian Sites and Inscriptions, I, № 15. — JHS, XVI, 1896, стр. 221. Ср.: Ernst Meyer, Grenzen d. hellenist. Staaten..., стр. 52.

293. Strab., XIV, 2,2 и 3,2.

294. Ср.: W. Arkwright. The Frontier of Lycia and Caria. JHS, XV, 1895, стр. 94—95. — E. Kalinka. Zur historischen Topographie Lykiens, ÖI, III, 1900, Beibl., стр. 43—44. — An., IV/V, стр. 422.

295. Отсюда в древних источниках и разногласия между отнесением ее то к Карий, то к Ликий; иногда даже создают две Дедалы — ликийские и карийские. Ср.: St. Byz., s. v. — Kalinka, ÖI, 1900, стр. 49—50.

296. Liv., XXXVII, 22: parva castella. — Piin., NH, V, 27, 103: oppidum. — Ptolem., V, 5: Daidala topos.

297. An., IV/V, стр. 422.

298. Впервые издана Девисом: G. Davies. Greek Inscriptions from Lycia, JHS, XV, 1895, № 3, стр. 101; ср.: TAM, II, 1, стр. 53, № 163. — Ernst Meyer, Grenzen d. hellenist. Staaten, стр. 53.

299. Ср.: M. Holleaux. Notes sur l'épigraphie et l'histoire de Rhodes. BCH, XVII, 1893, стр. 52 сл.

300. Ernst Meyer, Grenzen d. hellenist. Staaten, стр. 53.

301. Arkwright, JHS, XV, стр. 96.

302. TAM, I (в конце издания). У Стефана Византийского дано со ссылкой на Артемидора: Krua, polis Lykias (St Byz., s. v.) и, повидимому, как предполагает с большой долей вероятности Эрнст Мейер (Ernst Meyer. Grenzen d. hellenist. Staaten, стр. 53) на основании анекдота, сообщенного Плутархом (Plut., Moralia, p. 246 D) и свидетельства Поллена (Polyaen., VIII, 64) — Kryassos, polis Karias. Ср. и Arkwright, JHS, XV, стр. 96). Однако с полной достоверностью город Kruassos не засвидетельствован. пс.—Скилак (GGM, I, 99) помещает в Карий предгорье Kruassos (Krasos). Кёлер (Köhler, Abh. Ved. Ak., 1869, стр. 188) ошибочно отождествляет Krua афинского податного списка с Kruassos. Ср.: Büchner, RE, XI, 1922, стр. 20—30. — VG, стр. 220.

303. Ср., например, SGDI, 3890: муж — Халкет, жена — Krvassis; 3932: муж — Кедрат; в надписи с о. Симе (ÖI, VII, № Ц, Стр. '89) — Kruasseus; кроме того, представители этого дема часто встречаются в надписях о. Родоса. В одной из родосских надписей I в. до н. э. (CR, II, о, строка 23, стр. 178) некий Эпикратид, сын Евхаона Криассеец является поручителем за метека.

нол ^4* Ср.: Arkwright, JHS, XV, стр. 95, — An., IV/V, стр. 422 — 424. Остатков города в предполагаемой Krua не обнаружено; налицо

лишь значительная группа погребений, одно из которых с карийской надписью.

На о. Терсане обнаружены остатки незначительной античной крепости и эллинистической гробницы. На о. Иерониси — остатки бани императорского периода и византийской сторожевой крепости.

305. GGM, I, 99. Подробнее о самом острове см. в главе этой книги, посвященной Ликий.

306. Самостоятельный чекан монеты на Мегисте Хэд (Head, стр. 634—635) допускает лишь под вопросом. Следуя Имхуфу, он считает возможным, что монеты с надписями „ME“, „Ni“ и „EG“ чеканились на Родосе, и эти начальные слоги обозначали бы в таком случае имена магистратов Родоса. Ср.: H o l l e a u x, BCH, XVII, стр. 52 сл. — SGDI, 4330 — 4334.

307. Амнистии — Hiller, IG, XII, 1, стр. 10. — VG, стр. 221. Евриады — Гиллер без колебаний считал это имя именем дема еще в ранней статье, ср.: Bulidai, RE, Hbb. V, 1897, стр. 1045 — VG, стр. 222; Якопи (Jacopi, CR, II, 7, строка 3, стр. 180—182) все же колебался — не считать ли „Евриады“ названием патры, несмотря на NS, 59. В надписи, изданной Маюри (A. M. «aiuri. Nuovi supplementi al „Corpus“ delle Iscrizioni di Rodi, An., VIII/IX, 1929, 2, строки 20—21, стр. 317) среди имен, сопровождаемых демотическими определениями, встречается и Eu[riada]s. Но эта надпись, повидимому, ускользнула от внимания Якопи. Нассии — имеется лишь одна надпись: SGDI, 3941. — IG, XII, 1, 290. Селиванов (Селиванов, стр. 104—106) робко сближал Nassios (от Nassos — Nasos) с камирской надписью: [eptas] choras tas en TANASSOI [en tai Nassoi?].

308. CR, II, 8, стр. 183—184.

309. VG, стр. 194.

310. An., IV/V, стр. 482 сл.

311. Остров Халкея позже вошел в состав общин Линда; ср. камирское постановление о ктенах. Острова Нисир и Касос в гомеровском каталоге кораблей рассматриваются как косские (II, И, 676). В период после родосского синойклизма оба эти острова входили в состав Родоса; поскольку Касос входил в область Линда, а Нисир в область Камира, можно думать, что их включение в состав родосских общин произошло до синойклизма (может быть в течение V в. до н. э.).

312. Описание современного Телоса и сохранившихся античных остатков см.: J. T. Bent. The Islands of Telos and Karpathos. JHS, VI, 1885, стр. 233. L. Ross, Reisen auf griech. Inseln, IV, стр. 42. — R. M. Dawkins and F. W. Hasluck. Notes from the Sporades: Astypalea, Telos, Nisyros, Leros. BSA, XII, 1905—1906, стр. 159 сл.

313. Theophr., Hist. plant., VIII, 2,9 (оттуда — Plin., NH, XVII, 31).

314. Strab., X, 5, 15. — GGM, I, 99, где псевдо-Скилак называет родосскими Халкею, Телос, Касос и Карпаф.

315. Strab., X, 5,17. — GGM, I,99, где псевдо-Скилак называет Карпаф „трехградным островом“.

317. R. M. Dawkins. Notes from Karpathos. BSA, IX, 1902—1903, стр. 181. — Ср.: E. Manolakakis. Karpathiaka. Athens, 1890, стр. 7 сл.

318. Ср.: Dawkins, BSA, IX, стр. 201.

319. Ср.: Bent, JHS, VI, стр. 235 сл.

320. Ср.: Dawkins, BSA, IX, стр. 202. — Manolakakis, Karpathiaka, стр. 64.

32). На это указывает и местонахождение надписей с упоминанием ктены и дема в районе залива Пигадии.

322. Ср.: IG, XII, 1, 978. — SGDI, 4292.
 323. IG, XII, 1, 977.
 324. Ср.: там же 994—995, 1029, 1032 и др.
 325. Там же, 1031—1033, 1035—1036.
 326. Там же, 1039—1040.
 327. Там же, 1035.
 328. Затруднение, однако, остается. В районе Палатии до сих пор были найдены только остатки построек феодального периода.
 329. Ср. две надписи императорского времени (IG, XII, 1, 1010 и 1011). Однако в обоих случаях речь идет о представителях низшего сословия (о рабах), и имя острова здесь обозначает лишь место их рождения.
 330. Ср.: IG, XII, 1, 997-998.
 331. Ср.: там же, 1033.
 352. Ср.: там же, 997.
 333. Ср.: IG, XII, 1, Suppl., 243—244.
 334. Od., XIX, 176.

К главе III

1. Ср.: Новая история колониальных и зависимых стран, I, 1940, стр. 24.
 2. Из немецких ученых о колонизации в XVIII в. писал лишь известный филолог Гейне: Chr. G. Heune. De veterum coloniarum iure eiusque caussis. Opuscula academica, I, Güttingen, 1785, стр. 292.
 3. L. A. de Bougainville. History of the Colonisation of the free States of Antiquity, applied to the present Contest between G. B. and her American Colonies, 1777.
 4. Работа вышла анонимно: (Saint Croix). De l'état et du sort des colonies des anciens peuples. Philadelphie, 1779.
 5. D. Raoul-Rochette. Histoire critique de l'établissement des colonies grecques, I—IV, Paris, 1814—1815.
 6. Raoul-Rochette, I, стр. 2 сл., 15.
 7. Там же, стр. 16 сл.
 8. Там же, стр. 33.
 9. Там же, стр. 27 сл.
 10. E. Curtius. Die Griechen als Meister d. Colonisation. Rede z. Geburtsfeste d. Kaisers, u. Königs Fr. W. Universität. Berlin, 1883, стр. 6—7.—Он же. Die Griechen in der Diaspora. SB Preuss. Akad. d. Wissenschaft zu Berlin, XLIII, 1882, стр. 953. Здесь, между прочим, автор сравнивает греческий эллинизм в Навкратисе не более не менее, как с ганзейским союзом Балтики! Ср. также: S. P. Lampros. De conditorum coloniarum Graecarum indole praemiisque et honoribus. Leipzig, 1873 (диссертация), стр. 10 сл.
 11. Ср.: Curtius, Griechen als Meister d. Colonis., стр. 7.—Он же. Griechische Geschichte, I, 6-е изд., Berlin, 1887, стр. 398, 448.
 12. Curtius, Griech. Geschichte, стр. 540.
 13. Там же, стр. 456.
 14. Там же, стр. 449.—Ed. Meyer, Geschichte d. Alterthums, II, Stuttgart, 1893, стр. 440. E. Speck. Handelgeschichte d. Alterth., II, Leipzig, 1901, стр. 166.—Fr. Ratzel. Politische Geographie oder die Geographie d. Staaten, d. Verkehrs u. d. Krieges. 2-е изд., München-Berlin, 1903, стр. 129 сл., 151 (со ссылкой на Курциуса).—H. S. Woboda. Griechische Geschichte. 3-е изд., Leipzig, 1911, стр. 27.—P. Gardner. A History of ancient Coinage, 700-300 B. C., Oxford, 1918, стр. 3.—Fr. Bilabel. Die ionische Colonisation. Philologus, Suppl. XIV, Leipzig, 1920, стр. 3.

G. Busolt. Griechische Staatskunde, I, München, 1920, стр. 174.—Д. Trêveг. The Intimate Relation between Economic and Political Conditions in History, as illustrated in ancient Megara, Classical Philology, XX, 1925, стр. 118.—K. J. Beloch. Griechische Geschichte, I, 1 (2-е изд.), Strassburg, 1912, стр. 230.—W. K. Prentice. The fall of Aristocracies and the Emancipation of men's minds, AJA, XXX, 1926, стр. 81 сл.—H. Berve: Griechische Geschichte, I, Freiburg im Breisgau, 1931, стр. 110.

15. Ed. Meyer, Gesch. Alterth., II, стр. 440; то же и K. Pöhlman p. Grundriss d. Griechischen Geschichte, 1909, стр. 47.

16. Beloch, Griech. Gesch., I, 1, стр. 231. Вопросы классовой борьбы в полисах обычно или отнесены на второй план, или рассматриваются как следствие колонизации, или вообще не учитываются. Ср., например, порядок перечисления причин колонизации: Busolt, Griech. Staatsk., I, стр. 174. Классовая борьба дана как одна из дополнительных причин, наряду с „социальным строем“ знати, тираниями и войнами; характерно, что социальный строй знати и тирании даны как обособленные самостоятельные причины, ничем не связанные друг с другом. Главной причиной, однако, является перенаселение, выступающее как абсолютный фактор, не связанный с классовой борьбой и с процессом концентрации земель в руках знати. У Белоха (Beloch, там же стр. 230 сл.) о классовой борьбе, как о причине колонизации, также нет речи. Эд. Мейер (Ed. Meyer, там же, стр. 433) считает, что классовая борьба в Греции возникает лишь как следствие торговой колонизации и, когда были нарушены старые патриархальные отношения между знатью и крестьянством, которое подобно французам после французской революции, превратилось в „третье сословие“! (стр. 555).

*7. P. Guiraud. La propriété foncière en Grèce jusqu'à la conquête romaine. 1893, Paris, стр. 81 сл.

18. J. Toutain. L'économie antique. Paris, 1927, стр. 32 сл.

19. Arist., Pol. II, 3,7. У Аристотеля речь идет не столько об избытке естественно возрастающего населения, сколько о предотвращении возможности безнаследных клеров, с одной стороны, и слишком большого количества наследников на один и тот же клер, с другой стороны. Аристотель подвергает критике теорию государства Платона и в этой связи рассматривает законы Фидона: земельный закон древнего законодателя направлен был к сохранению существовавшего порядка земельных отношений и к предотвращению как дальнейшего раздробления клеров, так и их концентрации.

20. Arist., Pol. II, 9,7. Таким образом, в данном случае для тех же целей сохранения наделов употреблен закон об усыновлении: эти два закона Фидона и Филолая, по существу, представляют два пункта одного закона, по которому в случае многодетности бедняка устанавливается норма детей, а в случае бездетности — необходимость усыновления. И то и другое требуется для сохранения древнего земельного равенства, ибо, как говорит Аристотель, „бедность вносит раздор и преступление“.

21. Arist., Pol. II, 6, 13. Ср.: Beloch, Griech. Gesch., I, 1, стр. 230 и прим. Говоря о подкинутых детях, он отсылает читателя за примерами к работе Глотца: G. Glotz. Études sociales et juridiques sur l'Antiquité grecque. Paris, 1906, стр. 187 сл. Но основным материалом о „подкидышах“ для Глотца служат афинские и римские трагедии и комедии, речи ораторов IV в. до н. э., Плутарх и Стобей. Поэтому не вполне ясно, на каком основании можно весь этот материал относить к предколониальным временам, когда плотность населения должна была быть гораздо меньшей, чем, например, в Афинах V-IV вв. до н. э.

Ссылка на требование Гесиода иметь не более одного сына, во-пер-

вых, относится к Беотии, не принимавшей участия в колонизации, а вторых, свидетельствует все о том же стремлении сохранить статус кво существовавших аграрных отношений.

22. Ср. Plut., Sol. 20.

23. Arist., Pol. II, 6, 11.

24. К. Маркс, Капитал, I (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVII, 1937, стр. 577, прим. 15).

В одной из статей Маркса и Энгельса сказано:

„В древних государствах, в Греции и Риме, принудительная эмиграция, принимавшая форму периодического устройства колоний, составляла постоянное звено в общественной цепи. Вся система этих государств была построена на определенном ограничении количества народонаселения, которого нельзя было превысить, не подвергая опасности самого существования античной цивилизации. Но почему это так было? Потому, что им было совершенно неизвестно применение естественных наук к материальному производству. Только оставаясь в небольшом числе, они могли сохранить свою цивилизацию. В противном случае они стали бы жертвами того тяжелого физического труда, который тогда свободного гражданина превращал в раба. Недостаточное развитие производительных сил ставило граждан в зависимость от определенного количественного соотношения, которого нельзя было нарушать. Поэтому единственным выходом из положения была принудительная эмиграция. (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. IX, стр. 278).

Однако, с нашей точки зрения, это замечание Маркса и Энгельса о „принудительной эмиграции“ в древности нельзя рассматривать, как согласие с теорией абсолютного перенаселения. Из самого объяснения термина „принудительной эмиграции“ как эмиграции, вызванной ростом крупного землевладения и концентрации земельной собственности, уже ясно, что Маркс и Энгельс считали одной из причин древней колонизации не абсолютное, но относительное перенаселение, т. е. сохранение той численной нормы коллектива частных собственников (ср. Немецкая идеология, Сочинения, т. IV, стр. 12), отношения собственности которых не угрожали распаду полиса.

Уже в 1844 г. Энгельс в статье „Очерки критики политической экономии“ (Сочинения, т. II, стр. 311 и сл.), выступая с критикой теории абсолютного перенаселения Дальтуса, блестяще доказал, что всякий взрослый человек может производить больше, чем потребляет; последовательно развивая теорию Мальтуса, говорит Энгельс, мы должны были бы признать, что *„зе и ля была уже перенаселена, когда существовал один только человек“* (стр. 313).

Вся теория абсолютного перенаселения зиждется, как это доказал Маркс, на желании увековечить человеческое неравенство, как естественную, природную, от бога данную, категорию. Отсюда же возникло и бессмысленное утверждение об особенно быстром разноможении бедноты (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVII, стр. 706—707 и прим. 87).

Беспощадно разоблачая эту вульгарную апологетику капитализма, Маркс писал: „Всякому особенному историческому способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие исторический характер (разрядка моя,—А.) законы населения“ (там же, стр. 694).

Рабовладельческий полис, вынужденный перед лицом рабов сохранять естественно возникшую форму ассоциации (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. IV, стр. 12), не мог бы существовать и развиваться в условиях резких имущественных контрастов; поэтому и частная собствен-

ность в полисе подчинена интересам общинно-государственной собственности.

Поэтому-то всякому греческому полису свойственна политика внутреннего компромисса, основанного на борьбе за сохранение крепкой средней имущественной прослойки. Причина этого — неразвитость производительных сил античного общества, которая, по утверждению Энгельса, несовместима с наличием абсолютного избытка населения (ср: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. II, стр. 314).

Таким образом, полисная форма древнегреческого общества теснейшим образом связана со своим особым, имеющим исторический характер, законом населения.

К сожалению, этот важнейший вопрос о законе населения, свойственном античному рабовладельческому обществу, в нашей исторической науке еще не поставлен.

25. Arist., Ath. Pol. 2.

26. Arist., Ath. Pol., 12,4. — Plut., Sol. 13.

27. Исходя Иногда из разных предпосылок, на этой точке зрения стоят: P. Guiraud. Propriété foncière, стр. 81 сл. — J. V. Bury. A History of Greece, I, 1902, London, стр. 89 (то же и в сокращенном издании 1924 г.). — J. Hatzfeld. Histoire de la Grèce ancienne. Paris, 1926, стр. 54. — Beloch. Griech. Gesch., I, 1, стр. 230 сл. — A. Jardé. The formation of the Greek people. London, 1926 (французское издание 1923 г.). — J. Hasebroeck. Staat und Handel in alten Griechenland. Tübingen, 1928, стр. 114. — Он же, Griechische Wirtschafts- und Gesellschafts Geschichte bis zur Perserzeit. Tübingen, 1931, стр. 109. — H. Michell. The economics of ancient Greece. Cambridge, 1940, стр. 224. Некоторое отличие представляет точка зрения Глотца (G. Glotz, Histoire grecque, I, Paris, 1925, стр. 155 сл.). Глотц считает, что „завоевание пахотной земли было для греков главным стимулом колониальной активности“, но наряду с этим колонии основывались пиратами, наемниками, теми, кому не по душе было земледелие; таковы, по его мнению, Занклы, основанные „бродягами“ (rôdeurs), Сиракузы, Кирена и большая часть черноморских колоний. Эта точка зрения — произвольна и не подтверждается материалом, ибо, как говорит Аристотель, „полис не образуется из случайных людей“.

28. Ed. Meyer, Gesch. Alterth., II, стр. 440.

29. Jardé, Form. of the Greek people, стр. 173—174.

30. Bury, Hist. of Greece, 2-е изд., стр. 86.

31. Michell, Economics of anc. Greece, стр. 1.

32. Там же, стр. 217.

33. Hasebroeck. Staat u. Handel, стр. 114—115. — Он же, Griech. Wirtsch. u. Gesellsch. Gesch., стр. 110—111, 145 сл.

34. Michell. Economics of anc. Greece, стр. 5—6.

35. Jardé. Form. of the Greek people, стр. 175.

36. Hatzfeld, Hist. de la Grèce., стр. 54.

37. Bilabel. Ionische Kolonisation, стр. 2. Приведенные примеры можно было бы и увеличить, но они все однородны.

38. Ross. Kleinasien u. Deutschland, стр. 181.

39. A. Blakey. Prolegomena to the study of Greek commerce with Italy, Sicily and France in the eighth and seventh centuries B. C. BSA, XXXII (1932—1933), London, 1935, стр. 208.

40. С. А. Жебелев. Счастливые города. Изв. ГАИМК, вып. 100, 1933. — Он же. Народы Северного Причерноморья в античную эпоху. ВДИ, № 1/2, 1938.

41. Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях греков с

область реки Танаиса в VII—VI вв. до н. э. Изв. ГАИМК, вып. 105, 1934, стр. 90 сл.

42. А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Ленинград, 1947.

43. В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 30 сл.—Д. П. Каллистов. Очерки по истории северного Причерноморья античной эпохи. Ленинград, 1949, стр. 5 сл., особ. стр. 41—42.

44. Вlake way, BSA, XXXIII, стр. 170 сл.

45. Жебелев. Народы Северного Причерноморья..., стр. 161.

46. А. П. Иванова. Искусство античных городов сев. Причерноморья (рукопись учебника).

47. А. А. Иессен. Греческая колонизация..., стр. 14 сл.

48. Ср.: Вlake way, BSA, XXXIII, стр. 172.

49. Ср., например: Вury, Hist. of Greece, стр. 86 (то же и в издании 1924 г., стр. 87). Так же склонен рассматривать переселение и колонизацию Свобода: Swoboda, Griech. Gesch., стр. 13 сл., 26 сл.

50. Ephor, fr. 106 (FHG, I, 263). — Heracl. Pont., fr. 5 (FHG, II, 213). — Ср.: J. G. O'Neill. Ancient Corinth, I, стр. 127—128 (The Johns Hopkins University Studies in Archaeology № 8 ed. by D. M. Robinson), Baltimore, 1930. Приблизительно территория Коринфа охватывала около 248 кв. миль.

51. Несмотря на активную роль в колонизации и в торговле трех родосских центров, и особенно Линда, сельские районы этих городов очень долго сохраняли консервативно-земледельческий характер.

На территории Линда засвидетельствованы также и „живущие и занимающиеся земледелием" (IG, XII, 1, 762.—SGDI, 4155.—CR, II, 48). Две трети всей территории Родоса с сельскими демами принадлежали Линду. О земледельческом характере населения, обитавшего на территории Камира, говорит и надпись с именами камирских божеств, связанных с земледелием и скотоводством (CR, VI/VII, 36 4/13); она специально исследована Серге: M. Segre. L'„Аgora degli dei" camirese, стр. 144 сл.

52. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. IV, 1938, стр. 40.

53. Diod., V, 9, 4—5. По поводу самого факта передела земли на Липарских островах мнения ученых сильно расходятся; трактовку вопроса и литературу см.: Weiss. Kollektiveigentum, RE, XI (1921), стр. 1087 сл. Ср. и любопытное наблюдение: П. Л а ф а р г. Происхождение собственности в Греции. Очерки по истории культуры. 1921, стр. 103—104. В данном случае мы не можем решать вопрос — следует или нет переносить черты липарской общины на историческую Грецию. Вейсс, например, вопреки Пельману и Кацарову, утверждает, что такого рода порядки не изменяются и не выдумываются; таким образом, по его мнению, нужно признать, что „образцы для него (передела) были налицо в аграрном устройстве греческих городов, из которых происходили переселенцы" (Weiss, там же, стр. 1086). Если заселение Липарских островов остатками книдо-родосских колонистов считать историческим фактом, то несомненно, что отношения на Липарских островах указывают на архаизм аграрных отношений у дорийских колонистов Книда и Родоса в тот период, когда и Книд и родосские города были уже не только земледельческими, но и торгово-ремесленными центрами.

54. Совершенно правильно ставит вопрос акад. А. И. Тюменев (История античных рабовладельческих обществ, 1935, стр. 35 сл.), подчеркивая, что „развитие торговли могло совершаться только на основе рабства", и рассматривая развитие рабовладения и рабского труда в греческих городах как основу колонизационной экспансии греков.

55. Schol. Pind. Ol. II, 29. Ван-Гельдер (VG, стр. 71) связывает эти события с приходом к власти линдийского тирана Клеобула.

56. Diod., V, 9 — Ср.; Ed. Meyer, Gesch. Alterth., II, стр. 680—681.

57. Athen., VI, 272b и Schol. Pind. Ol. VIII, 30. Количество рабов сильно преувеличено, но самый факт роста численности рабов, по всей вероятности, правилен.

58. Theop., fr. 134 (FHG, I, стр. 300—301); Poseid., fr. 39 (FHG, III, 265—266).

59. Так датирует ее Бари: (A. B. Burn. The so-called 'Trade-Leagues' in Early Greek History and the Lelantine War. JHS, XLIX, 1929, стр. 32 сл.).

60. Ср.: A. B. Burn, там же, стр. 14 сл. В своей статье Барн пытается наметить основные группы союзников и врагов, сближения их друг с другом и противоречия между ними. К сожалению, автор совершенно не учитывает археологического материала, поэтому не все его выводы верны и материал не полон. Например, ввиду отсутствия археологического материала остаются совершенно непрослеженными связи Коринфа с крито-кипрским районом и с Родосом, которые, как показал Пэйн (H. G. G. Payne. Necrocorinthia. Oxford, 1931, стр. 4—5 сл.), оказывали сильнейшее влияние на Коринф в период развития ориентализирующего стиля. Поэтому осталась непрослеженной и тесная связь Родоса с Самосом и сильное влияние Родоса на Самос и т. д. Однако и литературный материал, с большой полнотой привлеченный автором, ясно свидетельствует о том, что уже в конце VIII в. до н. э. наметились серьезные противоречия между полисами и столкновения между ними.

61. Ср: M. Guarducci. Orgeoni e tiasoti. Riv. Fil., N. S., XIII, 1935, стр. 332 сл. Ср.: К. М. Колобова. К вопросу о судовладении в древней Греции. Изв. ГАИМК, 1933, стр. 90. Вилламовиц (U. Wilamowitz-Moellendorf, Philologische Untersuchungen IV, 1881, стр. 278 сл.) высказывал предположение, что этот закон не целиком принадлежит солоновскому времени, так как трудно предположить, по его мнению, упоминание в этот период дема. Де-Санктис и Гвардуччи, наоборот, считают возможным датировать этот закон периодом деятельности Солонна. В „Дигестах" (Dig. XLVII, 22, 4) текст закона читается так: ean de ðmos ð phratores ð hieron orgiõn ð nautai ð synsitiõn ð homotaphoi ð ðhiasetai ð epi leian oichomenoi ð eis emporian hoti an tutuui diathontas pros allõus kyriõn einai ean mē apagoreuēi dēmosia grammata. Наибольшее затруднение вызывает чтение ð hieron orgiõn, и здесь ряд ученых предлагал свои исправления (Вилламовиц, Липсиус, Гвардуччи). В нашем переводе мы приняли перестановку Санктиса и исправление Гвардуччи: e phratores ð hierõn orgon (sy)n (th)ytai и т. д.

61. M. Guarducci. Orgeoni e tiasoti. Riv. Fil. XIII, 1935, стр. 332 сл.

62. Ср.: Колобова, К вопросу о судовладении..., стр. 90 сл.

63. Her., II, 152.

64. Beloch, Griech. Gesch., I, 1, стр. 231.—Вury, Hist. of Greece, стр. 87.

65. Н а с е б г о е с к, GriechischeWirtsch.- u. Gesellsch. Gesch., стр. 110—111, 145 сл.— Он же, Staat u. Handel, стр. 114.

66. Н а с е б г о е с к, Staat u. Handel, стр. 115.

67. Strab., XIII, 3,6.

68. Ср.: Вlake way, BSA, XXXIII, стр. 103 и рис. 19. Сходная картина такого же обмена устанавливается археологами и для Тарента; ср.: J. Bérard. La colonisation grecque de l'Italie Méridionale et de la ðicile dans l'Antiquité. Paris. 1941, стр. 246.

69. G. Hirschfeld. Zur Typologie griechischen Ansiedelungen im Altertum, Berlin, 1884, стр. 353 сл.

70. Там же, стр. 358.

71. J. L. Myres. The Geographical Aspect of greek Colonisation. Proc. Class. Assoc., 1911.

72. E. Curtius, Griechen in d. Diaspora, стр. 943.

73. Ср.: Иессен, Греческая колонизация..., стр. 39, 54, 89 и др.— Жебелев, Народы Сев. Причерноморья..., стр. 161. Версии о двукратном и более основании одних и тех же колоний, как, например, Занклы (Мессины), Синопы, Кизика, Алалии (Алерии) и других, наряду с версиями об их разрушениях после первого основания, как будто бы свидетельствуют как раз о том, что греческие колонии, основанные несвоевременно или случайными колонистами, как правило, погибали. История, — пишет Курциус, — отмечает лишь счастливый результат. Но мы знаем также ужасный день Алалии; мы знаем истребление чуждых поселенцев в Сардинии и Иллирии и даже имена тех, которые сделали первую неудавшуюся попытку основать Синопу* (Curtius, там же, стр. 943). Об основании Занклы ср.: Buso II, Griech. Gesch., I, 2-е изд., стр. 392. — Ed. Meyer, Gesch. Alterth., II, стр. 474 сл.; об основании Синопы: D. M. Robinson. Ancient Sinope, Baltimore, 1906, стр. 144 сл.; о Кизике: Buso II, там же, I, стр. 468—469. — Ed. Meyer, там же, стр. 445 сл. Об Алерии: Hülsen. RE, I, s. v. Aleria.

74. Ср* G Diesterweg. De iure coloniarum graecarum. Berlin, 1865 (диссертация), стр. 11-12.-Her., V, 77.-Thuc., IV, 102.

75. Ср.: K. Hannell. Megarische Studien, Lund, 1934, стр. 113—14.

76. Об этом подробнее и с указанием источников см. в разделе „Гела*“ стр. 190 и „Навкратис“ стр. 207 сл. Ср.: Kinch. Vroulia, стр. 4.

77. Геродот говорит о самосцах, живших в Оазисе в Ливии и бывших членами одной филы (Her. III, 26). Если даже это свидетельство Геродота верно (об его топографической ошибке см.: N. W. How and I. W. Ell s. A commentary on Herodotus, I, Oxford, 1978, стр. 262—263), то о самой природе этой филы нельзя сказать ничего достоверного. Мы знаем о существовании на Самосе двух фил: Chësion и Astypalaia; ср.: Th. Wiegand и U. Wilamowitz-Moellendorf. Ein Gesetz von Samos über die Beschaffung von Brotkorn aus öffentlichen Mitteln. SB d. k. Akad. d. Wissensch., Berlin, 1904, стр. 931, прим. 2.—Ср.: FHG, IV, 512: Chesia и Astypalaia.—Vilabel, Ionische Kolonisation, стр. 173 сл. Уже Виламовиц и Билабель считали упоминаемую Геродотом филу Aischriônia — родом. В литературе указывалось на наличие в Самосе собственного имени Aischriop. Ср.: How and Wells. Comm. on Herodotus, I, стр. 263. ^Вероятнее всего предположить, что Оазис являлся не самосской колонией, но поселением самосцев (самосских наемников), которые и могли образовать на месте поселения филу, получившую, возможно, свое название по имени главы самосской колонии.

78. Od., VI, 9-10; тем более, что из слов „Одиссеи“ — kai edassat arugas — вовсе не следует, что здесь мы имеем дело с распределением земли обязательно на равные наделы.

79. Her., V, 72; II, 34.—Ed. Meyer, Gesch. Alterth., II, стр. 446, 454.—D. M. Robinson. Ancient Sinope, стр. 138.—J. A. R. Munro. Roads in Pontus. Royal and Roman. JHS, XXI, 1901, стр. 52 сл.—W. Leai. The Commerce of Sinope. JHS, XXXVI, 1916, стр. 4 сл. Караванный путь, вопреки мнению Робинсона, шел не прямо в Синопу, но в Амису, которая и была основана в данном месте именно вследствие выхода здесь сухопутного пути к морю; затем по берегу товары переправлялись в синопскую гавань, ибо «из Амисы в Синопу шла и сухопутная дорога

вдоль побережья Черного моря. Ср.: Vilabel, Ionische Kolonisation, стр. 30 сл.—Rüge, RE, 1937, s. v. Soloi, стр. 937.—GGM, I, 77 (Ps. Skyl., fr. 102).

80. Ср.: W. R. Paton and I. L. Myres. Karian Sites and Inscriptions. JHS, XVI, 1896, стр. 191 сл.—W. M. Ramsay. The historical Geography of Asia Minor. Royal Geographical Society, Suppl.-Papers, IV, London, 1890, стр. 49.

81. С. А. Семенов-Зусер. Торговый путь к Ольвии, Уч. Зап. Харьк. Универс., вып. 19, 1940, стр. 79 сл.—Иессен. Греческая колонизация, стр. 63 сл.—Книпович. К вопросу о торговых сношениях греков..., стр. 81 сл.

82. Ср.: Blake way, BSA, XXXIU, стр. 184—185.

83. Ср. раздел „Ликия и Фаселида“, стр. 255 сл.

84. Maiuri, An., IV/V, №37, стр. 482 сл.

85. Strab., XIV, 10, 165. Страбон перечисляет далее многочисленные колонии, будто бы, основанные родосцами в Иберии, Италии и на Балеарских островах. По Страбону, родосцами в Иберии был основан город Роде, впоследствии занятый массилиотами. Ван-Гельдер (VG, стр. 69), однако, считает, что Роде у южного подножья Пиринеев был с самого начала колонией массилиотов. Предание о родосской колонизации могло возникнуть на основе сходства имен „Роде“ и „Родос“. В Италии на месте Неаполя у опиков родосцы будто бы основали Парфенопу. Аналогичное свидетельство и у Стефана Византийского: St. Byz., s. v.; по другим данным, Парфенопа основана жителями Кумы. Ван-Гельдер (VG, стр. 68—69) ставит под сомнение и это свидетельство и категорически отвергает достоверность страбововского сообщения о родосской колонизации на Балеарские острова (VG, стр. 69). Ср.: Strab., XIV, 5, 14.

86. Подробнее об этом см. раздел „Навкратис“, стр. 225 сл.

87. Ср.: M. Weber. Wirtschaft u. Gesellschaft, Tübingen, стр. 586 сл.—H. Prinz. Funde aus Naukratis (Klio, Bh. VII), Leipzig, 1908, стр. 2 сл.—Ed. Meyer. Kleine Schriften, I, Halle a S., 1910, стр. 104.—Он же, Gesch. Alterth., II, стр. 672.—Beloch, Griech. Gesch., I, 1, стр. 263.—Pöhlmann, Griech. Gesch., стр. 46.

88. J. Hasebroeck. Staat u. Handel, стр. 63 сл.—Он же. Griech. Wirtschaft- u. Gesellsch. Gesch., стр. 112 сл.

89. Книпович. К вопросу о торговых сношениях греков..., стр. 90 сл.—Иессен. Греческая колонизация, стр. 53 сл. **m**

90. О Березани см.: E. H. Minns, Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 451 сл.—Б. А. Тураев. Скарабеи с острова Березани. ИАК, 1911, стр. 117 сл.—Н. А. Эрман. Навкратийский кубок, найденный на о. Березани. ИАК, там же, стр. 142 сл. (о полной аналогии кубка с найденным на Родосе киликом см. стр. 151).—Н. Радлов. Два черепка с о. Березани, ИАК, 1910, стр. 81 сл. (сходство с родосскими энохоями). Однако автор разделяет бывшее тогда распространенным ошибочное мнение о том, что „Родос был сам по себе слишком незначительным городом“, чтобы ввозить свою продукцию на юг России и в Навкратис (стр. 85 сл.). Это ложное представление помешало ему сделать верный вывод. О родосской энохе, найденной на Березани, ср. статью: Е. О. Прушевская. Родосские вазы и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове. ИАК, 1917, стр. 44 сл. и прим.

91. Эретрия и Халкида начали чеканить собственную монету или во время Лелантинской войны или после ее окончания (ср.: Head, стр. 355), Коринф — не раньше середины VII в. до н. э. (Head, стр. 389 сл.)! Хиос (там же, стр. 599), Самос (там же, стр. 802), Камир и Линд (там же, стр. 635 сл.) — не раньше начала VI в., Ялис (там же, стр. 636—

637) — в конце VI в. до н. э. Раньше других греческих колонизационных центров, вероятно, стал чеканить монету Милет — в VII в. до н. э. (там же, стр. 584).

92. Gardner, Hist. of anc. Coinage, стр. 27 сл., 114 сл.

93. Иессен, Греческая колонизация, стр. 27—28.

94. Ср.: Gardner, Hist. of anc. Coinage, стр. 13.

95. Ср.: там же, стр. 116.

96. Литературные источники о перенесении культов собраны у Рауль-Рошета: Raoul-Rochette, Hist. établ. col. grecques, I, стр. 36 сл. ср.: Diesterweg, De iure colon, graecarum, стр. 23 сл. — Thuc., I, 24 (об основании Эпидамна).

97. Ср.: Her. V, 42. — Diesterweg, De iure colon, graecarum, стр. 35—36.

98. Schol. Thuc., I, 25: „существовал обычай брать жрецов из метрополии* (ср.: Diesterweg, De iure colon, graecarum, стр. 25). Дистервег считает, что, относясь осторожно к свидетельству схолиаста, все же нельзя не обратить на него внимания. Может быть, замечание схолиаста связано с тем, что в раннее время основные родовые культы находились в руках родовой знати с наследственной передачей жреческих функций внутри рода. Поскольку в колонизации всегда, как правило, принимала участие родовая знать, то вместе с ней переносились в колонии и ее культы и ее жрецы, как, например, в случае с Телином в Геле, а затем с его потомками в Сиракузах. Ср. и Plut., Thes., 5.

99. Ср.: Thuc., I, 25. — Diod., XII, 30.

100. Diesterweg, De iure colon, graecarum, стр. 28 сл.

101. Подчеркивание родства происхождения жителей апойкии и метрополии в более позднее время становится одним из средств возобновить старые связи метрополии с ее колониями. Ср., например, характерное постановление милетян (конец IV в. — начало III в. до н. э.) об истриянах, где жители Истрии названы „друзьями“ и „сородичами“ (syngeneis) и где термин *oikeiotēs* подчеркивает как раз родственность по крови милетян и истриян. Надпись издана Ламбрино: S. Lambrino, Dacia, III—IV, Bucarest, 1933.

102. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 150—151.

103. Подробное изложение содержания мифа с привлечением источников см: Ed. Freeman, Geschichte Siciliens, I, Leipzig, 1895, стр. 97 сл.

104. Ср.: G. Colomba. Il mare e le relazioni maritime tra la Grecia e la Sicilia nell'Antichità. ASS, XIV, Palermo, 1889, стр. 336.

105. Впервые это предположение высказал Гольм: A. Holm. Storia della Sicilia nell'Antichità, I, Torino, 1896, стр. 277. Ср. более раннее немецкое изд.: Geschichte Siciliens im Alterthum, I, Leipzig, 1870, стр. 134—135. — Р. Орси. Gela. MA, XVII, 1906, стр. 14, и прим. 2. Орси указывает, что исторические источники и прежде всего Фукидид (Thuc., VI, 4, 3 и сл.) передают мифы, отражающие древнейшие сношения Крита с южной Сицилией. Находки микенских ваз на восточном побережье Сицилии, по его мнению, наглядно подтверждают эту древнюю мифологическую традицию. Однако на юге Сицилии до сих пор не обнаружено микенских находок. Пайс (E. Pais, Storia d' Italia dai tempi più antichi sino alle guerre puniche I. Storia della Sicilia e della Magna Grecia, Torino-Palermo. 1894, стр. 348) отрицает достоверность мифологической традиции, считая ее позднейшими измышлениями колонистов Гелы и Акраганта. Однако это утверждение Пайса имело место до минойско-микенских находок в сикульских погребениях Сицилии. Джулиано в своей последней работе (L. Giuliano. Storia di Siracusa antica, 3-е изд., 1936, стр. 3) полагает, что распространителями этой криго-микенской продукции могли быть „прото-

греки“, вероятно, этоляне. Однако, его аргументация не кажется нам достаточно убедительной. Если бы даже дело обстояло и так, то и этого было бы недостаточно, чтобы считать этолийских „протогреков“ распространителями минойских и микенских изделий в Сицилии. Кроме того, Джулиано просто замалчивает миф о пребывании в Сицилии Дедала и Миноса, не считая нужным оценить его значение, но одновременно уделяет внимание мифу об Аретузе, возлюбленной Алфея (стр. 4).

106. Ср.: C. Barbagallo. La produzione media relativa dei Cereali e della vite nella Grecia, nella Sicilia e nell'Italia antica. Riv. St. Ant., N. S. Padova, 1904, стр. 491—493 (Сицилия). Барбагалло указывает что, по уверению Плиния (Plin., HN, XVIII, 95) и также, может быть, Феофраста (утверждение которого является источником и для Страбона), Сицилия давала урожай от 30 до 100^{0/0}; по мнению автора, это утверждение сильно преувеличено. Цифры Цицерона, хорошо знакомого с Сицилией в период еще процветающего земледелия, гораздо более умеренны: для лучших территорий острова (например, леонтинского поля) соотношения 10:1, для других — при хорошей обработке и в нормальных условиях 8:1 или 7—6:1 (стр. 492) Ср.: G. Beloch. La popolazione antica della Sicilia (те же выводы). ASS, NS, XIV, 1889, стр. 30.

107. Ср.: Orsi. Gela, стр. 7 сл. J. Schubring. Historisch-geographische Studien über Altsicilien, RM, N. F., XXVIII, 1873, стр. 89—90.

108. Ср: St. Byz., s. v. Gela. Проксен и Гелланик, по дальнейшему сообщению у Стефана Византийского, производили это имя от Гелона, сына Этны и Гимера. Аристенет объясняет это слово, по видимому, по созвучию с греческим *gelaō*, *gelos*: от смеха Антифема, ойкиста Гелы, при неожиданном для него приказе Пифии Лакию — плыть на Восток. Уже Гольм отмечал совпадение этой истории с рассказом о Тельмиссе и Галеоте (ср.: Holm, Gesch. Siciliens, стр. 390, прим. к стр. 135.— S. Byz.. s. v. Galeotai); Парк (Parke. A History of the Delphic oracle. Oxford, 1939, стр. 66-67) сравнивает этот „этимологический“ оракул и смех Антифема со смехом Сарры. Ф. Соколов (Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии. СПб., 1865, стр. 192) считает это народным преданием, основанным на игре слов (ср. у него русские параллели: там же, стр. 219, прим. 108).

109. См.: Schubring, RM, XXVIII, 1873, стр. 82 сл. — Holm, Storia della Sicilia, I, стр. 278 и прим. 23; II, стр. 220 сл. Freeman, Gesch. Sic. I, стр. 402 сл.; II, стр. 562 сл. — Busolt, Griech. Gesch., I, 2-е изд., стр. 413, прим. 1. — O. Meitzer. Geschichte der Karthager, I, 1879, стр. 274. — Orsi, Gela, стр. 10. — L. Giuliano. Gela, Riv. St. Ant. 1907, стр. 132. Перечисленные авторы считают, что в древности река Гела впадала в море двумя устьями: современным устьем Марголио и вторым, позднее высохшим, которое, отделяясь от Марголио, орошало равнину к северо-западу от Террановы и, сливаясь с потоком Каттано, впадало в море у подножья Монте Люнго. Против этой точки зрения выступили Культрера и Парети: Cultrera. Intorno all'assampamento Carthaginese nell'assedio di Gela del 405 a. c, e al corso del fiume omonimo, Rend. L., Sér. V, XVII, 1908, стр. 257 сл. — L. Pareti. Per la Storia et la topografia di Gela. RM, XXV, 1910, стр. 1 сл. Основываясь на толкованиях отдельных пассажей XII книги Диодора (об осаде Имильконом Гелы), и Культрера и Парети считают, что течение древней Гелы точно соответствовало современному течению Марголио. Но, как кажется, Циглер (Ziegler, RE, s. v. Gela, XIII, 1910, стр. 954) правильно подвергает сомнению аргументацию обоих авторов.

110. Левее плато Гелы, приблизительно в 6 км от него, находится плато Монте Люнго; высота его достигает 66 м, длина — 2200 м. Оно

представляет естественное укрепление, очень удобное в военном отношении и более высокое, чем плато Гелы. Однако отсутствие поблизости питьевой воды и невозможность причала к берегу кораблей определило выбор греков. Сначала археологи искали Гелу именно здесь, но им не удалось обнаружить никаких следов архаического греческого слоя. Здесь были найдены остатки раннего туземного слоя и погребения греков V—IV вв. до н. э. Предположение Шубринга, что здесь был храм Аполлона, также пока ничем не подтверждается.

111. Нег., VII, 153. О Телине см.: Beloch, Griech. Gesch., II, 2-е изд. 1916, стр. 167.

112. Ср.: VG, стр. 183.

113. Ср.: Schubring, RM, XXVIII, стр. 88. — Raoul-Rochelle. Hist. établ. col. grecques, III, стр. 247—248. Телос был выделен Геродотом лишь в связи с его интересом к Телину, предку сиракузского тирана.

114. Thuc, VI, 4, 3, ср.: там же, VII, 37, 6 и 9.

115. Ср.: Orsi, Gela, стр. 14.

116. Schol. Pind. Ol., II, 16в И С.

117. Ср. Wentzel, RE, s. v. Artemon, № 18, 1896, стр. 1446.

118. Ср.: Holm, Storia della Sicilia I, стр. 278, прим. 23 (немецкое изд., стр. 382, прим. к стр. 135). Утверждения Артемона вызвали резкие возражения Меюкрата, ученика известного грамматика Аристарха.

Мы ничего не знаем о достоинствах комментария самого Меюкрата; однако его учитель Аристарх, выдающийся в свое время комментатор Гомера, в реальных исторических комментариях к Пиндару был далеко не на высоте. Ср.: Cohn, RE, s. v. Aristarchos, № 22. Далее — легкость, с которой Меюкрат отбрасывает все положения Артемона, сама по себе вызывает подозрения; кроме того, известия об упорной борьбе Антифема с сикулами и о разрушении сикульского города Омфаки явно противоречат утверждению Меюкрата.

119. На это совершенно определенно указывает включение имени Антифема в упоминание о Геле; ср: Lind. Tempelchr. gl. XXVIII.

120. В позднейших исторических источниках были спутаны два Диомена—руководитель телосцев и отец Гелона. В „Etymologicum Magnum“ (s. v. Gela) Антифем и Диомен даны альтернативно: „Антифем или Диомен“. По сообщению линдийской храмовой хроники (гл. XXVIII), Диомен, основавший Гелу вместе с Антифемом, — линдиец, отец трех сыновей—Гелона, Гиерона и Полизела. Циглер (R. É, s. v. Gela, стр. 947) считает, что здесь имеет место обратная генеалогическая проекция Диоменидов, но Блинкенберг, как кажется, правильно уделяет большое внимание этому упоминанию (ср: Ov., 1912, стр. 60 сл.). Он отмечает то же смешение двух Диоменов в схолиях к пифийским одам Пиндара (Pind. Pyth., 11,27); ср. там же и упоминание, что этот Диомен принес „святыни из Триопии в Сицилию“, т. е. речь идет как раз о тех пиетах Деметры и Персефоны, посредством которых Телин возвратил из Магнотрии восставшую часть населения Гелы обратно в Гелу (Нег., VIII, 153). Геродот просто опустил имя Диомена, потому что его интересовал не глава колонистов Телоса, но лишь Телин. В этом сопоставлении Диомена и Телина в качестве ойкистов Гелы Блинкенберг видит следы древней традиции об участии телосцев в колонизации Гелы, что подтверждается и свидетельством в Schol. Pind. Ol., VI, 158.

121. Упоминание об участии пелопоннессцев в колонизации Гелы было у Артемона; ср.: Schol. Pind. Ol., II, 16а. О вожде мессенян Аристомене, дочь которого, согласно традиции, была выдана замуж за ялсского басилевса Дамагета, о поселении и смерти Аристомена на Родосе см. Paus., IV, 24, L—Val. Max., I, 8, 15; ср. также свидетельство Павса-

ния о переселении мессенян от тирана Регии Анаксилая в Италию и о заселении ими Занклы (Мессины); ср.: Paus., IV, 23 3

122. Kinch. Vroulia, стр. 5.

123. Colomба, стр. 325—326; ср.: Ps. Luc, Amores 6 сл - Navig. s. v., 7.

124. Ср.: Colomба, прим. 1 к стр. 326. — P^a \ k^e \ Hystory of the Delphic oracle, стр. 30 сл.

125. Diod., VIII, 23, 1; ср.: I. Schubring, RM, XXXIII стр. 88. Парк (Parke, Hystory of the Delphic oracle, стр. 67) считает этот оракул историческим. Пайс (Pais, Storia d'Italia, стр. 178, прим. 1) справедливо указывает, что подобные дельфийские изречения были, как правило, изречениями ex eventu, составленными в более позднее время. Кроме того, сохранились и другие оракулы (связанные с именем Антифема), относящиеся к основанию Гелы, оракулы, по удачному выражению Парка (Parke, там же, стр. 66—67), „этимологические“. Рассказ о братьях Антифеме и Лакии (причем последнему было приказано плыть на восток, а Антифему, после его смеха, на запад, где он должен основать город Гелу, ср.— St. Byz., s. v.), так же как и рассказ об Антифеме или Диомене, рассмеявшемся при неожиданном ответе Пифии, откуда и имя Гелы, конечно, поздние этимологические измышления. Ср. также: A. Vesceг. De Rhod. primordiis, стр. 133.—Ф. Соколов, Критические исследования, стр. 191 сл.

126. Orsi, Gela, стр. 29.

127. Ср.; P. Orsi. Siculi e Greci in Leontinoi. Rom. M., XV, 1900, стр. 81—82.

128. Ср.: P. Orsi. Taormina - Necropolis sicula al Cocolonazzo di Mola. NSc, XVI, 1919, стр. 369. Однако после разрушения Дионисием Накоса, жители Тавромины, объединившись с карфагенянами, вели упорную борьбу с Сиракузами до 392 г. до н. э., когда сикулы Тавромины были подчинены и изгнаны, а территория их передана наемникам. Сикульский некрополь Тавромины, наряду с сохранением туземного сикульского инвентаря, отражает следы и халкидского влияния древнейших сицилийских колонистов.

129. Diod., V, 6, 2 сл.

130. Thuc, VI, 2.

131. P. Orsi, BPI, XVI (1890), стр. 198; там же, XXI (1895), стр. 84. — Он же. Quattro anni d'esplorazione in Sicilia. Все эти работы Орси остались мне неизвестными; использую материал этих статей по Костанци: V. Costanzi. Osservazioni sull'etnografia della Sicilia. Riv. St. Ant., XII, 1908, стр. 465 и прим. 1.

132. G. Patroni. La civilisation primitive dans la Sicile orientale. L'Antropologie, VII, 1887, стр. 129 сл., 294 сл.

133. В. И. Модестов. Введение в римскую историю, ч. 1, Петербург, 1902, стр. 69 сл.

134. Costanzi, Osserv. sull'etnografia, стр. 464.

135. Holm, Storia della Sicilia, I, стр. 131.

136. H. Nissen, Italische Landesunde, I, Berlin, 1883, стр. 548.

137. Ср. правильную критику омонимической теории у Костанци: Costanzi. Osserv. sull'etnografia, стр. 463—464.

138. Доказывая свою мысль об едином этническом слое всего средиземноморского бассейна, Модестов, например, пытается аргументировать некогда существовавшим единым европейско-африканским материком; так, из Испании сухопутным путем иберы прибыли в Сицилию, а затем уже между ними и населением Пиренейского полуострова разверзлись водные бездны. Сводку более старых мнений и их разбор дает Ф. Соколов (Критические исследования, стр. 59 сл.). Сам автор

поддерживает мнение о разном происхождении сиканов и сикюлов пытаясь отместить все свидетельства древних, говорящие об их единстве

139. Paus., VIII, 16, 2; IX, 40, 4. Интересно, однако, что в историческом отрывке оксиринского папируса, восходящем к одному из сицилийских историков V в. до н. э., вновь упоминается Омфака, ср.: G. de Sanctis. Una nuova pagina di storia siciliana. Riv. Fil., XXXIII, 1905, стр. 66 сл.

140. St. Byz., s. v. Gela.

141. Ср.: Holm, Storia della Sicilia, I, стр. 158.—Костанци (Costanzi, Osserv. sull'etnografia, стр. 464—465) пытается считать название „Гела*—сиканским.

142. Ср. Pais, Storia di Sicilia, стр. 91—93.

143. Diod., V, 9, 1.

144. Следующие работы известны мне лишь по ссылкам: G. Sergi. Italia—Le origini. Torino, 1919, стр. 414 сл.—P. Orsi. La Sicilia preellenica* Città di Castello, 1923 (Atti Soc. Ital. Progresso Sc., XII Riunione); в них сикюлы считаются древнейшим населением „средиземноморской расы“, пришедшим из Африки и отличающимся от италиков, так как последние сжигали свои трупы, а первые хоронили их. Трудно судить на основании ссылок о всей системе доказательств, но самый способ аргументации кремацией или захоронением, столь часто и до сих пор неудачно применяемый археологами и историками для доказательства иногда совершенно противоположных мнений, не является настолько убедительным, чтобы на основании его разрешить вопрос происхождения и развития племен. В работе Джулиано (L. Giuliano. Storia di Siracusa antica, стр. 3) появляется и новый термин „протогреки“.

145. Pais. Storia di Sicilia, стр. 93 и прим. 3.

146. Diod., IV, 78, 2. О сицилийских пещерах, выбитых в скалах, см.: Ф. Соколов. Критические исследования, стр. 91 сл.

147. Это положение можно считать доказанным раскопками Орси в Сицилии. Ср. также: P. Orsi. Hermata triglièna. Strena Helbigiana, 1900, стр. 227 сл.

148. Ср.: Schol. Pind. Ol., II, 70d.

149. Paus., VIII 46, 2; IX, 40, 4.—Стефан Византийский (St. Byz., s. v.) со ссылкой на четвертую книгу „Истории Сицилии“ Филиста. Упоминание города ем.: Ox. Pap., IV.

150. Как можно думать, в районе Гелы было еще несколько городских укреплений (например Макторий), которые существовали и после основания Гелы и захвата греками гельской равнины.

151. Ср.: P. Orsi. I Siculi della regione gelese. BPI, XXVII, 7—9, 1901.

152. Шубринг (Schubring, RM, XXVIII, стр. 121—122) считал, что Омфака находилась на горе Дессуари и Манфрии. Орси вел раскопки во всех этих районах; в местах, указанных Шубрингом на основании лишь его филологических догадок, он обнаружил остатки местного поселения периода энеолита. На горе Дессуари был обнаружен большой некрополь второго и третьего периодов, более соответствующий по времени Омфаке. Ср. краткие сообщения Орси: NSc, 1902, стр. 410; 1903, стр. 431.—Giuliano, Storia di Siracusa antica, стр. 131—133. После захвата Омфаки колонистами шла борьба, повидимому, за овладение окружающими холмами. На горе Мавра и на территории Кальтаджироне Орси обнаружил остатки туземного города с сильным проникновением греческого элемента. Ср.: NSc, 1903, стр. 432; 1904, стр. 373; 1905, стр. 441.

153. Thuc., VI, 4. Парети (Pareti, Rom. M., XXV, 1910, стр. 14, прим. 2). вопреки Орси, предполагает, что имя „Линдии“ было сохранено за акрополем Гелы.

154. Это уже отмечалось и в литературе: ср.: Holm, Storia della Sicilia, I, стр. 278.—Freeman, Gesch. Siciliens, I, стр. 344—Ed. Meyer, Gesch. Alterth., II, стр. 475.

155. Thuc., VI, 4.

156. Ср. P. Orsi. Frammenti epigrafici sicelioti. Riv. St. Ant., N. S., V, 1900, стр. 39—41.

157. Ср.: Orsi, Gela, стр. 558—560. Такая огромная ваза (диаметр ножки килика = 15 см) была, вероятнее всего, предметом религиозного культа—посвящением ойкисту-герою. Функция ойкиста всегда была и политической и религиозной; после его смерти в его честь устанавливался культ; праздник в честь ойкиста был символом единства колонии. В поэме Каллимаха Aitia (Ox. Pap., XVII, № 2080, стр. 48 сл.) сохранились следующие интересные строки: „Я назову город, лежащий в устье реки Гелы, опирающийся на древний род из Линды и критскую Миною, где дочери Кокала вылили кипящее омовение на сына Европы“. Роль непосредственных основателей отведена здесь линдийцам. Далее (со строки 60 сл.) Каллимах перечисляет сицилийские города, в том числе и Гелу, знающие своих настоящих ойкистов (все города, кроме Занклы). В честь ойкистов ежегодно справлялся торжественный ритуальный пир (nomimos eilapinè), на котором призывали ойкистов с торжественным произнесением их имен. На этом празднике участвовал весь основной состав семей и потомков первоначальных колонистов. Ср.: G. de Sanctis. Callimaco e Messina. Atti d. R. Accad. Sc. di Torino, LXIII, 1928, стр. 112 сл.—W. Ehlers. Die Gründung von Zankle in den Aitia des Kallimachos. (Диссертация), Oehlau i. Schi., 1933, стр. 10 и 14.

158. Переселенные в Финтию жители Гелы сохранили и свое наименование „народ гелян“ и политические установления Гелы.

159. CIG, III, 5475.—SGDI, 4250.

160. VG, стр. 273—274.

161. Ср.: SGDI, 4250—4251.

162. Ср. комментарий к надписи: CIG, III, 5475.

163. Ср.: Thuc., VI, 4.

164. SGDI, 4253, строки 4—5.

165. Holm, Storia della Sicilia, V, стр. 297—299.

166. Так мы встречаемся, например, в Кирене с крупными конституционными изменениями после социальной борьбы вновь прибывших колонистов со старыми поселенцами, в результате которой было произведено расширение числа фил.

167. Далеко не всякая колония имела возможность превратиться в свою очередь в метрополию, ибо это зависело прежде всего от военной мощности самого первоначального коллектива: для вывода новой колонии нужно было иметь в достаточном количестве свободное население, вывод которого не ослабил бы военных возможностей метрополии.

168. Ср. материал, приведенный у Циглера (Ziegler. Gela. RE, II, стр. 953).—L. Giuliano. Ippocrate di Gela. Riv. St. Ant., XI, 1907, стр. 253—259; XII, 1908, стр. 83—91.

169. Фукидид (Thuc., VI, 4), не упоминая о родосцах, сообщает лишь имена ойкистов Акраганта: Аристон и Пистил; Полибий (Polyb., IX, 27) называет основателями Акраганта родосцев.—Схолиаст олимпийских од Пиндара (Schol. Pind. Ol., 15a) со ссылкой на Пиндара и Тимея, называет Акрагант апойкией Гелы; потомки Ферона прибыли в Акрагант, однако, не из Гелы, но непосредственно с Родоса, ср.: Schol. Pind. Ol., 29d. (Аристарх).

Однако этот район уже и раньше был известен грекам; еще до на-

чала греческой колонизации Сицилии здесь существовал небольшого размера храм, расположенный у северной границы позднее возникшего города. Это святилище, датируемое VIII в. до н. э., было посвящено (а может быть и приурочено) в VI в. до н. э. хтоническим божествам Деметре и Коре. См.: R. Journet. Les récentes fouilles d'Agrigente RA Sér. V, XXXIII, 1931, стр. 258-263. До VI в. до н. э. этот район, может быть, был уже обитаем.

170. Her., VIII, 153.

171. Ср.: Harpocr., s. v. hiérophantes.—Plut., Alkib. 22: hiereus ho ta mysteria deiknyon é apophainon. На основании этого Тёпффер (I. Töpffer. Attische Genealogie. Berlin, 1869, стр. 47) восстанавливает основную цель гиерофантии как hiera phainein. То же и Манхардт (W. Mannhardt. Mythologische Forschungen aus dem Nachlasse. Quellen u. Forschungen. Strassburg-London, 1884, стр. 264—205): deixis tôn hierôn phainein ta hiera, у Диогена Лаэртия (Diog. Laert., VII, 186) мы читаем, что на обязанности гиерофанта лежало объяснение тайного учения элевсинских мистерий мистам, допущенным к таинствам. Что представляли собой сами hiera—сказать трудно. Кёрте (A. Koerte. Zu den eleusinischen Mysterien. Arch. f. Religionswissenschaft, XVIII, 1915) предполагает, что hiera элевсинских богинь, помещенные в закрытую плетеную корзину среднего размера, были изображением vulva (не фалла, как полагал например, Дитерих: A. Dieterich. Eine Mithrasliturgie. Leipzig. 1903' стр. 125 сл.), прикосновение к которой делало миста физическим ребенком матери-земли, а не ее супругом. Этот взгляд разделяется многими ср.: O. Kern. Die griechischen Mysterien der klassischen Zeit. Die Antike' VI, Berlin—Leipzig, 1930, стр. 308.—U. Wilamowitz-Moellendorf. Die Glaube der Hellenen, II, стр. 52. Однако Дубнер (L. Deubner. Attische Feste. Berlin 1932, стр. 80 сл.) решительно его отвергает. Гобле Д'Альвиелла (Gobiet d'Alviella. De quelques problèmes relatifs aux mystères d'Eleusis. Revue de l'Hist. des Religions, XLVI, Paris, 1902, стр. 173) считал одной из основных функций всех мистерий передачу святынь. Эти „святыни“, по его мнению, то словесные формулы, то символические изображения, которые показывают и к которым прикасаются неофиты. Насколько важную роль играли эти святыни в культе Деметры, показывает помещенная в храме статуя Деметры, сидевшая на ларце со святынями, перед которым стояла с зажженным факелом Кора— ср* O. Kern. Die Religion d. Griechen, II, Berlin, 1935, стр. 186.

172. С. А. Лобеск, Aglaophamos, 1829, стр. 270. Лобек выводил мистерии из домашних культов, в которых иностранец мог участвовать только путем принятия в род (первоначально) путем усыновления. Гобле Д'Альвиелла (De quelques problèmes___, стр. 179) замечает, что различные слои населения, живущего на одной территории, неизбежно объединяют свои культы; тогда и появляются умудренные опытом посвятителю. Таким образом, „родовые святыни“ превращались в мистерии (ср. там же, стр. 202).

173. Орси (Orsi. Gela, стр. 557) видел в ничтожных остатках храма дорийского стиля в восточной части холма Террановы (Гелы)—храм Деметры и Коры; его основания: рассказ Геродота и монеты Гелы с надписью ΓΕΛΑΙΩΝ и головой Деметры и Коры, ср.: Head, стр. 142—143. 189 Ср.: К. О. Мидлер, Deuier in Breslau 1824, стр. 56, — Nonn. Ant., 1907, стр. 254) правильно отмечает, что повышенное внимание и любовь Гипократа к Гелону, бывшему сначала его копыносцем, а потом начальником конницы гелян, вызывалось и тем, что Гелон был облечен жреческим авторитетом популярного в Геле культа, ср.: Тимей, fr. 85.—Schol. Pind. Nem. IX, 95. Культ Деметры из Гелы был перенесен в Акрагант.

175. Ср.: Giuliano, Storia di Siracusa antica, стр. 26.

176. Гиерон, по свидетельству Пиндара (Pind., Ol. VI, 156—161), заботился и о „Деметре пурпуриною и о празднике дочери белоконой и о силе Зевса этнейского“ (Этна—колония, выведенная Гиероном и прославленная Эсхилом, поставившем трагедию „Этнянки“ в сиракузском театре). В схолиях к одам Пиндара (Schol. Pind. OL, VI, 158a) прямо сказано о том, что Гиерон был жрецом, унаследовав жреческие функции от своих предков.

177. Ср.: E. Pais. Gli elementi sicelioti ed itahUi nella più antica storia di Roma. Kiv. St. Ant., II, 1896. стр. 162 сл.

178. G. Tгореа. Il culto di Kora in Menai. Riv. St. Ant., V, 1900—1901, стр. 557—558.

179. Diod., XII, 11.

180. Макторий у Стефана Византийского, со ссылкой на историка Филиста называется Городом Сицилии: Maktōrion polis Sikelias; Philistos prōtōi hēn ektise monēn (St. Bvz., s. v.). Шубринг (Schubring, RM, XX VIII, стр. 126) думает, что в monēn скрыто собственное имя, может быть, имя вождя восставшей группы населения Гелы. Он предлагает читать вместо monēn—Monōn и вместо ektise—ektize; при таком исправлении можно было бы считать, что здесь речь идет о Мононе, ойкисте нового плебейского города. Однако вряд ли последняя поправка верна, потому что селяне не основывали нового города, а удалились в туземное поселение, существовавшее еще до основания Гелы. Фриман (Freeman, Gesch. Siciliens, I, стр. 353, прим. 2) принимает чтение Шубринга: Моноп; его же допускает и Гольм (Holm, Gesch. Siciliens, I, стр. 365, прим. к стр. 70), не разделяя, однако, общей концепции Шубринга.

181. Ср., например, Giuliano, Storia di Siracusa antica, стр. 17.

182. Ox. pap., IV, стр. 80 сл.—de Sanctis, Riv. Fil., XXXIII, 1905, стр. 66 сл., 70—71. Комментируя этот текст, Санктис, при помощи Диодора (XI, 76), восстанавливает историю борьбы сиракузян после изгнания Фрасибула в 464—460 гг. до н. э. с наемниками сиракузских тиранов, получивших в Сиракузах гражданские права.

183. Arist., Pol, 1316 B, 21 (перевод акад. С. А. Жебелева).

184 J Schubring. Die Münzen v. Gela. Berl. Blatter f. Münzsiegel-u. Wappenkunde, VI, Berlin, 1871—1873, стр. 143.—Head, стр. 141.

185. Ср.: Tгореа. Il culto di Kora, стр. 552 (о событиях в Сицилии после падения в Сиркузах власти Диноменидов). Если освободительное движение сиккульских племен под руководством Дукетия, охватившее почти всю территорию Сицилии, было столь единодушным, то, чем ближе по времени было завоевание, тем ожесточеннее сопротивлялись отдельные группы сиккулов.

186. Suid., s. v. Kaliikyrioi; ср.: Freeman, Gesch. Siciliens, II, Anh. II (Gamoren u. KyUyrier).

187 G Spagna. Sulla popolazione dell'antica Siracusa. Riv. St. Ant., XI 1907 стр. 118—119.—G. Beloch. La popolazione antica della Sicilia. ASS, XIV, 1889, стр. 38 сл.

188. Her., VII, 155.—Lex. Phot., s. v. Kaliikyrioi — Suid., s. v. - Dion. Hal.

Dion., XIII, 311: Kiüyri5n t'Elymon te polys Stratos.

190 Ср.: Athen., IV, 63, 7.

191. Orsi. Gela, стр. 12.—Beloch. Popolazione antica, стр. 19, 50, 59 68 Велох считает, что плотность населения Мессаны, Накоса, Каганы Камарины и Гелы равнялась примерно 40 человекам на 1 кв. км; во второй половине V в. до н. э. население Гелы, по его мнению, доходило

до 30 000 жителей. Орси отмечает, что современная Терранова насчитывала в его время 22 855 жителей и что едва ли население древней Гелы было намного плотнее.

192. Orsi. Gela, стр. 235.

193. Kinch. Vgoulia, табл. 29bb, i (Orsi, Gela, рис. 125, стр. 158, рис. 127, стр. 158 и рис. 11 на стр. 41).

194. Orsi, там же, стр. 236.—CR, IV, 1, стр. 14 (о высоком проценте детской смертности в Камире).

195. И здесь, как на Родосе, в погребальных целях употреблялась разнообразная бытовая керамика; большей частью это были амфоры массового производства (часто—местного), без марок мастерских, по формам—родосские; часто употреблялись и грубые пифосы, служившие тарой, местного производства, а также с островов Феры, Крита, Родоса. Ср.: Orsi. Gela, стр. 287 сл.

195. Orsi, там же, стр. 237. Орнамент этих пифосов или геометрический, или растительный с переживаниями микенского стиля; в архаическом некрополе Ялиса обнаружено четыре таких пифоса с рельефным орнаментом. Один из них обнаружен в погребении геометрического периода (CR, VI/VII, погребение 35, стр. 311—314, 335—338), три других—в период раскопок 1924—1928 гг. (CR, III, погребения 29, 34, 99 и стр. 36). Аналогичные экземпляры обнаружены и в некрополях Камира: Aug. Salzmann. La nécropole de Camiros. Paris, 1875, табл. 25.—G. G. Roggo, Ricognizione archeologica di Camiro, BA, IX, 1905, стр. 290, рис. 4; в последнее время Якопи нашел еще 18 таких же пифосов: CR, IV, 1, стр. 16—17 и погребение 171 и сл., стр. 295 сл. Маюри и Якопи считают эти пифосы родосскими. Последние находки Якопи позволили ему предположить, что основная масса рельефных пифосов датируется VII—VI вв. до н. э. Подтверждением его предположения служат и находки в гельском некрополе архаического периода. Экземпляры меньшего размера найдены Кинком в некрополе Врулии, также VII—VI вв. до н. э. (Ср.: Kinch, Vgoulia, табл. 22, 29 сл., 31 сл.).

197. Сходство находок во Врулии с находками в Геле (сопоставление Кинка: Kinch, тоже.—Orsi, Gela): глиняные круглые диски: у Кинка—стр. 57, табл. 1, 6; у Орси—стр. 98; алабастры: у Кинка—стр. 59, 68; у Орси—стр. 42, рис. 12; лекифы: у Кинка—стр. 61, табл. II, 22; стр. 67, табл. VI, 5; у Орси—стр. 58, рис. 30; находки в храме Афины: стр. 676—677; пиксиды: у Кинка—стр. 61, табл. II, 23; у Орси—стр. 138, рис. 101; чашки: у Кинка—стр. 86, табл. XXXI, 9; стр. 95—96; у Орси—стр. 46, рис. 18; 610, рис. 414; 144 сл., 641 сл., рис. 461; скифосы: у Кинка—стр. 134 сл.; у Орси—стр. 610, рис. 414; диносы: у Кинка—стр. 213, 218—219; у Орси—стр. 90—91, рис. 57—58; тарелочки: у Кинка—стр. 224; у Орси—стр. 407—408, рис. 128. Маюри устанавливает также ряд разительных совпадений сосудов Гелы и Ялиса, как по форме, так часто и по орнаменту (Maigi, CR, VI/VII); так, ср. в некрополе Ялиса стр. 260, табл. 1, 4—8, 262, 266, рис. 7 и в некрополе Гелы (Orsi, там же) стр. 194 (рис. 151), 62 (рис. 37), 246, 678 (рис. 509), 710 (рис. 127) и рис. 453. Ср. также Kinch, там же, стр. 46, 169 (табл. 18, 1), 181 (табл. 25), 268 (табл. 25). Ср. Маюри (CR, VI/VII, стр. 286) о непосредственной зависимости Гелы в погребальном обряде и инвентаре от родосских городов. Материалы раскопок Камира и Ялиса последующих лет, опубликованные в „Clara Rhodos“, к сожалению, недостаточно обработаны и исследованы; однако при просмотре погребального инвентаря родосских некрополей бросается в глаза чрезвычайное сходство его с погребальным инвентарем Гелы.

198. Polyb., V, 1, ср.: Pind., Ol. VII, 87.—Schol. Pind. Ol. VII, 87. — Po-

lyb., IX, 27, 7. В Геле (Bitalemi) находился храм, посвященный Афине, что подтверждается находкой здесь, кроме строительных остатков VII—VI вв. до н. э., большого пифоса с надписью ΑΒΑΝΑΙΑ и внутри него—небольшой головкой Афины в шлеме. Ср.: MA, XVII, стр. 558, прим. 1.—NSc, 1907, стр. 38 сл. Парети (Rom. M., XXV, 1910, стр. 12—13) отождествляет более древний, находившийся рядом и разрушенный в VI в. храм с храмом Аполлона (неубедительно). Орси считает его более древним храмом Афины.

199. В дальнейшем при основании Акраганта был выбран район, более удобный для морской торговли и с лучшей на южном побережье Сицилии гаванью. Вследствие этого Акрагант стал центром транзитных сношений между Африкой, Сицилией и южной Италией как для городов Сицилии, так и для материковых и островных центров Эгейского бассейна. Это обеспечило и быстрый рост населения Акраганта.

200. Ср.: Pais, Storia di Sicilia, стр. 277 сл., 279.

201. Любопытно отметить, что в результате опустошений V в. и первой половины IV в. до н. э. аристократы Коринфа вновь, при первой к тому возможности, обращают свой взгляд к Сицилии почти сразу же после Коринфской войны, пытаются опять восстановить свою экономическую и политическую устойчивость за счет сицилийских городов. Ср. археологический материал: F. J. de Waele. The Sanctuary of Asklepios and Hygieia at Corinth, AJA, XXXVII, 1933, стр. 425.

202. Thuc., VI, 17, 2 (Фукидид. История, II, пер. Ф. Мищенко в переработке С. Жебелева, М., 1915, стр. 83).

203. Подробнее ср.: Holm. Gesch. Siciliens, I, стр. 267—269 и прим. 13.

204. Ср.: Holm, там же, стр. 389 сл. — Giuliano, Storia di Siracusa antica, стр. 18—19. — Freeman, Gesch. Siciliens, II, стр. III сл.

205. Ср.: Her., VII, 156, 2.

206. Ср., например, и поселение в Катане 5000 пелопоннесцев при Гиероне: Diod., XI, 49.

207. Фукидид, VI, 17, 2 (пер. Мищенко).

208. Her., VII, 155.

209. Polyb., V, 6. — Ср.: Holm (старое издание), стр. 379 и прим. 18.

210. Strab., XII, 1, 5; ср.: G. Glotz. La cité Grecque. Paris, 1928, стр. 84 сл.

211. Впервые мнение о фессалийской колонизации в Кирену было высказано на основе анализа мифологической традиции М. С. Куторгой. М. С. Куторга, Соч., т. II, 1896, стр. 515. Ср.: L. Malten. Kyrene. Sageschichtliche u. historische Untersuchungen (Philologische Untersuchungen XX, Berlin), 1911.

212. Malten, там же, стр. 112 сл., 201 сл. — H. Weid-Blundell. A visit to Cyrene in 1895. BSA, II, 1895—1896, стр. 113 сл. (против Студницки). Ср.: F. Studniczka. Kyrene, Eine altgriechische Göttin. Leipzig, 1900, стр. 167 сл.

213. Her., IV, 153 сл. Ср. Куторга, Соч., II, стр. 547 сл.

214. Pind., Pyth., V, 60 сл.

215. Malten. Kyrene, стр. 150. Это можно объяснить как попытку создать искусственную генеалогию, которая связала бы царский род Кирены с троянским сказанием; ср.: Malten, там же, стр. 148—149.

216. Pind. Pyth., V, 82 сл.

217. Her., IV, 186. — Pind., Pyth., IX, 105.

218. Studniczka. Kyrene, стр. 4—5; ср.: Smith-Porcher. Recent Discoveries at Cyrene. Gazette des Beaux-Arts, 66, 1887, стр. 397.

244. 219. Ср. имя родоначальника одной из гробниц Aladdéir Batto: *Journal des Savants*, 16847, стр. 375. Ср.: Ср. Алазир Ветеродота: *Her., IV*, 164. — SGDI, III, 2, 4859; также и негреческие имена на чаше Аркесия: *Studniczka*, *Kyrene*, стр. 2—4. — *Mallet*, *Kyrene*, стр. 150. Ср. прозвище „ливиец”: *Paus.*, VI, 18,1.
220. Ср.: *Her.*, IV, 155.
221. На это указывают и дальнейшие события и возмущение потомков Батта ограничениями их власти. Ср.: *Her.*, IV, 159 сл.
222. Ср.: *Malten*. *Kyrene*, стр. 153, 211.
223. Это плодородие и богатство Киренаики не было заново открыто греками. Можно проследить, хотя бы мифологически, связь Кирены с минойским Критом. Поэтому, как кажется, прав Вилаговиц, считая, что начиная еще с догреческого времени имели место многократные попытки заселения и захвата Киренаики (*U. Wilamowitz-Moellendorff*. *Staat und Gesellschaft der Griechen. Die Kultur d. Gegenwart*, II, 4, 1. *Leipzig—Berlin*, 1933, стр. 8); не случайно, вероятно, и древнее население Пелопоннеса обратилось к этим краям после вытеснения его с родных мест.
224. Ср.: *Pind.*, *Pyth.*, IV, 15: Кирена — „метрополия городов”.
225. *Her.*, IV, 159.
226. То же.
227. То же.
228. Ср. *Mallet*. *Kyrene*, стр. 97.
229. *Her.*, IV, 161.
230. То же.
231. *IG*, XII, 1,773; восстановление Блинкенберга: *Lind. Tempelchr.*, 1915, стр. 19.
232. *IG*, XII, 1,775; по поводу датировки события линдийцами Блинкенберг замечает, что Ксенагор, повидимому, датировал „основание” Кирены 631 г. до н. э. или еще раньше.
233. К IV в. до н. э. относится и стела основателей Кирены на о. Фере.
234. *CR*, VI/VII, 1, стр. 369; отсутствовавший конец надписи был неправильно восстановлен Момилиано: *A. Momigliano*, *Note sulla Storia di Rodi. Riv. Fil.*, XIV, 1936, стр. 49—51; правильное восстановление у *Segre*, которому посчастливилось найти дополнительно еще 7 строк: *M. Segre. Seconda nota rodie. Riv. Fil.*, XV, 1937, стр. 173—176.
235. *A. Momigliano*, *Riv. Fil.*, XIV, стр. 50.—*M. Segre*, *Riv. Fil.*, XV, стр. 176.
236. То же.
237. Ср.: То же.
238. Ср.: *CR*, III, стр. 117 и погребения X° 176, 185, 188, 220.
239. Впервые на это обратил внимание Хэд: *B. Head. Numism. Chronicle*. 1891, стр. 4 и табл. 1,7.—*Head*, стр. 867. Согласно предположению Каведони (ср.: *L. Müller*, *Numism. de l'ancienne Afrique I*, *Copenhagen*, 1860, стр. 18), повторенному затем и Бабелом (*E. Babeion*, *Traité des monnaies grecques et romaines*, I. *Paris*, 1901, стр. 289, 46/, 1353) и Гарднером (*Gardner*, *Hist. of anc. Coinage*, стр. 218—219), голова льва могла быть заимствована и у Самоса в связи с набором наемников Аркесилаем. Совершенно справедливо против этого возражает Блинкенберг (*Blinkenberg*, *Ov.*, 1912, стр. 439).
240. *Gardner*, *Hist. of anc. Coinage*, стр. 220—221.
241. Ср.: *Od*, XIV, 245 сл.
242. Ср.: *D. Mallet. Les premiers établissements des grecs en Egypte (VII—VI siècles). Mémoires publiés par les membres de la Mission archéologique Française au Caire*, II, *Paris*, 1893, стр. 9.
243. *Her.*, II, 152.
- Les Phéniciens et l'Odyssee, II, *Pans*, 1903, стр. 34—36.
245. Из увещаний Мернептаха; цитирую по Масперо* *G. Maspero*, *Hist. ancienne de Peuples de Orient classique*, II, 1897, стр. 433—434.
246. Ср.: *Mallet*, *Premiers établis. des grecs*, стр. 86—88. — *SIG*, I. — *A. Kirchhoff*. *Studien zur Geschichte des Griechischen Alphabets*. *Gütersloh*, 1887, стр. 40 сл. (там же литература).
247. Имя одного из них, например, — „Псаметих сын Феокла”. Вероятно, этот Псаметих уже уроженец Египта. Ср.: *H. W. Parke*, *Greek Mercenary Soldiers*. *Oxford*, 1933, стр. 5. *Poy* (*A. Rowe*. *New light on objects belonging to the generals Potasimto and Amasis in the Egyptian Museum*. *ASA*, XXXVIII, 1938, стр. 167) предполагая, что это, возможно, была карательная экспедиция, посланная в Нубию.
248. *Diod.*, I, 67; отсюда, как замечает Малле (*Mallet. Premiers établis.*, стр. 9) и возникли греческие легенды о жестокости Бузириса.
249. *Her.*, II, 154.
250. Петри (*FI. Pétrie. Tanis, II Nebesheh (Am) and Deffeneh (Tahrabet)*, *London*, 1888, стр. 43), частично раскапывавший Телл-Деффенех в 1885—1886 гг., на основании двух высказываний Геродота (*Her.*, II, 30 и 154) отождествил Дафны и Стратопеды, считая, что Телл-Деффенех, Дафны и Стратопеды — синонимы, обозначающие одно и то же место. *Кук* (*R. M. Cook. Amasis and the Greeks in Egypt. JHS*, 1937, стр. 233—234) неправильно утверждает, что решительно все ученые безошибочно признали это положение Петри, так как в свое время уже Малле отличал Стратопеды от Дафн (ср.: *Mallet. Premiers établis. des grecs*, стр. 54 прим. 3).
251. *Pétrie*, *Tanis...*, стр. 47.
252. Там же, стр. 49.
253. *Parke*, *Greek Merc. Soldiers*, стр. 5.
254. *Her.*, II, 154; ср.: *Pétrie*, *Tanis...* стр. 43—49.
255. *R. M. Cook*, *JHS*, LVII, 1937, стр. 233—234. Разграничивая Стратопеды и Дафны, как два и территориально и качественно различных поселения, *Кук* справедливо замечает, что в то время, когда Стратопеды были уже необитаемы, в Дафнах все еще продолжал стоять гарнизон. Поскольку Петри не мог обнаружить признаков второго лагеря наемников, *Кук* и предполагал, что Стратопеды были не лагерем, но колонией ветеранов и что территориально Стратопеды являлись южным пригородом Дафн.
256. Геродот (*Her.*, II, 154) говорит, что Псаметих отправлял детей египтян к наемникам для обучения греческому языку; от них-то и научились греческому языку теперешние переводчики в Египте. Возможно, что в целях контроля над греческими наемниками фараоны вселяли к ним египтян; вспомним, что и начальником греческого отряда, отправленного в Нубию, был не грек, но египтянин Псаметих. Однако и дети от браков колонистов с туземными женщинами должны были с детства усваивать и греческий язык отца и египетский язык матери.
257. Петри раскрывает очень интересную картину взаимной изолированности Дафн и Навкратиса. Образцы керамики, наиболее употребительной в Дафнах, почти совершенно отсутствуют в Навкратисе и наоборот.
258. Псаметих, сын Феокла; Элелий из Теоса; Телеф из Ялиса; Пифон, сын Амебиха; Набис из Колофона; Пасирон (? Пасифон), сын Гиппона и Критис; Ср: *SIG*, I.
259. *Her.*, II, 154.
260. Ср.: *St. Byz.*, s. v. *Hellenikon kai Karikon* и *Karikon*, *Аристарх*,

время деятельности которого определяется у Стефана Византийского („немного моложе Платона“, St. Byz., s. v. Gynaikopolis), был автором книги об Египте (Ср.: St. Byz., s. v. Takompros и др.). Его работа была написана до Александра Македонского; подробнее см.: Schwartz, RE Hbb. III, 1895, s. v. Aristogoros, № 12 стр. 849—850.

261. Pétrie, Tanis, II, стр. 47 сл., 107—108; табл. XXII, XXIII, XLII

262. Pétrie, там же, II, табл. XXIV—XXXI. — Mallet, Premiers établis. des grecs, стр. 60 сл. Ср. в вышецитированной работе Петри статью Меррея о керамике (там же, стр. 66 сл.).

263. Pétrie, там же, II, стр. 59—62.

264. Kinch, Vroulia, стр. 105, 125—126, 188—190.

265. la copi, CR, III, погребения № 183 (рис. 186—189); 194,3 (рис. 198).—Ср.: Cook, JHS, LVII, 1937, стр. 229, прим. 6.

266. Ср.: Kinch, Vroulia, стр. 190. — R. Zahner. Vasenscherben aus Klasomenai. AM, XXIII, 1868, стр. 38 сл. Обломок сосуда из египетского фаянса с орнаментом, очень близким к египетским ситалам, найден и в Линде; ср.: Blinkenberg et Kinch, Ov., 1905, стр. 92, рис. 27.

267. Pétrie, Tanis, II, стр. 66 сл.

268. Если древность Гелы подтверждается находками ранних протокоринфских лекифов (во Врулии лекифы датируются несколько более поздним временем), то древность Врулии подтверждается находками очень ранних фигурных изображений, восходящих по меньшей мере к 700 г. до н. э. Ср.: Kinch, Vroulia, стр. 5.

269. Причины гибели Врулии, к сожалению, неизвестны. Может быть дальнейшие раскопки помогут что-нибудь выяснить, но сейчас трудно высказывать какие-либо реальные предположения. Как поселение VII в. и начала VI в., Врулия представляет большой исторический интерес. Ср.: Ch. Dugas. Les fouilles de Vroulia. Journal des Savants, 1914, IX—XI, стр. 419—424.

270. Kinch, Vroulia, стр. 5.

271. Ср.: G. Steindorff and Keith C. Seele. When Egypt ruled the East. Chicago — Illinois, 1941, стр. 271.— L. Sphenegs. Les figurines funéraires égyptiennes. Bruxelles, 1923, стр. 63.

272. Ср.: В. В. Струве, История древнего Востока, 2-е изд., 1941, стр. 300. О политике Псаметиха I Струве пишет: „Цари Египта, опираясь на торгово-ремесленные круги, начинают оттеснять на задний план ливийское войско, пытаясь заменить его греческими наемниками, являвшимися более надежной опорой их господства. Этим, конечно, они вызывали недовольство рядового ливийского воинства, часть которого, как гласит традиция, даже ушла в Нубию“. Там же (ср. 361) читаем о политике Амасиса: „Амасис, опираясь на широкие народные массы, особенно же на массы ливийского воинства, должен был прежде всего выступить против греческих наемников, ибо на этих последних опирались ливийская знать, жречество и богатые торговые круги. Амасис боролся с греческими наемниками лишь постольку, поскольку они, как наемники, поддерживали его врагов, но он прекрасно понимал, что без греков он не сможет выдержать борьбы с Востоком“.

273. Нег., II, 17в.

274. Там же, 178—179.

275. H. Prinz. Funde aus Naukratis. Beiträge z. Archäologie u. Wirtschaftsgeschichte des VII u. VI Jahrhunderts v. Chr. Klio, Beiheft VII, Leipzig, 1908, стр. 5. Д. Малле еще раньше Принца указывал, что неверно выводить из этих слов Геродота основание Навкратиса греками со времени Амасиса, ибо Геродот говорит, что издревле — to palaion — Навкратис был единственным греческим рынком в Египте. Кук оши-

бается, считая, что до него никто не обращал внимание на to palaion" Геродота. Ср.: Cook, JHS, LVII, 1937, стр. 231.

276. В-третьих (и здесь Кук ошибается), Кук считает, что концентрация греков в Навкратисе не нанесла ущерба наемникам; Телл-Деффенх продолжал существовать и при Амасисе (ср.: Cook, там же, стр. 235—236). Последнее утверждение Кука неверно: Телл-Деффенх продолжал существовать, но уже как туземный, а не греческий военный пост.

277. Сводка основных взглядов на датировку возникновения греческого эмпория в Навкратисе дана у Прайс: E. R. Price. Pottery of Naucratis. JHS, XLIV, 1924, стр. 180—181. Кук (Cook, там же, стр. 228) со ссылкой на мнение Пейна (не опубликованное в печати; датирует возникновение эмпория концом VII в. до н. э. — 615—610 гг.

278. Нег., II, 97.

279. Ср.: Pétrie, Naucratis, I, 1884—1885 (3rd Memoir of the Egypt Exploration Fund. London, 1886, стр. 10—11).

280. Как отмечает Прайс (Price, JHS, XLIV, стр. 181), Теос, Фаселида и Галикарнасс не оставили никаких следов своего участия в основании Навкратиса. Керамика стиля „фикеллюры“ в Навкратисе очень изобильна и, осторожно оговаривает Прайс, „если она самосская, то Самос представлен хорошо“ (там же, стр. 183). Однако у нас нет достаточных оснований считать керамику/ этого стиля только самосской. Кук (R. M. Cook. Fikellura Pottery. BSA, XXXIV, 1933/34) считает термин „фикеллюра“ более нейтральным и более соответствующим действительности, чем „самосский“. К ранней керамике этого стиля с белой облицовкой он применяет термин „родосский“ стиль, поскольку, с его точки зрения, он наиболее удобен из всех существующих (милетский, родоско-милетский, камирский, звериный). В ряде случаев, а именно там, где налицо местный родосский стиль, Кук считает возможным употребить определение „родосский“ без кавычек (стр. 1—2 и прим. 1). (О двух этапах развития родосского стиля см.: Cook, там же, стр. 2 и прим. 1). Таким образом, Кук приходит к выводу о наличии на Родосе местного стиля фикеллюры и о сильном влиянии родосского мастерства на развитие этого стиля в других основных центрах. Родину стиля определить трудно; Кук считает, что спор может идти лишь между Родосом и Самосом. Повидимому, и Родос и Самос имели местные мастерские, изготовлявшие посуду стиля фикеллюры с некоторыми локальными особенностями этого общего стиля на обоих островах. Вольшая часть всех найденных ваз фикеллюры из восточных греческих городов падает на долю Родоса. Три четверти из 85 наличных ваз происходит из Камира, где каждое пятое погребение содержит керамику фикеллюры. Однако, замечает Кук, это впечатление создается, может быть, потому, что из восточных греческих городов Родос раскапывался наиболее интенсивно. Отдельные группы этого стиля, встречающиеся главным образом или только на Родосе, Кук считает безусловно местными, родосскими.

Трудность точного определения, однако, усложняется еще и тем, что на Родосе до сих пор не раскопано ни одного богатого архаического святилища; до сих пор находки родосской скульптуры и бронзы сравнительно скудны и для большей части самосских находок на Родосе имеется хронологический пробел.

Вопрос о том, развивалась ли фикеллюра в двух или более центрах более или менее самостоятельно или речь должна идти лишь об одном центре, Кук считает невозможным решить, но высказывается в пользу альтернативного решения: наличие общего стиля с ведущим влиянием Самоса.

Однако раскопки самосского гереона и анализ греческой керамики привели Технау к выводу, что фикеллюра встречается лишь на четырех мелких черепках, принадлежащих двум сосудам. Эти сосуды Технау склонен относить к родосскому импорту, а вазы стиля фикеллюра, найденные Белау в самосском некрополе — к самосской разновидности этого позднего ориентализирующего стиля (W. T e c h n a u. Griechische, Keramik im samisch. Heraion. AM, LIV, 1929, стр. 26) и, более того, он считает, что и в период геометрического и в период ориентализирующего стиля Самос испытывал на себе сильное родосское влияние (стр. 20). Как кажется, последние исследования Кука и Технау позволяют с уверенностью предположить наличие на Родосе местного стиля „фикеллюры“; ср. также наблюдения Кука об особенностях этого стиля на Родосе.

281. К. Курониотис, AD, II, 1916, стр. 202 сл.

282. Результаты археологических работ Ламб см.: W. Lamb. Excavations at Kato Phana in Chios. BSA, XXXV, 1934—1935, стр. 138 сл.

283. Кук следующим образом аргументирует хиосское происхождение сосудов „навкратийского*“ стиля: наличие на Хиосе сосудов геометрического стиля, предшествующих по типу навкратийским и сходных с ними по форме; распространение навкратийской керамики в Понте через Хиос; „навкратийский“ стиль не мог развиваться в Навкратисе после 615—610 гг.; также трудно предположить, что на Хиосе не был развит свой архаический стиль, а в Навкратисе он появился; наиболее значительные посвящения „навкратийских“ сосудов в Навкратисе принадлежат хносцам; полное сходство глины, техники, стиля и алфавита не позволяют предполагать наличие двух одновременных центров производства „навкратийской“ керамики сразу и в Навкратисе и на Хиосе (Cook, JHS, LVII, стр. 288, прим. 9). Возможно, что Кук слишком поспешен в своих выводах, ибо, как кажется, далеко не во всех случаях надписи на сосудах являются хиосскими и не так уж невозможно существование локальных мастерских и на Хиосе и в Навкратисе; тем не менее зависимость „навкратийской“ группы керамики от хиосской теперь не подлежит сомнению и произведет существенные изменения а оценке навкратийского керамического производства.

Проф. Т. Н. Книпович в личном разговоре тоже высказала определенное, сложившееся у нее убеждение, о наличии родосской группы фикеллюры. Поэтому, как кажется, наличие керамики стиля фикеллюры в Навкратисе не обозначает еще установления исключительно самосского влияния: керамика могла привозиться в Навкратис также и с Родоса и из других островных и ионийских центров. Фокея, по мнению Прайс (стр. 181), в самом Навкратисе тоже не оставила никаких следов. А. Фриккенгаус (A. F r i e s k e n h a u s. Griech. Vasen aus Emporien. Annuar. del Ist. d'Estudis Catalans, 1908, стр. 230; работа известна мне лишь по ссылкам) высказал предположение, что может быть, фокеяне доставляли в эмпорий голубой фаянс, который обычно, однако, считается навкратийским. Следы влияния Книда Принц (Prinz, Funde aus Naukratis, стр. 32—33.; Price, JHS, XLIV, стр. 181—182) видит в элементах книдского алфавита в навкратийских керамических надписях и приписывает мастерским Книда ионийские килики. Лесбос представлен в Навкратисе большим количеством керамики буккеры, покрывавшейся полихромной окраской (Price, там же, стр. 184). Влияние Клазомен в Навкратисе выражается в наличии большого количества фрагментов темнофигурных сосудов, а также керамики с белой и бледной обливкой; эта керамика, по мнению Прайс, является связующим звеном между клазоменскими саркофагами и темнофигурными сосудами. Принц (Prinz, там же, стр. 44) считает заслугой.

Пана установление связи между росписью саркофагов и темнофигурными сосудами Клазомен (R. Zahn, AM, XXIII, 1898, стр. 38 сл.).

284. Впервые термин „милетская“ керамика был введен Лешке. Его точку зрения развивает и аргументирует Белау: J. V o e h l a u. Aus ionischen u. italischen Nekropolen. Leipzig, 1898, стр. 73 сл. К мнению Лешке и Белау присоединяется Принц (Prinz, Funde aus Naukratis, стр. 15 сл.). fc, основе этой классификации лежит следующая мысль: керамика этой группы могла экспортироваться лишь большим торговым центром; поскольку сфера распространения этих сосудов находится в районе общего влияния Милета, постольку центром производства этих ваз может быть лишь Милет. Это мнение разделяют Поттье (E. P o l l i e r, Catalogue des vases antiques de terre cuite, II, Paris, 1896, стр. 496 сл.) и Штерн (E. v. Stern. Die griechische Colonisation am Nordgestade des schwarzen Meeres im Lichte archäologischer Forschung. Kno, IX, 1909, стр. 143 сл.). Его же поддерживал и Б. В. Фармаковский (Б. В. Ф а р м а к о в с к и й ' Милетские вазы из России, 1914, стр. 5).

285. Так, Пфуль (E. P f u h l. Malerei u. Zeichnung d. Griechen, I, 1923, стр. 137 сл.) при этом считает, что роль Милета сводилась, главным образом, к распространению этих ваз. Родосско-милетской называли эту группу ваз Биссинг (Fr. W. v. B i s s i n g. Der Anteil d. aegyptischen Kunst am Kunstleben d. Völker, München, 1912, стр. 59 сл.) и М. И. Максимова (М. И. М а к с и м о в а. Три фаянсовых арибалла из коллекции В. С. Голенищева. Памятники Музея изящных искусств в Москве, IV, 1913, стр. 150 сл.). •

286. „Родосско-ионийский стиль“: ср.: Ch. Dugas. Céramique des îles de la mer Egée sauf la Crète, стр. 8 (Classification des céramiques antiques, вып. 1). Цитирую по Ламбрино; ср.: M. L a m b r i n o. La céramique d'Histria. Dacia, III—IV, Bucarest, 1933, стр. 362 сл. Отмечая, что до сих пор вопрос о родине ориентализирующей родосской керамики остается спорным, Ламбрино принимает терминологию Дюга как законченную в издаваемой классификационной серии античной керамики.

287. Поульсен (P o u l s e n, Orient u. frühgr. Kunst, стр. 91 сл.) высказывается за родосское происхождение этих сосудов, поскольку на них сказались явное влияние финикийских изделий. Кинк, не вступая в дискуссию, называет стиль „камирским“ по месту главных находок ваз этого стиля.

288. Бушор (E. B u s c h o g. Griech. Vasenmalerei. 2-е изд., Munich, 1913, стр. 76) считает керамику родосской, а Милету отводит роль главного распространителя. Прайс (Price, JHS, XLIV, стр. 190 сл.), подвергая критике взгляды Пфуля и Иогансена, склоняется к признанию ее родосского происхождения. Шефольд (K. S c h e f o l d. Der skythische Tierstil in Südrussland. ESA, XII, Helsinki, 1938, стр. 1—77) прямо говорит о родосском зверином стиле (ср. стр. 5 сл.).

289. Маюри (A. M a i u r i, VA, III, 1923—1924, стр. 112—121) отмечает находки этой керамики преимущественно на Родосе, считая важнейшим доказательством существования на Родосе керамических мастерских наличие большого количества родосской архаической керамики в Геле (при почти полном отсутствии в Сиракузах и Мегаре Гиблейской); ср.: CR, III, стр. 14—15; IV, стр. 23—25. Якопи приходит к выводу о том, что Родос был одним из крупных центров производства керамики. Однако вывод Якопи о более ходовой ялсской керамике и более художественной камирской кажется нам преждевременным. Ср. также: T e c h n a u, AM, LIV, 1929, стр. 9 сл., 15—16, 20—21, 30. Технау выделяет в самосской керамике „родизирующие*“ группы. Прайс (Price, JHS, XLIX, стр. 216 сл.) пришла к определенному выводу о сильном родосском влиянии

в Навкратисе. Ср. также интересную статью: А. Манцевич. Березанская амфора. Изв. ГАИМК, V, 1927, стр. 283—295; в ней автору удалось показать связь Родоса с Березанью на основе анализа родосской амфоры найденной на Березани. Самая проблема „родосско-ионийского” или „родосско-милетского” стиля указывает, по нашему мнению, на то, что торговые родосские центры и Милет могли изготовлять сходные сосуды хотя бы уже потому, что эти изделия находили хороший сбыт на периферии.

290. Билабель (Bilabel. Ionische Kolonisation, стр. 59—60) устанавливает с большой степенью достоверности наличие 45-ти милетских колоний, отмечая, что эти 45 колоний составляют лишь половину общего числа колоний Милета, известных античной традиции. Роль Милета, как распространителя греческой керамической продукции различных центров, теперь уже никем не оспаривается.

291. Насколько преобладали при этом чисто торговые интересы, показывает статья Рихтера (Richter. Distribution of Attic Vases. BSA | XI, 1904—1905), который указывает, что лучшие и наиболее художественные образцы аттических черно- и краснофигурных ваз производились, главным образом, на вывоз и все найдены вне территории Аттики; одновременно, почва Аттики дала до сих пор образцы керамики гораздо худшей и по выделке и по художественности.

292. Ср.: Maiuri, BA, III, 1923-1924, стр. 116.

293. Ср.: Strab., XVII, 18, 4—5.

294. Ср.: D. G. Hogarth, H. L. Lorimer and C. C. Edgar. Naukratis, 1903 (JHS, XXV, 1905, стр. 107-109).—Prinz, Funde aus Naukratis, стр. 6—9.

295. Большая южная постройка, обнесенная оградой, была ошибочно принята Петри за греческий эллион: Pétrie, Naukratis, стр. 23 сл. Хогарт, обнаруживший греческий эллион в северной части города, первый и высказал мнение, что эта южная постройка являлась базой войсковых частей Амасиса, так как Амасис не разрешил бы грекам селиться вдали от своего военного гарнизона, ибо самое территориальное ограничение греков Навкратисом было скорее мерой принуждения, чем милости. Ср.: D. G. Hogarth, Lorimer, Edgar. JHS, XXV, 1905, стр. 109.—Он же. Excavations at Naukratis. BSA, V, 1898—1899, стр. 42—45.

296. Ср.: Her., II, 41. Впервые на это обратил внимание Малле (Mallet, Premiers établis. de Grecs, стр. 33, прим. 2).

297. Среди них и фиванскому Зевсу, т. е. египетскому Аммону; ср.: Pétrie, Naukratis, стр. 63.

298. Среди них интересны египетские бронзовые фигуры, фрагменты фаянсовых чашек с иероглифами, 2 каменных статуэтки, один египетский алабастр. Здесь же была найдена и известная стела Нектанебо; ср.: Prinz, Funde aus Naukratis, стр. 9.—Pétrie, Naukratis, стр. 28 сл. Здесь же были найдены и Петри и особенно Гарднером многочисленные скарабеи, подражающие египетским изделиям, и остатки мастерских: Pétrie, там же, стр. 36 сл.—E. A. Gardner, Naukratis, II (Vi Memoir of the Egypt. Expl. Fund.), London, 1888, стр. 33—34, 70—71.

299. Петри полагал, что Milesion Teichos было в южном городе, Хогарт—в северном, вблизи святилища милетского Аполлона.

300. Масперо считал имя „Навкратис” народной этимологией от Кратеса, основателя города. Лутц (H. L. Lutz. An Attempt to interpret the Name of the City of Naukratis. Univ. of California Publ. in Semitic Philology, 10, №, 12, 1943, стр. 275 сл.) видит в имени города название Alkaritti („the city of valiant [goddess]) в египетском произношении—Nau-

karitti, отсюда—„Навкратис”. По мнению автора, в навкратийской ¹стеле строка 10-я не испорчена; ее следует читать: „nj-s k'rt, т. е.: Pi-emrð dd. tw nj-s k'rt—„the harbor place called 'Belonging to the valiant' [goddess].”

301. Среди других титулов—титулы „царского казначея”, „единственного” „жреца Саисского храма”; он назван и „начальником стран Хауи-Небу”, т. е. „начальником греков”; ср.: Б. Тураев. „Начальники греков”. ЖМНП, 1901, стр. 76—79.

302. A. Rowe, ASA, XXXVIII, 1938, стр. 157—195.

303. Среди наемников были не только греки, но и иудеи, как это показано Т. Е. Питом (Т. Е. Peet. Egypt and the old Testament, 1924, стр. 192; ссылаюсь на: Rowe, ASA, XXXVIII, 1938, стр. 171). Иудеи населяли вместе с греками и Дафны; они же могли быть вместе с греками и первыми иноземными поселенцами Навкратиса. Таким образом, состав армии наемников в Египте был не только греческим; как показывает нубийская экспедиция Потасимто и Амасиса, греческие и иудейские наемники и местные ливийские войска составляли одну армию, подразделенную на две части. Малоазийские, иудейские и греческие наемники контролировались египетскими военачальниками не только в походе, но и на местах поселений.

304. Her., II, 178.

305. Ср.: A. Erman u. U. Wilcken. Die Naukratisstele. Ztschr. f. Egypt. Sprache u. Altertumskunde, Leipzig, XXXVIII, 1900, стр. 127—135, а также новый перевод надписи на стеле: B. Gunn. Notes on the Naukratisstele. Journ. of Eg. Archeology, XXIX, 1943, стр. 55—59.

306. Erman u. Wilcken, там же, стр. 134—135.

307. Ср. перевод Ганна (Gunn, там же, стр. 58—59). Здесь может идти речь также и о том, что G ЭТОГО времени весь налог с греков поступает в руки жрецов богини Neith, ср.: Erman, u. Wilcken, Die Naukratisstele, стр. 132 и 135.

308. Her., II, 178.

309. В Арсиное (Фаюм) позже также был эллион, ср.: U. Wilcken. Zusätze zu dem Aufsatz: zur Topographie d. Ruinenstätte des alten Sehet (Krokodilopoiis—Arsinoe). Ztschr. d. Gesellschaft für Erdkunde, XXII, Berlin, 1887, стр. 81; под эллионом следует понимать общий храм местных греков и одновременно местопребывание должностных лиц. В Навкратисе с эллионом было связано также место, в котором особо заслуженные люди (так, например, софист Птолемей из Навкратиса) получали питание, ср.: Philostr., Soph. II, 15.

310. Ср.: Edgar, BSA, V, стр. 55-56, 71—80 и др.

311. Ср.: How and Wells. Commentary on Herodotus, I, стр. 254. На необычную формулировку посвящений еще раньше обратили внимание Хогарт и Эдгар. Последний сравнивал эту посвятельную формулу с той же греческой клятвой у Геродота (Her. V, 42 и 92)—pros theon ton Heliëniön—и полагал, что термин „эллион” в Навкратисе мог просто обозначать „temenos of the theoi Hellenioi”, ср.: Edgar, BSA, V, стр. 55—56. То же и Хогарт: согласно греческому обычаю, указывал он, здесь должно было быть название святилища или известного божества или группы богов, определяемых как Hellenioi.

312. Ср.: JHS, XXV, стр. 117.—BSA, V, стр. 54-56.

313. Иначе трудно объяснить найденные в округе эллиона посвящения отдельным божествам, наряду с общими посвящениями theois Helleniois или theois tois Hellenon.

314. Видеманн (A. Wiedemann. Herodots 2tes Buch mit sachlichen

Erläuterungen, 1890, стр. 60S), ссылаясь на Ульриха, склонен видеть тимухов именно в этих простатах; Ср.: How and Wells, Commentary ⁰ⁿ Herodotus, I (об отличии тимухов от простатов); Принц (Prinz. Funde aus Naukratis, стр. 115—116) считает, что простаты эмпория являлись как бы торговыми представителями милетян, самосцев, эгинетов и элениона, в то время как управление самим городом было в руках тимухов. Принц указывает на то, что должностные коллегии тимухов известны на Теосе и в Массилии; следовательно, в учреждении этой должности в Навкратисе возможно видеть влияние городов, бывших членами элениона—Фокеи (метрополии Массилии) или Теоса. Глосса Гесихия ничего не прибавляет к нашим сведениям о тимухах. Наличие совета засвидетельствовано лишь для 323 г. до н. э. (U. Wilcke p. Griechische Ostraka aus Aegypten u. Nubien. Leipzig—Berlin, 1899, I, стр. 433, 1). Но этим не доказывается наличие совета в VII—VI вв. до н. э.

315. Blinkenberg et Kinch, Ov., 1905, стр. 34.—SIG, № 110.

316. Издан Е. Приликом (Придик. Греческие надписи из коллекции В. С. Голенищева. ЖМНП, 1908, стр. 18).—SIG, № HO, прим. 4.

317. Я хочу воспользоваться случаем привести полностью мнение об этих надписях покойного акад. С. А. Жебелева, которое он любезно изложил мне письмом в 1934 г.

„Линдийская надпись найдена на линдийском акрополе. Она представляет собою декрет линдийского совета и датирована коллегией пританов, во главе которых стоял Дин—. Декрет касается дарования проксении и связанных с нею привилегий эгинскому гражданину—сыну Пифея, исполнявшему обязанности переводчика в Навкратисе.

«Навкратис — колония, основанная в Египте, под предводительством Милета, с разрешения Амасиса, различными греческими городами, в том числе и родосскими. При Амасисе Навкратис состоял из двух кварталов: в нижней части был туземный квартал, в северной части — греческий квартал. Упоминаемый в декрете переводчик, родом с Эгины, проживал в Навкратисе и был там представителем своего государства, т. е. Эгины. Он знал египетский язык и служил посредником между постоянно проживавшими в Навкратисе греками (в том числе и с Родоса) и приезжавшими туда временно, по торговым делам, туземцами. За эти-то услуги ему и дается проксения. Кем дается? Линдом; поскольку надпись найдена на линдийском акрополе и датирована, очевидно, линдийским советом. Но чествуемый назначается проксеном Rodion panton, т. е. не только гражданами Линды, но и Ялиса и Камира и, вероятно, других городов, бывших на Родосе, поскольку жители — граждане всех их — приезжали в Навкратис по торговым делам. Все они нуждались в переводчике, знающем греческий язык. И не было ли бы странно, если бы каждый родосский город имел в Навкратисе своего переводчика? Думать, что Линд, Ялис и Камир заключили между собою какую-то конфедерацию, нет оснований.

«Навкратийская надпись представляет также проксенический декрет в честь Дамоксена, сына Гермона, проживающего в Египте. Дамоксен назначается проксеном линдийцев. Откуда он родом? Из Линды же. Если бы он был из другого города, его ethnikon было бы непременно обозначено. Следовательно, Дамоксен был линдийский гражданин, экспатриировавшийся в Египет и там проживающий в Навкратисе, очевидно, ради торговых дел. Но он не порвал связей со своей родиной: он является благодетелем святыни линдийской, т. е. посылает в нее денежные и иные приношения. Для линдийцев было удобно, что один из их граждан постоянно проживает в Египте. Хотя звание проксена обычно давалось не гражданину того города, который назначал проксена, а граж-

данину другого города, но Навкратис был, так сказать, междугреческим городом и, очевидно, лица, переселившиеся в Навкратис продолжали сохранять гражданство того города, к которому они принадлежали; это доказывается и линдийской надписью, где при чествуемом который был >eg Naukratios, указывается его ethnikon—Aiginatas

«Как объяснить то, что линдийский декрет исходит от лица только совета, а навкратийский (он является копией декрета выставленного в Линде) исходит от лица совета и народного собрания? Тем что в первом случае дело шло о даровании проксении гражданину другого государства, во втором — проксения давалась гражданину Линды же, но проживающему не в Линде. Для этого требовалась санкция не только совета Линды, но и верховного его органа — народного собрания. В первом случае не называется лицо, внесшее предложение о даровании чествуемому проксении, во втором случае называется и секретарь народного собрания и лицо, линдийский гражданин, внесшее предложение.

«Вероятно, при даровании проксении гражданам иноземных городов процедура была гораздо проще, и звание проксена давалось прямо линдийским советом, а утверждение народного собрания не требовалось. Дарование проксении гражданину своего города, как дело, выходящее из обычного порядка, требовало, по рассмотрению его советом, утверждения народного собрания.

«Обе надписи недалеко отстоят по времени одна от другой. Но какая из них предшествует другой, решить невозможно. Обе они, во всяком случае, предшествуют родосскому синоикизму, потому что после того, как синоикизм состоялся, формулировка декретов иная».

318. Отдельные случаи назначения проксенов из среды граждан указаны у Бузольта (Busoll, Griech. Staatsk., стр. 229 и прим. 1). Это было одним из прав спартанских царей: Her., VI, 57. — Ср.: Dielenberg—Purgold. Inschriften v. Olympia (Olympia, Ergebnisse d. Ausgrabungen, V), Berlin, 1896, надписи № 10, 11, 13. — Schoemann—Lipsius, Griechische Alterthümer, I (5-е изд.), стр. 253; II, стр. 25 (Berlin, 1897—1902). Но это — редкие случаи, имевшие место, главным образом, в ранний период.

319. Ср.: toi Apolloni toi Milesioi: Pétrie, Naukratis, I, стр. 61—62, № 99, 110, 218, 219 и др. — C. Torr, Rhodes in ancient times, стр. 340.

320. Ср.: САН, IV, стр. 99—100.

321. Strab., XVII, 1, 18; ср.: Ed. Meyer, Gesch. Alterth., II, стр. 439.

322. Her., I, 17—18.

323. Кук (R. M. Cook, JHS, LVII, стр. 236—237) подобрал материал находок греческой керамики за пределами Навкратиса и Дафн; фрагменты архаической керамики VII—VI вв. до н. э. были обнаружены: родосская керамика — Саис и Эдфу; фikelлюра — Мемфис, Абусир, Луксор; клазоменская — Бенга, Дзага-Дзиг (?), Мемфис, Абусир, Карнак, Луксор и др. Кроме того, под рубрикой «египетско-греческой» керамики Кук помещает список найденных керамических фрагментов, изготовленных греками, жившими в Египте. Из района Сахары в Каирском музее находится амфора, исполненная, по отзыву Кука, в обще-«родосской» традиции, но тесно не примыкающая ни к одной из названных групп.

324. Долгое время мы не встречаем (по крайней мере, в посвященных надписях периода правления Амасиса) термина Naukratites. Восстановление... [Nalukra(tites)]? слишком сомнительно, чтобы на него можно было опираться. Ср.: JHS, 1905, стр. 117, № 27. Надпись, опубликованная Гарднером (Pétrie, Naukratis, I, стр. 63), датируется не ранее IV в. до н. э., т. е. того времени, когда Навкратис был уже действительно полисом. Для раннего периода аналогичная терминология не засвидетель-

ствована. Более того, линдийские надписи, найденные в Навкратисе Линде, свидетельствуют с несомненностью о том, что гражданин Эгины и в Навкратисе продолжал оставаться эгинетянином, а гражданин Линда-З линдийцем.

325. Ср.: Mallet, *Premiers établissements des grecs.*, стр. 278.—Prinz *Funde aus Naukratis*, стр. III—112.

326. См. прим. 333.

327. A. Kisa, *Das Glas im Alterthum (Hirsemanns Handbücher B. II)*, I, Leipzig, 1908, стр. 4. На стр. 34 автор отмечает, что древнейшие следы изготовления стекла восходят в Египте к IV тысячелетию до н. э., но особенного расцвета и разнообразия формы стеклянных сосудов, и различные изделия из стекла достигают при XVIII династии.

823. Kisa, там же, стр. 115 сл.

329. Ср.: Pieper, *Skarabäen*. RE, Hlbb. V, 1927, стр. 458.

330. Pétrie, *Naukratis*, I, стр. 36 сл.

331. Ср.: Prinz, *Funde aus Naukratis*, стр. 104—108.—Pieper, *Skarabäen*, стр. 458.

332. A. Furtwängler. *Die antiken Gemmen*. 1900, стр. 71 сл.

333. F. Buschor. *Das Krokodil des Sotades*. Sonderabdruck aus dem *München Jahrbuch d. Bildenden Kunst*, 1919, I/II стр. 34.

334. Fl. Petrie, *Naukratis*, I, табл. 37, 4, 9, 11, 26, 83, 133, 141, 142^а табл. 38, №№ 8—10.—Gardner, *Naukratis*, II, табл. 18, № 55, 59, 61.

335. Pétrie, *Naukratis*, I, стр. 37.

336. CR, IV, погребения: 178, 43, (стр. 319) и 180, 2 (стр. 325); VI/VII погребения: 6, 2 (стр. 27) и 15, 4 (стр. 63).

337. CR, VI/VII, стр. 321 сл.

338. Ср.: CR, IV, стр. 325 сл., рис. 362, 3; VI/VII, стр. 27 и 63.—Pétrie, *Naukratis*, I, табл. 37.—Gardner, *Naukratis*, II, табл. 18.

339. CR, VI/VII, стр. 324; египетского происхождения, повидимому, и скарабей из слоновой кости с изображением головы с клафтом: CR, IV, погребение 4, 4.

340. CR, VI/VII, стр. 324.

341. Б. А. Тураев. Скарабей с о. Березани. ИАК, 40, 1911, стр. 120.

342. CR, IV, погребение 178 (стр. 318).—Salzmann. *La nécropole de Camiros*, табл. 12.

343. Например: CR, VI/VII, погребение 31.

344. Б. В. Фармаковский. Архаический периоде России, П. 1914 (МАР, № 34), стр. 4 сл.

345. CR, VI/VII, стр. 302 сл.

346. Там же, стр. 16. Много статуэток Беса найдено на линдийском акрополе; Бес сближался родосцами, по мнению Блинкенберга, с тельхинами, Ов., 1905, стр. 111.

347. Bissing, *Anteil d. aegypt. Kunst*, стр. 9.

348. Her., II, 182; III, 47.

349. Lind. *Tempelchr.*, XXIX.

350. Her., II, 181; IV, 159. По преданию возлюбленной Амасиса был киренянка Ладика.

351. О панцире см. также: Ael., *pro An.* IX, 17.—Plin., HN, XIX, 12. Согласно Муциану, каждая пряда состояла из 365 нитей. В линдийской храмовой хронике каменные статуи были превращены автором хроники в золотые. Это вызывалось желанием показать, что дары Афине Линдийской превосходили по роскоши дары Амасиса, посланные им в Кирену, куда Амасис послал позолоченные статуи; отсюда выдумка о золотых статуях в Линде. В период составления хроники родосцам было важно подчеркнуть древнюю дружбу с Египтом, ибо Египет в этот период (II—I в-

до н. э.) был необходим Родосу для успешного развития родосской торговли.

352. Ср.: В. В. Струве. *История древнего Востока*, 2-е изд., «стр. 362: «Еще до падения Вавилона (в 538 г.) Амасис состоял в союзе

Грецией, с малоазийским государством Лидией, с греческой колонией в Африке Киреной и правителем Самоса Поликратом. Этот союз, созданный, повидимому, по инициативе Амасиса, мыслился как союз против растущего могущества персов».

353. Т. Н. Книпович, К вопросу о торговых сношениях греков., стр. 90 сл. Автор устанавливает, что первоначальным местом греческого поселения в Понте был о. Березань (конец VII в. до н. э.). Остальные греческие колонии не старше середины VI в. до н. э.

354. А. А. Иессен, Греческая колонизация, стр. 53 сл. Автор полностью присоединяется к мнению Т. Н. Книпович (К вопросу о торговых сношениях греков, стр. 106) о том, что VII в. до н. э. являлся периодом, когда впервые завязывались сношения греков с местным населением северного Причерноморья, на что указывают находки греческой художественной керамики, обнаруженные в различных районах этой территории. (Ср.: Иессен, там же, стр. 56—57). Ср.: Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 7.

355. Ср.: И. М. Лурье. *История техники древнего Египта*, в сб.: И. Лурье, К. Ляпунова, М. Матье, Б. Пиотровский, Н. Флитнер, ОИТ, стр. 210—217.

356. Ср.: Prinz, *Funde aus Naukratis.*, стр. III—112.—Mallet, *Premiers établissements grecs*, стр. 278 сл.—Blinkenberg, *Ov.*, 1905, стр. 123 (большое количество яиц страуса из Африки).

357. L. Hørgne. *Sea-Trade in Early Times*. *Antiquity*. September, 1941, стр. 245.

358. Ср.: Ed. Meyer. *Der Papyrusfund von Elephantine*, 2-е изд., Leipzig, 1912, стр. 32 сл.

359. Интересно отметить, что иудейские цари фактически организовывали, как видно из Второзакония (621 г. до н. э.), систематическую торговлю наемниками, обменивая их на коней, доставляемых саисскими правителями. См.: Ed. Meyer, там же стр. 34

360. H. R. Hall. *The restoration of Egypt*. САН, III, стр. 304. Ср. там же приведенную надпись.

361. Ср.: G. A. Wainwright. *Iron in Egypt*. *Journ. of Egypt. Archaeology*, XVIII, 1932, стр. 3—15.

362. Wainwright, там же, стр. 14—15.

363. Там же, стр. 15.

364. И. М. Лурье. *История техники древнего Египта*, стр. 212.

365. Ср.: Лурье, там же, стр. 200. «Повидимому, египтяне умели достигать в изготовлявшихся ими инструментах значительной твердости. Совсем недавно были опубликованы предварительные результаты анализа двух предметов: хирургического ножа и резца для обработки камня, произведенного в лаборатории Бельгийского музея искусств и истории (к сожалению, датировка этих предметов в опубликованном отчете не указана). Оказалось, что оба инструмента имеют столь высокую твердость, что, по словам отчета, «им нечего завидовать тем (инструментам,—Я. Л.), которые изготовляются из наших современных специальных сталей». В отношении хирургического ножа такая большая твердость была достигнута путем цементации (последовательной закалки), а в отношении резца — путем прибавления небольшого количества берилла».

366. Лурье, там же, стр. 236²238.

367. Возможно, конечно, что мнение о необычайной военной слабо-

- на северо-востоке Египта в сравнении с греческими несколькими городами несколько увеличено. Ср.: Malet, *Premiers établis. grecs*, стр. 39. Сравнение у Малле египтян с туземным населением Америки, встречающим на своих берегах „греков“ испанцев, конечно, неверно. Но первое впечатление от греческих гоплитов было довольно сильным и, вероятно, не скоро изгладилось.
368. J. D. Veazley and B. Ashmole. *Greek sculpture and painting*. Cambridge, 1932, стр. 5-6.
369. Эта легенда засвидетельствована уже Геродотом (Her., II, 182). Она же встречается и в других источниках: *Marm. Par.*, стр. 14-17.— *Diod. V, 58, 1*. Отголоски этой легенды: *Strab. XIV, 655*.— *Diod. Laert. I, 6*.— *Callim. fr. 105. Apollod., Bibl. 2, I, 4, 5-6*. Хеффер (M. W. Heffter. *Die Götterdienste auf Rhodos im Altertume*, 2, Zerbst 1829, 83 сл.) и Бекер (*Aug. Becker, De Rhodiorum primordiis*. Leipzig, 1882, стр. 115-117) видели в этом предании непосредственное отражение исторической действительности. Ван-Гельдер (*VG*, стр. 39-40), отрицая историчность этого мифа, считает возможным установить на его основании только наличие непосредственных отношений Родоса с Египтом и Родоса с Аргосом.
370. Так понимал роль Тлеполема в связи с легендой о дочерях Даная уже Рауль-Рошетт (*Raoul-Rochette, Hist. établis. col. grecques*, II, стр. 274). Блинкенберг (*Chr. Blinkenberg. Hermes, XLVIII, 1913*, стр. 242-243) считает, что первоначально миф гласил так: Данай прибыл с дочерьми на Родос, где в благодарность за данное ему указание, касающееся кораблестроения, он основал святилище Афины и три города, назвав их именами трех дочерей, умерших на Родосе. Блинкенберг предполагает, что Lindos, Kamiros, Ialysos, так же как и Rhodos, могут быть женскими именами; если же нет, то можно было образовать имена типа Lindo и т. д.
371. Блинкенберг (там же, стр. 243) говорит о двух „конкурирующих“ мифологических версиях легенды о возникновении родосских городов. Ср.: Пиндар (*Pind., Ol. II, 71/130 сл.*): «После того, как он (Зевс) создал новый остров, бог (Гелиос) породил от Роды семь сыновей, которые превосходили всех людей мудростью и искусностью. Один из них снова произвел на свет трех сыновей—Ялиса, Камира и Линда. Последние разделили остров между собой. Каждый взял себе город с прилегающей областью, и таким образом они поделились».
- Диодор (*V, 58, 1*): „В эти-то времена Данай с дочерьми бежал из Египта. Переплыв в Линд, что на Родосе, и будучи принят местными жителями, он воздвиг святилище Афины и посвятил изваяние богине. Из дочерей Даная три скончались во время пребывания в Линде, остальные вместе с отцом Данаем отплыли в Аргос».
- Блинкенберг, отстаивая свой тезис о разобщенности трех родосских центров, высказывает по поводу двух вышеприведенных вариантов легенды об основании Камира, Линда и Ялиса ряд остроумных, но, как нам кажется, недостаточно обоснованных соображений.
- Так, по его мнению, оба мифа конкурируют друг с другом. В обоих преданиях на первом плане стоит основание Линда (город и святилище здесь, по мнению автора, совпадают).
- В основе сказания о Гелиадах лежит ялиское предание, которое тем не менее уже в раннее время получило широкое распространение. Однако упоминающееся в нем основание храма Афины Линдии принадлежит уже линдийцам.
- Второе предание о Данаидах—линдийского происхождения. В Линде были налицо две основные группы населения: земледельческая и торговая. Земледельческое население чувствовало очень тесную связь с островом и со своими сородичами; оно обычно справляло праздник Гелиоса
- Мореходные же обитатели побережья устремлялись за пределы острова. Это были те, которые основали фактории в Египте, колонии на западе и востоке и создали из Родоса в отношении искусства и ремесла ионийскую провинцию.
- Блинкенберг считает, что „оба предания отчетливо несут следы этих двух различных слоев населения. Один из этих слоев считает основателями городов и культов родосской земли детей этой земли, другой, по определению Блинкенберга, „более интернационального характера“ — связывает основание Линда и линдийского святилища с изобретением мореходства и с приключениями из морской жизни: высадка, смертный случай, дальнейшее плаванье“ (*Hermes, XLVIII*, стр. 243-44).
- Единственно убедительным моментом в рассуждении Блинкенберга кажется нам его утверждение о принадлежности двух версий одного мифа двум разным центрам: Ялису и Линду. Остальное — сомнительно.
- Неясно, почему линдийские земледельцы должны отправляться для празднования в Ялис и почему Афина удовлетворяет их меньше, чем Гелиос. Не слишком убедителен и психологический анализ земледельческой и торговой группировок Линда.
- Гораздо умереннее и вернее предположение Ван-Гельдера: линдийское предание о Данаидах отражает торговые связи Родоса с Египтом и в частности с Навкратисом.
- Но и помимо ряда неясностей трактовка Блинкенберга находится в противоречии с его же гипотезой о разобщенности родосских городов.
- Земледельческое население Линда чувствует тесную связь со своими ялискими сородичами и совместно с ними справляет праздник Гелиоса. „Ялисская“ версия мифа оказывается, в сущности, „ялиско-линдийской“.
- Таким образом, и материал мифов свидетельствует лишь о наличии местных преданий в каждом из городов, но не дает повода устанавливать их разобщенность.
- Между тремя торговыми городами, расположенными на небольшом острове, до их слияния, несомненно, могло существовать торговое соперничество. Однако мы думаем, что торговое соперничество говорит не о разобщенности, а наоборот, как раз об отсутствии такой разобщенности. Оно доказывает, что три города входят в определенную систему торговых отношений и что их интересы переплетаются. При известных обстоятельствах, в первую очередь при колонизации и внешних сношениях, общность интересов этих городов обычно берет верх над местными противоречиями.
372. II, VI, 145-211; V, 472-490. Единоборство Сарпедона с Тлеполомом: II, V, 633 сл.
373. Her., I, 173; ср. How and Wells, *Commentary on Herodotus*, I, стр. 133-134.
374. Киклопы, по распространенной версии предания, считались выходцами из Ликийи; ср.: O. Treuberg. *Geschichte der Lykier*. Stuttgart, 1887, стр. 51 сл.—*Strab., VIII, 11,1* (Треубер считает вероятным источником Страбона — Гекатея).
375. Один из демонов ликийского города Тлоса назывался Bellerophon-teios (ср.: TAM, II, 2, 548a, строка 12), в Ксанфе—Iobateios (ср.: TAM, II, 1, 283 в, строка 1-2; 309, строки 1-2, 6-7; 313). В руинах Тлоса было найдено изображение борьбы Беллерофонта, в Термессе—его укрепления. Гроб Беллерофонта находился, по преданию, вблизи Ксанфа. Ср. Treuberg, там же, стр. 55 сл. Недалеко от Ксанфа Беллерофонт убивает хищную; о прибытии его в Ксанф ср.: FHG, III, 14 сл.
376. Ср. Treuberg, там же, стр. 62 сл.
377. В области Патары был дем его имени, ср.: St. Byz., s. v. С его

пребыванием в Патаре связано и его посвящение в Линдийской хронике (VIII). Совершенно очевидно, что здесь имеется в виду оракул, полученный Телефом от Аполлона в Патаре. По свидетельству Павсания (III, 3. %) в храме Афины в Фаселиде находилось копьё Ахилла, которым был ранен и позднее исцелен Телеф. Вероятнее всего, что эта реликвия довольно позднего происхождения и принадлежит к числу тех достопримечательностей, которыми жрецы заманивали народ в свои храмы. Между Патарой и Фаселидой существовала, повидимому, конкуренция, ибо в Патаре, в свою очередь, показывали бронзовый котел, посвященный в храм Аполлона Телефом; ср.: Paus., IX, 41, 1.

378. Треубер склонен видеть в Аполлоне ликийское божество; ср.: T r e u b e r, Gesch. d. Lykier, стр. 73 сл. Грозный (В. Н г о з н у. Die älteste Geschichte Vorderasiens u. Indiens. Praha, 1941, стр. 183) правильное говорит более обще об его малоазийском, может быть, хеттском, происхождении.

379. Это, может быть, указывает на страну, в которой еще были живы традиции материнского права.

380. Ср.: Н е г., I, 184. — T r e u b e r, Gesch. d. Lykier, стр. 82 сл.

381. T r e u b e r, там же, стр. 8.

382. Ср.: Ch. B é r a r d. Les phéniciens et l'Odyssee, I, 1902, стр. 336.

383. B é r a r d, там же, стр. 337.

384. T r e u b e r, Gesch. d. Lykier, стр. 5.

385. Plin., NH, XII, 9; XVI/137.

386. J. S u n d w a l l, Einheim. Namen d. Lykier, стр. 155 сл. — J. S t r z y g o w s k i. Kleinasien. Ein Neuland d. Kunstgeschichte. Leipzig, 1903, стр. 177.

387. Ср.: К. Хилинский. Предание о начале Ионии. ЖМНП, 1908, июль, стр. 284—302.

388. Ср.: А. Лаумоньер. Inscriptions de Carie. BCH, LVIII, 1934, стр. 304 сл., надпись № 4. В надписи упоминаются гергифы, образовавшие в Милете слой эксплуатируемого населения; вполне вероятно, что гергифы—остатки примитивного каро-ледегского населения, жившего в этом районе до заселения его греками.

389. II., V, 628—698.

390. Eusth., Shol. ad IL, V, 639.

391. Н е г., I, 173.

392. Ср.: О. Браунштейн. Die politische Wirksamkeit d. griechischen Frau. (Диссертация), Leipzig, 1911, стр. 15—16.

393. FHG, III, 461 (Nie. Dam., fr. 129). Треубер (T r e u b e r, Gesch. d. Lykier, стр. 119) считает, что источником Николая Дамасского мог быть Эфор или одно из собраний nomima barbarica.

394. FHG, III, 15.

395. S u n d w a l l, Einheim. Namen, d. Lykier, стр. 257 сл. J. S a v e l s b e r g. Beiträge z. Entzifferung d. lykischen Sprachdenkmäler, II, 1878.— I. I m b e r t. Les termes de parenté dans les inscriptions lyciennes. Mémoires de la Société de linguistique de Paris, VIII, 1894.

396. TAM, I, стр. 137.

397. Ср.: T r e u b e r, Gesch. d. Lykier, стр. 119.

398. Там же, стр. 118. — Н е г., VII, 98.

399. Ср.: А. R. Burn. Minoans, Philistines and Greeks B. C. 1400-1900 London, 1930, стр. 132.

400. Ср.: How and Wells, Commentary on Herodotus, I, стр. 134.— II, VI, 196—206.

401. Н е г., I, 176.

402. Ср.: V. B é r a r d. Inscriptions d'Olympos. BCH, 1892, стр. 214, 215,

218, 220; М» 4, 8, 32, 40. — Ср. также: TAM, II, 1, 322, 323, 327, 346, 347 и др.; II, 2: №№ 53, 628, 630, 631, 691, 692.

403. С I G, 4215; ср.: 4300.

404. I m b e r t. Les termes de parenté, стр. 468—469.

405. B é r a r d, BCH, VIII, 1892, № 9,29.

406. Там же, № 11, 28.

407. Там же, № 38; мать мужа: №№ 1, 6, 16, 18, 20, 43.

408. Там же, № 19.

409. Там же, №№ 3, 12, 23; ср.: TAM, II, 1, 323; II, 2, 691.

410. I m b e r t. Les termes de parenté, стр. 470.

411. J. I m b e r t. Études d'histoire lycienne. Le Muséon, XII, Louvain, 1893, стр. 235 сл.=TAM, I,25. _

412. С I G, 4316e, 4215; Auxesei Nanêidos; ср. подбор материала у Браунштейна: Braunstein, Polit. Wirksamkeit d. griech. Frau, стр.73—74.

413. Ср.: О. Бенндорф и Г. Ниеманн, Reisen in Lykien u. Karien, I, 1884, стр. 51—52. — TAM, II, 1, 176; IL 2, 601: Alexandros patros *adelu и Eutyches Klau(dias) Ueilias Prokies.

414. B r a u n s t e i n, Polit. Wirksamkeit d. griech. Frau, стр. 75.—Ср.: Е. Г. Кагаров. Пережитки первобытного коммунизма в общественном строе древних греков и германцев. Л., 1937, стр. 52 сл.

415. Ср.: T r e u b e r, Gesch. d. Lykier, стр. 123. — B r a u n s t e i n, Polit. Wirksamkeit d. griech. Frau, стр. 75-76.

416. Ср.: Кагаров, Пережитки... стр. 53. — Е. S. S z a n t o. Zum iyk. Mutterrecht. Festschrift Benndorf, 1898, стр. 259 сл. — K o h l e r — Z i e b a r t h. Stadtrecht von Gortyn. Göttingen, 1912, стр. 52.

417. А. Торг. Lykische Beiträge I. Skrifter udgivne af Viedenkabsselskabet. Christiania, 1898—1899, II, Historisk-filosof. Klasse, стр. 9 сл.—TAM, I, 36. — В. Томсен (V. T h o m s e n, Études lyciennes, I, Ov., 1899, стр. 61 и прим. 2) считает, что термин esedefinevi обозначает семью, а не потомство (род); Mnneteidehe, по его мнению, мог бы быть отцом, либо старшим братом строителя гробницы. Однако, по нашему мнению, при таком толковании остается неясным — почему жена и отец (либо брат) мужа помещаются в верхней камере, а муж с детьми — в нижней. Гораздо убедительнее предположение Торпа.

418. Imbert, Les termes de parenté, стр. 449 сл.

419. T h o m s e n, Études lyciennes, I, стр. 60.

420. J. J. V a c h o f e n. Mutterrecht u. Urreligion. Leipzig, 1927, стр. 166 сл. Этот свойственный первоначальному периоду авторитет женщины в хозяйстве и в доме, и ее первенство, как продолжательницы рода — неоспоримы. Интересно, что в период развитого патриархального строя в Риме преимущество женщины над мужчиной, ее право давать ребенку свое имя используется римскими рабовладельцами в классовых интересах, применительно к рабням. В брачных отношениях право рабыни на своих детей было сохранено как ius naturale, в противовес ius civile, праву свободнорожденного отца на потомство женщины-жены; ср.: V a c h o f e n, там же. Иначе говоря, то, что в Ликии было правом знатной и богатой женщины, в Риме стало средством унижения рабыни, средством отказа ей в праве на семью.

421. R. H e b e r d e u y. E. Kaiinka. Bericht über zwei Reisen im Südwestlichen Kleinasien, № 60, стр. 41. Denkschriften d. K. Akad. d. Wissensch, Philos.-Hist. CL, XLV, Anh. I, Wien, 1897. В этой надписи из 7-ми или 8-ми столбцов текста сохранилась большая часть 6-ти столбцов.

422. Обычай угрожать штрафом и наказаниями богов в случае нарушения покоя гробницы (такой угрозой заканчивается каждая ликийская надгробная надпись) широко распространен вообще в районах Малой

Азии и восходит к глубокой древности. Ср.: G. W. Elderkim. The twenty-Sixth Lydian Inscription. AJA, XXXVII, 1933, № 3, стр. 391, прим. 2.

423. Ср. существенные поправки и дополнения к надписи у Вильгельма (A. Wilhelm. Zu griechischen Inschriften. Arch. Ep. Mittheil., XX, 1897, стр. 77 сл.), поправки которого и приняты мною в тексте.

424. Вильгельм (A. Wilhelm, там же) предлагает следующее чтение (строка 7 сл.) [arhei (de?) to] genos apo te Kle[andru kai Amykla] Lakedaimonilōn) и далее (строка 10-11) читать вместо tēn [oijkian—ten [aroi]kian. Таким образом, цель этой генеалогии возвести данный род кибаритян к лакедомонским ойкистам и доказать эллинское происхождение рода.

425. Ср.: Л. Г. Морган. Древнее общество. (Пер. М. О. Косвена). Л., 1934, стр. 200—201: «Доказательства того, что у греческих племен происхождение в древности считалось по женской линии, мы находим в отдельных примерах брака, относящихся к легендарному периоду. Сальмоней и Кретеи были родными братьями, сыновьями Эола. Первый отдал свою дочь Тиро замуж за ее дядю. При счете по мужской линии Кретеи и Тиро принадлежали к одному и тому же роду и поэтому не могли бы вступить в брак; напротив, при счете по женской линии они принадлежали к различным родам и, следовательно не были в родстве (разрядка моя—К. /С). В данном случае их брак не нарушал родовых порядков».

426. Я. А. Ольдерогге. Энгельс и проблема происхождения отцовского рода. ВИДО, 1936, стр. 859.

427. Ольдерогге, там же, стр. 860.

428. Heberdey-Kalinka, Bericht über zwei Reisen, № 61—63.

429. Heberdey-Kalinka, там же, № 41.

430. Там же, II, № 37; ср. № 38.

431. Там же, II, № 40.

432. Ср.: G. Cousin. Inscriptions de Termessos de Pisidie. BCH, XXIII, 1889, стр. 283, № 64.

433. Polyb., XII, 5, 6—9; 66, 2.

434. Подробнее об эпизефирских локах с разбором литературы, см. Кагаров, Пережитки первобытного коммунизма, стр. 66 сл. Отрицание историчности предания об эпизефирских локах в работе Криспо. С. F. Crispo. Contributo alla storia della più antica civiltà della Magna Grecia, 1941, стр. 145 сл. и особенно 169 сл. Основой для отрицания некогда бытовавшего матриархата для автора служит аристократический строй локров и обычай называться по отцу и наследовать имущество по мужской линии. При этом, однако, автор игнорирует противоречащие его точке зрения мифологические и эпиграфические свидетельства. Наименование по отцу не всегда исключает наличие в обществе элементов матернитета; локрийская надпись с наименованием по матери свидетельствует о существовании двух форм наследования. Передача клеров по мужской линии, распространенная в более поздние периоды развития эпизефирских локров, не может, однако, служить доказательством исконности этого обычая. Критика свидетельств Полибия и Тимея у Криспо произвольна и тенденциозна.

435. W. A. Oldfather, RE, XXV, стр. 1255 сл.

436. IG, IX, 1, 1072.

437. Arist. Pol. 1269в, 9.

438. L. Ross, Kleinasien u. Deutschland, стр. 8 сл., 15 сл.

439. H. Stemler. Die Griechischen Grabinschriften Kleinasiens. (Диссертация), Halle a. S., 1909, стр. 10.

440. В надписях, как отмечает Штемлео (Stemler, там же), эти погребения называются обычно ensoria, eisōstai hvoōstai и реже entomis и sekos.

441. Stemler, там же, стр. 22—23

442. Ср.: O. Benndorf. Zur Stele Xanthia. ÖI, III, 1900, стр. 120.

443. Ср.: Treuber, Gesch. d. Lykier, стр. 129 сл. Треубер считает древнейшим видом ликийских погребений каменные гробницы, восходящие к четырехугольным скальным пещерам. Лишь позднее эти пещеры стали оформляться снаружи фасадом, восходящим по форме к деревянным постройкам ликийских домов с плоской земляной крышей. Древним типом погребений Треубер считает и храмообразные каменные гробницы, архитектурно зависящие, по его мнению, от более простых каменных погребений. Многие ученые, в том числе и Треубер, считают, что архитектура этот стиль на их большую древность указывают. Однако Бенндорф рассматривает этот вид погребений, как наиболее поздний и возникший под греческим влиянием. О подражании ликийских гробниц деревянным постройкам говорил еще Фелловс (Ch. Fellows. Ein Ausflug nach Kleinasien und Entdeckungen in Lycien. Leipzig (1893), стр. 232—233).

444. Her., I, 176.

445. И. VI, 194.

446. II, XII, 376; XVI, 495, 532.

447. II, XVI, 419.

448. Ср.: G. F. Hill. Brit. Mus. Catalogue of the Greek Coins of Lycia, Pamphylia and Psidia, London, 1897, стр. 19 сл. — Head, стр. 688. Ср. H. Droysen. Die Münzen der persischen Satrapen in Kleinasien. Ztschr. für Numismatik, II, Berlin, 1875, стр. 312. Ликийские династы, повидимому, и при персидском владычестве сохраняли большую свободу и независимость. Ср.: O. Benndorf. Zur Stele Xanthia, стр. 119. См. также: J. P. Six. Monnaies Lyciennes. Revue Numism. Française, 1886—1887, стр. 88.

449. FHG, II, 217 (Heracl. Pont., fr. 15).

450. Ср.: Burn, Minoans, Philistines a. Greeks, стр. 108.

451. Ср.: Treuber, Gesch. d. Lykier, стр. 89.

452. Ср.: Beloch, Griech. Gesch., I, 2, стр. 235.

453. FHG, III, 28; 29, 1; Athen., VII, 297 F.

454. Steph. Byz., s. v. Та же фабула и в рассказе об основании Тельмисса и Галеота.

455. FHG, IV, 428.—Athen., VII, 297. О жертвоприношении рабов в Фаселиде см.: FHG, IV, 429.

456. Ср.: O. Immisch. Klaros. Forschungen über Geschichte Stiftungssagen. Jahrbücher f. class. Philologie, XVII, 1889; см. также в словаре Рошера статьи о Лакии (Stoll), Манто (Immich) и Мопце (Höfer): Roscher, Lex. Picard (Ch. Picard. Ephèse et Claros. Paris, 1922, стр. 107—108 и 459) считает первоначальной версию критского происхождения Ракия (Лакия) и связывает эту легенду с выводом в этот район критской колонии (ср.: там же, стр. 543—544).

457. Мюллер (K. O. Müller. Die Dorier. Breslau, 1824, стр. 113—114) склонен объяснить такое колебание традиции уважением родосских городов к Аргосу.

458. Ср.: Immisch, Klaros, стр. 142.—St. Byz., s. v.

459. Ср.: Immisch, Klaros, стр. 334.

460. Там же, стр. 137—138.

461. FHG, IV, 479.—Athen., VIII, 333 D.—St. Byz., s. v. Вполне возможно, что и гадание на воде в Кларосе и гадание на берегу моря с

прикармливанием рыб — проявление одних и тех же догреческих верований и обычаев.

462. IG, XII, 1, 695.

463. Ср.: J. Keil. Die ephesischen Chiliastyen. ÖI, XVI, Wien, 1913 стр. 246; может быть, диалектическая параллель к нему Alemenias, как предполагают Бехтель-Фик (Beschel-Fick. Griech. Personennamen 2-е изд., стр. 52, прим. матерьял (J. Keil, там же, стр. 246, прим. 6). Тлеполема

1907, 464. Ср.: В. Детмергилл. Inscriptions of Colophon. Amer. Journ. Phil. LVI, 4, 1935, — Col., III, 254; IV, 422; VI, 486; Artemidion (Hekla [t]onuma He-

465. М. И. Кузнецов. Описание древности Родоса. — В. Детмергилл. Inscriptions of Colophon. Amer. Journ. Phil. LVI, 4, 1935, — Col., III, 254; IV, 422; VI, 486; Artemidion (Hekla [t]onuma He-

466. Писанский. — В. Детмергилл. Inscriptions of Colophon. Amer. Journ. Phil. LVI, 4, 1935, — Col., III, 254; IV, 422; VI, 486; Artemidion (Hekla [t]onuma He-

467. Ср.: How and Nichols, Commentary on Herodotus, I, стр. 123.-Bürchner. Ephesos. RE, Hlbb. X, стр. 2787. В этом видят следы восточного влияния, которое сказалоь и в делении на 5 фил, вместо обычных для Ионии четырех.

468. Из других параллелей следует обратить внимание на наличие в Эфесе Kretinaion, по преданию предшествовавшее основанию города; ср. и Kretinia в Камире, откуда и Kretinadai; наемники Ялиса и Колофона в Абу-Симбеле и, следовательно, в Дафнах; Ортияга—одно из наименований и Эфеса и Родоса. Ср. также культ рыбы в Фаселиде, hydromantia в Колофоне и рыбу, по преданию, указавшую место для основания Эфеса: Клеофил у Афиней: Ath., VIII, 361, с-е.

469. Her., VII, 92. Правда, krane, не точно соответствуют войлочным шлемам, украшенным перьями, о которых говорит Геродот. Как правило, историки Родоса стремились лишь к правдоподобности изображаемых событий.

470. Ср.: T r e u b e r, Gesch. d. Lykier, стр. 21 сл.—St. Byz., s. v. Pisi-dia.—Plin., HN, VI, V, 34.—Eusth. ad II, 121.

471. Эту противоречивость традиций не трудно объяснить, ибо первая традиция исходила из объяснения странного религиозного ритуала фаселитян: ежегодного принесения в дар соленой рыбы туземному божеству; родосская же традиция отражала долгую вековую вражду с ликийцами, остававшуюся и в эллинистическо-римский период.

472. Ov., 1912, стр. 373.

473. C. Ritter. Erdkunde, XIX, 2, Berlin, 1859, стр. 757.

474. F. Beaufort. Karamania or a brief description of the South Coast of Asia Minor. 1818, 2-е изд., стр. 56—70. В Фаселиде побывал и Фелловс (Fellows, Eiu Ausflug nach Kleinasien), но очень короткое время, а также Шпрот и Форбс (Spratt и Forbes. Travels in Lycia, Milyas and the Cibarytis. London, 1847, 1, стр. 195 сл.), но в отношении самой Фаселиды они ссылаются на мастерское описание Бофорта. Разрушения берега и руин, вследствие хрупкости каменных пород, сильных ветров и морских волнений, происходят очень быстро. То, что описывал Бофорт, многие уже не видели и даже он сам, посетив Фаселиду вновь через год, обнаружил большие разрушения.

475. Ср.: Ath., XV, 683b-с.

476. Liv., XXXVII, 23.—Cic. ad Verr., IV, 10.

477. Beaufort, Karamania .., стр. 64—65.

478. Там же, стр. 65.

479. Там же, стр. 61—62.—R i l l e r, стр. 761.

480. Paus., III, 378.

481. Треубер (T r e u b e r, Gesch. d. Lykier, стр. 67) считает Телефа

одним из героев Ликии. На Родосе супруга Телефа Астиохея называлась

CTp. Иβτρλλ' P. Фридендер Friedländer. Herakles. обращает имя Телефа. Абу-Симбелской надписи носил имя Телефа. Ликии Ликии

этого обсаз Телефа занесен из Ликии и на и

быть копье ранившее Телефа и

реликвия старины, было одновре- Ахилла над пораженным героем

Ликии? С другой стороны, наличие этого копия в храме фаселитян могло 'служить одним из вещественных доказательств древности самого города.

Ср.: В e l o s h, Griech. Gesch., I, 1, стр. 261, прим 3 482. Beaufort. Karamania..., стр. 66 ел

483. Там же, стр. 60.

484. Там же, стр. 62 сл.—R i l l e r, Erdkunde, XIX, 2, стр. 761.

485. Наиболее ранняя надпись—договор между Мавсолом и фаселитянами (между 377—353 гг. до н. э.) Ср.: SGDI, 4259.

486. Her., II, 178.

487. Thuc, I, 69.

488. Ср.: Arrian, Anab. I, 26.

489. Ср.: Plut, Alex., 17. Подробнее об этом переходе Александра см.: Т. Дройзен. История эллинизма, I, стр. 125—126.

490. Ср.: Head, стр. 696—697. Может быть, по имени PhasêTis и phasêlos?

491. Ср.: Arrian, Anab. I, 24.

492. Plut., Cim. 12.

493. Ср.: T r e u b e r, Gesch. d. Lykier, стр. 79. Ср.: GGM 1,74 (Scyl. Cary-and, fr. 100).

494. Ср.: F. Beaufort, Karamania..., стр. 9.

495. Ch. Fellows, Ein Ausflug nach Kleinasien..., стр. 269. Фелловс отмечает, что все женское греческое население Каствелорицо носит древние украшения, унаследованные от матерей и восходящие к древне-греческим образцам.

496. Ср.: J. I m b e r t. La ville d'Antiphellus et un passage d'Hérodote. Le Muséon, Revue internationale, X, 1891, стр. 267—269. Автор считал этот город первоначально карийской колонией. Гекатей у Стефана Византийского (St. Byz., s. v. Phellos) считал, что оба города находятся в Памфилии. Отсюда Треубер (T r e u b e r, Gesch. d. Lykier, стр. 89—90) заключает, что обладание родосцами Мегисте делало невозможным для ликийцев захват этого района.

497. Et. Magnum, s. v. Gagai. Две легенды, приведенные здесь, несомненно являются искусственным этимологическим осмыслением негреческого названия Gagai. Сундваль (S u n d w a l l, Einheim. Namen d. Lykier, стр. 92—93) объясняет имя Gagai ЛИКИЙСКИМ корнем.

498. St. Byz. s. v.

499. Et. Magnum, s. v. Здесь и в другом употреблении того же слова lêisteuontes, что и в уже известном нам фрагменте Гераклида Понтийского. Если здесь и нет прямого заимствования из рассказа Гераклида о ликийцах, то налицо древняя устойчивая традиция о нападениях ликийских пиратов на родосские корабли и о постоянных военных столкновениях родосцев с ликийцами

Заключение

1. Ср.: Head, стр. 637 сл. Это указывает на связи Камира с Эгейским морем, Критом и Пелопоннесом и на связи Линда с востоком. На монетах Камира — лист платана, на монетах Линда — львиная голова.

2. История взаимоотношений с персами отражена храмовой хроникой Линда в рассказе об явлениях Афины Линдии. В хронике события излагаются так: флот Дария, выведенный на греков, прежде всего подошел к Родосу. Все жители острова укрылись в разных укреплениях и, главным образом, в Линде. Осажденные в Линде граждане сильно страдали от недостатка воды, и Афина, явившаяся одному из граждан, объявила, что она попросит воды у Зевса. Над Линдом пошел дождь, тогда как осаждавшее город войско персов оставалось без воды. Тогда Датис, потрясенный этим чудом, снял осаду, заключил дружбу с линдийцами и посвятил богине дары. Здесь мы имеем дело с исторической фальсификацией в целях реабилитации связи родосцев с персами в период греко-персидских войн. Разбору этого и других явлений Афины посвящена статья С. А. Жебелева, Явления Афины Линдийской. Сб. в честь проф. Ф. А. Брауна. ЗНО, вып. VIII, 1915, стр. 23—30. У Геродота нет особых упоминаний о родосцах и Родосе; напротив, Геродот отмечает, что в 491 г. до н.э. все островитяне, кроме наксосцев, дали землю и воду вестникам Дария (Нер., VI, 49 и 95).

3. Plut., Them. 21.

4. Diod., XI, 3, 8.

5. Членом этого рода был и Диагор, победивший в кулачном бою на Олимпийских играх в 461 г. до н.э. Пиндар воспел его подвиг в оде, высеченной затем на стене линдийского храма позолоченными буквами, ср.: FHG, IV, 410.

6. Xen., Hell., I, 5, 19. — Paus., VI, 7, 4.

7. Thuc., VIII, 44, 1.

8. Там же, 44, 2.

9. Ov., 1905, стр. 34 сл. — SIG, ПО.

10. SIG, 183, 5.

11. ЖМНП, 1908, стр. 19 (Придик). — SIG, прим. 4 к № 110.

12. Ср. раздел „Навкратис“, прим. 317.

13. Diod., XIII, 38.

14. Ov. 1905, стр. 47. Той же точки зрения придерживается, повидимому, и Гиллер (Hiller. RE, Supplb. V, стр. 763).

15. Ср. сообщение Андротиона у Павсания: Paus., VI, 7 (FHG, I, 376, fr. 49). В 395 г. до н.э. во время переворота в городе Родосе, руководимого Кононом, Дорией спасся бегством, но был пойман спартанцами в районе Пелопоннеса, доставлен в Спарту и приговорен к смерти. О политической борьбе на Родосе, см.: К. М. Колобова. *Из истории классовой борьбы на Родосе. ВДИ, Ms 2 (3), 1938, стр. 80 сл.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ — Вестник древней истории.

ВИДО — Вопросы истории доклассового общества. Сборник статей к 50-летию книги Фр. Энгельса „Происхождение семьи, частной собственности и государства“. Издание АН СССР, М.—Л., 1936.

ЗВО — Записки восточного отделения Русского археологического общества.

ЗНО — Записки Неофилологического общества при Петербургском университете.

ИАК — Известия Археологической комиссии.

Изв. ГАИМК — Известия Государственной Академии Истории Материальной Культуры.

МАР — Материалы по археологии России.

ОИТ — Очерки по истории техники древнего Востока, изд. АН СССР, М.—Л., 1910.

Проблемы ГАИМК — Проблемы Государственной Академии Истории Материальной Культуры.

Селиванов — С. Селиванов. Очерки древней топографии островов Родоса. Казань, 1892.

Сообщ. ГАИМК — Сообщения Государственной Академии Истории Материальной Культуры.

Abh. Berl. Akad. — Abhandlungen d. Preuss. Akademie d. Wissenschaften zu Berlin, Philos.-hist. Klasse.

AD — Αρχαιολογικῶν Δελτίων τῆς Δημοσίας ἐκπαιδευτικῆς.

AJA — American Journal of Archeology.

AM — Mittheilungen des deutschen arch. Inst. Athenische Abteilung.

An. — Annuario della R. Scuola Archeologica di Atene e delle Missioni Italiani in Oriente.

Arch. Ep. Mittheil. — Archaeologisch-epigraphische Mittheilungen aus Oesterreich-Ungarn.

Arch. Jahrb. — Jahrbuch des deutschen archaeologischen Instituts.

ASA — Annales du service des Antiquites de l'Egypte.

ASS — Archivio storico Siciliana, N. S., Palermo.

BA — Bolletino d'Arte del Ministero della pubblica Istruzione.

BCH — Bulletin de Correspondance Hellenique.

Bezenb. Beiträge — Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen hsg. v. A. Bezenberger.

BPI Bolletino di Paleontologia Italiana.

BSA — Annual of the British School at Athens.

САН — Cambridge Ancient History.

CIA — Corpus Inscriptionum Atticarum.

CIG— Corpus Inscriptionum Graecarum.
 CR — Clara Rhodos.
 ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua.
 Εφ. — Εφημερίς Αρχαιολογική.
 Et. Gudian. — Etymologicum Gudianum.
 Et. Magnum — Etymologicum Magnum.
 FHG — Fragmenta Historicorum Graecorum (C. Müller).
 GG Anz. — Göttingische Gelehrte Anzeigen.
 GGM — Geographi Graeci Minores (C. Müller).
 IG — Inscriptiones Graecae.
 JHS—Journal of Hellenic Studies.
 Head — B. V. Head, Historia Numorum. 2-е изд., 1912.
 LBW — Lebas — Waddington. Voyage archeologique en Grece et en Asie Mineure, HI, Paris, 1876.
 Lind. Tempelchr. — Chr. Blinkenberg. Die lindische Tempelchronik, neu bearbeitet. (Lietzmann's Kleine Texte, 131), 1915.
 Lind. — Chr. Blinkenberg. Lindos, II, 1—2, Paris, 1941.
 MA — Monumenti antichi pubblicati per la cura dell'Accademia dei Lincei. Mem. Ac. Lincei — Memorie della R. Accademia Nazionale dei Lincei, Cl. di Scienze, Morali, Storiche e Filologiche.
 Mem. Ist. Lomb. — Memorie del Istituto Lombardo di Scienze e Lettere. Michel — C. Michel. Recueil descriptions Grecques, 1900—1912.
 Newton, Brit. Mus — C. T. Newton, The Collection of anc. Greek Inscript. in the British Museum, II, 1888.
 NS — A. Maiuri. Nuove Silloge epigrafica di Rodi e Cos. Firenze, 1925.
 NSc. — Notizie degli Scavi di Antichita, Roma.
 Ov. — Oversight over det Kong. Danske Viedenskabernes Selskabs Forhandlingler.
 öl — Jahreshelte des österreichischen archaeologischen Instituts.
 Ox. P.—The Oxyrhynchus Papyri. P. XVIII, ed. by E. Lobel, C. H. Roberts a. E. P. Wegener. London, 1941.
 RA — Revue Archeologique.
 RE — P a u l y — Wissowa-K roll. Real-Encyclopaedie der classischen Altertumswissenschaft.
 REG—Revue des etudes grecques.
 Rend. L. — Rendiconti della R. Accademia dei Lincei. Cl. di Scienze, Morali, Storiche e Filologiche.
 Rev. de Phil.—Revue de Philologie, de litterature et d'histoire ancienne.
 Riv. Fit. — Rivista di Filologia.
 Riv. St. Ant. — Rivista di storia Antica.
 RM — Rheinisches Museum für Philologie.
 Rom. M. — Mittheilungen d. Deutsch. Archaeol. Instituts in Athen, Rom. Abteilung.
 Roscher, Lex. — Roscher. Ausführliches Lexicon d. griech. u. röm. Mythologie.
 SB — Sitzungsberichte.
 SGDI — H. Collitz, F. Bechtel, Sammlung d. griech. Dialekt-Inschriften, III, Göttingen. 1899.
 SIG — G. Dittenberger. Sylloge Inscriptionum Graecarum. 3-е изд.
 TAM — Tituli Asiae Minoris, enarr. E. Kailinka.
 VG — H. Van-Gelder. Geschichte d. alten Rhodier. Haag, 1900.
 Wood, Disc. at Ephesus — J. T. Wood. Discoveries at Ephesus, including the Site and Remains of the Great Temple of Diana. London, 1877.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Введение	11
Глава I. Родос микенской поры	17
1. Микенские некрополи	17
2. Афина Линдия	31
3. К вопросу о тельхинах	45
4. К истории одной фрески	52
Глава II. Архаический Родос	66
1. Родосское трехградие	66
2. Проблема «финикийской» колонизации	71
3. Греки и финикийцы. Ориентализирующий стиль	76
4. Политический строй раннего Родоса	83
5. Родовые организации на Родосе	88
6. Родосские демы	121
Глава III. Родосская колонизация VII в. до н. э.	143
1. К вопросу о причинах греческой колонизации VIII—VII вв. до н. э.	143
2. Гела	169
3. Кирена	194
4. Дафны и Навкратис	198
5. Ликия и Фаселида	230
Заключение. Родос на пути к объединению	259
Примечания	267
Список условных сокращений	337